

КРАЕВЕДЫ МОСКВЫ

850
летию
МОСКВЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

КРАЕВЕДЫ МОСКВЫ

Московский
рабочий
1991

ББК 26.891(2—2М)
К78

Краеведы Москвы: Сборник. Вып. 1 / Сост.:
К78 Л. В. Иванова, С. О. Шмидт.— М.: Моск. рабочий, 1991.— 288 с.: ил.

Круг историков и краеведов Москвы начиная с XVIII века и до наших дней довольно широк, он включает профессиональных историков, архивистов, художников, искусствоведов — людей самых разнообразных профессий, которые посвятили свое творчество Москве. Такого рода издание биографических очерков о москвоведах предпринимается впервые.

Рассчитано на широкий круг читателей.

К $\frac{5002000000—151}{М172(03) — 91}$ 156—91 ББК 26.891(2—2М)

ISBN 5—239—01132—X

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятие «краеведение» закрепилось в нашем языке лишь около ста лет назад, хотя и восходит к одному из давних значений слова «край»: страна, область, местность. Слова «краеведение» нет ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, ни в энциклопедическом словаре, издававшемся Брокгаузом и Ефроном. В «Академический словарь русского языка» (1916) оно уже включено. И важно то, что изначальный смысл слова подразумевает не просто сведения о чем-то, но и путь познания и распространения этих знаний. «Ведение», по словарю Даля, это не только «знание, познание, разумение, сведение, понимание», но и «состояние ведающего».

В настоящее время утвердилось понимание краеведения и как науки и как научно-популяризаторской деятельности определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо края во всем многообразии тематики, и как общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. По верному определению академика Д. С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки».

Краеведное знание — обычно комплексное знание и природы и общества, знание не только историческое, но и историко-культурное, историко-экономическое; не просто географическое, но и географо-биологическое, географо-астрономическое. А часто одновременно его можно отнести к сферам и гуманитарного и естественнонаучного знания.

Краеведение — это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного; метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи, учитывающий не только выводы научных теорий, но и первичные наблюдения обычной житейской практики.

Краеведение поэтому является (или становится) и школой познания методики мышления, и школой воспитания — воспитания куль-

турой (а основа культуры — «память», и, следовательно, можно говорить о «воспитании историей»), школой становления и закрепления представлений о взаимосвязях в природе и в обществе, о взаимосвязи природы и общества, о взаимосвязях наук.

Краеведное знание убеждает в каждодневной необходимости обращения к опыту прошлого (и позитивному и негативному) и в то же время облегчает выработку форм творческого общения людей разных поколений, разного уровня образованности и специальной подготовки (научной или художественной, в области рукомесел). Тем самым краеведение становится и школой воспитания уважения к опыту старших, к истокам нашим.

Краеведение — не только познание края; и история краеведения — не только изучение данных о таком познании в прошлом. Это всегда и отбор, а зачастую и совершенствование того, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений — в быту, в природопользовании, в сельском хозяйстве, в промыслах, в материальной и духовной культуре и конечно же в сфере нравственности.

Подлинное краеведение всегда — краелюбие. Воздействие его велико и на разум наш, и на душу, и на сердце. В этом-то главный смысл часто повторяемых слов Пушкина о любви к отеческим гробам, любви к родному пепелищу: «В них обретает сердце пищу». И потому-то так важно и для настоящего и для будущего возбудить краеведческий настрой у молодежи, у школьников, привить им навыки краеведческой культуры.

Краеведческая культура — одна из основ корневой культуры человека, а следовательно, и его нравственности, гражданственности. Такой она остается и в век высокой технической цивилизации и даже тогда, когда он насыщен социальным реформаторством. И это особенно стало очевидно после того, как краеведению был нанесен на рубеже 1920—1930-х гг. невосполнимый урон, столь тяжко отразившийся на развитии нашей культуры и нравственности.

Краеведные исторические знания — фактологическая опора первоначальной устной и письменной традиции. Эпоха, к которой восходят устные и письменные предания о Москве,— XII век. А по крайней мере в XVI в. выявились уже представления о знаменательной роли Москвы в ходе отечественной истории, что прослеживается и по общерусским летописям (точнее сказать, летописи общероссийского содержания), где Москва — наследница величия Киева и Владимира, а московские князья и митрополиты — продолжатели традиций общероссийской государственности, и по местным летописям (т. е. летописям местного происхождения и посвященным преимущественно событиям местной истории), обычно кратким, где полагалось отмечать и особенно памятные события, происходившие в Москве или при действенном участии москвичей. Примерно с XVI в. осознается уже и роль

Москвы во всемирной истории. Схема эта затем перейдет в обобщающие исторические труды ученых, начиная с «Истории Российской» В. Н. Татищева.

Со времени распространения в России собственно научных знаний и понятий об источниках таких знаний можно говорить уже и о том, что мы называем теперь москвоведением, и соответственно о его роли в развитии краеведения и науки в целом. В XVIII в. сформировалась и традиция тесной взаимосвязи краеведения с академической наукой, традиция, характерная именно для отечественного краеведения. Виднейшие тогда ученые придавали большое значение краеведным знаниям как одной из основ и историко-культурных, и экономических, и географических представлений. Знаменитый историк и писатель начала XIX в. Н. М. Карамзин (имевший звание Историографа) уже после огромного успеха первых томов «Истории государства Российского» (где множество данных о прошлом Москвы, особенно в примечаниях) составил «Записку о московских достопамятностях» — своеобразный путеводитель по Москве и там образно сформулировал мысль: «Кто был в Москве, знает Россию». Так закреплялась традиция «большой» исторической науки в плане изучения Москвы и ее прошлого, которую можно условно назвать карамзинской.

Наиболее глубокое воплощение в XIX столетии она получила в трудах И. Е. Забелина — автора исследований и о Москве и о быте России, основным материалом для которых послужили также прежде всего сведения о московской жизни. О Москве, ее роли в истории и развитии культуры, о московских событиях и московских «достопамятностях», об уроженцах Москвы и деятельности других известных людей в Москве немало писали .Ф. И. Буслаев и С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и П. И. Бартенев, В. О. Ключевский и В. К. Иконников, С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков, М. А. Дьяконов и М. М. Богословский, Ю. В. Готье и С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский и С. В. Бахрушин, М. О. Гершензон и Н. К. Пиксанов, И. Э. Грабарь и А. И. Некрасов, Н. М. Дружинин и М. Н. Тихомиров, В. К. Яцунский и Н. Л. Рубинштейн, А. В. Арциховский и Л. В. Черепнин и другие ученые, отличавшиеся широтой диапазона их исследовательской проблематики. Между тем место москвоведения в биографиях отдельных ученых, известных трудами иной (или: и иной) проблематики, в истории деятельности научных учреждений, обществ, изданий до сих пор должным образом не выявлено. Не определено и значение в общественной жизни, в развитии исторической мысли и в организации исследований составления коллективных трудов по истории Москвы и ее окрестностей, по истории Московского университета и др., а также обобщающего типа трудов по истории всей страны или отдельных областей культуры и экономики, где выделены явления московской жизни, страницы «биографии» Москвы.

Давно отмечен, но также еще не оценен в плане развития науки факт постоянного обращения авторов монографических исследований и трудов обобщающе-постановочного типа к наблюдениям краеведов, к локальному московскому материалу. Напомним об общеизвестном: установление отраженных в названиях улиц данных о ремесле, торговле, взаимосвязи города и деревни, о новопоселенцах оказывается важным для обобщающего характера выводов по социально-экономической истории и демографии, наблюдения о карте города в развитии имеют существенное значение для понимания представлений людей средневековья и нового времени о городе и городской жизни вообще, о системе оборонительных укреплений, об архитектурном ландшафте во взаимодействии с природой и т. д. Или данные о Пушкине и Льве Толстом, о Вернадском и Шаляпине в Москве, о пребывании в Москве Ленина и его адресатах, конечно же, имеют значение для познания жизни и деятельности великих людей и важных событий общественной жизни и истории культуры.

Особенно велико значение конкретных исследований краеведной (краеведческой) тематики для становления специальных исторических наук (исторической географии, источниковедения, археографии, генеалогии, геральдики, сфрагистики, нумизматики, метрологии и др.), и их научной терминологии, истории искусств и материальной культуры, для методики атрибутирования и описания памятников истории и культуры в музеях и архивах.

Известно, что главными центрами развития научной мысли и средоточения научных сил в период распространения понятия «краеведение» были Петербург (Петроград — Ленинград) и Москва.

Но для развития науки краеведения особое значение имело то, что история Петербурга начиналась с XVIII столетия, труды же по истории Москвы и археологические раскопки в Московском крае давали материалы для исследования многих проблем истории России с древнейших времен. Следует иметь в виду и то, что в ту пору, когда Москву именовали «порфироносною вдовою», там в большей мере, чем в официальной столице, развивалась деятельность различных общественных организаций исторического уклона (в их числе и по истории церкви, церковной «археологии»), а Московский университет и существовавшее при нем Общество истории и древностей российских, а затем и Московское археологическое общество, возглавляемое А. С. и П. С. Уваровыми, созывавшее съезды археологов России, имели более тесные и многосторонние связи с российской провинцией. Велика роль в развитии краеведения на местах и Московского архива Министерства юстиции (где сосредоточены важнейшие документы по истории феодальной России) и его директора академика Н. В. Калачова — инициатора организации губернских ученых архивных комиссий.

В 1920-х гг. Москва и Ленинград стали и лабораториями краеведческих знаний, целенаправленного формирования методики и практики, приемов краеведческой деятельности в нашей стране, музейного дела, архивного дела, библиографии, педагогики. Москвоведение, опирающееся на достижения «большой науки» и в значительной мере осуществляемое учеными деятелями этой «большой науки» (в 20-е гг. краеведению отдавали силы и академики, а для будущих академиков, таких, как Н. М. Дружинин и М. Н. Тихомиров, оно стало школой исследовательской и научно-популяризаторской работы), воздействовало на развитие краеведения во всей стране. Изучение города Москвы или Московского края в целом, отдельных местностей, промышленных предприятий, усадеб и деревень, учреждений (в частности культурных, научных, учебных, театров, музеев, архивов и др.), памятников истории и культуры, местных обитателей и их быта, деятельности известных уроженцев или жителей Москвы предопределяло во многом пути краеведения в целом (и особенно той его области, которую в 1920-е гг. называли «городоведением»), уровень его методики, способствовало расширению научно-исследовательской и культурно-просветительской проблематики краеведческой работы.

Разгром краеведения в 1929—1930-е гг., когда видных краеведов объявили представителями контрреволюционной идеологии и устранили из общественной жизни, закрыли много краеведческих музеев и изданий, привел к резкому снижению научного потенциала и культуры краеведческой работы. В Москве это совпало с кампанией по уничтожению памятников архитектурной старины и церковной живописи. Активность московских краеведов проявлялась еще некоторое время в интенсивной работе по подготовке книг об истории фабрик и заводов, но и эта деятельность прекратилась после арестов в середине 1930-х гг.

Однако краеведение Москвы, москвоведение, это не только сфера краеведной тематики. Ибо Москва — и древний город, и давняя столица великого государства. Изучение Москвы неотделимо ни от истории важнейших событий в нашей стране, ни от представлений о России за рубежом: уже в XV—XVI столетиях Россию называли Московией, а русских московитами. Распространено и в первоисточниках и в трудах ученых и публицистов наименование «Московское царство». Соответственно, и изучение истории России неотторжимо от истории Москвы, от событий, происходивших в Москве, от развития ее общественной жизни, экономики, культуры. И потому «московская» тематика и после оставалась заметной темой исследовательских работ в нашей стране; тем более что в Москве находятся главные музеи по истории нашей отчизны, главные наши архивы, где хранится основной массив документации по всей отечественной истории. Существенным поводом для стимулирования интереса к прошлому столицы стал юбилей Мо-

сквы — 800-летие со времени первого упоминания в письменных источниках (1147).

Историки и археологи, географы, искусствоведы и литературоведы, музейные работники, готовившие труды и по истории московских музеев, и в 1940—1960-е гг. в определенной мере продолжали — иногда с серьезными результатами — изучать прошлое Москвы. Свою лепту вносили и немногие уцелевшие (или возвращенные к творческой работе) краеведы. Однако дух краеведческого творческого общения, характерный для периода деятельности обществ «Старая Москва» и изучения русской усадьбы, отсутствовал. Не было и прежних тесных и обогащающих друг друга взаимосвязей краеведов с учеными научных учреждений и высших учебных заведений: краеведение перестало быть школой для научной молодежи.

Признаки начавшегося возрождения краеведения обнаруживаются, пожалуй, лишь с 1960-х гг., когда сказались уже результаты «оттепели», наступившей было после XX съезда КПСС. В то время образуются и республиканские общества охраны памятников истории и культуры. В последние годы заметны все более существенные симптомы того, что вновь находит понимание научная и общественная роль краеведения в нашей жизни. В 1987 и в 1989 гг. проведены Всесоюзные краеведческие конференции, в 1990 г. создан Союз краеведов России и краеведческие общества в других союзных республиках, Московское краеведческое общество. Издаются краеведческие хрестоматии и учебные пособия, сборники статей, труды по истории краеведения. Программа краеведения признана одной из главных программ Советского и Всероссийского фондов культуры.

Возобновилось издание трудов не только об отдельных памятниках истории и культуры Москвы (прежде всего в серийных изданиях «Биография московского памятника», «Биография московского дома», «Памятники Подмосковья»), но и по истории московского краеведения. В книге Ю. Н. Александрова «Москва. Диалог путеводителей» (1985) показана «родословная московского путеводителя», место подобных изданий в культурной жизни. Много сведений об истории москвоведения и о роли московских ученых в разработке общих вопросов краеведения содержится в книгах С. Б. Филимонова «Историко-краеведческие материалы архива общества по изучению Москвы и Московского края» и «Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.)», вышедших в 1989 г. Не только для географов, но и для историков представляют значительный интерес издания Московского отделения Географического общества СССР. Изданы сборник материалов об Аполлинарии Васнецове и статей самого художника, который был выдающимся знатоком старой Москвы, книги о И. Е. Забелине, П. И. Бартеневе. Тема истории москвоведения отражается все в большей мере в альманахах «Куранты», «Памятники Отечества» и «Отечество», в перио-

дических изданиях («Археографический ежегодник» и др.), в трудах Московского университета (особенно в серийном издании «Русский город»), Московского государственного историко-архивного института, статьях журнала «Зодчий». Помощь в изучении москвоведения, несомненно, оказывают библиографические издания, подготовленные в библиотеке имени Н. А. Некрасова. Московским фондом культуры в 1990 г. издан многообразного содержания сборник «Краеведение Москвы» по материалам семинара-совещания, проведенного в мае 1989 г. (Доклад «Роль москвоведения в развитии отечественного краеведения» на этом семинаре стал основой настоящей статьи).

Издание книг о москвичах-краеведах — долг памяти о тех, кто столько сделал для познания прошлого и настоящего Москвы, сохранения ее памятников, возбуждения к этим знаниям общественного внимания. Обогащение опытом наших предшественников — обязательное условие дальнейшего развития московского краеведения. Без такого рода индивидуальных портретов невозможно представить общую картину истории изучения Москвы, а ведь история москвоведения до сих пор не написана!

Предполагается издать три книги очерков о москвоведах, об их жизни и творческих приемах, о восприятии сделанного ими современниками и потомками, об их вкладе и в москвоведение и в развитие нашей науки и методики научной популяризации знаний. В книгах представлены только те москвоведы, которые проявили себя в области историко-культурного краеведения. Статьи о краеведах — географах, биологах (а их научные и просветительские заслуги очень значительны) могут составить особую книгу. В каждом выпуске очерки расположены в хронологической последовательности, но во всех трех книгах предполагается поместить очерки и о москвоведах XVIII — начала XIX в., и о наших старших современниках.

Это очерки и о тех, для которых тема Москвы была определяющей в их творчестве, в исследовательской, преподавательской, публицистической, собирательской, музейной, экскурсионной работе, в том числе и о малоизвестных и полузабытых москвоведах; и о деятелях более широкого историко-культурного диапазона, о виднейших ученых. В последнем случае внимание сосредоточивается именно на москвоведческой стороне их многообразной деятельности, но это позволяет выяснить место московской проблематики не только в их творческой биографии, но и шире — в сфере культуры их времени.

О большинстве героев очерков специальные исследовательского характера статьи написаны впервые. В основе их вводимые авторами в научный обиход архивные материалы или воспоминания. Этим обусловлен и неодинаковый объем очерков. Сохранено и своеобразие авторской манеры изложения.

Хочется думать, что это издание будет способствовать восстановлению краеведной культуры москвоведения. Ранее она была одной из славных традиций российского краеведения.

Очерки, расположенные в хронологическом порядке, снабжены примечаниями и, по усмотрению авторов, списками основных опубликованных работ по тематике москвоведения.

Председатель
Археографической комиссии
АН СССР, председатель правления
Союза краеведов России
профессор С. О. Шмидт

К ПРЕДЫСТОРИИ СОСТАВЛЕНИЯ БИОГРАФИЙ КРАЕВЕДОВ МОСКВЫ

Приступая к новой большой работе — а именно таково задуманное издание очерков о краеведах Москвы,— необходимо было убедиться в том, что мы не забыли своих предшественников. Казалось бы, достаточно того, что в биографии по истории Москвы нет упоминаний о книгах или даже статьях, посвященных московским краеведам в целом (не в пример, заметим, другим городам и областям, имеющим подобные издания).

Но наше время — время открытости, время пробудившегося, наконец, внимания к человеку — заставляет обращаться и к архивам предшественников, ибо сегодня очевидно, что многим творческим замыслам краеведов не суждено было сбыться в трудных условиях послереволюционной поры... И вот в архиве «Старой Москвы» обнаружена рукопись с многообещающим названием «Московские краеведы, или Список лиц, работавших по Москве и Московской губернии в их прошлом и настоящем». С понятным волнением мы искали следы, связанные с ее появлением. И вот какая предстала пока (возможны и появление новых данных, и отклики читателей, знавших что-либо об этом начинании) перед нами картина.

Комиссия «Старая Москва», точнее — Комиссия по изучению старой Москвы Московского археологического общества, объединяя в своих рядах прекрасных знатоков Москвы, высококвалифицированных специалистов (историков, археологов, литераторов, искусствоведов и т. д.), традиционно обращала большое и уважительное внимание к самой личности москвича, будь то известный деятель культуры или скромный краевед. Благодаря многообразным формам работы комиссии, в том числе вечерам воспоминаний, сбору биографических материалов специальной Мемуарной комиссией, накапливался в архиве «Старой Москвы» обширный материал по персоналиям.

К примеру, протокол заседания 19 мая 1927 г. зафиксировал интересные данные об Иване Алексеевиче Белоусове, литераторе и бытописателе Москвы, ибо в этот день торжественно отмечалось 45-летие его деятельности. А когда из жизни уходил участник «Старой Москвы», комиссия обязательно откликалась заседанием, где кто-либо из ее членов составлял и читал некролог, а другие делились своими воспоминаниями.

Это постепенное накопление биографических материалов, с одной стороны, и, с другой, понимание всей важности вклада каждого краеведа в изучение Москвы привело к важному решению: 3 мая 1928 г. председатель «Старой Москвы» (к этому времени она входила в качестве секции в Общество изучения Московской губернии) П. Н. Миллер доложил о создании Комиссии по составлению словаря московских краеведов [1]. Инициатором и руководителем ее стал Николай Петрович Виноградов, хорошо известный и своим участием в «Старой Москве», и трудами по истории московских и можайских храмов, и большой работой, еще до революции, в Обществе любителей духовного просвещения — он был секретарем его Церковно-археологического отдела.

К сожалению, мало что известно о работе комиссии. В журнале «Московский краевед» П. Н. Миллер в отчете за октябрь 1926 — январь 1928 г. поместил сообщение о комиссии и «Словаре», подчеркнув, что в него войдут «все авторы и деятели по дисциплинам краеведения на протяжении веков» [2]. И, наконец, 4 октября 1928 г. на заседании «Старой Москвы» он же заявил, что от Н. П. Виноградова поступила рукопись — «Список московских краеведов на букву А» [3]. Даже лишь хронология всех этих фактов свидетельствует, что объявление о создании Комиссии в мае 1928 г. было не началом ее работы, а скорее формальным утверждением уже сложившегося и усиленно работавшего коллектива.

И действительно, как видно из анализа самой рукописи, для ее подготовки необходимо было немало времени и сил, даже если принять во внимание, что «Старая Москва» обратилась к москвоведам с просьбой дать о себе краткие биографические сведения и библиографию трудов.

Что же представляет собою работа «Московские краеведы»? В ней 43 рукописных страницы большого формата, на которых даются сведения о 81 москвоведе и 9 художниках, рисовавших Москву. Открывает ее предисловие, написанное Н. П. Виноградовым [4]. Отсутствие «полной истории» Москвы и соответствующей библиографии, считал Виноградов, заставляет «подвести подсчет краеведов в прошлом и настоящем и зафиксировать их в особом словаре или списке». Принципы отбора имен были четкими — в их основе лежала полнота представления краеведов, в число которых входили все писавшие о Москве (историки, археологи, статистики, ботаники и т. д.) или практически участвовавшие в сборе материалов по Москве.

Поскольку планировалось печатать «Словарь» на страницах «Московского краеведа», справки о краеведах были краткими. Подсчет показывает, что общее число персоналий могло достигнуть 2—3 тысяч — это было, таким образом, грандиозное начинание! Каждая справка содержала биографические данные, сведения о деятельности (и должностях), пере-

чень названий московедческих работ. При этом учитывались даже маленькие газетные публикации. В итоге рукопись давала интереснейшие, подчас нигде больше не повторившиеся материалы о гражданских лицах, о многих священнослужителях, писавших о Москве, начиная с XVIII в. и кончая 1920-ми гг.

Приходится только сожалеть, что эта большая интересная работа не была завершена. Мы не располагаем архивом комиссии Виноградова. Из предисловия и пометок, оставленных на полях рукописи, очевидно только, что были подготовлены материалы и по другим буквам, что рукопись была одобрена председателем «Старой Москвы» П. Н. Миллером. 16 ноября 1928 г. он направил ее «В Издательскую Комиссию», выразив при этом свое согласие с принципами работы: «Я разделяю положения, высказанные в Предисловии» [5]. Последняя отметка — дата на рукописи — относится к маю 1930 г. По-видимому, это свидетельство отказа печатать рукопись — ведь 5 февраля прошло последнее заседание «Старой Москвы», в этом же году перестал выходить и «Московский краевед».

Итак, первый практический опыт составления биографий краеведов Москвы не увенчался успехом, но сама идея с той поры жила, поддерживалась общественностью и отдельными работами о краеведах и историках Москвы.

Сегодня попытка «Старой Москвы» поддерживает нас и морально, и в научном плане. Избрав в предлагаемом читателю издании «Краеведы Москвы» книжную форму биографических очерков и понимая, что, при всех ее преимуществах, она не дает полного представления о людях, радевших о Москве, мы надеемся, что будет продолжено изучение истории краеведения в Москве, что появится библиография трудов московских краеведов, будут создаваться своего рода коллективные портреты москвоведов — участников «Старой Москвы», Общества изучения русской усадьбы (отметим, что только из числа его членов в 1920—1930-е гг. подверглись необоснованным репрессиям его председатель А. Н. Греч, И. М. Картавцов, В. М. Колобов, В. А. Мамуровский, О. И. Пенчко, А. А. Устинов, Ю. Б. Шмаров), Общества изучения Московской губернии и других объединений дореволюционной и советской Москвы.

Бескорыстный труд, беззаветная любовь к Москве, высокая гражданственность сотен московских краеведов и сегодня служат для нас мерилом нравственности и профессионализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 2, д. 7, л. 24.
[2] Московский краевед. 1928. Вып. 4. С. 53.
[3] ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 2, д. 10.
[4] Там же, карт. 3, д. 6.
[5] Там же, л. 4.

Доктор исторических наук
Л. В. Иванова

Ю. Н. Александров

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ РУБАН. 1742—1795

Началом краеведческого изучения нашей страны стала программа, выдвинутая М. В. Ломоносовым в 1751 г. Великий русский ученый наметил 30 вопросов о городах России, в частности об их местонахождении, системе их оборонительных укреплений, численности населения, количестве домов, периодичности ярмарок, размере их оборота, степени развития судоходства, торговых связях, характере развития промыслов, численности промышленных предприятий.

На основе этого вопросника Академия наук в 1760 г. разослала по городам страны анкету. В том же году Шляхетский корпус направил по этим же адресам более подробную анкету, составленную историком Г. Ф. Миллером. Ответы на них (на первую было получено 122, на вторую — 129 ответов) носили описательный характер и за немногими исключениями не содержали статистических сведений. В 1765 году была разослана и анкета Вольного экономического общества, касавшаяся развития промыслов и промышленности в России. Однако результаты анкетирования были погребены в архивах.

Их участь разделили топографические описания Оренбургской, Пермской, Тульской и других губерний, которые были выполнены местными краеведами. Значительную роль в развитии русского краеведения помимо М. В. Ломоносова сыграли известные историки В. Н. Татищев — автор пятитомной «Истории Российской», «Описания Сибири», Г. Ф. Миллер, который впервые дал описание быта и нравов сибирских народов в «Истории Сибири», сделанное по собственным наблюдениям, а затем и И. Н. Болтин. Они впервые выдвинули вопрос об историко-этнографическом изучении народов России.

Наряду с «путешественными записками» русских ученых — участников экспедиций по различным регионам страны, организованных Академией наук во второй половине XVIII столетия (П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. И. Лепехин), большой крае-

ведческий материал содержали первые географические словари (*Максимович Л. М.* Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон... М., 1788—1789; *Георги Г. И.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Спб., 1776—1777. Ч. 1—3, и др.). Составители словарей часто были и авторами такого вида краеведческой литературы, как путеводители. Так, Л. М. Максимович анонимно выпустил в 1792 г. «Путеводитель к древности и достопамятностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечания мест и зданий...», а в 1794 г. в Петербурге был издан путеводитель И. Г. Георги «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного».

Однако первые краеведческие справочники-путеводители по «обеим столицам» — Петербургу и Москве, были выпущены поэтом, журналистом и переводчиком Василием Григорьевичем Рубаном.

В 1779 г. вышла книга «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директора над новороссийскими училищами Вольного российского собрания при Императорском московском университете, и санктпетербургского Вольного экономического общества членом Василием Рубаном», а в 1782 г. на книжных прилавках появилось «Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извощиков и прочая... собранное в 1775 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга г.н.с. В. Г. Рубаном».

Если в создании первого путеводителя по Петербургу Рубану принадлежит заслуга издателя и редактора, то в «Описании императорского столичного города Москвы...» он выступил как автор. В отличие от первой книги, детально рассказывавшей о городе на Неве, его архитектурном облике, благоустройстве, знакомящей со столичным образом жизни, бытовым укладом и обычаями петербуржцев, «антиквитетами, или древностями при сем царствующем месте», вторая в большей степени носит характер топографического и статистического справочника, что отнюдь не умаляет ее значения как исторического источника. Описания Москвы появились задолго до В. Г. Рубана, но все они представляли собой путевые записки

иностранцев об экзотической «Московии», которые были изданы за рубежом в XVI—XVII вв. Русское общество познакомилось с ними только в прошлом столетии.

Среди авторов этих сочинений были папские легаты и путешественники, дипломаты и торговые агенты, рыцари и иезуиты, наемники и купцы. Некоторые из них длительное время жили в России, принимали участие в ее политической и экономической жизни, для других знакомство с «Московией» было кратковременным и случайным эпизодом биографии. Свидетельства столь разных лиц, естественно, далеко не равноценны. Различно было и их отношение к стране. В то время как одни стремились объективно передать увиденное, над другими довлела предубежденность, а порой и явное недружелюбие.

Наиболее полные и интересные сведения о Москве содержатся в сочинениях Сигизмунда Герберштейна, Джильса Флетчера, Павла Алеппского, Адама Олеария и других. Книга Герберштейна «Заметки о московских делах» вышла в 1549 г. в Базеле и была переведена на многие языки. К ней приложен первый из известных нам планов Москвы. Труд Герберштейна оказал влияние на многих иностранных авторов, писавших о Москве позднее, и в частности на английского дипломата Д. Флетчера, который возглавлял посольство в Россию в 1588—1589 гг. Его сочинение «О государстве русском» было издано в 1591 г. в Лондоне. Содержавшееся в нем обличение царского деспотизма и произвола властей, острая критика государственной системы самым непосредственным образом повлияли на судьбу этой книги, несмотря на ее посвящение английской королеве Елизавете. В Англии торговая компания, которая вела дела с Россией, опасаясь репрессий со стороны русского царя, пыталась затруднить распространение тиража, а в России после публикации сочинения Флетчера в «Чтениях в обществе истории и древностей Российских при Московском университете» власти прекратили выпуск этого научного периодического издания, переводчик же — известный славист профессор О. М. Бодянский — был уволен из университета.

Москва в начале XVII в. предстает в популярных у современников записках французского офицера-наемника капитана Ж. Маржерета. Завербовавшись на службу в Россию в 1600 г., он командовал в Москве пехотной ротой, воевал против Лжедмитрия, а затем стал начальником одного из отрядов его гвардии, служил Лжедмитрию II и гетману Жолкевскому, участвовал в подавлении восстания москвичей против интервентов в 1611 г.

О Москве так называемого Смутного времени мы узнаем также из сочинений шведа Петра Петрея, который в течение четырех лет находился на службе в России, а в 1608—1611 гг. был в Москве посланником шведского короля Карла IX.

Наиболее подробное описание Москвы 30—40-х гг. XVII столетия оставил немецкий путешественник, ученый и дипломат

Эльшлегер, более известный как Адам Олеарий. Он четыре раза побывал здесь (в 1636 г. в качестве секретаря шлезвиг-голштинского посольства прожил четыре месяца; последний раз он посетил Москву в 1643 г.). Широко образованный, владевший русским и арабским языками, Олеарий отличался наблюдательностью и тактом, что помогало ему расположить к себе москвичей. Сочинение Олеария «Описание путешествия в Московию...» вышло в 1647 г. Не лишено интереса, что находившийся в составе посольства вместе с Олеарием Пауль Флемминг написал «Сонет Москве» — первое стихотворное произведение о русской столице. (Опубликован в наши дни писателем Л. З. Копелевым.)

Дошли до нас описания Москвы Павла Алеппского, посетившего ее вместе с патриархом антиохийским Макарием в 1654 г., и Бернгарда Таннера, по-видимому чеха по рождению, прибывшего в русскую столицу в составе польского посольства спустя 24 года.

XVIII век как бы «стыкует» описания Москвы иностранцами с первым путеводителем по Москве, принадлежавшим перу В. Г. Рубана. И это вполне закономерно. Знаменательное в истории России, это столетие завершило эпоху великих географических открытий, которые оказали заметное влияние на развитие мировой культуры, и в частности литературы. В это время продолжалось интенсивное изучение России. Русские землепроходцы достигли берегов Новой Земли и легендарного Груманта (Шпицбергена). Они появились на Чукотке и в Средней Азии, на Камчатке и Аляске.

XVIII век подарил России новые пути сообщения, в том числе дорогу, связавшую старую столицу с новой. На ней возникли царские путевые дворцы, отмечавшие этапы дневного пути, почтовые станции и первые верстовые столбы. Приступили к упорядочению других дорог. Путешествия по стране становились более частыми, более приятными и безопасными.

Эпоха просвещения ввела путешествие в повседневный обиход русской литературы, а путешественник занял место в галерее ее любимых героев. С победой сентиментализма утвердился эпистолярный жанр, приобрели популярность путевые заметки и дневники. На книжном рынке появились и совершенно новые типы изданий, обязанные своим возникновением путешествиям и путешественникам: многотомные географические лексиконы и путеводители.

Русские читатели были хорошо знакомы с романами С. Ричардсона и Ж. Ж. Руссо, «Сентиментальным путешествием» Л. Стерна. Его приверженцы создали путешествию ореол особой привлекательности. Недаром выдающийся просветитель писатель-революционер Александр Радищев отдал дань литературной моде, назвав свою горькую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Именно в XVIII в. в России сформировалось новое пони-

мание «достопамятностей», ради которых стоило бы предпринимать путешествие или совершать прогулку. Внимание читателя все больше стали занимать здания, «которыя зрению человеческому сладки обретаются». Рост исторического знания подготавливал перелом во взглядах на памятники далекого прошлого, интерес к которым пробуждался по мере того, как петровские реформы и оживление культурных связей с Западной Европой отдаляли от современников феномен Древней Руси. Только тогда по-новому увидел и смог передать в своих полотнах красоту русских городов художник Федор Алексеев — признанный родоначальник городского пейзажа в русском искусстве. Памятники отечественной истории и архитектуры становились главными «действующими лицами» не только живописи, но и нового вида популярной литературы — путеводителей.

Уже начало XVIII в. ознаменовалось интересом к ним. В 1709 г. сподвижник Петра I дипломат Б. И. Куракин решил написать книгу «Самой Москвы описание, что мерою город и что монастырей и что знаменитых улиц и ворот и знаменитых хороших палат... всего, что ни есть в самой Москве, то описать» [2]. Однако этот замысел остался неосуществленным.

Первый краевед Москвы В. Г. Рубан не был похож на своих многочисленных последователей хотя бы потому, что изучение «порфироносной вдовы», как называл А. С. Пушкин древнюю русскую столицу, не стало призванием, любимым делом всей жизни, а явилось лишь эпизодом в его многогранной деятельности.

Василий Григорьевич Рубан родился 14 марта 1742 г. в Белгороде. Происходил он, по-видимому, из казаков. Учился в Киевской духовной академии, когда ее ректором был известный церковный деятель и писатель Григорий Конисский, с которым впоследствии Рубан поддерживал переписку как издатель. На годы учебы приходится его знакомство и дружба с Н. Н. Бантыш-Каменским, ставшим затем видным историком и археографом, руководителем Московского архива Коллегии иностранных дел. В 1753 г., окончив двухлетний курс философии и «пожалованный актуариусом», Рубан перешел в Московскую духовную академию, где пробыл, однако, недолго. Пройдя предварительную подготовку в гимназии для разночинцев, он поступил в недавно открытый Московский университет. Среди его товарищей были Д. И. Фонвизин и И. Ф. Богданович. Наряду с изучением философии, словесности, риторики и других наук он обучался пяти иностранным языкам: латинскому, греческому, французскому, немецкому и татарскому. За успехи в науках был награжден золотой и серебряной медалями [3].

Литературную деятельность Рубан начал еще будучи студентом. Первая его публикация — «Папирия, римского отрока остроумные вымыслы и молчание» была помещена в журнале

М. М. Хераскова «Полезные увеселения» в 1761 г. Окончив в том же году университет, он поступил на службу переводчиком с турецкого языка в Запорожье у перевоза на Днепре. В обязанности Рубана входила выдача паспортов русским подданным, отправлявшимся по торговым делам в Крым.

10 августа 1763 г. Рубан бросил службу, получив о ней аттестат из «Коша войска Ея императорского величества Запорожского низового», и направился в Петербург. К этому времени относится его деятельное сотрудничество в периодических изданиях и установление литературных связей. Однако, как показала жизнь, литературный заработок в то время не давал достаточных средств к существованию, и Рубан вновь поступил на государственную службу. Между тем сочетать обширные творческие планы с карьерой чиновника было чрезвычайно трудно, о чем свидетельствует его весьма пестрый послужной список. Рубан вновь продолжил службу в качестве переводчика в Коллегии иностранных дел, а в декабре 1770 г. был определен Сенатом в Судный приказ [4], где 21 февраля 1771 г. получил патент на чин коллежского секретаря [5] и вскоре был направлен в Киевскую губернскую канцелярию [6]. Но в Судный приказ Рубан не явился, о чем было сообщено в Правительствующий Сенат 21 июня 1771 г. [7] По-видимому, с помощью влиятельных покровителей Рубану удалось остаться в Петербурге, поступив вновь переводчиком в Коллегию иностранных дел. Но уже в марте 1773 г. он оставил ее [8] и перешел на должность протоколиста Межевой экспедиции, где уже в июле 1774 г. получил чин сенатского секретаря [9]. Служил он под начальством князя А. А. Вяземского, генерал-прокурора Сената, который был доверенным лицом императрицы, посвященным в «наисекретнейшие материи». В конце жизни Рубан посвятил умершему князю эпитафию:

Сей, царства Росского законы и доходы
В порядок приведя, распределил на роды,
Любил и ободрял наградами Парнас
И верный был по смерть Екатерины глаз [10].

В 1774 г. Рубан был приглашен князем Г. А. Потемкиным на должность секретаря [11], в которой он оставался 18 лет. В одном из стихотворных посланий Рубан писал:

Я из сенатских взят к нему секретарей,
Правителем его был письменных идей...
Зрел милости его и гневы иногда,
Но гневы мне его не принесли вреда [12].

В это время Рубан развернул активную общественную деятельность. В 1774 г. в числе первых он вошел в состав общества «Вольное российское собрание», которое было создано при Московском университете [13]. 6 сентября 1776 г. Рубан был

избран действительным членом Вольно-экономического общества [14] — старейшего научного общества страны, в числе публикаций которого были первые статистико-географические исследования.

В 1777 г., уже на следующий год после назначения всесильного фаворита генерал-губернатором Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний, Рубан последовал за Потемкиным на юг России, где его ожидала долгожданная синекура: должность директора новороссийских училищ. Однако, по свидетельству документов, получив довольно солидное жалование, размеры которого были определены самим Г. А. Потемкиным, Рубан и по прошествии более года к «должности своей... не прибыл» [15].

Близость к «светлейшему князю» содействовала быстрому продвижению Рубана по служебной лестнице. В 1777 г. он был произведен в надворные советники. Месяцеслов на 1778 год сообщает, что «в Новороссийской губернии — государев наместник князь Григорий Александрович Потемкин, генерал-аншеф. При нем: в секретарской должности, надворный советник, правящий должность Директора над тамошними училищами, Василий Григорьевич Рубан» [16].

Разночтения в литературе о Рубане (А. Ельницкий, например, полагал, что Рубан был произведен в надворные советники 29 сентября 1779 г. [17]) и путаница в официальных документах, хранящихся в архивах [18], убедительно свидетельствуют о том, что внеочередным чином Рубан обязан могущественной протекции своего начальника.

Последовавшая за воцарением «на гвардейских штыках» Екатерины II «непрерывная оргия вина, крови и разврата» (А. И. Герцен), эпоха умопомрачительных карьер и придворных «случаев» побуждали честолюбивого Рубана, сына своего века, испробовать свой шанс — покровительство «светлейшего», фаворита императрицы.

После присоединения Крыма к России и получения титула «светлейшего князя Таврического» главнокомандующий русской армией Г. А. Потемкин был назначен президентом Военной коллегии. Тогда же Рубан занял в ней должность заведующего иностранной перепиской и переводчика деловых бумаг с польского языка. В 1786 г. он получил чин коллежского советника [19].

В рукописном послании к графу П. А. Зубову, датированном январем 1794 г., поздравляя его с назначением членом Военной коллегии, Рубан не без юмора охарактеризовал свою деятельность:

В Военной бо и я советником служу,
Но не советую, а только перевожу
На русский польские патенты и дела [20].

На службе Рубана удерживало прежде всего то обстоя-

тельство, что литературная деятельность по-прежнему не давала достаточных средств к существованию. Тем не менее творческое наследие Рубана довольно обширно. Он сотрудничал во многих журналах: «Доброе намерение» В. Д. Санковского, «Парнасский щепетильник» М. Д. Чулкова, в новиковских журналах «Трутень» (1770) и «Живописец» (1772). Неоднократно предпринимал попытки сам издавать журналы. С 1769 г. стал еженедельно выходить по субботам журнал Рубана в стихах и прозе «Ни то, ни сио» при участии С. С. Башилова. Стоил он недорого, как об этом свидетельствуют непритязательные строки, помещенные рядом с заглавием:

Всяк, кто пожалует без денежки алтын,
Тому «Ни то, ни сио» дадут листок один.

Выходил журнал нерегулярно. Запоздание с выходом очередного номера Рубан с наивной откровенностью объяснял тем, что «сочинители его, желая доставить себе возможность пользоваться приятностями исходящей весны и начинающегося лета», решили отдохнуть [21].

Издание Рубана не пользовалось успехом. Оно не имело четкой программы. Вопреки настоятельной общественной потребности в острой критике самодержавного строя и дворянских нравов журнал восхвалял существующие порядки. В отличие от популярных просветительских и сатирических журналов того времени цель «Ни то, ни сио» Рубан усматривал в том, чтобы «мешать поучения с увеселениями и угрюмость строгих правил умягчать какими-нибудь приятностями или закрывать прелестными цветами» [22].

В последнем номере «Ни то, ни сио», который вышел 11 июля 1769 г., Рубан так сообщал о прекращении издания:

Уж нам «Ни то, ни сио» наскучило писать,
Читатели, а вам наскучило читать.
К другим трудам свои мы обратили руки;
Но ныне публика терпеть не будет скуки.
Здесь «Всяка Всячина» еще досель цветет,
От ней «И то, и сио» и с «Трутнем» «Смесь» растет
И пишется притом «Полезное с приятным»;
Предметов много есть и добрым, и развратным
Для умножения забавы и отрад,
Помесячно свою завел здесь почту Ад,
Пусть публика сии листы теперь читает,
Веселья с пользой ей «Ни то, ни сио» желает... [23]

Несмотря на миролюбивый тон по отношению к коллегам-журналистам, издание Рубана подверглось грубым нападкам в прессе. Журнал «Смесь» писал:

Немного времени «Ни то, ни сио» трудилось,
В исходе февраля родившися на свет:
Вся жизнь его была единый только бред... [24]

Неудачи не поколебали решимость Рубана продолжать литературную работу. В 1771 г. он предпринял выпуск журнала «Трудолюбивый муравей», который мало отличался по содержанию от «Ни то, ни сио» и разделил его участь. Уже в следующем году Рубан стал издавать сборники «Старина и новизна», в которых принимал участие М. М. Херасков, Н. Н. Бантыш-Каменский и даже впервые выступил в печати Г. Р. Державин. Но и это издание вскоре прекратилось.

Успех к Рубану как издателю пришел в иной области — выпуске справочной литературы, потребность в которой к тому времени вполне назрела. Так, Б. Л. Модзалевский утверждал: «Деятельность Рубана сводилась главным образом к обнародованию историко-географических материалов, безусловно полезных в научном отношении для современников и в особенности для потомства. В деле собирания этих материалов Рубан и занимает довольно видное место среди многочисленных «трудолюбивых муравьев» екатерининского времени» [25]. В 1773 г. им были изданы «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением трактатов и известий о почтах також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числе народа и проч...»

В 1775 г. Рубан приступил к изданию «Любопытных месяцесловов». В первом выпуске кроме календаря приводились самые разнообразные сведения: летопись исторических событий дополнялась астрономическими сведениями и рекомендациями садоводам. Историко-статистический отдел содержал конкретные данные о наместничествах, губерниях, городах, епархиях, монастырях, церквах, кладбищах, училищах, аптеках и типографиях. Об успехе книги свидетельствует то, что «Любопытный месяцеслов», кроме 1775 г., выходил в 1776, 1778 и 1780 гг. В 1776 г. он был дополнен «Московским любопытным месяцесловом».

Особенно плодотворным для Рубана был 1777 г. С участием Георгия Конисского и бывшего в то время секретарем императрицы А. А. Безбородко, так же, как и Рубан, выходца из Украины, учившегося в Киевской духовной академии (впоследствии — светлейший князь и канцлер Российской империи), он предпринял в Петербурге второе дополнительное издание справочника по Украине «Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и приобщением списка прежде бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, также землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений».

В том же году как дополнение к летописи было издано «Землеописание Малыя России, изъясняющее города, местечки, реки, число монастырей и церквей, и сколько где выборных казаков, подпомощников и посполитых по ревизии 1764 на-

ходилось». Историко-топографические очерки об Украине, с которой Рубан — ее уроженец, был так хорошо знаком, содержали множество статистических данных и были географическим указателем, что свидетельствует о достаточно высокой культуре справочных изданий Рубана.

На 1777 г. приходится также такое издание Рубана, как «Дорожник чужеземный и Российский и поверстная книга Российского государства», напечатанный в Петербурге. В следующем году Рубан там же издал свой труд, посвященный Петру I: «Начертание, подающее понятие о достославном царствовании Петра Великого с приобщением хронологической росписи главнейших дел и приключений жизни сего великого государя».

Круг литературных интересов Рубана и тематика изданных им книг свидетельствует о том, что именно этот литератор был наиболее подготовлен к тому, чтобы стать издателем упомянутого выше первого русского путеводителя по столице.

Точность и документированность «Описания...» отмечали многие исследователи. Оно было выпущено в двух вариантах. Особенно большую редкость составляет издание, содержащее 84 таблицы с 112 изображениями и портретом Петра I работы известного гравера Н. Ф. Челнокова.

«Описание Санкт-Петербурга» было выпущено на средства Г. А. Потемкина и посвящено Екатерине II.

В 1782 г., также в Петербурге, вышло «Описание императорского столичного города Москвы... изданное в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга г. н. с. В. Г. Рубаном». Этот заголовок свидетельствует о том, что первый русский путеводитель по столице имел успех среди читателей.

Издательская деятельность Рубана продолжалась. В 1783 г. в Петербурге он выпустил книгу «Путешествие московского купца Трифона Коробейникова с товарищами в Иерусалим, Египет и к Синайской горе в 1583 году». (Следует отметить, что Рубан прозорливо высказал сомнения в авторстве Т. Коробейникова, что впоследствии подтвердилось.) «Хождения» паломников Рубан публиковал и ранее. Так, к 1778 г. относится выпуск книги «Пешеходца Василия Григорьевича Барского-Плахи-Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, Путешес вие к Святым местам, в Европе, Азии, Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году».

«Для удовольствия общества» Рубан продолжал выпускать разнообразную справочную литературу, рассчитанную на путешествующих и приближающуюся по типу к путеводителям того времени. В 1785 г. вышел «Дорожный перечень, представляющий знатнейшие российские и иностранные в Европе и Азии находящиеся города с означением, под которого степенью и минутою широты и долготы, при каких реках и водах те города стоят, и в каком расстоянии верст от Санкт-Петер-

бурга и Москвы находятся. Составлен и издан для пользы общества Василием Рубаном».

Спустя шесть лет, также в Петербурге, появился «Всеобщий и совершенный гонец и путеуказатель или полный повсеместный Российский и повсюдный европейский дорожник, исправно и верно показующий по нынешнему разделению на губернии и области всей Российской империи и прочих европейских держав почтовые пути, ходячие в Европе деньги, ныне употребляемые меры и весы... и многих других наинужнейших и необходимых сведений для всех путешествующих дорожных ездоков и проч.».

Помимо этого Рубан издал ряд рукописных памятников: обнаруженный им в Оружейной палате список «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки...» (1777) [26], путевой журнал «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову...» (1773) и др.

Наряду с издательской деятельностью Рубан на протяжении многих лет выступал и как поэт. По рассказу современников, Г. А. Потемкин, знавший о его поэтическом даре, однажды даже поручил ему направить требование в Соляную контору о выдаче денег в стихотворной форме [27]. Рубан написал множество од, стихотворных посланий, благодарственных стихов, гимнов и элегий, эпитафий, разнообразных надписей и т. д. Наиболее известна считавшаяся в свое время образцовым произведением «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи Петра Великого». Ее высоко оценил Г. Р. Державин. Переиздавалось стихотворение «Эпицинтион, или Неумирающая память славных дел светлейшего князя Г. А. Потемкина».

В неустанных поисках влиятельных покровителей Рубан направлял им стихотворные послания и оды по любому поводу. Его перу принадлежит, например, ода на привитие оспы императрице Екатерине II, «...Благодарственные стихи Его светлости... князю Г. А. Потемкину за оказанную милость сочинителю сего новоприятием оного в высокое Его светлости начальство и покровительство» (1784), «Епистола генерал-аншефу П. Б. Пассеку», надпись «К портрету Александры Васильевны Енгельгардовой, Е. И. В. фрейлины», «Надпись на прибытие Его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова из Архипелага в С. Петербург», «Надпись на новостроящийся Ее Императорского Величества дворец» и др.

Литературный заработок Рубана не был постоянным, и гонорар он нередко получал «натурой». Известно, что поэт благодарил покровителей за шубу, манжеты, бутылку меда, нюхательный табак, полученные от них.

Нужда постоянно сопутствовала поэту. Об этом свидетельствуют многочисленные стихотворные послания о помощи. В одном из них Рубан сетовал:

Шестой же от роду имею лет десяток —
И в жалованье весь мой состоит достаток,
Да разве мне своей деревней счесть Парнас,
Скотины же один, но ветхий уж Пегас [28].

С жалобами на свою судьбу и просьбой оказать помощь Рубан обратился к президенту Вольного экономического общества П. Б. Пассеку: «Я бобылем живу и в горестной судьбине и нанимаю дом, хоть не весьма хорош, доколе есть еще в кармане царский грош; своей же нет земли ни четверти аршина; наследие мое — всех улиц грязь и тина, котору всякий день ногами я мешу» [29].

Аргументировал свою просьбу Рубан обещаниями, которые ему дал Г. А. Потемкин: «Пять тысяч четвертей мне князь Тавриды давал, но на письме ея лишь зрятся виды; в поместье же не пришла сия поднесь мне часть, и я не знаю, кто принял ее во власть, или казенною она осталася поныне» [30].

В последние годы жизни поэт неоднократно направлял стихотворные просьбы о назначении пенсии. Так, графу Салтыкову он писал: «Не лишних требую при старости наград, но чтоб коллежских мне советников оклад, какой в сем городе по штатам утвердила (Екатерина II.— *Ю. А.*) — чтоб оный дать и мне по смерть определила, или, ясней сказать, чтоб до последних дней мне семьсот пятьдесят в год пенсии рублей высоким повелеть изволила указом и чтоб уволен я военным был приказом от службы, ибо я и слеп уже, и глух, лишился зрения и потерял мой слух» [31].

Однако все хлопоты и просьбы были безрезультатны. Надежды на получение пенсии рухнули. Стихотворные послания не помогли. К тому же репутация «шинельного» поэта была невысока, а сервилизм его творчества вызывал язвительные насмешки современников. Известный драматург и поэт В. В. Капнист писал:

Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубана мириться с Аполлоном,
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить Кастальских чистых вод [32].

Граф Д И. Хвостов, бездарный поэт, служивший мишенью для острот своих современников, решительно, хотя и не вполне справедливо, утверждал, что Рубан «не иначе всходил на Парнас, как для прославления богатых и знатных» [33]. Именно он посетил на Большеохтинском кладбище могилу В. Г. Рубана, умершего в 1795 г. [34], и подвел своеобразный итог его литературной деятельности в эпитафии:

Здесь Рубан погребен; он для писанья жил,
Надгробописец быв, надгробу заслужил [35].

Проследив жизненный путь автора первого краеведческо-

го справочника по Москве, обратимся к самому труду. Первый путеводитель по Москве, так же как первый отечественный путеводитель по Петербургу, выпущенные В. Г. Рубаном, в отличие от первых русских путеводителей XII—XIV вв. по «христианским святыням» за границей — светское издание. Пространное в духе времени название, заменяя отсутствующее оглавление, дает достаточно полное представление об утилитарном содержании этого справочного издания, гораздо более скромного по оформлению, чем путеводитель по столице.

Широкие связи автора в военных кругах (именно в это время Рубан находился при генерал-фельдмаршале П. А. Румянцеве-Задунайском, оставаясь секретарем Г. А. Потемкина) позволили ему напечатать книгу о Москве «при артиллерийском и Инженерном Шляхетском кадетском корпусе у Содержателя Типографии Х. Ф. Клеэна».

В то время как сочинениям иностранцев и описанию Петербурга А. И. Богданова присущи живой и не утративший разговорной интонации язык эпохи, первый московский путеводитель-справочник гораздо более сдержан и лаконичен в своей информации о городе. В нем, по существу, совсем отсутствуют сведения об истории Москвы и ее «антиквитетах». Издание имело прежде всего практическое значение, так как приводило множество самых разнообразных топографических, топонимических и статистических данных, полезных москвичам конца XVIII столетия. По нему они могли свободнее ориентироваться в своем городе.

В числе источников, которыми пользовался Рубан, он указал «книгу, содержащую описание моровой язвы, бывшей в Москве, печатанную в 1775 году», «Роспись московских церквей» (1778) и план Москвы, «учиненный архитектором Мичуриным и напечатанный в 1739 году». Использование автором первого геодезического плана Москвы весьма показательно: оно подчеркивает топографический аспект путеводителя, которому Рубан придавал особое значение.

Структура московского путеводителя довольно сложна. В ее основу положено административное деление города на 14 полицейских частей, а также исторически сложившаяся планировка, которая стала доминирующим принципом изложения материала в последующих путеводителях, вплоть до самых современных. Путеводитель Рубана имел 17 разделов:

1. Сведения о городских воротах, мостах, больших улицах, переулках, монастырях, приходских и домовых церквах, казенных домах и присутственных местах, обывательских дворах и покоях, аптеках, кожевенных, кирпичных, пивоваренных, гончарных, суконных и других заводах, трактирах, питейных домах, торговых банях, цирюльнях, рынках, кузницах, харчевных лавках, постоялых дворах, извозчиках, рогаточных будках по каждой из 14 полицейских частей Москвы.
2. Перечень ремесел и ремесленных мастерских в Москве.

3. «Ведомость генеральная», содержащая статистические данные по всем пунктам, указанным в первом разделе, по всему городу.

4. Справочные данные о кладбищах в Москве с указанием закрепленных за каждой из шести кладбищенских церквей вне города полицейских частей (после эпидемии чумы в Москве в 1771 г. хоронить в городе было запрещено).

5. Описание частей города, содержащее топографические сведения о расположении главных улиц, достопримечательных зданий, характерном рельефе по всем 14 полицейским частям Москвы.

6. Ворота и башни города. Приводятся данные об их расположении, материале, из которого они возведены, а также о состоянии. Информация сгруппирована на основе топографического принципа (Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город и т. д.).

7. Мосты. Указаны расположение, особенности конструкции и материал.

8. Большие или главные улицы. Перечень, составленный по алфавитному принципу, имеет топографический указатель, позволяющий определить местонахождение улицы.

9. Алфавитный список московских переулков.

10. Монастыри мужские и женские с указанием расположения.

11. Соборные и приходские церкви. Перечень снабжен топографическими указателями, позволяющими читателю установить их расположение по главным частям города.

12. Ведомость торговых рядов в Москве в Китай-, в Белом, Земляном городе и за Земляным городом. Приводятся статистические сведения по каждому торговому ряду.

13. Статистические сведения о количестве лавок, амбаров и торговых мест в новом и старом гостиных, соленых и рыбных дворах (по рядам, линиям и «апартаментам»).

14. Рынки. Указаны расположение, численность лавок, трактиров, харчевен, хлебных изб, постоялых дворов, цирюлен, кузниц, лавок, палаток, шалашей, мест, на которых торгуют, и т. д.

15. Ведомость о фабриках, находящихся в Москве. Указаны виды продукции, местонахождение, фамилии и имена владельцев, число станков, вид постройки (каменная или деревянная), в ряде случаев — численность «приписных обоего пола душ» или «крепостных людей».

16. Перечень застав Камер-Коллежского вала, с указанием дорог, ведущих в Москву. Позволяет определить границы Москвы в конце XVIII столетия, ее роль как транспортного центра страны.

17. Статистические сведения по всем 14 полицейским частям раздельно по социальной принадлежности владельцев (дворян, купцов, духовенства, других обывателей) и полицей-

ским чинам (соцкие, пятидесятские, десятские, будочники), а также о численности полицейских будок.

Уникальный краеведческий труд В. Г. Рубана — многосторонний исторический источник. Он содержит точную информацию о территории и внешнем облике Москвы, который складывается из конкретных описаний улиц и переулков, их застройки, а также об экономике, социальном составе московских жителей. Социальный срез города дополняет детализированная картина всех его частей, улиц и переулков.

Путеводитель Рубана — редкая книга конца XVIII в.— своеобразная энциклопедия Москвы этого времени, родоначальница колоссальной «семьи» московских справочных изданий. Она положила начало развитию краеведческой литературы о Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 207, 208, 214, 216.

[2] Архив князя Ф. А. Куракина. Спб., 1892. Т. 3. С. 189.

[3] *Новиков Н. И.* Словарь писателей. Спб., 1867. С. 95.

[4] ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 564, л. 110.

[5] Там же, л. 117

[6] Там же, л. 85.

[7] Там же, д. 565, л. 281 и 281 об.

[8] Там же, д. 579, л. 521.

[9] Там же, ф. 286, оп. 1, д. 588, л. 305.

[10] *Модзалевский Б. Л.* Василий Григорьевич Рубан: Ист.-лит. очерк. Спб., 1897. С. 12.

[11] *Карабанов П. Ф.* Исторические рассказы и анекдоты // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 467.

[12] *Модзалевский Б. Л.* Указ соч. С. 12.

[13] Опыт трудов Вольного экономического собрания. М., 1774. Ч. 1.

[14] Труды Вольно-экономического общества. 1779. Ч. 31.

[15] ЦГАДА, ф. 16, Госархив, д. 796, ч. 5, л. 220.

[16] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1778. Спб., 1777. С. 345, 346.

[17] *Ельницкий А.* Рубан // Русский биографический словарь. Пг., 1918. Романов-Пясовский.

[18] ЦГАДА, ф. 10, оп. 3, № 253.

[19] Там же, ф. 16; Госархив, д. 249, ч. 1, л. 103.

[20] Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 13.

[21] *Ельницкий А.* Указ. соч. С. 371.

[22] *Модзалевский Б. Л.* Указ. соч. С. 5.

[23] Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Указ соч. С. 8—9.

[24] Там же. С. 9.

[25] Там же. С. 414.

[26] Русский вестн. 1811. № 5. С. 11—39.

[27] Русская старина. 1872. Т. 5. С. 467.

[28] *Ельницкий А.* Указ. соч. С. 369.

[29] Там же. С. 370.

[30] Там же. С. 369.

[31] Там же. С. 370.

[32] С.-Петербургский вестн. 1780. Июнь. С. 446.

[33] Русская старина. 1892. Т. 25. С. 425.

[34] *Неустроев А. Н.* Литературные деятели XVIII века. Василий Григорьевич Рубан. Спб., 1896.

[35] *Хвостов Д. И.* Сочинения. Спб., 1830. Т. 5. С. 321.

Список работ В. Г. Рубана

Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением трактатов и известий о почтах, також списка духовных и светских чинов, тамо находящихся ныне, числе народа и проч. Спб., 1773.

Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и приобщением списка прежде бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, такоже землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Спб., 1777.

Землеописание Малыя России, изъясняющее города, местечки, реки, число монастырей и церквей, и сколько где выборных казаков, подпомощников и посполитых по ревизии 1764 находилось. Спб., 1777.

Дорожник чужеземный и Российский и поверстная книга Российского государства. Спб., 1777.

Начертание, подающее понятие о достославном царствовании Петра Великого с приобщением хронологической росписи главнейших дел и приключений жизни сего великого государя. Спб., 1777.

Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директора над новороссийскими училищами Вольного российского собрания при Императорском московском университете, и санктпетербургского Вольного экономического общества членом Василием Рубаном. Спб., 1779.

Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извощиков и прочая... собранное в 1775 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга г. н. с. В. Г. Рубаном. Спб., 1782.

А. Б. Каменский

«...Сей город за центр всего государства почесть можно...»

ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР. 1705—1783

Как и Петр Великий, Екатерина II не любила Москву. И не потому вовсе, что она стремилась во всем подражать своему предшественнику: для Петра Москва была символом старой России, для Екатерины — оплотом консервативной аристократии, с которой она тщетно пыталась бороться в первые годы своего царствования. К тому же для императрицы-немки Москва была слишком русским городом. И как же велико, надо думать, было ее удивление, когда в 1764 г. она узнала, что ее соотечественник, престарелый петербургский академик и российский историограф Герард Фридрих Миллер, которого она лишь недавно удостоила продолжительной беседы с глазу на глаз, выразил желание принять на себя директорство над учрежденным в Москве Воспитательным домом. Впрочем, отказывать не было причин, и соответствующий именной указ вскоре был подписан. Что же побудило известного ученого, редактора журналов Академии наук и ее конференц-секретаря решиться на подобный шаг? Для ответа на этот вопрос надо вернуться на несколько десятилетий назад, когда Россией управляла Екатерина I.

Миллер приехал в Россию двадцатилетним юношей в 1725 г. (он родился в г. Герфорде в семье ректора местной гимназии в 1705 г.), вряд ли подозревая, что этой далекой незнакомой стране предстоит стать его второй родиной. Его, не окончившего курса лейпцигского студента, рекомендовали для работы во вновь создаваемой Петербургской Академии наук. Екатерина I спешила воплотить в жизнь один из последних замыслов великого Петра. России, прославившейся на полях сражений и выплавкой самого большого в мире количества чугуна, необходимо было сравняться с Европой и по части наук и учености. А поскольку своих ученых еще не было и их только предстояло подготовить, учителей (как и многое другое) следовало выписать из-за границы.

В отличие от своих соотечественников, в большинстве

своем лишь честно выполнявших условия заключенных с ними контрактов, Миллер остался в России навсегда, служению ей посвятив всю свою жизнь. Поначалу он выполнял технические обязанности помощника академического библиотекаря, но вскоре ему было поручено издание «Санкт-Петербургских ведомостей» — первой русской печатной газеты, основанной Петром I. Миллер придумал выпускать приложение к ней — «Примечания к Ведомостям», ставшие первым русским журналом, издававшимся почти пятнадцать лет. Вскоре Миллер основал и первый в России исторический журнал, издававшийся, правда, на немецком языке. Впрочем, в ту пору немецким владели все мало-мальски образованные люди, да к тому же журнал распространялся и в Европе, пропагандируя русскую науку, делая доступными источники по русской истории и сообщая достоверные о ней сведения. Именно в этом журнале впервые появился в печати отрывок Начальной русской летописи. Из него в значительной степени черпали сведения о России виднейшие представители западноевропейской культуры XVIII в.— Вольтер, Гете, Шиллер, Гердер и другие. Сам же Миллер, благодаря журналу, в котором он публиковал и собственные сочинения, стал известен за рубежом и был принят почетным членом научных обществ Англии, Франции, Германии и Голландии. В 1733 г. в составе академического отряда Второй камчатской экспедиции он отправился в путешествие по Сибири. Здесь он провел десять лет, объездил множество городов, собрал сотни уникальных документов, рассказов старожилов, этнографических и археологических сведений. Первым из академиков-немцев он овладел русским языком. В Сибири Миллер тяжело заболел и едва не ослеп, женился, но главное, стал выдающимся знатоком истории России. Вернувшись в Петербург, Миллер начал работу над «Историей Сибири» — своим основным трудом. В 1748 г. он принял российское подданство, а годом позже произошло событие, наложившее отпечаток на всю его жизнь и даже посмертную судьбу. Речь идет о знаменитом споре Миллера с М. В. Ломоносовым по так называемому «варяжскому вопросу». Сегодня взгляды ученых на эту проблему, благодаря новым археологическим данным, сильно отличаются от существовавших еще 20—30 лет назад. Тогда же, в 1749 г., дискуссия, по сути, шла о следующем. Миллер, уверенный, что «все, что историк говорит, должно быть истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести» [1], отстаивал ту единственную истину, какую мог извлечь из доступных ему источников и которая соответствовала уровню тогдашней исторической науки. Ломоносов же яростно боролся с этой позицией Миллера, полагая, что «норманская теория» оскорбляет достоинство русского народа, в связи с чем и вошел в историю как первый антинорманист.

Неприязненные, мягко говоря, отношения между двумя вы-

дающимися учеными, которых к тому же постоянно сталкивало друг с другом академическое начальство, отравили Миллеру последующие пятнадцать лет жизни в Петербурге и, видимо, способствовали его решению перебраться в Москву. Впрочем, все эти годы он плодотворно работал и написал ряд оригинальных исследований, среди которых первые в русской исторической науке работы о русском летописании и о Смуте начала XVII в., об истории русско-китайских отношений и русских географических открытий в Сибири и на Дальнем Востоке, о древнем Новгороде и об ошибках иностранных авторов, писавших о России. Все это Миллер публиковал на страницах нового журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», который он редактировал в течение десяти лет, с 1754 г. Этому журналу суждено было сыграть выдающуюся роль в истории русской журналистики, да и всей русской культуры второй половины XVIII в. Здесь печатались произведения В. Н. Татищева, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова и многих других. На страницах журнала появились первые печатные переводы философских повестей Вольтера, сведения о системе классификации Карла Линнея, отрывки из произведений О. Голдсмита, публиковались рецензии на новые научные и художественные книги, выходившие за рубежом. По свидетельству митрополита Евгения Болховитинова, «вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник» [2].

В одной из первых своих статей в «Ежемесячных сочинениях» Миллер поставил весьма важную проблему. Он писал о том, что в сочинениях иностранных авторов по истории России содержится много ошибок и сознательных искажений фактов. Корень зла, по мнению историка, в том, что нет истории России, написанной русским на русском языке («История Российская» В. Н. Татищева была еще не опубликована). Поскольку создать такой обобщающий труд нелегко, следует пойти по пути составления историко-географических описаний отдельных регионов. В качестве образца Миллер приводит описание Оренбургской губернии, составленное П. И. Рычковым. Петр Иванович Рычков был чиновником и историком-любителем, автором «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской», а позднее и знаменитых мемуаров о движении под предводительством Е. И. Пугачева. Рычков был по сути новатором в подобных историко-географических описаниях, по настоянию Миллера его выбрали первым членом-корреспондентом Академии наук. Труды Рычкова также публиковались в «Ежемесячных сочинениях». Здесь надо иметь в виду, что история и география как науки еще не были в то время так отдалены друг от друга, как теперь. Всякое историческое повествование непременно сопровождалось географическим комментарием, и наоборот. История и география были

нераздельны в трудах В. Н. Татищева, не разделял их и Миллер. Географических сведений немало в «Истории Сибири», но в дополнение к ней он составил и ряд описаний сибирских уездов, которые лишь в наше время становятся доступными исследователям [3]. В 50-е гг. XVIII в. Миллер обратился и к истории других регионов страны. Ему мы обязаны таким направлением русской исторической науки, как история феодального города. Помимо уже упоминавшейся работы по истории Новгорода он опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» и небольшую статью «Известие о бывшем городе Ниэншанце», которая должна была стать прологом к большой работе по истории Петербурга. Но работать Миллеру становилось все труднее. Много времени отнимали обязанности конференц-секретаря, редактирование двух академических журналов, а ведь ученому уже было под шестьдесят. В одном из частных писем этого периода он писал: «Протоколы заседаний, внешняя и внутренняя переписка, издание в свет «Комментариев» и русского журнала, над которым я, не имея помощников, работаю уже восьмой год, отнимают у меня чрезвычайно много времени, а между тем силы меня покидают, и я едва в состоянии выносить работу до 12 и до часа ночи. Историк страны, о которой еще так мало написано, должен быть занят одною этою работою» *[4]. Все это сыграло немаловажную роль в его решении перебраться в Москву. К тому же именно в Москве находились крупнейшие архивы того времени. Еще в 1746 г. в отвергнутом академическим начальством проекте создания исторического департамента Академии наук историк писал: «Весьма бы полезно было, чтоб историографу со своею экспедициею жить в Москве, ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякие известия способнее и скорее получены быть могут, также и в разсуждении того, что тамошния архивы... историограф сам пересматривать имеет» [5].

С переездом Миллера в Москву начался самый спокойный и благополучный период его жизни. Здесь до конца дней его окружали почет, уважение и слава. После года директорства в Воспитательном доме Миллер перешел на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. В этом архиве, существовавшем как самостоятельное учреждение с 1720 г., были собраны ценнейшие и древнейшие документы по истории России, в том числе духовные и договорные грамоты великих князей московских, дела Посольского приказа, летописи и многое другое. Помещался архив в то время в здании бывшего Ростовского подворья близ Варварки. Помещение было сырым, тесным и совершенно неприспособленным для хранения документов. В 1767 г., когда Екатерина II приехала в Москву в связи с открытием заседаний Уложенной комиссии (Миллер

---

* Здесь и далее выдержки из писем и сочинений Миллера даны в орфографии XVIII в. с заменой на современные букв Ѳ, ѣ, ъ.

был ее депутатом от Академии наук), историк получил у императрицы аудиенцию и добился разрешения на покупку для архива нового здания. За 11 тысяч рублей был куплен дом на углу Хохловского и Колпачного переулков — бывшие палаты думного дьяка Емельяна Украинцева, позднее подаренные Петром I князю М. М. Голицыну, а в 60-е гг. XVIII в. принадлежавшие его сыну — генерал-фельдмаршалу А. М. Голицыну. Он-то и продал дом казне. Перед переездом сюда архива дом был отремонтирован и оборудован под хранилище документов. Так, в частности, были приняты противопожарные меры — навешены железные двери и ставни, крыша покрыта железом, причем для этого взяли железо с крыши бывшего Посольского приказа в Кремле. Под руководством Миллера документы были разобраны и началось их описание. Именно Миллер впервые попытался решать проблемы архивного дела в нашей стране на научной основе, выдвинув идею его централизации. Учениками историка были Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — первые русские профессиональные архивисты. Постепенно архив стал московской достопримечательностью, научным и культурным центром, сюда водили именитых иностранцев, а с конца XVIII в. здесь начинали службу отпрыски знатных дворянских семейств, те самые «архивные юноши», которых А. С. Пушкин увековечил в «Евгении Онегине».

Живя в Москве, Миллер активно продолжал свои научные занятия. Здесь он написал ряд новых работ, в том числе по истории первых лет царствования Петра I, истории русского дворянства, московских приказов XVI—XVII вв. и др. Не оставлял он и издательской деятельности. Под его редакцией в эти годы публикуются труды В. Н. Татищева и А. И. Манкиева, переписка Петра I с Б. П. Шереметевым, Степенная книга, разрядные записи XVII в. и др. Среди подготовленных им к изданию рукописей был и первый русский географический словарь. С его составителем, Федором Афанасьевичем Полуниным, Миллер был знаком еще по Петербургу, где тот, будучи кадетом Шляхетского корпуса, сотрудничал в качестве переводчика в «Ежемесячных сочинениях». В конце 60-х гг. Полунин составил «Географический лексикон Российского государства», широко используя опубликованные труды Миллера и Рычкова. Рукопись лексикона автор передал в типографию Московского университета. Вскоре Полунин получил назначение на должность воеводы г. Вереи и покинул Москву, а Миллер стал редактором и фактически соавтором словаря. Ряд статей он написал заново, другие дополнил новыми сведениями, широко привлекая труды Татищева и неизвестные архивные документы. В связи с эпидемией чумы в 1771 г., когда из-за гибели многих служащих пришлось на время закрыть типографию Московского университета, издание словаря задержалось, и он вышел в свет лишь в 1773 г. Среди статей,

которые заново написал для него Миллер, была и статья о Москве — одна из самых больших в словаре.

«Сей город,— объявлял Миллер в начале статьи,— в разсуждении обширности своей и с предместиями за наибольшей в Европе почитается». Сообщив затем об основании Москвы Юрием Долгоруким в 1147 г., историк переходит к описанию различных районов города, начиная с Кремля. Краткие характеристики, приводимые Миллером, отличаются удивительной точностью, лаконизмом и вместе с тем информативностью. На нескольких страницах он успевает рассказать о кремлевских дворцах и соборах, о планах постройки нового дворца в Кремле, о гибели архиепископа московского Амвросия во время Чумного бунта, о наиболее значительных постройках Китай-города, Белого города, Земляного города и Немецкой слободы. Миллер перечисляет основные улицы и городские ворота, останавливается на истории Потешного дворца царя Алексея Михайловича и Сухаревой башни, Воспитательного дома. Вот как описывает он, например, достопримечательности Немецкой слободы: «Из каменных в сей слободе строений некоторыя принадлежат знатным господам; тут же есть и дом каменной, в нем во время бытности в Москве Двора присутствовал Правительствующий Сенат, да Лефортовской дворец, построенной славным генералом и любимцом государевом Францом Яковливичем Лефортом, после коего смерти взят в казну. Во оном государь император Петр II жил и скончался. Против сей слободы при Яузе же реке был императорской весьма пространной дворец, называемой Головинским, которой сгорел, и немного выше на той же стороне главная генеральная гошпиталь — обширное каменное строение с деревянными обывательскими домами при реке Яузе, что есть первое сего рода учреждение в России, по повелению государя императора Петра Великаго в 1706 году устроенное. В сем великом доме пользуется от болезней великое множество солдат, да притом велено обучать молодых людей лечебной науке, анатомии, ботанике, рисованию и латинскому языку» [6].

Читая статью о Москве в «Географическом лексиконе», чувствуешь, что, хотя автор и пытается сохранить беспристрастный тон, его любовное отношение к городу прорывается едва ли не в каждой строчке. Не остается сомнений в том, что автор статьи — и патриот, и знаток истории первопрестольной. Надо сказать, что Миллер был человек чрезвычайно любознательный. Его интересовали любые мелочи, все, что так или иначе имело отношение к прошлому. Как у немногих в то время, у него было необыкновенно развито чувство истории, то, что принято называть историческим сознанием. И проявлялось это, в частности, в том, что и в современные ему события, явления, предметы он вглядывался именно как историк, знающий, что уже завтра все это уйдет в прошлое, станет историей. При этом и в семьдесят лет он не был кабинетным

ученым и ничуть не походил на «книжного червя», какими иногда представляют архивариусов. Его современник и коллега Август Шлецер вспоминал, что Миллер «был картинно красив, поражал высоким ростом и силой... Он мог быть чрезвычайно весел, нападал на остроумные, причудливые мысли и давал колкие ответы; из маленьких глаз его выглядывал сатир. В его образе мыслей было что-то великое, правдивое, благородное» [7]. Можно не сомневаться, что, переехав в Москву, Миллер обследовал все уголки города, собрал о нем всевозможные сведения, ведь еще двадцатью годами ранее в записке «Важности и трудности при сочинении Российской истории» среди важнейших проблем истории России Миллер называл историю основания и строительства Москвы [8].

Статья в «Географическом лексиконе» заканчивается краткой характеристикой достопримечательностей окрестностей Москвы — Коломенского, Измайлова, Преображенского, Семеновского. Именно окрестностям, истории небольших подмосковных городков и сел посвящена другая крупная работа Миллера, на которой необходимо остановиться подробнее.

В 1778 г. Миллер обратился в Коллегию иностранных дел и Академию наук — два учреждения, на службе в которых он состоял,— с просьбой разрешить ему совершить поездку по городам Московской провинции с целью составления ее историко-географического описания. Разрешение было дано, и оба ведомства приняли участие в финансировании экспедиции. Ибо это была именно экспедиция, ведь путь, который сегодняшний москвич проезжает на электричке за 1—2 часа, путешественник XVIII в. преодолевал за 1—2 дня, меняя лошадей, пользуясь услугами проводников, останавливаясь на постоялых дворах. В помощь Миллеру из Петербурга в Москву прибыл переводчик Александр Андреев, а московский главнокомандующий князь М. Н. Волконский написал циркуляр ко всем воеводам подмосковных городов с требованием во всем Миллеру помогать да к тому же выделил трех солдат московского гарнизона. Одного из них Миллер оставил сторожить свой московский дом, а двух других взял с собой. О том, как проходила экспедиция, мы узнаем из путевого дневника ученого.

3 июня 1778 г. Миллер отправился в свою первую поездку, в Коломну. Проехав восемь верст, путешественник добрался до знаменитого имения Шереметевых Кусково. Здесь его встретил хозяин, граф Петр Борисович, лишь за день до этого перебравшийся сюда, в свою летнюю резиденцию. Именно ему было обязано Кусково своим расцветом, пик которого пришелся как раз на то время, когда здесь побывал Миллер. Впрочем, историк, к сожалению, не оставил нам описания Кускова, каким он его застал, отметив лишь, что «Кусково есть старое владение фамилии Шереметевых и главное жилище летнее его графского сиятельства, весьма достойное приме-

чания для преизрядных там строений и во оных уборов, для саду, оранжерей, пруда, зверинца и пр.»[9] Отобедав у графа, с которым, видимо, был хорошо знаком, Миллер отправился дальше. Вскоре он добрался до Люберец, в то время большого дворцового села с обширным садом. К вечеру путешественник был уже в селе Маркове, также принадлежавшем П. Б. Шереметеву. Здесь, на левом берегу Москвы-реки, стоял господский дом, «многими картинами украшенной», а также сохранившаяся поныне Казанская церковь XVII в. На следующий день историк доехал лишь до села Мещерино, в семи верстах от Коломны, и вынужден был остановиться из-за поломки экипажа. Наконец 5 июня Миллер прибыл в Коломну. Здесь его встречал местный воевода П. Ф. Жуков. Вместе они отправились к епископу коломенскому Феодосию, жившему в двух верстах от города в деревне Подлипки (ныне жилой квартал Коломны). Характеризуя Феодосия, Миллер отмечает, что «архипастырь преизрядных качеств, довольно учен и всем городом любим». Епископ предоставил Миллеру собственную карету для поездки в Голутвин монастырь. Здесь их встретил и водил по монастырю его настоятель архимандрит Арсений. В одной из церквей Миллеру показали посох основателя монастыря Сергия Радонежского — «Из простаго дерева, с деревянною же прямою клюкою и весь притом черной».

На следующий день вместе с воеводой Миллер отправился в село Дединово на Оке, где в XVII в. был построен первенец русского военного флота корабль «Орел», позднее сожженный казаками Степана Разина. Быть в Коломне и не повидать этой верфи Миллер, конечно, не мог. В последующие дни он продолжал собирать сведения по истории города, побывал в Брусенском, Спасском и Бобреневе монастырях, осмотрел городские фабрики и наконец, пустился в обратный путь, заехав по дороге в Мячково с его знаменитыми каменоломнями.

Отдохнув две недели, Миллер предпринял вторую поездку, на сей раз на северо-восток от Москвы. 3 июля он приехал в Троице-Сергиев монастырь. Остановившись на постоялом дворе, Миллер послал сообщить наместнику монастыря о своем прибытии. Это был также его знакомый, в прошлом студент Московского университета Петр Пономарев, в монашестве Павел. В университете учился и ректор духовной семинарии Аполлос, в миру Андрей Байбаков. Оба они долго водили Миллера по монастырю, показывая его достопримечательности. Утомившись, историк отправился в карете наместника на постоялый двор отдыхать, а наутро карета вновь ждала его, чтобы отвезти в семинарию. Описывая ее, среди самых талантливых выпускников Миллер упоминает М. И. Ильинского, известного своими переводами Светония, а также составлением «Опыта исторического описания города Москвы». Это сочинение было опубликовано лишь в 1795 г., однако написано было, видимо, значительно раньше. Во всяком случае, список с

него сохранился в личном архиве Миллера и, следовательно, выполнен не позднее 1783 г., когда Миллер умер.

В семинарии Миллер стал свидетелем богословского диспута на латинском языке, затем последовал обед у наместника, после чего Миллер поехал в село Деулино, где в 1618 г. было заключено перемирие с поляками.

5 июля Миллер покинул монастырь и отправился в Александрову слободу. Нетрудно догадаться, как интересовало Миллера это место — резиденция Ивана Грозного, непосредственно связанная с историей опричнины. Миллер побывал в здешнем монастыре, осмотрел Троицкий и Успенский соборы, усыпальницы монахинь, среди которых были и захоронения сестер Петра I Марии и Феодосии. Видел историк и знаменитые Новгородские врата, привезенные Иваном Грозным из похода на Новгород. Целый день провел Миллер в Александровой слободе, а уже на следующее утро отправился в Переславль-Залесский. В Переславле Миллер прежде всего мечтал увидеть Плещеево озеро, где Петр Великий строил первые русские корабли. Однако никаких следов верфи Миллер не нашел и записал, что озеро «славится более сельдями, нежели первым потешным кораблеплаванием Петра Великаго». Впрочем, знаменитый ботик Петра, которым и сегодня любуются туристы в Переславле-Залесском, видел и Миллер.

Ученый провел в Переславле три дня, побывал во всех городских и окрестных монастырях — Горицком, Данилове, Никитском, Никольском, Борисоглебском, Федоровском, Богородицком, Вознесенском, познакомился с архивом воеводской канцелярии, собрал сведения о числе жителей, их занятиях и пр. Сделать это было тем легче, что помогал Миллеру сам воевода В. П. Чичерин, которого историк характеризовал как человека «честного и весьма обходительного». Чичерин приглашал Миллера остановиться в его доме, но путешественник отказался и жил на постоялом дворе, приезжая к Чичерину лишь обедать и пользуясь его каретой. Вечером 9 июля Миллер пустился в обратный путь. Из-за сильной жары на сей раз он решил ехать ночью. На следующий день он вернулся в Москву.

Свое третье путешествие Миллер совершил на запад от Москвы — в Можайск, Рузу и Звенигород. Выехав из Москвы 24 июля в четыре часа дня, он к вечеру прибыл в имение Голицыных Вяземы. Этому селу еще предстояло обрести громкую славу, связанную с именем А. С. Пушкина, а пока оно интересовало Миллера как бывшая вотчина Бориса Годунова, а затем имение сподвижника Петра князя Бориса Алексеевича Голицына. Бывал здесь и сам Петр Великий. Хозяин Вязем — князь Николай Михайлович Голицын — ожидал Миллера. У него историк заночевал и провел половину следующего дня, а затем отправился дальше. На следующий день он был в Можайске. Его встречал здешний воевода майор В. А. Жохов,

в доме которого он и остановился. Вместе с воеводой историк осмотрел город, побывал в Лужецком монастыре и городке Борисове, построенном Борисом Годуновым, а на следующий день выехал в Рузу. В город Миллер приехал поздно вечером и сразу же отправился в дом воеводы И. Ф. Оглоблина, у которого останавливались все приезжие. Это был, как пишет Миллер, «человек честной, разумной и ученой, служил долгое время в артилерии, а при конце, что служит к немалой его чести, был адъютантом и письмоводителем у г. генерала графа Фермора» (главнокомандующий русскими войсками в Семилетнюю войну). Руза Миллеру не понравилась. Город и его жители были очень бедны, большинство домов крыто соломой и даже местные бургомистр и ратман ходили в лаптях. Впрочем, это не помешало историку посетить местную воеводскую канцелярию и скопировать ряд документов по истории города.

В десяти верстах от Рузы находилось имение княгини Елены Алексеевны Долгорукой, давней знакомой Миллера еще по Сибири, где она вместе с другими членами рода Долгоруких находилась в ссылке во время правления Анны Ивановны. Княгиня жила в селе Никольском, в новом, только что выстроенном (сохранившемся до наших дней) доме, о котором Миллер пишет, что он «немал и искусною архитектурою построен». Не склонный к лирическим отступлениям, ученый отмечает и прекрасный вид, открывающийся от Никольского, «что различными и переменными предметами зрение услаждать может». Погостив у Долгорукой два дня, Миллер поехал в Звенигород. Здесь он наскоро осмотрел город и Саввино-Сторожевский монастырь и возвратился в Москву. Путешественник спешил, ибо приближалось начало поста в честь праздника Успения Богородицы, а «в пост нехорошо ездить».

На этом закончились путешествия Миллера в 1778 г. Осенью он заболел и проболел всю зиму, но к весне почувствовал себя лучше и нашел в себе достаточно сил, чтобы продолжить экспедицию. 11 мая 1779 г. он вновь отправился в путь, на этот раз в Дмитров. Он прибыл туда на следующий день в пять утра. Дмитров понравился Миллеру больше других подмосковных городов, где он бывал. Здесь было больше порядка, чувствовалось, что у города хороший хозяин. Впрочем, о встрече с кем-либо из представителей местной администрации историк не упоминает. Как и в предыдущие поездки, Миллер осмотрел все городские церкви, собрал сведения о числе жителей, их социальном и имущественном положении, городской торговле и промышленности, а затем поехал в Вербилки, на знаменитую фарфоровую фабрику, основанную незадолго перед этим английским купцом Ф. Гарднером. В своем путевом дневнике ученый подробно описывает историю основания фабрики, условия ее работы, рассказывает об изготовлении здесь сервизов со знаками русских орденов для двора императрицы.

16 мая Миллер покинул Дмитров, а на следующее утро приехал в Клин. От городов, виденных им прежде, Клин отличался прежде всего тем, что со времен Петра I основное его население составляли ямщики. В Клину Миллер занемог и поспешил возвратиться домой. Вся поездка заняла восемь дней. Это было последнее путешествие ученого. Ему было уже 74 года, возраст весьма почтенный и по нашим представлениям, а для людей XVIII в.— глубокая старость. Создать в полном смысле историко-географическое описание Московской губернии Миллеру было уже не по силам, но свои дорожные впечатления он обработал. Выше говорилось о его путевом дневнике, теперь же пора сказать, что «путевым дневником» его можно назвать лишь условно. Его характер сильно отличается от большинства произведений этого жанра второй половины XVIII — начала XIX в. Путевой дневник Миллера лишен экспрессивных описаний красот природы и путевых встреч, каких-либо лирико-философских или общественно-политических размышлений, т. е. всего, что мы находим, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева или в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина,— всего, что сформировалось в русской литературе под влиянием западноевропейских образцов, и прежде всего «Сентиментального путешествия» Л. Стерна. Сочинение Миллера — не литературное произведение, а научный труд, составленный по определенной программе и включающий ряд обязательных компонентов.

Дело в том, что еще во время пребывания в Сибири Миллер разработал программу изучения отдельных населенных пунктов. До приезда в какой-либо город он посылал туда анкету, содержавшую ряд вопросов, касавшихся истории его строительства, состава слобод, сел и деревень прилегающего уезда, численности населения, величины собираемых податей, цен на продукты, состава местного архива и т. д. Позднее, в 1759 г., уже будучи конференц-секретарем Академии наук, Миллер составил для академического переводчика А. Дубровского, отправлявшегося в путешествие по России с юным графом Семеном Воронцовым, специальную инструкцию. В ней, в частности, говорилось: «Сочинить ему всему пути журнал, в котором написать в каждой день, которыми местами ездили, и место от места сколь далеко, так чтоб во оном журнале все городы, крепости, слободы, горные и протчие заводы, монастыри, села, деревни, заставы, реки, речки, озера, горы, леса и протчия именитыя урочища написаны были с подлинным или примерным разстоянием. При чем и того наблюдать надобно, какова дорога, гладка ли или гориста, или болотиста, прямая ли или кривая, полями ли езда производилась или лесами, сухим ли путем или водою и пр. Каждое знатное место, яко городы, крепости, заводы описать по их местоположению, укреплению, величине, числе церквей и домов обывательских, какое в них

публичное строение... и в каждом месте каких чинов жители живут и сколько их каждаго чина порознь»[10]. Цитату можно было бы продолжить (инструкция содержит 16 пунктов), но и по приведенному отрывку видно, что это была хорошо продуманная программа. В соответствии с ней действовал и сам Миллер, путешествуя по подмосковным городам. Помимо путевого дневника он написал также несколько исторических очерков об отдельных городах — Можайске, Переславле-Залесском, Звенигороде, Коломне, а также о Саввино-Сторожевском монастыре *. Очерки основаны на архивных документах и написаны на высоком научном уровне: даже и сегодня они сохраняют свою значимость. Более того, в некоторых вопросах Миллер опередил свое время. Так, например, он справедливо связывал основание Звенигорода с именем Юрия Долгорукого, в то время как позднее, в XIX в., господствовала точка зрения, что город был основан в XVI в. Значение очерков Миллера и дневника его путешествия по подмосковным городам для русской исторической науки трудно переоценить, ведь, начиная именно с этих работ, можно с уверенностью говорить о появлении, выделении и обособлении проблемы изучения древнерусского города в отечественной историографии[11].

К сожалению, издательская судьба и путевого дневника Миллера, содержащего уникальные сведения о множестве населенных пунктов Подмосковья, и очерков об отдельных городах сложилась несчастливо. Еще при жизни Миллера часть этих работ была опубликована по-немецки в «Санкт-Петербургском журнале», а после смерти историка с некоторых из этих публикаций были сделаны русские переводы и напечатаны в журнале «Новые ежемесячные сочинения». Между тем в личном архиве ученого, хранящемся в Москве в Центральном государственном архиве древних актов, имеются рукописи авторизованных, т. е. правленных рукой самого автора, переводов почти всех этих работ. Как и всегда, работая с переводами своих статей, Миллер много в них поправлял, дополнял, иногда значительно меняя смысл. Можно не сомневаться, что публикация этих рукописей вызвала бы большой интерес и у массового читателя, интересующегося историей Москвы и Подмосковья, и у специалистов.

---

* Описывая Саввино-Сторожевский монастырь, Миллер упоминает об учителе здешней семинарии, прибывшем из московского Заиконоспасского монастыря, и в связи с этим добавляет: «Некоторые мнят, что правильнее будет называть оной Иконоспасским, для того, что сооружен в честь нерукотворному образу, но звание произошло не по образу, но по местоположению. Идучи из Кремля к монастырю, находятся по правую руку улицы лавки, в коих выменивают святыя иконы. В разсуждении сих лавок с начала монастырского сооружения, которой приписывается государю царю Феодору Алексеевичу, называли оной «за иконным рядом Спасским монастырем», а вкратце «Заиконоспасским».

Незадолго до смерти Миллера его многолетняя служба России была отмечена правительством: он получил чин статского советника и орден Св. Владимира. Императрица Екатерина II повелела приобрести у ученого его обширную библиотеку и собрание рукописей, оставив их на вечное хранение в архиве, которому он отдал последние десятилетия своей жизни. С тех пор и до наших дней этим огромным богатством пользуются историки, филологи, географы, этнографы, специалисты по истории культуры и многие другие. Постепенно возвращается к нам и научное наследие историка, все явственнее становится огромная роль, которую он сыграл в становлении русской исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук. Спб., 1870. Т. 1. С. 381.

[2] *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 67.

[3] *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

[4] Цит. по: *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 387—388.

[5] ЦГАДА, ф. 199, Портфели Миллера, портфель 421, д. 4, л. 13.

[6] Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 191—192.

[7] *Шлецер А. Л.* Общественная и частная жизнь. Спб., 1875. С. 26.

[8] ЦГАДА, ф. 199, портфель 150, ч. 19, л. 381—381 об.

[9] Здесь и далее путевой дневник цитируется по рукописям Миллера, хранящимся в ЦГАДА, в ф. 199.

[10] ЦГАДА, ф. 199, портфель 412, ч. 2. д. 19, л. 1.

[11] *Илизаров С. С.* Русский город глазами историков XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 154.

Список работ Г. Ф. Миллера

Географический лексикон Российского государства. М., 1773.

Путешествие в Коломну // Новые ежемес. соч. 1789. Май. С. 69—93.

Путешествие в Свято-Троицкий монастырь // Там же. Ноябрь. С. 3—52.

Описание Переславля-Залесского // Там же. Дек. С. 3—34.

Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород // Там же. 1790. Апр. С. 41—91.

В. Ю. Афиани

«РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК»

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ СВИНЬИН. 1787—1839

В галерее российских краеведов для всеобщего обозрения представлены еще далеко не все портреты «любителей отечественного». Неполной она будет и без яркой, колоритной фигуры Павла Петровича Свиньина, оставившего свой след и в летописях московского краеведения.

Путь в краеведение у каждого человека индивидуален и неповторим, но есть то общее, что объединяет всех. Это желание узнать и сохранить неповторимые черты ушедшего и уходящего в памяти народной, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Поэтический образ «любви к родному пепелищу» слишком часто в нашей истории обретал прозаическую реальность. И эти потери становились сильнейшим побуждением к сбережению хотя бы следов, слепков «утраченного времени». Пожар московский 1812 г., изменивший облик древней столицы, глубоко запал в сознание народа, всех слоев русского общества, будил воспоминания об истории Москвы, да и о самой «особенной» московской жизни. И именно пожар Москвы стал побудительной причиной первого выступления в печати Свиньина с очерками о достопримечательностях города.

Свиньин занимает своеобразное место в истории русской культуры и отечественного краеведения первых десятилетий XIX в., как и в истории москвоведения. Его перу не принадлежат капитальные научные труды о прошлом Москвы, такие, какие издали его младший современник И. М. Снегирев, а тем более И. Е. Забелин. Не оставил он и компилятивных работ, сравнимых по своей популярности, например, с книгой М. И. Пыляева «Старая Москва». Свиньин опубликовал в 1810—1830-х гг. всего несколько очерков о достопримечательностях столицы и ее окрестностей. Они, возможно, и затерялись бы в нарастающем потоке публикаций о Москве, если бы некоторые из них не вошли в известную и ценимую в библиофильской среде книгу — «Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньина», изданную в 1839 г. уже после смерти автора.

Но не одна редкость издания или ценность иллюстраций по рисункам Свиньина, изображавших виды городов, обычаи, национальные костюмы и т. п., привлекали тех, кому попадала в руки эта книга. Она находила своих читателей и многие годы спустя после своего выхода в свет. Об этом свидетельствует любопытная запись неизвестного читателя на титульном листе экземпляра книги, принадлежавшего коллекционеру А. И. Маркушевичу: «Читал с огромным восторгом. 1913 г. в месяце мае». Судя по почерку, это был, по-видимому, немолодой уже человек. Символично это восхищение традициями старинной русской жизни накануне мировой войны и революций, вскоре перевернувших весь уклад Российской империи.

Чем же интересен для нас П. П. Свиньин, его «дела и дни»? Каждое имя в «начальной летописи» москвоведения дорого, рядом с первыми исследователями прошлого Москвы особой признательности заслуживают и первые популяризаторы исторических знаний, утверждавшие в общественном сознании понятия о ценности памятников истории и культуры. В начале XIX в. круг писавших о Москве был крайне узок. Широкий интерес к отечественным древностям еще только пробуждался. Русская старина, жившая в облике и атмосфере допожарной Москвы, сопротивлялась петровскому европеизму и универсализму и невольно впитывалась ее обитателями. И потому не трудно предположить, что у сына костромского помещика, приехавшего учиться в Благородный пансион при Московском университете, первые впечатления юности оставили глубокий след в сознании. Здесь Свиньин приобщился к литературе, опубликовал свои первые опыты в университетском альманахе «Утренняя заря», увлекся живописью. И потому после окончания пансиона с серебряной медалью он избрал не традиционную для дворянина службу в армии, а штатское поприще, сначала в Архиве Коллегии иностранных дел, а вскоре и в самом дипломатическом ведомстве.

Служба не мешала увлечениям Свиньина, наоборот, скорее развивала и обогащала их. В 1806 г. он был отправлен переводчиком к главнокомандующему русскими войсками на Адриатике и в Средиземноморье адмиралу Сенявину, стал очевидцем сражений, был награжден. Здесь и произошло знакомство Свиньина с человеком, оказавшим, по его признанию, огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь,— с будущим президентом свободной Греции И. А. Каподистриа. Он заметил молодого чиновника, посвящавшего все свободное время зарисовкам руин древнегреческих городов, пейзажей, освященных именами героев античных мифов и преданий, и предложил ему совершить путешествие по Аттике. Описание путешествия брал на себя Каподистриа, а иллюстрировано оно должно было быть рисунками Свиньина. Несомненно, этот замысел возник под влиянием всеобщего тогда увлечения античной историей и культурой, книгами о путешествиях, без которых не обходилась ни одна

дворянская библиотека, прежде всего, знаменитым «Путешествием юного Анахарсиса» Ж. Ж. Бартелеми. Но «по политическим обстоятельствам» этому плану не суждено было осуществиться.

Новая встреча с Каподистриа, перешедшим на русскую службу, состоялась в Петербурге в 1809 г. Свиньин, «имея мало занятий по службе», «предался совершенно» своей живописной страсти и рисовал «казаков, черкесов, лихие тройки», стараясь «схватывать черты русского быта и физиономии русских» [1]. Его картины стали пользоваться признанием, а в 1811 г. за работу «Отдых Суворова по одержанной победе» Свиньин избирается академиком Академии художеств.

Каподистриа подсказал и замысел нового путешествия. Он советовал «сыскать случай обозреть Россию с карандашом в руках» и даже написал специальную записку «Мысль о живописном путешествии по России», с тем, чтобы правительство оказало Свиньину материальную помощь. Но прошло еще десять лет, прежде чем удалось воплотить этот проект в жизнь, с одним, весьма существенным отличием — путешествия Свиньин совершал главным образом за свой счет. Согласно записке, предполагалось «изложить в собрании картин» нравы, обыкновения и обычаи народов Российской империи, «достопамятные для истории сих народов», запечатлеть «прелестные виды», сопроводив все это «замечаниями описательными, историческими и статистическими» [2]. Жизнь внесла изменения в план Каподистриа, но Свиньин, сохранив глубокую признательность к автору записки, в память о нем дважды опубликовал ее — в журнале «Московский телеграф» и в предисловии к «Картинам России» [3].

А в ближайшие годы, вместо путешествия по России, ему пришлось продолжить дипломатическую службу за границей. В 1811—1813 гг.— переводчиком, секретарем русского генерального консула в Филадельфии в Соединенных Штатах Америки. Помимо исполнения служебных обязанностей он немало способствовал культурному сближению двух народов: установил связи со многими видными деятелями Америки, с Академией художеств в Нью-Йорке и был избран ее почетным членом, подарил Американскому философскому обществу «Пантеон русских писателей» Н. М. Карамзина, перевел краткий очерк о Ломоносове на английский язык и т. п. [4] Здесь же на практике он опробовал и идею «живописного путешествия». Свиньин совершил несколько поездок по стране, собирал различные материалы о ней, а также описания и чертежи технических изобретений, которые могли бы, по его мнению, пригодиться и в России. Он, например, стал пропагандистом «таинственного изобретения стимбота» Р. Фултона, т. е. парохода. И конечно, много рисовал с натуры. По его словам, он получил несколько предложений в Англии издать эти рисунки и описания или продать их за 25 тысяч рублей, но из «чувства справедливости, честолюбия и

любви к моему Отечеству» Свиньин хотел опубликовать свои материалы только в России. Но в полной мере осуществить это не удалось. Книга, названная во втором издании «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», была лишь «предварительным» ознакомлением соотечественников, как «с предметами» описания, так и «с образом... суждений» автора [5]. В нее вошли шесть очерков о различных сторонах жизни Америки, предваряемых гравюрами по рисункам автора. Известный американист Н. Н. Болховитинов отмечает проницательность автора, его тонкие и интересные наблюдения, в том числе о национальных особенностях американцев, условиях их жизни. Высказывая немало и критических замечаний в адрес сочинений Свиньина, он тем не менее считает их «крупным событием в русской литературе» тех лет, во многом сохраняющим свою ценность и по богатству фактического материала, и по ряду обобщений и выводов [6]. Высокой оценки заслужила книга и зарисовки Свиньина и в самой Америке. Она была переведена в Нью-Йорке в 1930 г. Там же были помещены репродукции с 52 акварелей, изображающих бытовые сцены, виды из альбома Свиньина, попавшего в США в годы гражданской войны [7]. К сожалению, у нас этот альбом почти неизвестен [8]. А он примечателен не только как памятник русско-американских связей начала XIX в., но и тем, что, по словам американского историка искусства Р. Голси, «других столь содержательных иллюстраций жизни и быта наших предков в этот ранний период» истории США, чем эти акварели, пожалуй, нет [9]. В альбоме находятся и виды Москвы и Петербурга, по которым были сделаны гравюры для другой книги Свиньина, рассказывавшей американцам о России.

Путешествие по Америке стало своего рода апробацией проекта «живописного путешествия» по России. Но еще до первых публикаций об Америке, первоначально помещенных в журнале «Сын Отечества», Свиньин обратился к российской теме. В 1813 г. в Филадельфии он издал книгу «Sketches of Moscow and St. Petersburg». В нее вошли очерки об Александре I, Кремле, Москве, памятнике Петру Великому, Казанском соборе, Летнем саде и катании с ледяных гор в Петербурге, о казаках и черкесах, с гравюрами перед каждым очерком. А в следующем году эта книга в расширенном виде была переиздана уже в Лондоне [10]. Сам Свиньин позднее рассматривал эти книги как бы началом реализации «предположений», обсуждавшихся с Каподистриа, но главной их целью было, конечно, «дать хотя поверхностное, но верное понятие о России в Новом Свете, наполненном славою Наполеона и жаждавшем узнать о народе, ниспровергшем сего дивного исполина». В то время и в Европе был велик интерес к России. Свиньин писал, что «картинные магазины, стены на перекрестках и книжные лавки в Лондоне наполнялись изображениями казаков и всего русского, но, к сожалению, сделанными так неправильно, так небрежно, что

вместо удовольствия и самолюбия возбуждали в русских или смех или негодование»[11]. Впрочем, и книги его на родине не избежали суровой критики историка и редактора журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского[12]. Более подробно о мотивах, подвигнувших автора на издание книги в Америке, Свиньин писал в очерке о Кремле, опубликованном в «Отечественных записках». С некоторыми изменениями этот очерк был перепечатан в «Картинах России», которые он и открывал. «Тогда как надменный Наполеон возвещал в бюллетене своем, что древняя столица России не существует более, что Кремль взлетел на воздух и в прахе исчез навеки, тогда как ужасная новость сия, достигши быстро до Америки, потрясла души немногих Россиян, там находившихся, они утешались надеждою, что Москва, подобно Фениксу, восстанет из праха своего, и в новой красе и величии; они провозглашали это в Новом Свете, постигая могущество любви к Отечеству и дух народный, чувствуя, что пока бьются сердца в груди Русских, рука их не допустит, чтобы древняя столица православных Царей лежала в развалинах сиротеющею; они предугадывали, что благоговение Москвитян к святыне, заключающейся в стенах кремлевских, подает им новый случай показать свое усердие и открыть перед взором Европы обильный источник внутреннего богатства России, и они не обманулись: свершилось ожидаемое ими»[13].

Приступить к реализации своего давнего замысла Свиньин смог, наконец, после возвращения на родину в 1816 г. Одновременно с первыми путешествиями по России он приступает в 1818—1819 гг. к изданию сначала альманаха «Отечественные записки», а затем преобразует его в журнал. Программа «Отечественных записок» теснейшим образом была связана с идеей «познания» России. В ней предусматривалась публикация «журналов многих, никому не известных русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям», «записок отличных воинов-литераторов», «жизнеописаний знаменитых россиян и достойных известности граждан и художников», «описаний сибирских рудников и заводов», сообщений «об отечественных открытиях и исторических розысках». Для нас особенно важно, что в программе значилось и издание «наблюдений издателем Москвы, Киева, Новгорода и других классических отечественных городов»[14].

Немало любопытного читатель, краевед помимо публикаций самого издателя и редактора найдет в «Отечественных записках» о Москве. Здесь и очерки об известных москвичах, выделявшихся своей деятельностью или увлечениями, как, например, о И. А. Гребенщикове, «купце-изобретателе», заметки о народных праздниках и обычаях — о праздновании Семика 20 апреля 1823 г., культурных событиях — концертах или открытии Триумфальных ворот. Издателя интересовали самые разные сведения об «отечественном», об истории и современности России. Отсюда и название журнала, столь знаменитое впоследст-

вии в истории журналистики, литературы и общественной мысли. Издание Свиньина имеет непосредственное отношение к своему столь непохожему «потомку», так как права на издание «Отечественных записок» были переуступлены Свиньиным А. А. Краевскому в 1838 г. Однако историки периодической печати оказались неблагодарными и к издателю, да и к самому «первому» журналу. Информация об «Отечественных записках» Свиньина, даже в учебниках, грешит неточностями и необъективными оценками [15]. Для нас важно, что, вопреки нередким утверждениям о скучности и непопулярности его среди читателей, журнал довольно долго, хотя и не все годы, пользовался заметным успехом. Число его подписчиков доходило до 1400, что выделяло «Отечественные записки» из среды немалого числа других изданий, довольствовавшихся несколькими сотнями подписчиков.

Журнал занял вполне определенное место в проекте «познания» и «обозрения» России, все более усложнявшемся и обретавшем новые черты. «Возвратяся из чужих краев в 1816 году,— писал Свиньин,— и возложив на себя обязанность собственным своим опытом узнать свое Отечество, я вознамерился воспользоваться моими поездками по России, чтобы собирать все любопытное, достойное примечания по части древностей и изделий отечественных» [16]; а в журнале «помещал все замеченное и приобретенное мною во время путешествия, при сношениях моих с разными лицами по всем концам России, собранные мною сведения обо всем, что заключало в себе какое-либо достоинство новости, географии, статистики, археологии, что было отголоском древней и современной народности» [17].

Постепенно у него в руках скапливались различные материалы, и так складывалось собрание, названное его владельцем «Русским музеумом». С изданием «Отечественных записок», имевших подписчиков в разных концах Российской империи, имя его издателя обретает широкую известность. Это помогало ему в контактах с интересовавшими его людьми не только в столице и в Москве, но и в провинции. Свиньин завязывал связи с владельцами художественных собраний, архивов, библиотек, от которых нередко получал различные редкости. В свою очередь, путешествия помогали ему расширять круг читателей. А рукописи, исторические документы, присылавшиеся для публикации в журнале, затем могли попасть (в подлинниках или копиях) в «Русский музеум» или наоборот.

О взаимосвязи журнала и собрания, в частности, говорил и общий эпиграф, открывавший журнал и каталог собрания: «Любить Отечество велит природа, Бог. А знать его — вот честь, достоинство и долг!» Со временем «Русский музеум» приобрел известность как одна из достопримечательностей Петербурга. Его посещали и русские и иностранцы. В нем, например, в 1829 г. побывал знаменитый немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт, оставивший в альбоме жены Свиньина запись,

в которой отдавал дань признательности «благородному желанию осветить историю своей родины с помощью отечественных памятников» [18].

Что же входило в «Русский музеум»? Как вспоминал один из современников, он поражал своим разнообразием: «Чего, чего у него не было!» [19] Свиньин поддерживал и пропагандировал русское искусство, в том числе московских художников и скульпторов, был одним из основателей Общества поощрения русских художников. И справедливо гордился своей картинной галереей и скульптурным отделом русских мастеров конца XVIII — начала XIX в. Здесь были представлены творения лучших мастеров этой эпохи. Посетителя «Музеума» встречал портрет Свиньина на фоне Ниагарского водопада кисти В. А. Тропинина. В собрании находились работы К. П. Брюллова, А. Г. Венецианова, М. Н. Воробьева, А. Е. Егорова, О. А. Кипренского, Д. Г. Левицкого, А. П. Лосенко, В. К. Шебуева, С. Ф. Щедрина и других. Он владел мозаичным портретом Петра I работы М. В. Ломоносова, скульптурами М. И. Козловского, И. П. Мартоса, Э. М. Фальконе, Ф. И. Шубина. В «Русском музеуме» находились «миниатюрные портреты царственных и знаменитых особ», исторические медали, старинное русское серебро, изделия из камня, кости и бронзы, предметы и вещи, принадлежавшие выдающимся русским деятелям, «приобретенные от лиц и мест, заслуживающих особенное внимание» (отдел «Воспоминания»). Свиньин собрал также коллекцию горных пород России, библиотеку сочинений иностранцев, писавших о стране, в том числе издания XVI—XVII вв., книги на русском языке о Петре I, а также рукописи, документы, автографы [20].

В истории частного коллекционирования в России собрание Свиньина заслужило высокой оценки [21]. Оно стало одним из отдаленных прообразов будущих национальных собраний — Третьяковской галереи и Исторического музея в Москве, Русского музея в Ленинграде. Владелец «Русского музеума» не таил своих сокровищ. Наоборот, известно, что рукописями собрания, например, не раз пользовался Пушкин. По своему характеру Свиньин не мог удержаться, чтобы не похвастаться новыми приобретениями перед друзьями и знакомыми. Современники не без юмора вспоминают, как он, завидев приятеля из окна квартиры на третьем этаже в доме напротив Михайловского театра, где большая часть комнат была отдана собранию, выбегал на площадь с криком: «мивый, мивый» (Свиньин картавил) — и уводил к себе невольного посетителя [22].

Но мечта коллекционера — увидеть свое собрание надежно устроенным, обеспеченным и застрахованным от случайностей — не сбылась. Он пытался заинтересовать собранием правительство, но безуспешно [23]. Пытался продать «Русский музеум» целиком и в частные руки известному богачу и откупщику А. И. Яковлеву [24]. Пока «Отечественные записки»

имели успех у публики, Свиньин имел возможность путешествовать и пополнять свое собрание. Снижение его популярности принесло издателю материальные затруднения. В 1830 г. он был вынужден прервать издание «Отечественных записок» и уехать в деревню. Обширная его деятельность требовала немалых затрат. Кое-что Свиньин для собрания получал в дар, но многое покупал, и недешево. Удачливость в коллекционировании породила молву среди современников и позднейших исследователей о том, что Свиньин «как-то умел много добра даром приобретать» [25], а то и «исхищать» «из-за крепких, неприступных затворов» [26]. Доля правды в этом есть. Свиньин, подобно другим своим знаменитым коллекционерам-современникам, например, А. И. Мусину-Пушкину, П. М. Строеву [27], увы, не мог иногда устоять перед искушением заполучить любым способом, в том числе и не вполне «легальным», заинтересовавшие его рукописи, документы. Но не приходится сомневаться и в его словах, что ради осуществления своего проекта ему требовалось «жертвовать собственным своим достоянием», преодолевать множество препятствий, непонимание: «Сколько нужно было твердости, самоотвержения, чтоб не упасть духом и не поколебаться в сем предприятии, сколько нужно было принесть пожертвований всякого рода, чтоб достигнуть сколько-нибудь своей цели!» [28] Однако и «Русский музеум» постигла участь многих частных собраний. В 1834 г. он был продан с аукциона, материалы разошлись в разные руки. Пропали ли его усилия даром? Думаю, нет. Сложными путями многие экспонаты «музеума» обрели пристанище в современных музеях, библиотеках и архивах, хотя далеко не всегда сейчас известно их происхождение [29]. Сам факт существования «Русского музеума» в то время, когда оживленно обсуждался вопрос о необходимости создания национального музея [30], должен был сыграть роль примера, достойного подражания.

Возвратимся к «живописным» путешествиям Свиньина. Многое из первоначальных планов ему удалось выполнить. Он объездил европейскую часть России, побывал на ее Севере, в Архангельской губернии и на Соловках, плавал по Волге до Каспийского моря, путешествовал по Уралу, Кавказу и Крыму, посетил Бессарабию и другие места. Путь его нередко пролегал через Москву, а одну из первых своих поездок, еще в 1819 г., он специально посвятил древней столице и, как обычно, о своих впечатлениях рассказал в одном их первых номеров «Отечественных записок».

В «Первом письме из Москвы» Свиньин поспешил познакомить читателей с «сокровищами наук и художеств, хранящимися в Москве под покровом неведения не только для иностранцев, но и для нас самих» [31]. Сообщалось о многих собраниях, уцелевших после пожара 1812 г.: Н. Б. Юсупова, М. П. Голицына, А. А. Тучкова, Ф. С. Мосолова, А. И. Долгорукова, А. С. Власова, И. П. Поливанова, З. П. Зосимы, Д. А. Лухмано-

ва, Васильчиковых, Бибиковых, М. М. и М. А. Голицыных. Более подробно описывались древние рукописи и книги библиотеки «Русской старины» Ф. А. Толстого, по сведениям, полученным от составителей еще не опубликованного каталога собрания К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева.

Во «Втором письме из Москвы» рассказывалось о торжественном молебне в Кремле в честь освобождения первопрестольной от наполеоновской армии 12 октября 1812 г., на который Свиньин попал прямо с дороги. Эти воспоминания навеяли тему рассуждений о вреде излишнего увлечения французским языком в русском обществе и о достоинствах родного языка, о важности правильной постановки образования. Он приводил в качестве примера и образца преподавание в Благородном пансионе в годы своего обучения в нем, когда пансион был действительно одним из лучших учебных заведений, и выражал признательность преподавателю российской словесности М. Н. Баккаревичу и директору пансиона А. А. Прокоповичу-Антонскому. Последний организовал на своей квартире литературное общество, где воспитанники пансиона, среди которых были В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков, братья Тургеневы и сам Свиньин, встречались с уже известными литераторами И. И. Дмитриевым, Н. М. Карамзиным и другими.

В том же году Свиньин поместил очерк об Оружейной палате, заимствовав подробности «большею частию» из описания ее А. Ф. Малиновского, а позднее опубликовал и отрывок из «Исторического описания древнего Российского музея в Москве», присланного самим автором [32]. Свой популярный очерк Свиньин выпустил также отдельным изданием [33].

В следующем году в «Отечественных записках» была опубликована его «Прогулка по Кремлю». Номер открывался литографией с изображением Кремля со стороны Большого Каменного моста по рисунку автора. В «Картинах России» очерк был напечатан с некоторыми изменениями и дополнениями под новым названием — «Кремль и его соборы». Свиньин писал: «Предпринимая говорить о России, не должно ли начать Москвою, а говоря о Москве, не надлежит ли прежде всего сказать о Кремле, сем палладиуме славы и величия Царства Русского?» Вспоминая о том тяжком впечатлении, которое произвели известия о пожаре Москвы, и о тогдашних надеждах на воскрешение города, вполне оправдавшихся, он писал, что Москва «уже явилась прекраснее, великолепнее прежнего», но «возрождение сие во многом изменило прежний вид и положение города, а от некоторых достопамятных урочищ едва остались приметы и предания». А потому он хотел сохранить память об исчезающем прошлом и «помечтать» «при памятниках древности о событиях протекших» [34]. Описания достопамятностей Кремля давали повод совершить краткие экскурсы в историю России и самой столицы Российского государства. Не обошелся автор и без напоминания о легендарных преданиях, повеству-

ющих о начале Москвы. В очерке рассказывалось и о «низенькой церкви, глубоко вросшей в землю от бремени веков»,— храме Спаса на Бору, о кремлевских соборах, о «фаросе древней столицы» — колокольне Ивана Великого и др., довольно подробно сообщалось об их истории, иконах, гробницах и других памятниках, в них сохранявшихся. В «Картинах России» он предполагал продолжить публикацию очерков о кремлевских зданиях и дворцах (в последующих выпусках), но не успел осуществить задуманное [35].

О своей поездке 1821 г. для «наблюдения» достопамятностей Подмосковья Свиньин написал в очерке «Странствования в окрестностях Москвы». Он побывал в Измайлове вместе с уже начинавшим приобретать известность знатоком истории Москвы И. М. Снегиревым, посетил Горенки, где находился знаменитый ботанический сад, Косино, Кусково, Коломенское, Царицыно. В книге отдельные очерки посвящены «Селу Коломенскому», «Царицыну» и «Троице-Сергиевой лавре».

В очерках описывалась дорога, «очень приятная и богатая роскошными сельскими картинами и разнообразными видами», затем более подробно история поселений, памятники. Эти сведения перемежались лирическими отступлениями. В очерке о Коломенском любопытно восприятие архитектуры Подмосковья, отражающее эстетические вкусы той эпохи. «Если окрестности Москвы не имеют ничего особенно разительного со стороны искусств или древностей, чем отличаются многие из столиц Европы, то нет путешественника, который не сознался бы, что он мало где встречал положение миловиднее окрестностей Москвы; что подмосковные наших богачей не уступают паркам лондонским, замкам близ Парижа, виллам в окрестностях Рима или Неаполя. Для Русского они делаются еще прелестнее многими воспоминаниями старины, а часто и народной славы».

Очерки Свиньина не научное исследование по жанру, да и по намерениям автора. Привлекая сведения из исторических описаний других авторов, пользуясь разъяснениями знатоков, своими впечатлениями и наблюдениями, он призывал на помощь и воображение, старался «хотя по самым слабым признакам оживить древность, собрать в одну картину события, соединенные с историею» [36]. Там, где удавалось сплавить воедино эти разнородные элементы, возникал яркий образ прошлого, взгляд художника дополнялся фактами, собранными путешествующим наблюдателем. При этом трудно было избежать субъективности, неточностей, в чем принято обвинять, часто огульно, очерки Свиньина. Он часто «оставлял любителям и знатокам древностей выводить догадки на счет исторического происхождения памятников» [37], помещал и критические замечания на свои очерки в «Отечественных записках» [38].

Кроме этих очерков в «Отечественных записках» мы находим описание Сухаревой башни на Сретенке, с соответствующим изображением. Очерк примечателен еще и тем, что в нем

автор выдвигал на суд общественности еще один грандиозный проект, по существу, не осуществленный в полной мере и до сего дня. Речь идет о подготовке «Истории памятников» России и Москвы. Свиньин писал: «Приятную и вместе важную сделал бы тот услугу своим соотечественникам, кто из рассеянных источников собрал бы исторические замечания о знатнейших городах России, показав сохранившиеся доныне в них следы предков наших, по крайней мере в Киеве, Новегороде, Владимире и Москве. Такая *История памятников* (выделено Свиньиным.— *В. А.*) была бы чрезвычайно любопытна и полезна; ибо видимое собственными глазами твердо врезывается в нашу память; тогда не с холодным бы чувством шел русской мимо каких-нибудь бедных развалин, славных происшествиями великими, достопримечательными, или мимо урочища, известного в летописях наших!» По мнению Свиньина, «описание исторических памятников всего любопытнее было бы в Москве». «Москва более всех исполнена любопытными останками, богата воспоминанием средней и новой старины: почти на каждом шагу встречаешь достопамятное — и какие памятники!» Свои очерки о Москве и других городах автор рассматривал как «отрывки» из будущего сочинения, «что некогда может быть произведено вполне» [39].

В книгу очерк о Сухаревой башне, как и ряд других, опубликованных в журнале, не был включен. Вслед за описанием Кремля здесь помещена статья о церкви Василия Блаженного и о Лобном месте. Покровский собор Свиньин считал уникальным памятником, не имеющим аналогов в мире, благодаря «смешению» стилей, «противоположных архитектур»: «затейливости и пестроты Азиятской с величием и благородством Итальянской, смелости и легкости Мавританской с тяжелостию и излишеством в украшениях готического вкуса». Этим оценкам не следует удивляться. И Карамзин писал о московской архитектуре как о «готической». Взгляд образованного русского человека начала XIX в., воспитанного в канонах европейской культуры и эстетики, еще с трудом находил, подыскивал термины для описания памятников древнерусской культуры и архитектуры. Ближайшей аналогией представлялось искусство средневековой Европы, все больше увлекавшее умы в эпоху предромантизма и романтизма.

Этот очерк интересен и тем, что показывает еще одно направление «наблюдений» Свиньина — его постоянное стремление собрать сведения о прежних и нынешних обычаях, особенностях народной жизни. Он упоминает, что «Красная площадь была местом народного собрания, как средоточие Москвы; и в горе и в радости московские жители стекались сюда потолковать, послушать новостей», и об обрядах, «освященных обычаем», например, обыкновении стричь волосы у Посольского двора в Великий Четверток. Для современного москвича будет интересно и описание повседневной жизни и праздников, проис-

ходивших на Красной площади. «И ныне Красная площадь не менее многолюдна и шумна; и ныне с утра до вечера волнуются вокруг Лобного места пестрые толпы народа, стучат и гремят кареты, дрожки, разные повозки, скачут со всех сторон верховые, тянутся бесконечные обозы, воздух оглашается разными криками и звонкими голосами... Одна промышленность, одна мирная торговля оживляет здесь беспрерывную деятельность при неимоверном стечении народа. Здесь сосредоточена торговля не только всей Москвы, но и всего государства, а потому можно получить здесь понятие не только о духе русского народа, но и об отношении столицы ко всей империи. Изредка еще на Лобном месте является другое, поразительнейшее зрелище, которого ни описать, ни представить на картине невозможно; но надобно видеть, когда крестный ход останавливается здесь для совершения с коленопреклонением торжественного молебна. Едва заколеблются хоругви на Лобном месте, едва послышится пение церковного клира и ярко заблистает свеча на поднятом вверх фонаре, как тысячи людей, доселе шумных, неукротимых, как волны морские, делаются неподвижными и, в умилении сердечном, возносят мольбы свои к Престолу Всевышнего, при пении духовного клира и молении церковнослужителей, блистающих золотыми парчами облачений в дыму фимиама, как бы в некоем облаке. Эти церковные торжества оживляют в памяти воспоминания празднеств, отправлявшихся здесь в древние времена в день Ваий. Бесчисленные толпы народа, с пальмовыми и финиковыми ветвями в руках, при пении духовных стихир отроками в белых одеждах встречали у Лобного места и провожали в Кремль, мимо Покровского собора, патриарха, ехавшего на жребети ослем: так обыкновенно называли коня под покровом, придававшим ему вид осленка. Под ноги его подстилали сукна и разные ткани, за узду его вел сам царь. С уничтожением патриаршества уничтожилось и это великолепное шествие. Но продажа верб и доселе существует. В субботу, накануне Вербного воскресенья, площадь между Кремлем, Гостиным двором и Лобным местом, т. е. вокруг памятника Минина и Пожарского, покрывается бесчисленным множеством искусственных верб, которые грубою отделкою как бы свидетельствуют древность народного обычая, отличаясь яркостию цветов, представляющих впрочем для глаз приятную пестроту. Главная выработка сих изделий производится монахинями Вознесенского монастыря... Доселе еще, по древнему обычаю, здесь бывает гулянье в субботу, накануне Вербного воскресенья» [40].

Кипучая деятельность Свиньина прервалась в начале 1830-х гг. Приостановлено было издание «Отечественных записок», прекращены путешествия по России, наконец, продано собрание. О последних «глухих» годах его жизни известно значительно меньше. В своем имении под Галичем он, однако, не оставлял литературной деятельности, писал исторические романы, историю Петра I, из которой опубликовал только один

отрывок, обрабатывал материалы путешествий. По словам Свиньина, «постоянное пребывание в деревне, в продолжение почти семи лет, дало мне возможность, между прочими литературными занятиями, обработать как рисунки, так и текст с большею тщательностию и совершенством, приведя те и другие в избранную мною форму, в виде отдельных статей». Он решился разделить все свои материалы на два издания. Первое — «Картины России», с «одними общими, любопытнейшими чертами предметов», второе — «Отчет путешественника по России». Здесь должны были поместиться собранные статистические сведения, воспоминания о «любопытнейших встречах с людьми замечательными» и современных событиях, «полный отчет во всех... действиях» [41]. Но увидела свет только первая часть «Картин России». До сих пор неясно, были ли готовы, хотя бы в черновом варианте, рукописи этих трудов. В сохранившейся части архива Свиньина в хранилищах Москвы, Ленинграда и Костромы они не обнаружены. Рассеялись и рисунки. Может быть, придет еще время, когда удастся воплотить то, что не успел осуществить сам автор,— собрать и опубликовать очерки о «живописном» путешествии по России с рисунками, опубликованными в «Отечественных записках», в «Картинах России», разысканными в архивах, библиотеках и музеях нашей страны и за рубежом. Очерки и рисунки Свиньина сохраняют и поныне ценность как своего рода картины жизни России первой четверти XIX в. И нужно надеяться, что теперь сам читатель сможет ответить на вопрос: что же привлекало в литературных и живописных работах Свиньина и его современников и того, неизвестного нам соотечественника, который обратился к ним в 1913 г. Это — одушевленность тона описания, яркость, образность видения писателя и художника, и сейчас не оставляющих нас равнодушными. В этом, пожалуй, и есть главный вклад Свиньина в историю российского и московского краеведения.

При жизни и после смерти Свиньина в его адрес не раз раздавались обвинения в склонности к преувеличениям, в недобросовестности, в узком национализме и в других грехах. В некоторых из них была известная доля правды, но еще не вся правда [42]. Пожалуй, самую справедливую оценку наследию Свиньина дал когда-то В. В. Стасов: «...он предпринял дело справедливое и полезное, он ревностно и настойчиво исполнял его от всего сердца, и труды его остались не напрасны. Он много помог в свое время узнанию России русскими, и очень многое из собранных и опубликованных им, лет 50 тому назад, интереснейших материалов и до сих пор нужны и полезны тому, кто интересуется Россией и изучает ее с разнообразных сторон» [43].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Картины России и быт разноплеменных ее народов: Из путешествий П. П. Свиньина. Спб., 1839. Ч. I. С. V.

[2] Там же. С. VII.

[3] *Свиньин П. П.* Проект Путешествия по России, составленный графом Каподистриа // Моск. телеграф. 1832. Ч. 43. № 1. С. 142—151. Приложен «снимок» с рукописи Каподистриа.

[4] *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966. С. 571.

[5] *Свиньин П. П.* Опыт живописного путешествия по Северной Америке. Спб., 1818. С. 2.

[6] *Болховитинов Н. Н.* Указ. соч. С. 587—588.

[7] Halsey R. Picturesque U. S. of America 1811, 1812, 1813 being a Memoir on Paul Svinin. New-York. 1930.

[8] О нем имеются сведения в примечаниях к книге А. А. Федорова-Давыдова «Русский пейзаж XVIII — начала XIX века» (М., 1953. С. 330) и в очерке В. Владимирова «Русский пассажир американского дилижанса» (Огонек. 1963. № 4).

[9] *Владимиров В.* Указ. соч. С. 25.

[10] Svinin P. Sketches of Russia. London, 1814.

[11] Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. XI.

[12] Вестн. Европы. 1813. Ч. 70. № 14. С. 149—151.

[13] Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. 1—2.

[14] Отеч. зап. 1821. Ч. 7. № 17. С. 397; см. также: Вестн. Европы. 1820. Ч. 110. № 8. С. 320; Русская старина. 1990. № 12. С. 660—661.

[15] История русской журналистики XVIII—XIX вв. Л., 1963. С. 226; *Есин Б. И.* История русской журналистики XIX в. М., 1989. С. 64.

[16] Отеч. зап. 1829. Ч. 39. № 110. С. 315.

[17] Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. XII—XIII.

[18] *Ф-въ Б.* [Федоров Б. М.]. Встреча с знаменитым Гумбольдтом в Русском музеуме П. П. Свиньина // Сев. пчела. 1829. 17 дек. Перевод записи В. А. Черных.

[19] Воспоминания Д. Д. Оболенского // Русский архив. 1895. Ч. 1. Кн. 3. С. 360—363.

[20] Краткая опись предметов, составляющих Русский музеум Павла Свиньина // Отеч. зап. 1829. Ч. 38. № 110; Ч. 39. № 111; Дополнения: 1830. Ч. 40. № 117; Отдельный оттиск. Спб., 1829, и на французском языке: Catalogue abrégé du Cabinet national russe de Mr. Paul Svignin, conseiller d'état et chevalier des plusieurs autres Sociétés savant et littérares russes et étrangéres. Spb., 1829.

[21] *Овсянникова С. А.* Частное собирательство в России в XVIII— первой половине XIX века // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. С. 296. Отмечаются заслуги П. П. Свиньина как одного из пионеров в коллекционировании русского искусства XVIII— начала XIX в. См. также: *Семенов Г.* Русский музеум // Панорама искусств. М., 1978. С. 266.

[22] *Яцевич А.* Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 223—225.

[23] А. М. Княжевич в письме Свиньину от 25 июля 1833 г. сообщал о своем докладе министру финансов в связи с проектом музея. Предложение Свиньина было переадресовано министру народного просвещения С. С. Уварову, отвергнувшему его.— ГПБ, ф. 679, оп. 1, д. 59.

[24] В записке Свиньину от 7 октября 1829 г. А. И. Яковлев отказывался приобретать собрание. См.: ГПБ, ф. 679, оп. 1, д. 59.

[25] Письмо Ф. А. Толстого П. М. Строеву от 26 апреля 1829 г. // Археографическая экспедиция Академии наук 1828—1834: Сб. материалов. Л., 1930. С. 59.

[26] Дневник А. С. Пушкина. 1833—1835. М., 1923. С. 147.

[27] *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 144.

[28] Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. XIII.

[29] *Афиани В. Ю.* Судьба рукописей «Русского музеума» П. П. Свиньина // Памятники культуры: Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 117—122.

[30] *В. К.* Мысль о книгохранилище Отечественном // Русский вестн. 1808. Ч. 2. № 4. С. 51—56; *Аделунг Ф. П.* Предложение об учреждении Русского Национального музея // Сын Отечества. 1817. Ч. 37. № 14. С. 54—72; Wihman B. Russland National-Museum. Riga., 1820; *Вихман Б.* Российский отечественный музей // Сын Отечества. 1821. Ч. 1. № 33. С. 289—310.

[31] Отеч. зап. 1820. Ч. 1. № 1. С. 62, 64.

[32] *Малиновский А. Ф.* Оружейная палата // Отеч. зап. 1821. Ч. 6. № 13. С. 121—150.

[33] *Свиньин П. П.* Указание главнейших достопамятностей, сохранившихся в Мастерской и Оружейной палате. Спб., 1826; Indicateur des objets rares et précieux, qui se trovent au musée de Moscou, connu sou le nom d'Oroujeinaj Palata. Spb., 1826.

[34] *Свиньин П. П.* Прогулка по Кремлю // Отеч. зап. 1812. Ч. 8. № 18, С. 3—6; Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. 1—2.

[35] Там же. С. 5.

[36] Там же. С. 73—74.

[37] Там же. С. 59.

[38] Старожил московский. Замечания о Иване Великом // Отеч. зап. 1822. Ч. 11. № 27. С. 126—131.

[39] Там же. Ч. 10. № 24. С. 3—5.

[40] Картины России и быт разноплеменных ее народов. С. 41—50.

[41] Там же. С. XV.

[42] Тенденциозные оценки личности и деятельность Свиньина, к сожалению, встречаются и в новейших работах. См., например: *Бочков В. Н.* «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М., 1990. С. 48—106, включающую и новые факты биографии Свиньина. Более объективную характеристику работ Свиньина, в том числе краеведческих, с объяснением причин разноречивых мнений о нем, читатель найдет в исследованиях А. А. Формозова, в частности в книге «Пушкин и древности. Наблюдения археолога». М., 1979. С. 80—87.

[43] *Стасов В. В.* А. М. Горностаев // Вестн. изящных искусств. 1888. Т. 6. С. 448—449.

Список работ П. П. Свиньина

Sketches of Moskow and St. Petersburg. Philadelphia, 1813.

Sketches of Russia. London, 1814.

Первое письмо из Москвы: Частные библиотеки, галереи, разные собрания, кабинеты и русские художники. 1819 г. // Отеч. зап. 1820. Ч. 1. № 1. С. 59—83; № 2. С. 195—238.

Второе письмо из Москвы. 1819 г. ноябрь // Там же. № 3. С. 42—76.

Оружейная палата // Там же. 1820. Ч. 3. № 5. С. 1—32.

Прогулка по Кремлю // Там же. 1821. Ч. 8. С. 1—24; № 19. С. 227—253; 1822. Ч. 10. № 25. С. 220—257.

Странствия в окрестностях Москвы // Там же. 1822. Ч. 9. № 21. С. 3—34; 1822. Ч. 12. № 30. С. 3—32.

Сухарева башня на Сретенке // Там же. Ч. 10. № 24. С. 3—20.

Отдых в Москве издателя Отечественных записок на пути в Астрахань и Сибирь (Письмо к редактору). 16 мая // Там же. 1824. Ч. 19. № 52. С. 251—265.

Московские новости: Выписка из письма издателя Отечественных записок к редактору. 18 мая // Там же. 1825. Ч. 22. № 62. С. 440—443.

Указание главнейших достопамятностей, сохранившихся в Мастерской и Оружейной палате. Спб., 1826.

Indicateur des objets rares et précieux, qui se trouvent au musée de Moscou, connu sous le nom d'Oroujeinaja Palata. Spb., 1826. Sketches of Russia. London, 1831.

Кремль в Москве и его соборы // Картины России и быт разноплеменных ее народов. Спб., 1839. С. 1—39.

Церковь Василия Блаженного, с Красной площадью и Лобным местом // Там же. С. 41—53.

Оружейная палата // Там же. С. 55—71.

Село Коломенское // Там же. С. 73—80.

Царицыно // Там же. С. 81—84.

Троице-Сергиевская лавра // Там же. С. 85—105.

К. Е. Новохатский

«...ПРОШЕДШЕЕ В НАСТОЯЩЕМ...»

ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ ПАССЕК. 1808—1842

Читатель, заинтересовавшийся именем Вадима Васильевича Пассека, может встретить краткие упоминания о нем и в исследованиях по истории общественного движения 30-х гг. прошлого века, прежде всего в работах герценоведов, и в обобщающих трудах по истории таких отраслей отечественной науки, как археология, этнография, фольклористика [1]. Более основательно покопавшись в библиотеках, можно узнать, что он был к тому же еще и статистиком, и журналистом, и издателем. В некоторых крупнейших книгохранилищах удастся даже ознакомиться и с немногими сохранившимися его работами [2].

По предмету, характеру и методике исследований труды В. В. Пассека с полным основанием можно отнести к тому направлению общественной и научной деятельности, которое гораздо позже, уже в XX в., получило название «краеведение». Причем его деятельность, пожалуй, краеведческая в самом полном, каноническом смысле этого слова. Ведь он занимался не только изучением, но и популяризацией прошлого и современного ему состояния различных местностей, комплексно используя для этого самые разнообразные источники.

Сибиряк по рождению, начавший и закончивший свои научные занятия в Москве, Пассек особенно много сделал для изучения жизни и быта украинского народа. Но имя его принадлежит и московскому краеведению.

В. В. Пассек родился 20 июня 1808 г. в Тобольске в семье ссыльного поселенца дворянина Василия Васильевича Пассека, арестованного в 1794 г. по обвинению в участии в антиправительственном обществе и сочинении «порочащих императрицу акростихов». Оправданный в тот раз, он вновь был заключен под стражу в 1802 г., теперь уже обвиненный в написании подложного письма якобы от имени князя П. М. Волконского одному из потомков молдавских и валашских владетелей, душевнобольному князу Дмитрию Кантемиру, где последнему были

обещаны права на греческий престол, на Молдавию и Валахию и титул герцога Романийского. Сенат определил сослать Пассека в Сибирь на поселение, «лишив знака отличия, чинов и дворянского достоинства».

Василий Пассек получил военное образование и обладал разнообразными и обширными, по тогдашним понятиям, познаниями. В его библиотеке среди прочих были сочинения Руссо, Вольтера. Еще в 1796 г., находясь в заключении в Дюнамюндской крепости, В. В. Пассек составлял проекты правил народного просвещения, усовершенствования земской полиции, обновления и улучшения пород скота в России, написал несколько десятков статей и записок по уголовному законодательству. Существует мнение, что он разделял взгляды Радищева. Во всяком случае, уже в конце XVIII в. он предлагал для крестьян «средство освободиться от подданства помещичьего».

Образованием Вадима занимался сам отец. Влияние взглядов и занятий отца, изучавшего в Тобольске климат края, растения, минералы, суровая природа Сибири, развалины древней столицы Сибирского ханства рядом с Тобольском — все это, видимо, сильно повлияло на воображение и формирование интересов впечатлительного юноши. Позже он вспоминал: «Мне хотелось постигнуть тайны природы. Я ненасытно вслушивался в сказания о веках минувших... Ермак был первым героем моих мечтаний» [3]. Тогда уже он, по всей вероятности, пристрастился к систематическим разысканиям, как сейчас принято говорить, краеведческого характера.

В 1822 г. Вадим вместе с пятью своими братьями был определен в Тобольское военно-сиротское отделение, где учился до отъезда из Сибири. В 1824 г. одно из многочисленных прошений старших братьев Вадима — Евгения и Леонида, рожденных еще до ссылки семьи, было наконец удовлетворено — после двадцатилетней ссылки Пассекам разрешили покинуть Сибирь. В семье к этому времени было семнадцать детей и девять из них моложе Вадима. Поэтому сразу же после возвращения в Москву семнадцатилетний юноша вынужден был пойти на службу. В этом «семействе львенков», как окрестил его А. И. Герцен, царили дух заботы друг о друге, отношения «более, лучше, чище нежели братские». «Отец передал им неукротимый и гордый дух свой,— вспоминал Герцен,— веру в себя, тайну великих несчастий, он воспитал их примером, мать — самоотвержением и горькими слезами. Сестры не уступали братьям в героической твердости. Да чего бояться слов — это была семья героев» [4].

Только решение брата Евгения взять все заботы о семье на себя дало возможность Вадиму продолжить образование. В 1826 г. он поступил на этико-политическое (юридическое) отделение философского факультета Московского университета.

Атмосфера университета, ставшего после восстания декаб-

ристов «средоточием русского образования», где «юные силы России... очищались от предрассудков», укрепила в В. Пассеке ростки интереса к прошлому. Эта тяга к прошлому, литературные занятия сблизили студента Пассека с 26-летним профессором всеобщей истории М. П. Погодиным, который довольно плодотворно занимался древней русской историей и писал повести «из русской простонародной жизни». В это время Вадим публикует в погодинском «Московском вестнике» итог первых своих еще отроческих наблюдений — «Замечания о Сибири». Здесь собраны сведения о климате, названиях рек и населенных пунктов, языке, поговорках и песнях, обычаях и жилищах населения Тобольского края. Такие сведения невозможно воспроизвести спустя пять лет только по памяти, не занимаясь специальным исследованием края и не делая более или менее систематических записей. Уже эта ранняя работа отразила интерес В. В. Пассека к историко-этнографической тематике. Построение статьи, тщательность и разносторонность наблюдений характерны и для последующих его работ подобного рода. Недаром специалистами уже в наше время она отнесена «к числу лучших очерков в области русско-сибирской этнографии» [5].

Но самое значительное, что дали студенческие годы,— это дружба с юным Александром Герценом, пришедшим в университет двумя годами позднее. Их тесная связь продолжалась всего около двух лет, но это был важный период в жизни, время окончательного определения жизненной цели и путей ее достижения. О вхождении В. В. Пассека в герценовский кружок нельзя говорить как о событии случайном. Обостренное чувство общественного долга, неуемная жажда познания и деятельности, склонность к литературным занятиям и, с другой стороны, нежелание принять грозившую ему участь титулярного советника (а такой чин был дан ему по окончании университета) привлекли Вадима к кругу ищущей, даровитой университетской молодежи, стремившейся осуществить в жизни столь близкие ему «нравственно-общественные идеалы». Душой этого кружка был Герцен. Такие дружеские группы, объединенные общими интересами, были характерным явлением жизни университетской молодежи того времени [6]. Члены герценовского кружка, в свою очередь, нашли в характере Вадима многое, импонировавшее им: самобытность развития, «лучший закал», смелость суждений и поступков, сочетавшиеся с благородством, простодушием и искренностью. Внимание будущих своих друзей он обратил на себя, по всей вероятности, поведением во время холерной эпидемии в Москве в 1830 г., когда его понятия о служении общественному благу выдержали с честью первый экзамен. В. В. Пассек, «несмотря на то, что юрист, один из первых предложил себя в распоряжение холерного комитета» и даже делал на себе опыты заразности болезни. Впечатления этого периода нашли затем отражение во второй

его опубликованной работе, очерке в газете «Молва» «Три дня в Москве во время холеры. (Из записок москвича)» [7].

Кроме того, в глазах Герцена, пытавшегося организовать «общество по образу и подобию декабристов», Вадим был жертвой царизма и, значит, наиболее подходящим для «обращения». Несмотря на то что В. В. Пассек, очевидно, не был согласен с далеко идущими политическими намерениями «разбуженного декабристами» Герцена, они особенно близко сошлись на почве совпадения литературных и научных интересов. Юный Александр тогда еще, так же, как и Вадим, находился под воздействием шеллингианских философских воззрений и романтических произведений Шиллера. Именно в это время Герцен писал Огареву: «Ты, Вадим и я — мы составляем одно целое, будем же жить чисто умственною жизнью; науки (ты понимаешь, что я говорю в обширном смысле), науки пусть займут всю жизнь» [8]. Близость, основанная на общих научно-художественных интересах и занятиях, подкрепилась вскоре обстоятельствами и иного характера. В ноябре 1832 г. В. В. Пассек женился на «корчевской кузине», подруге детства Александра Ивановича Татьяне Петровне Кучиной.

Говоря о науках «в обширном смысле», А. И. Герцен имел в виду прежде всего «политические науки». Однако Вадим оставался к ним скорее всего равнодушен. Давний интерес к истории, дух познания, царивший в кружке, а также продолжавшиеся встречи с М. П. Погодиным уже к весне 1832 г. достаточно четко определили устремления В. В. Пассека. Он избрал иное поприще для служения общественному благу — занятия историей. И прежде всего пропаганду исторических знаний. «Занять место в университете я рад,— писал он братьям о своем намерении стать преподавателем истории в Московском университете,— я должен». В другом письме он опять возвращается к этой теме: «Об университете хлопочу. Для меня оставляют кафедру на полтора года, чтобы в это время я успел держать экзамен и написать диссертацию на заданный предмет. Кажется, решусь. Ведь через полтора года быть педагогом — что же, хорошо. Но мне хочется и эти полтора года быть лектором истории. Смертная охота» [9].

Заметным событием в дальнейшем формировании его взглядов стала поездка в 1832 г. на Украину, где в Харьковской губернии находилось семейное имение Пассеков. Эта первая поездка В. В. Пассека на Украину дала массу новых впечатлений и мыслей. В дороге он обращал внимание на основные черты народного характера украинцев и русских, на «разность» народного быта различных районов России. Наблюдения эти привели его к мысли о необходимости «рассмотреть каждую часть племен нашего отечества в настоящем их виде, увидеть все изменения в языке, костюмах и прочем, понять их начало и сквозь них увидеть влияние, произведенное племенами чужеземными» [10].

При всей нечеткости в характеристике наблюдаемых явлений и откровенно идеалистических воззрениях будущего ученого в его письмах родным с Харьковщины привлекают внимание обширность замыслов и патриотическая направленность историко-этнографических интересов, столь свойственные его последующей деятельности. Характерно также проявление внимания к археологии, еще не выделившейся тогда в самостоятельную научную дисциплину. Впечатления, полученные во время этой поездки, зародили идею издания «Введения в историю», превратившегося под воздействием товарищей по кружку в научно-художественный «Альманах», к сотрудничеству в котором привлекались помимо кружковцев — А. И. Герцена, Н. П. Огарева, А. Н. Савича, Н. М. Сатина — также М. П. Погодин, М. А. Максимович, Н. Ф. Павлов, Н. С. Теплова. «Альманах» был подготовлен к весне 1833 г. Однако цензура так много в нем изменила, что издать его не удалось.

Одновременно продолжаются хлопоты о месте преподавателя в университете. Упустив такую возможность в Москве из-за необходимости поправить тяжелое материальное положение семьи устройством дел по харьковскому имению, В. В. Пассек договаривается о том же в Харьковском университете.

Волновавшие его мысли о прошлом, о предназначении истории и историка, впечатления и чувства, навеянные поездками на Украину, переполняли молодого ученого, требовали своего выражения. В это время он серьезно готовится к магистерскому экзамену и работает над диссертацией по русской истории. Нам не известна тема диссертации. Не исключено, что ее материалы легли в основу изданных вскоре «Путевых записок Вадима *». Работая над этой книгой в Твери, где он жил у родственников жены зимой 1833/34 г., В. В. Пассек познакомился и близко сошелся с автором известных исторических романов И. И. Лажечниковым, ему первому читал отрывки «Путевых записок...» и — как вспоминала Татьяна Петровна — «был благословлен им на путь серьезного исторического труда» [11].

Идея самобытности русского национального духа, сформулированная в «Путевых записках...» и предварявшая в некотором отношении славянофильские оценки, существенно расходилась с воззрениями Герцена и вызвала резко отрицательную его реакцию [12].

«Путевые записки...» обратили на себя внимание и в печати как первый опыт подобного рода в отечественной исторической литературе. В частности, В. Г. Белинский, отмечая необычность формы этой работы, которую мы бы сегодня обозначили как эссе, возвышенность, патетичность, порой до экзальтации, стиля ее, иронически писал: «Путевые записки Вадима» —

истинное диво дивное! Чего-то в них нет! И юношеские рассуждения, и археологические мечты, и исторические чувствования — все это так и рябит в глазах читателя... Вадим рассуждает и мечтает о Руси, Малороссии, о их истории и об многом, многом» [13]. Для критика оказалось неприемлемым определение основных черт русского национального характера с консервативных, идеалистических позиций. Но уже в этой работе В. В. Пассек выдвинул на первый план исследование прошедшей жизни народа как основного элемента истории и обосновал необходимость изучения с этой целью всех исторических источников в комплексе и в первую очередь вещественных, этнографических, фольклорных. «Да! одни летописи перескажут, объяснят нам жизнь народа,— писал он,— но их слово не будет живо, их мысль не будет полна и светла, не будет согрета чувством, доколе мы не призовем на помощь всех памятников древности (которые у нас должно исследовать не столько в смысле их наружного вида, сколько в понятии, в идее, по которой они созидались), доколе не исследуем минувшей жизни народа в быте и характере живущих поколений и влияния на него внешней природы»; «И тот не понимает истории народа, кто не объемлет умом, не сочувствует сердцем малейших движений его внутренней жизни: кто не видит, как живет прошедшее в настоящем; кто думает воссоздать жизнь по одним летописям или остаткам искусства, и в настоящем быте не видит основных начал, по которым действовало минувшее и станет действовать грядущее»; «Должно умом и сердцем вглядеться в настоящий быт народа! Должно быть с ним, видеть его во всех изменениях, под всеми впечатлениями обстоятельств и условиями внешней природы» [14]. Таково было кредо молодого историка.

К сожалению, мечте В. В. Пассека стать «лектором истории» не суждено было осуществиться. Хотя он никогда не разделял далеко идущих политических намерений друзей и с 1833 г., по многу месяцев живя вне Москвы, фактически утратил с ними связи, разгром герценовского кружка в 1834 г. отразился и на его судьбе. К преподаванию он допущен не был. А. И. Герцен, сосланный в Вятку, метко определил тогдашнюю ситуацию: «Вадим остался без места, т. е. без хлеба — вот его Вятка» [15].

Вынужденный поселиться с семьей на Харьковщине, молодой ученый не изменил отношения к истории. Он целиком посвятил себя претворению намеченной в «Путевых записках...» программы изучения народной жизни. Беспрерывно путешествуя по Украине, В. В. Пассек «записывал поверья, сказки, песни, срисовывал виды, земледельческие орудия, домашнюю утварь, одежду, бывал на празднествах и сельских ярмарках, так любимых малороссами» [16]. С 1836 г. к этому добавились статистические исследования по заданию Министерства внутренних дел, куда он был зачислен внештатным чиновником

по особым поручениям. Эта должность давала возможность свободно путешествовать.

Интерес к прошлому украинского народа и его современному быту сближает В. В. Пассека с молодым адъюнктом кафедры статистики и политэкономии Харьковского университета, впоследствии знаменитым академиком И. И. Срезневским, уже прославившимся в то время изданием фольклорно-этнографического сборника «Запорожская старина». Как вспоминала Т. П. Пассек, «они стали видаться почти ежедневно, проводили целые часы в разговоре о предметах своих занятий, делились впечатлениями, целями и приобретенными ими сведениями» [17].

В это же время В. В. Пассек с пафосом и одержимостью отдается археологическим раскопкам, едва ли не первый предложив ученому миру план комплексного исследования археологических памятников «по всему пространству России от Дуная до Забайкалья». Убежденный, что своими занятиями открывает «новый путь для исторических исследований о тех веках, для которых не существуют и летописи», он писал Обществу истории и древностей российских: «От Общества будет зависеть судьба курганов и городищ: речете — и отверзутся их недра от Дуная до Байкала! И, может быть, удастся русскому и в этом случае сказать много нового и важного для науки» [18]. По поручению общества он составляет описание археологических памятников Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. Среди материалов и находок, доставленных В. В. Пассеком в общество,— описания отдельных курганов и городищ, монеты, степные каменные «бабы», кувшины, которые, по его мнению, не менее драгоценны для ученого общества, чем золото. Любопытно замечание известного ученого П. И. Кеппена, к которому общество обратилось с просьбой «снабдить советами молодого путешественника»: «Он, конечно, и без посторонних советов порядочно исполнит делаемое ему поручение».

Далеко опережая многих современников в понимании задач и методики археологии, В. В. Пассек привлекал и летописные, и топонимические, и фольклорные материалы, придавал значение влиянию географических условий на внешний вид памятников, поднимал вопрос о взаимосвязи различных археологических памятников. Понимая разновременность и разнотипность курганов, путем сравнения пытался сделать заключения об их этнической принадлежности, о религиозных воззрениях, быте, связях народов, насыпавших курганы.

Тогда же В. В. Пассек, еще юношей мечтавший «завлекать в знание» современников и близко знакомый с зачинателями русских исторических романа и повести А. Ф. Вельтманом, М. Н. Загоскиным, И. И. Лажечниковым, М. П. Погодиным, задумывает издание журнала повестей для юношества. Известно, что сам он писал стихи, пьесы, вел модные тогда записки

дневникового характера, к тому же неплохо рисовал. В издательских начинаниях его могла поддержать и жена, которая, прекрасно владея немецким и французским языками, занималась литературными переводами. Но, видимо, во время бесед с И. И. Срезневским идея журнала, который бы прививал «не мертвое знание истории», к осени 1836 г. преобразовалась в более широкий замысел научно-популярного периодического издания книжного типа, доступного всей читающей публике. Следует также вспомнить, что именно в 1835—1836 гг. правительство приняло ряд мер, подрывающих частноиздательскую деятельность: запрещалось частным лицам вести предварительную подписку на журналы, прекращалось «дозволение новых периодических изданий».

Свое издание В. В. Пассек назвал «Очерки России». Одна из предпосылок их возникновения — накопление в результате систематических исследований обширных материалов по истории, этнографии, археологии, географии. Осенью 1836 г. он писал М. П. Погодину: «Большая часть из пяти последних лет посвящены были мною ученым занятиям. В последние два года я был в беспрестанных поездках по Южной России — с одной ученою целью... Много в это время читано мною; много собрано сведений исторических; много обычаев, преданий, поверий. Все это составляет довольно значительное собрание, которое возрастает ежедневно при беспрестанных занятиях и разъездах и с помощью корреспондентов и добрых знакомых...» [19]

Другая, более существенная предпосылка — осознание потребности в «век исторический», по выражению В. Г. Белинского, в подобного рода изданиях. Это было время растущего интереса к исторической науке, к народным истокам культуры, к проблемам национального сознания. Сходные процессы в те же годы происходили в Англии, Германии, Франции, других странах. В «Трудах Американского антикварного общества» в 1836 г. был опубликован «Краткий обзор индейских племен... в Северной Америке» Э. Галатина. В России это привело в дальнейшем к появлению сводов былин Рыбникова, песен П. В. Киреевского, сказок А. Н. Афанасьева, словаря В. И. Даля. Примечательно, что «патриот николаевского режима» Ф. В. Булгарин, ощущая эту потребность, в том же 1836 г. предпринял издание книги «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях», в которой все сводил к тезису: «Только вера и самодержавие могут составлять славу, благоденствие и могущество России!»

В. В. Пассек же в недавно лишь обнаруженной программе «Очерков России», которую для получения разрешения на издание он направил в Московский цензурный комитет, с гордостью говоря о культурном и природном достоянии Отечества, так определял цель своих «Очерков»: «При таком богат-

стве природы и значительном количестве преданий, поверий, обычаев, различных памятников, уцелевших от народов иноплеменных и перешедших собственно от наших предков, невольно рождается мысль в пользу (периодического) издания, которое бы, вмещая в себе и описания и картины всего отечественного, вместе с знанием вливало в сердца русских еще большую любовь к нашей великой Родине; которое бы в живых, еще существующих предметах показывая давно минувшие века, привязывало русского к его прошедшему — без чего он не может истинно любить своего отечества, не может и радоваться его прекрасной будущей судьбе. Для кого ничтожно минувшее и не лестно будущее, тот ничтожен и в душе и в жизни!» [20]

Ежемесячные хорошо иллюстрированные сборники должны были стать настоящей энциклопедией России. «Очеркам России»,— писал издатель в предисловии к первому тому,— предназначается сосредоточивать по возможности все рассеянные понятия и знания, приобретенные более опытом и основанные на действительности, нежели выведенные из умозрения; предназначается сделать возможно доступными труды о нашем Отечестве путешественников, естествоиспытателей, любителей древности и разных ученых заведений, труды, которыми мы довольно богаты, но не все и не везде можем ими пользоваться; предназначается завлечь к содействию в наблюдении и исследовании всего отечественного; развить и упрочить верным знанием горячее чувство любви к Отечеству и благоговение к его великой судьбе» [21]. Подобного издания русская наука дотоле не знала. Поиск сотрудников, обработка материалов, заказы в типографиях. Но... журналы, видимо опасаясь конкуренции, отказывают в публикации программы и извещения об издании, забракованы литографии, нет денег, в Одессе, где начата подготовка к печатанию, чума, карантин. Не удалось пристроить «Очерки...» и в Харькове. И лишь два года спустя, в 1838 г., уже в Петербурге выходит в свет первый сборник. Трудности усугублялись и тем, что «официальная народность» не доверяла истинной. Не случайно М. П. Погодин отказался от участия в издании.

Характерная черта издательской деятельности В. В. Пассека — взыскательное отношение к материалам, стремление «быть чистым пред всеми подписчиками». «Лучше буду невеждой,— писал он активному соучастнику в первых томах И. И. Срезневскому по поводу возможных упреков в заимствованиях,— нежели недобросовестным, и стану вводить в грех своих земляков» [22]. Неукоснительно памятуя об этом, а также стремясь «более завлекать в знание, нежели учить», издатель все статьи, даже основанные на личных наблюдениях авторов, снабжал примечаниями, в которых помимо прочего приводились источники заимствований. О лице этого издания многое говорит даже перечень статей, очерков, заметок, написанных

самим издателем и помещенных в первой книге. Это и «Положение гор в России», и «Киево-Печерская обитель», и «Праздник Купалы», и «Осетинцы». Кроме того, множество неподписанных заметок в разделе «Замечания и выписки». Прогрессивное значение «Очерков...», соответствующих общественному интересу к истории, отмечается критикой самых разных направлений [23].

Осенью 1839 г., чтобы более прочно поставить издание «Очерков России», В. В. Пассек возвращается в Москву. Поводом к возвращению могла послужить и необходимость отчитаться перед ОИДР в археологических исследованиях. Стало очевидным, что каких-либо санкций за 1834 г. не будет, тем более что летом был «всемилостивейше прощен» А. И. Герцен. За пять лет в Москве многое изменилось. Оставаясь центром общественной жизни, она во все большей степени становится столицей идейных размежеваний, в скором времени приведших к оформлению лагерей славянофилов и западников. И В. В. Пассек встречается с Москвой уже другим человеком, много читавшим, много путешествовавшим, перенесшим немало испытаний, немало уже сделавшим на научном поприще. Высочайшим рескриптом в 1836 г. наконец «дарованы дворянские права лично и по имуществу всем сыновьям и дочерям ссыльного» Василия Пассека, «рожденным в мещанском и крестьянском звании». Приходит первое признание среди ученых, литераторов. 19 октября 1839 г., уже вскоре после его возвращения в Москву, известный знаток московской старины И. М. Снегирев пометил в своем дневнике: «Зашел к Вадиму Васильевичу Пассеку, с которым поговорил об Игоревой песне и посмотрел виды и костюмы Украины и Крыма». Примечательно, что давний знакомый Снегирева здесь назван по имени и отчеству, чего в его кратких дневниковых записях удостаивался далеко не каждый. 20 октября В. В. Пассек делает доклад о результатах своих археологических разысканий на заседании Общества истории и древностей российских. Высоко оценив его труды, общество избирает его своим действительным членом. Журналы разных направлений приглашают в сотрудники. За статистическое описание Таврической губернии Министерство внутренних дел выдает награду.

Весь 1840 г. В. В. Пассек посвящает исключительно изданию «Очерков России», стремясь сделать их выход регулярным. К 14 мая были подготовлены вторая, третья и четвертая книги. В это же время вышел и второй альбом иллюстраций к «Очеркам...», более 10 рисунков в котором выполнены самим В. В. Пассеком. В издание вложены были все средства. Однако продолжающееся книжное издание, хотя и принимаемое критикой восторженно, книгопродавцы брали с большой неохотой. Обострилось безденежье, всю жизнь сопровождавшее В. В. Пассека, не имевшего постоянного источника доходов. А. И. Герцен вспоминал позднее: «Раз,— сказывала мне его жена потом,—

у нас вышли все деньги до последней копейки: накануне я старалась достать где-нибудь рублей десять, нигде не нашла; у кого можно было занять несколько, я уже заняла. В лавочках отказались давать припасы иначе, как на чистые деньги; мы думали об одном — что же завтра будут есть дети?» Все это время В. В. Пассек находился в унизительной, почти постоянной долговой зависимости от М. П. Погодина. Приходит осознание невозможности в одиночку, без поддержки продолжать издание «Очерков...».

В начале 1841 г. В. В. Пассек становится редактором начинающих издаваться «Прибавлений» (неофициальной части) к «Московским губернским ведомостям». Вероятно, этому назначению содействовал М. П. Погодин, отказавшийся по совету Н. В. Гоголя сам занять этот пост. Гоголь писал ему: «Но что такое могут быть эти прибавления? Как бы то ни было, мелкие статейки, всякий дрязг... К тому же, это не политические исполненные движения современного листки, которые одни могут разойтититься; но никогда еще не было примеру, чтоб крохотная литературная газета имела у нас какой-нибудь успех» [24]. Действительно, В. В. Пассек попал в сложное положение.

Однако, взявшись за дело со свойственной ему самоотдачей, «пожертвовав всем и бросив все», новый редактор сумел добиться успеха. Не за счет увеселения публики (такой путь считал единственно возможным Гоголь), а придав «Прибавлениям» серьезный научно-просветительский характер. Очевидно, поняв невозможность продолжать «Очерки...», В. В. Пассек решил использовать «Прибавления» для осуществления своей мечты — «завлекать в знание». Любопытно проследить путь, по которому он пошел, принципы, которыми руководствовался. К сожалению, неизвестна составленная В. В. Пассеком программа этого издания, о которой он упоминает в одном из писем Погодину, но, вероятно, она была в духе его прежних программ. Обладая широким кругом знакомств, В. В. Пассек сумел привлечь к сотрудничеству в газете многих московских журналистов и ученых. Там публиковали статьи по истории, географии, статистике известные москвоведы того времени А. Ф. Вельтман, Н. Д. Горчаков, М. Н. Макаров, И. Г. Сенявин, И. М. Снегирев.

Если первые номера «Прибавлений» были невелики по объему, как правило, состояли из двух-трех материалов, либо без подписи, либо самого издателя, то вскоре уже структура издания усложняется. Основной материал публикуется по «отделам» физическому, историческому, статистическому, в разделе «Смесь» со временем появляются рубрики «Медицина», «Хозяйство». Постепенно растет объем издания, расширяется круг авторов, более разнообразным становится характер материалов и способ их подачи. Помимо названных уже авторов активно сотрудничали в еженедельнике Р. Зотов, П. Иванов, А. П. Рославский, П. Хавский и другие. Здесь опубликовал свою первую

работу «Несколько слов о богомольных царских походах» молодой тогда ученый Иван Забелин. Немало материалов публикует и сам редактор, не всегда их подписывая. Как выяснилось недавно, список его работ должен быть расширен. Регулярной становится публикация театрального репертуара, библиографических известий, появляются новые для такого рода издания вклейки-иллюстрации с изображением архитектурных памятников или материалы репортажного характера в новой рубрике «События». Творческое освоение В. В. Пассеком опыта других изданий подобного типа выразилось также в выходе за местные рамки — стали практиковаться перепечатки из других губернских газет, журналов, публикации исторических документов. Повышению научного уровня материалов не в ущерб их популяризаторскому характеру способствовало использование текстуальных примечаний, ссылок на источники. Примечательной особенностью издания становятся краткие редакторские введения и примечания с оценками материалов. Так, о книге И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах», отрывки из которой публиковались в «Прибавлениях», В. В. Пассек не удержался заметить: «Эта книга составляет богатейший свод взглядов и понятий русского человека на божий мир и принадлежит к полезнейшим и драгоценным произведениям русской литературы». Или по поводу одной из публикаций М. Н. Макарова: «Редакция приносит благодарность почтенному автору статьи и помещает ее в Ведомостях с особенным удовольствием как драгоценный и любопытный опыт важного труда. Жаль, что у нас не многие из молодых людей думают о народной старине».

В центре внимания еженедельника, естественно, Москва и ее окрестности. Исторические и архитектурные описания отдельных памятников, монастырей, улиц и уголков, краткие очерки жизни древней столицы в разные исторические периоды, а также публикация разнообразных статистических данных занимают в «Прибавлениях» основное место. Такое направление «Прибавлений» обратило на себя внимание ученой общественности. На заседании ОИДР в начале 1842 г., где специально рассматривался вопрос о «Московских губернских ведомостях», им была дана высокая оценка.

Порученная министерством работа по статистическому описанию Московской губернии, редактирование «Прибавлений» привлекают внимание В. В. Пассека к Москве. Примечательно, что первая его статья, помещенная в «Прибавлениях», носила название «Москва» [25]. Из более чем двух десятков авторизованных статей, опубликованных им в газете, две трети посвящены истории и современному состоянию города и губернии. Среди них привлекают внимание большая работа «Описание царства Московского», публиковавшаяся с продолжением в нескольких выпусках, а также очерки по истории города «О состоянии Москвы и Московской губернии в царст-

вование Петра Великого» и «Китай-город, Белый город и Земляной город в царствование Петра Великого»[26]. Эти публикации легли в основу исторической части «Московской справочной книжки», подготовленной В. В. Пассеком зимой 1842 г. и летом того же года увидевшей свет.

Маленькая, карманного формата, иллюстрированная гербами городов Подмосковья, планами Кремля, «столичного города Москвы» и картой губернии, книжка явилась, по существу, первым изданием такого рода. В предисловии так прямо и указывалось: «Москва еще не имела книги, которая бы заключала в себе историческое ее обозрение с указанием на ее древние памятники, книгу адресов не только по столице, но и по всей губернии... «Московская справочная книжка» составляет первый опыт подобного издания». Сам составитель в письме к Погодину так характеризует ее: «В ней всякая всячина: и где Кремль, и что Кремль, и где живет квартальный Вашего квартала, и где какие монастыри по губернии, и сколько лошадей на станциях, и отчего завтра крестный ход... Приятная книжка — и для дороги была бы удобна»[27].

Насколько глубоко и серьезно В. В. Пассек занимался московской историей, можно составить некоторое представление хотя бы по перечню источников, с которыми он работал в это время. Он сам их указывает в предисловии к путеводителю: «Источниками исторических и статистических описаний служили: a) Собрание государственных грамот, b) Софийский Временник, изданный Строевым, c) Клировые книги о церквях московских, d) История Иерархии, e) История Государства Российского, Карамзина, f) Прибавления к Московским губернским ведомостям, g) Путеводитель к древностям и достопамятностям московским, 1792, h) Памятники московских древностей, Снегирева, i) Материалы для статистики Москвы, Гастева, k) многие частные путеводители и указатели, сколько позволяла критика пользоваться ими»[28].

Интерес В. В. Пассека к московской тематике проявился и в том, что он согласился, видимо, еще в 1841 г., на предложение архимандрита Симонова монастыря написать историю этого монастыря. Работа была окончена довольно быстро, так как писалась по собранным и подготовленным уже источникам. Вначале она была опубликована в «Прибавлениях», а в 1843 г. вышла отдельным изданием[29]. Хотя этот труд был положительно оценен в журналах разных направлений, в научной деятельности В. В. Пассека он не явился чем-либо важным, так как был, по сути дела, литературной обработкой подготовленного в монастыре материала и писался по заказу. «Историческое описание Московского Симонова монастыря» стало последней крупной работой В. В. Пассека.

Воспаление легких, развившееся в «туберкулезную чахотку», 26 октября 1842 г. оборвало жизнь ученого. От умер на

руках у А. И. Герцена и был похоронен на кладбище Симонова монастыря, неподалеку от могилы Д. В. Веневитинова.

Позднее, посвятив другу юности в своих гениальных мемуарах наполненные теплым чувством страницы, Герцен писал: «После ссылки я его мельком встретил в Петербурге и нашел его очень изменившимся... Он был задумчив, изнурен и сухо смотрел вперед... Тяжелая русская жизнь давила их (братьев Пассеков.— *К. Н.*), давила — пока продавила грудь» [30].

И хотя у В. В. Пассека наверняка были определенные научные планы, однако, чтобы судить об их направлении, у нас нет данных. Возможно, его дальнейшие намерения были связаны с обработкой накопленных ранее материалов, и в частности археологических, возможно, с изучением истории Москвы или с продолжением популяризаторской деятельности.

Обращает на себя внимание другое. Вся его деятельность последних трех лет в Москве сводилась, по существу, к борьбе за добывание материальных средств, необходимых не столько уже для научных занятий, сколько для существования семьи.

Вскоре после смерти В. В. Пассека многие московские писатели, журналисты, ученые, желая поддержать оставшуюся без средств семью, как было принято тогда, решили издать сборник под названием «Литературный вечер». При этом, видимо, личные качества В. В. Пассека, «почтеннейшего и добрейшего из людей», как писал один современник [31], были настолько привлекательными, что объединили в благотворительном начинании людей самых различных взглядов и убеждений. В сборнике были напечатаны стихотворения С. П. Шевырева, К. К. Павловой, Н. П. Огарева, Я. П. Полонского, Н. М. Языкова, А. И. Подолинского, Н. М. Сатина, В. И. Бакуниной, статьи, публикации исторических материалов, прозаические литературные произведения М. Н. Загоскина, Н. Д. Горчакова, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельтмана, И. М. Снегирева, Н. Д. Неелова. В сборнике впервые были опубликованы и два материала В. В. Пассека: «Странное желание» — раннее лирическое произведение религиозного характера и «Малороссийская свадьба» — оконченный Ригельманом этнографический очерк. Организаторскую работу по изданию вместе с А. Ф. Вельтманом вел А. И. Герцен, также приготовивший в сборник статью, не пропущенную цензурой.

В. В. Пассек умер неожиданно, в самом расцвете сил, в то время, когда его способности исследователя еще полностью не определились, а научные и общественные взгляды находились в процессе становления. Всю творческую жизнь он находился в состоянии поиска. Однако некоторые идеи и представления становились все более определяющими в его деятельности [32]. Избавляясь постепенно от отвлеченно-романтических представлений, В. В. Пассек в то же время все более четко определял одну из задач своей деятельности — изучение прошлого народа, его быта, памятников народного творчества. Дру-

гая задача — возбуждение общественного интереса к истории, распространение исторических знаний — тесно связана с прогрессивной идеей привлечения народа к познанию своего прошлого. Замечательной чертой этих его научных и просветительских занятий было внимание к истории, «силам умственным, чувствований и характера всех племен, разбросанных по всему пространству России». Интерес этот объективно являлся формой духовного противостояния тогдашней государственной власти.

И в то же время обаятельные качества ученого и человека, так привлекавшие к Пассеку современников, даже находившихся по разные стороны идейных баррикад: высокоразвитые чувства патриотизма и общественного долга, подкупающе искренний интерес к великому прошлому Родины, одержимость в научных поисках, скромность и бескорыстие в служении науке сами по себе уже становятся факторами истории культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Насонкина Л. И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972; *Рудницкая Е. Л.* Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961; *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. Литература и обзор архивных материалов о В. В. Пассеке см.: *Новохатский К. Е.* Архивные материалы о жизни и творчестве В. В. Пассека // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 277—287.

2 Неполный список опубликованных работ В. В. Пассека см.: Книговедение. 1894. № 4. С. 20—23.

3 *Пассек В. В.* Путевые записки Вадима *. М., 1834.

4 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 138.

5 *Азадовский М. К.* Указ. соч. С. 408.

6 См.: *Насонкина Л. И.* Указ. соч.

7 Молва. 1831. Ч. 2. С. 27—29.

8 *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 21. С. 20. В. В. Пассек в свою очередь писал родным: «Кланяйтесь в особенности Ивановичу и Платоновичу, скажите им, увидите их, что я люблю их как братьев».— ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 1631, оп. 1. д. 98.

9 ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 1631, оп. 1, д. 617.

10 Там же, д. 926.

11 *Пассек Т. П.* Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 25.

12 *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 21. С. 112.

13 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 152, 153.

14 *Пассек В. В.* Путевые записки... С. 49—50, 167, 168.

15 *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 8. С. 141.

16 *Пассек Т. П.* Из дальних лет. Т. 2. С. 228.

17 Там же. С. 231.

18 ОР ГБЛ, ф. 231, р. 11, п. 23, е. х. 77.

[19] Там же, п. 52, е. х. 72.

[20] *Филимонов С. Б.* Записка В. В. Пассека о программе издания «Очерков России» // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 414.

[21] Очерки России. Спб., 1838. Кн. I. С. VI—VII.

[22] Русская старина. 1893. № 9. С. 554.

[23] Библиотека для чтения. 1838. Т. 31. Отд. 6. С. 29—31; Литературное прибавление к «Русскому инвалиду». 1838. № 49. С. 972—974; Современник. 1838. Т. 12. С. 82—84; Сев. пчела. 1838. № 234.

[24] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1892. Кн. 5. С. 489—490.

[25] Прибавления к Московским губернским ведомостям. 1841. № 2.

[26] Там же. № 28, 29.

[27] ОР ГБЛ, ф. 231, р. 11, п. 23, е. х. 77.

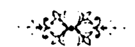
[28] Московская справочная книжка, изданная Вадимом Пассеком. М., 1842. С. II—III.

[29] Историческое описание Московского Симонова монастыря // Прибавления. 1842. № 1—12; Отдельное издание: Историческое описание Московского Симонова монастыря. М., 1843.

[30] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 8. С. 140.

[31] См. письмо педагога и литератора Н. И. Билевича А. Ф. Вельтману 22 ноября 1842 г.: ОР ГБЛ, ф. 47, р. 11, п. 2, е. х. 21.

[32] *Новохатский К. Е.* Историк В. В. Пассек // Вопр. историографии в высш. шк. Смоленск, 1975. С. 281—287; его же: «Мне хочется быть лектором истории» // Памятники Отечества. 1989. № 1 (19). С. 61—66.

В. В. Сорокин

СТАРИНА МОСКВЫ

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЮБЕЦКИЙ. 1809—1881

Сергей Михайлович Любецкий — педагог, историк, искусствовед — вошел в число писателей-москвоведов, внесших свой вклад в область изучения московской народной жизни XIX в., героической борьбы русского народа в 1812 г. и в пропаганду историко-архитектурных памятников Москвы и ее окрестностей.

Он вошел в литературу как историк своего города, зарекомендовав себя пятью статьями, озаглавленными «Московские старинные и новые гулянья и увеселения» и помещенными в журнале «Москвитянин» в 1854—1855 гг. В дальнейшем его имя постоянно появлялось на страницах газет и журналов. Любецкий был автором 15 книг и брошюр.

Изданные небольшими тиражами, его книги становились библиографическими редкостями. Они сохранились только благодаря книжным коллекциям А. А. Бахрушина, В. М. Остроглазова и других, в их составе поступив в государственные книгохранилища, где мы ныне можем с ними познакомиться.

В трудном жизненном пути разночинца Любецкого было много препятствий, задержавших выполнение его литературных замыслов историка, писателя, педагога.

Сергей Михайлович Любецкий родился в 1809 г. и, по его словам, «с самого младенчества находился на воспитании генерал-майорши княгини Елизаветы Ростиславовны Вяземской» [1].

Княгиня Е. Р. Вяземская (урожд. Татищева) была правнучкой знаменитого государственного деятеля Василия Никитича Татищева (1686—1750), автора «Истории Российской с древнейших времен» [2]. Воспитанника «сверх российской грамматики, читать и писать и частью арифметики» обучали и другим предметам.

Судя по фамилии, Любецкий был внебрачным сыном одного из родственников своей воспитательницы. Е. Р. и С. С. Вя-

земские тогда жили в родовом доме Татищевых, построенном архитектором М. Ф. Казаковым на Петровском бульваре (ныне дом № 8) [3].

В августе 1824 г., когда Сереже Любецкому было 15 лет, в связи с проявившимся у него интересом к истории, литературе и изобразительным наукам, он выразил свое «ревностное желание вступить в Архитекторскую школу ведомства Экспедиции Кремлевского строения».

Составленное от его имени прошение в это ведомство говорило, что он является воспитанником княгини «и не принадлежит ни к военному ведомству и ни к сословию платежей платящих равно и в службу нигде еще не определен»; прошение удостоверили своими подписями надворный советник Иван Федорович Похвистнев, обер-прокурор князь Павел Павлович Гагарин, вице-адмирал сенатор Алексей Сабашников и подполковник князь Владимир Михайлович Волконский. Некоторые из подписавшихся были родственниками Вяземской [4].

25 августа Сергей Любецкий был принят в Архитекторскую школу и определен в 3-й класс с чином капитана на своем содержании. Дав подписку, что он ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежит, он был приведен к присяге в верности службе, а потом препровожден к директору Чертежного училища архитектору Ивану Львовичу Мироновскому.

Одновременно с Любецким в эту школу был зачислен Сергей Левицкий, воспитанник Льва Яковлева; воспитанники Ивана Яковлева — Александр и Егор Герцены в Дворцовую экспедицию были записаны в конце 1820 г. Был сюда зачислен и воспитанник князя Н. Б. Юсупова Сергей Гирейский. Среди преподавателей были И. Л. Мироновский, И. Т. Томанский, Евграф Тюрин, Егор Скотников, Егор Классен, Сальватор Тончи, Егор Скотти, Иосиф Вивьен и другие [5].

В классах обучали закону божию, черчению архитектурных рисунков, геометрии, истории, географии и мифологии, российской словесности, французскому языку, рисованию фигур, орнаментов, бюстов, пейзажей, миниатюр.

В начале сентября того же 1824 г. Сергей Любецкий просит у руководства Архитектурной школы позволить ему в свободное от должности время слушать в Московском университете профессорские лекции и выдать ему для представления в университет соответствующее свидетельство, которое он получил в конце сентября.

На словесном отделении Московского университета в это время читал лекции А. Ф. Мерзляков, профессор теории русской словесности, риторики, поэт. М. Г. Гаврилов, знаток славянского языка, истории и теории изящных искусств, читал лекции по археологии. У М. Т. Каченовского, действительного члена Российской академии, можно было слушать лекции по истории, статистике, географии. У Н. В. Болдырева —

познакомиться с историей восточной литературы, начать изучение арабского и персидского языков по его учебникам и соприкоснуться с восточной словесностью по образцам, приведенным в изданной профессором хрестоматии. У И. И. Давыдова послушать лекции в области латинской словесности; из писателей древних он особенно любил говорить о Софокле, Вергилии, Цицероне, из новейших — о Гердере, Шекспире, Ламартине. Но особенную любовь Давыдов проявлял к писателю и историку Н. М. Карамзину. Учебники Давыдова по греческому и латинскому языкам являлись настольными книгами для студентов. У Ю. П. Ульриха слушали лекции по всеобщей истории, статистике и географии, а у Н. А. Бекетова изучали вспомогательные исторические науки. С. М. Ивашковский был специалистом по древней филологии и автором огромных греческих и латинских словарей. И. М. Снегирев на кафедре римских древностей и латинского языка много уделял внимания и изучению отечественных древностей. Иностранными языками можно было заниматься у Ф. И. Кистера (немецким), И. А. Пельта (французским), Фомы Эванса (английским); последний лектор увлекался музыкой и живописью и привлекал к себе этим многих студентов.

Лекции по отделению словесных наук читались в главном здании университета [6], восстановленном после пожара 1812 г., в большой Словесной аудитории, находившейся с правой стороны при входе в Актовый зал. Сейчас это и соседнее с ним помещение занимает Антропологический музей университета.

В 1824 г. вместе с вольнослушателем Сергеем Любецким в университет поступили студенты Михаил Коркунов (отличавшийся в познании истории, впоследствии академик, археограф), Николай Пирогов (знаменитый хирург, учившийся на врачебном отделении, оставивший свои воспоминания о студентах этих лет [7]), Андрей Заблоцкий-Десятитовский (государственный деятель, экономист, публицист). В этом же 1824/25 учебном году посещал лекции как вольнослушатель и сдавший так называемый комитетский экзамен будущий декабрист, член Северного союза Валерьян Голицын [8]. Учился в университете Александр Полежаев. Годом раньше Любецкого [9] в университет поступили Алексей Галахов (автор воспоминаний), Александр Ротчев (поэт), Михаил Критский, Октавий Водо, Карл Чермак (впоследствии педагог), Святослав Раевский, Андрей Леопольдов, Николай Селивановский; будущий литератор Степан Шевырев был вольнослушателем. В следующем 1825 г. в университет поступили и слушали лекции: Евгений Корш, Петр Кудрявцев (писатель, впоследствии профессор истории), Николай Мурзакевич (автор воспоминаний [10]), Михаил Гастев (историк, с 1834 по 1846 г. преподававший географию, историю, мифологию в Московском Дворцовом Архитектурном училище, потом служивший при московском генерал-губернаторе и много сделавший для процветания экономики города [11]. В

1826 г. в аудиториях университета появились братья Диомид и Вадим Пассеки [12].

1827 год для ряда студентов был драматическим. На распространение в рукописях бесцензурных стихотворений, напоминавших о вольнодумстве, приведшем к событиям на Сенатской площади, обратило внимание III отделение. Среди студентов ходил в списках отрывок из элегии Пушкина «На 14 декабря 1825 года». В мае 1827 г. в связи с этим был отдан под суд кандидат университета А. Леопольдов, а летом через провокаторов был раскрыт политический революционный кружок братьев Критских. «Прикосновенными» лицами к делу Критских оказались П. Таманский и Д. Тюрин, служившие архитекторскими помощниками в Московской Кремлевской экспедиции. В июне 1827 г. началась «полежаевская история», связанная с «неблагополучием» в императорском университете. Полагают, что это было одной из причин, вызвавших отставку с поста ректора А. А. Прокоповича-Антонского [13]. В середине августа того же года в Александровском саду была задержана группа юношей из работавших и учившихся в Московском университете. На них обратила внимание какая-то барыня и сделала им выговор, но кто-то ответил ей остротой, оскорбившей ее. В результате находившиеся поблизости полицейские чины задержали молодую компанию и доставили ее к полицмейстеру [14]. Среди них оказался копиист Архитекторской Кремлевской школы и вольнослушатель университета Сергей Любецкий. Следствие тянулось несколько месяцев. Не без участия княгини Вяземской и ее высокопоставленных родственников и знакомых Сергей Любецкий был признан невиновным. Но его товарищи — работники университетской типографии Смирнов и Николай Штенберг — выбыли из штата университета. По-видимому, они были сданы в солдаты. Через год пришло уведомление о смерти Н. Штенберга. В ноябре 1827 г. Сергей Любецкий ввиду неявки в Архитекторскую школу был исключен из состава учеников, исключен и из списка университетских вольнослушателей. В следующем 1828 г. он в своем заявлении, как оказавшийся невиновным, просит выдать ему свидетельство о его пребывании в Архитекторской школе [15]. Зная, что в это время в среде студентов были провокаторы, Сергей Любецкий решил не появляться ни в школе, ни в университете. Известно, что в начале 1832 г. он живет в 1-м квартале Тверской части, в доме Глебовой (Антипьевский переулок, ныне улица Маршала Шапошникова, 4—6).

В 1832 г. было утверждено «Положение» для управления заведениями общественного призрения в Москве [16]. среди них были состоящие под «высочайшим» покровительством Екатерининская больница, Сиротский дом, богадельни и др. Управление этими учреждениями поручалось особому попечительскому совету под председательством Московского военного генерал-губернатора, а членами были представители высшего

чиновничества, дворян, крупного купечества. Потом появилось Московское благотворительное общество под покровительством императрицы. Членами его Совета были дамы благородного звания. Княгиня Е. Р. Вяземская стала активной деятельницей в его мероприятиях, а позднее на этот путь стала и ее дочь Варвара (в замужестве Ершова). Вяземская занималась оказанием материальной помощи сиротам, их воспитанием, выявлением способностей, направлением к полезной деятельности.

В конце 1833 г. Сергей Михайлович Любецкий определяется надзирателем над воспитанниками и безвозмездным учителем русской грамматики в московский Сиротский дом [17], который вскоре разместился в бывшем дворце графа А. К. Разумовского (ныне улица Казакова, 18[18]). Здесь же Любецкий и поселился. Вскоре он становится учителем русской и всеобщей истории и русской словесности. В марте 1840 г. он становится преподавателем русской словесности в знакомом ему уже Дворцовом Архитекторском училище. В мае 1842 г. Любецкий сдает испытание в 1-м отделении философского факультета университета и получает свидетельство на право преподавания русского языка, истории, географии [19].

С. М. Любецкий увлекается историей, литературой, изобразительным искусством, театром. Знакомство с кругом лиц, связанных с Архитекторским училищем и Московским университетом, вводит его в литературно-артистические круги. В 1830-х гг. он знакомится с руководителями репертуарной и литературной частью Большой и Малой сцены Императорского московского театра. Увлеченный народным творчеством, действительностью русской жизни, прогрессивным направлением в театре — новой манерой актерской игры, основанной на большой естественности, эмоциональности в воспроизведении типов, он предложил к постановке свою пьесу — «быль XVII века» «Стенька Разин, разбойник Волжский» в драматических картинах с хорами, песнями и плясками.

Спектакль «Стенька Разин» был впервые показан на сцене Большого театра 3 января 1841 г. в бенефис актрисы А. Т. Сабуровой [20]. В 1846 г. автор выпускает пьесу отдельным изданием, ставшим библиографической редкостью.

В этом же 1846 г. Любецкий печатает свою первую книжку, посвященную истории Москвы. Это «Живописные виды московских монастырей с историческим и современным описанием всего замечательного в каждом. С 2-мя видами». Небольшая книжечка была отпечатана в известной московской типографии Н. С. Степанова. Издание знакомит читателя с историей двух монастырей — Донского и Новодевичьего. Вот описание Донского монастыря: «Вид на него — прекрасен, особливо... с так называемой Поклонной горы: тут перед вами развертывается дивная панорама безграничной Москвы: колокольни, как мачты, вонзают в небо светлые шпили, а золотые главы церковных куполов будто плавают в широком воздушном

пространстве». Автор описывает и многолюдное гулянье на Девичьем поле 28 июля, в храмовый праздник Смоленской Божьей Матери, говорит о движущейся «цепи экипажей не только купеческих, как у Донского монастыря, но и грандиозных: там увидите в этот день градацию экипажей от двухколесных в английском вкусе до простой скрипучей возницы... там носятся курц-галопом и московские денди-с лорнетами, хлыстами, гривами, усами, шпорами и с прочими принадлежностями европеизма; там порхают в летучих фаэтонах и живые оранжерейные цветки аристократических домов, в платьях легких, как эфир, в страусовых перьях, как райские птички,— и благословенная пробирается на калиберных своим путем-дорогою, там — да мало ли чего там не увидите: пусть любопытствующие посмотрят сами».

Вслед за этим изданием в 1848 г. Любецкий выпускает «Панораму народной русской жизни, особенно московской. Нечто вроде Альманаха на 1848 год». В этой книге он помещает стихотворение «Утренняя прогулка по Кремлю», подписанное «П. Ш.», и «Песню» («Он быстрей, он отважней нагорных орлов...») поэта В. И. Красова, своего друга и также учителя, по-видимому, впервые увидевшую свет в этой книге.

В книге автор дает картину великопостного и на Страстной неделе базаров, размещавшихся на набережной Москвы-реки от Устьинского до Каменного моста.

А вот «...собралась почтенная публика на общественное гулянье — экипажи, пешеходы...»:

Хоть до дюжины Гамлетов
Здесь вы встретите порой —
Важных козырных валетов —
Здесь толпится целый рой,
Щегольнуть своей обновой
Хочет всякий модный лев,
Иль в пальто король бубновый —
Иль в мантилье дама треф.
Вот и матушка и дочки,
Накрахмаленные впрах...
. . . .
Вот и востренький, как шильце,
Секретарь с пушком на рыльце,
Про него идет здесь слух —
Из воды кто ж выйдет сух!

В книгу вставлена и фантастико-романтическая «штука вроде водевиля» «Застрахование невест, или спекулятор 19 столетия», рассказывающая, как молодые бездельники с помощью обманутого скудоумного купца Кубышкина открывают «контору Гименея» по выдаче замуж купеческих дочерей.

«Сколько полезных голов и рук гибнет в затейливой, но бесплодной меркантильной суете, не занимаясь чем-нибудь лучшим,

полезным для общества и для себя»,— этими печальными словами заканчивает автор свою шутку.

Литературный критик «Отечественных записок» дал отрицательную оценку этой книге: «Видно, почтенный автор сильно благоволеет перед вычурной фразой Марлинского и вычурным стихом Бенедиктова» [21].

Критик «Современника» П. А. Плетнев утверждал, что в «Живописных видах...» «ничего не увидал, а слышал трескотню тропов и фигур». Тот же Плетнев отрицательно оценивал и «Героя нашего времени» Лермонтова, и «Лирический пантеон» Фета, и «Часы выздоровления» Полежаева...

В 1846—1849 гг. Любецкий издал «Русскую историю для детей» в двух выпусках с лакированными картонными переплетами, напечатанных в типографии Августа Семена и снабженных изящными литографиями. Издание посвящено попечителю московского Сиротского дома князю А. Д. Львову. Каждая страница книги проникнута любовью к Отечеству.

Это издание было встречено благожелательно и, видимо, тиражировалось в несколько приемов (судя по датам на титульных листах и обложках). Книга была в ходу, зачитывалась и до наших дней в Москве в полном виде сохранилась как уникальный экземпляр только в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

В 1850-х гг. прочитанная С. М. Любецким на одном из литературных вечеров пьеса «Самоотверженная» очень понравилась Л. П. Косицкой-Никулиной, и она выпросила пьесу для своего бенефиса [22].

В эти же годы под влиянием С. Т. Аксакова Любецкий подготавливает для печати свои рассказы о «Московских старинных и новых гуляньях и увеселениях». Они начинают печататься на страницах погодинского журнала «Москвитянин». Одним из эпиграфов к этим статьям стали слова Карамзина: «Хочется знать старину, какова бы ни была она, даже и чужую, а своя еще милее».

Любецкий хорошо знал новую и старую Москву, историю Кремля и пытался через предания проникнуть в тайны древних московских урочищ, старинных слобод, где жили, работали и проводили свои праздники москвичи прежних времен:

«Москва — ядро исторической жизни Русского государства — колыбель истинно государственной мысли, и вместе с тем город воспоминаний,— и не только сам город обилен ими, но и все окрестные местности, которые как бы дополняют пробелы истории, наглядно и красноречиво свидетельствуя о быте наших предков...» «Мы, русские,— продолжает Любецкий,— любим не только настоящий, но и прошедший быт нашего племени... Это не гордость, хотя нам и есть чем гордиться, но чувство самоуважения...»

«Грустно-приятно обвести задумчивым взором то место, которое было свидетелем величия, славы и даже простого скром-

ного происшествия из быта наших предков; я люблю смотреть на опустелые дома и палаты, где некогда кипела жизнь, или на ветхие, уничтоженные храмы, стоящие в безмолвии, под меланхолическою сению дерев; в них так же некогда славословили имя Божие, из них так же выходило множество соединенных перед алтарем супружеских пар, и выносили много гробов...»

Пять статей о московских гуляньях и увеселениях имели большой успех. Читатели часто их извлекали из годового комплекта «Москвитянина» и объединяли в один переплет. В собраниях коллекционеров такие подшивки бережно хранились и дошли до нас. Любецкий предполагал в «Москвитянине» напечатать целую серию своих исторических работ. Были опубликованы еще две его статьи, но М. П. Погодин издание журнала прекратил. Нуждавшийся в деньгах автор не так скоро мог получить у прижимистого издателя причитавшиеся ему 45 рублей серебром.

В 1859 г. в «Детском журнале» появляется большая работа Любецкого «Суворов».

С. М. Любецкий был связан со многими известными московскими педагогами, такими, как В. И. Красов (поэт), Е. И. Якушкин (сын декабриста, юрист-этнограф, пушкинист), И. К. Бабст (экономист и историк, впоследствии профессор), Д. Н. Дубенский (известный своими исследованиями о «Слове о полку Игореве»), Я. И. Визард (педагог), А. С. Ястребилов, В. С. и Д. С. Индейцевы, И. И. Артари (художники) и другими [23].

На базе школы московского Сиротского дома создалось Мещанское отделение Строгановского училища технического рисования. Оно с начала 1840-х гг. размещалось в разных домах по найму. Ученикам и учителям приходилось работать в сложных условиях, а зимой и в плохо отапливаемых помещениях, и часто ученик был лишен «всякой возможности владеть карандашом». Учеников-сирот готовили занять место в ткацких фабриках Прохорова, Гучкова и др. в должности рисовальщика, чертежника и других сопутствующих в этом деле профессий, исходя из их способностей. Не одаренных талантами к искусству переводили в конторщики, счетоводы.

Характеристику С. М. Любецкого оставил один из его учеников Павел Дуфнер. По воспоминаниям Дуфнера, в 1848 г. Любецкий был «человек довольно молодой, роста немного выше среднего, сутуловатый». Он носил золотые очки и имел довольно странную привычку охорашиваться, войдя в класс. Прежде всего занимался прической, потом фраком, снимая с него пылинки. Сев за стол, снимал очки и начинал их вытирать самым методическим образом и снова надевал только тогда, когда вполне убеждался в их безукоризненной чистоте. Для полноты характеристики этого «почтенного педагога» его ученик приписал ему авторство романов во вкусе Рафаила Зотова. Дуфнер вспоминал, что Любецкий, как московский старожил, любил

щегольнуть своими историческими познаниями о Москве и ее окрестностях. О Москве он говорил ученикам в старшем классе, но речь его изобиловала «собственными именами», а потому оставляла в памяти Дуфнера очень слабый след. Дуфнер был недоволен и тем, что Любецкий учил их по грамматике Востокова, а не Греча и требовал знания проходимого предмета. Ученики боялись своего учителя. «Свои воспоминания о Любецком я закончу словами,— писал его ученик,— нет худа без добра — грамматику я знал и до сих пор знаю хорошо».

«По-видимому, он очень ценил себя как литератор и историк» — так характеризовал его составитель хроники этого учебного заведения А. Гартвиг[24].

В конце 1850-х гг. Дворцовое Архитекторское училище сливается со Строгановской школой технического рисования. С. М. Любецкий продолжает здесь работать.

В 1860-х гг. С. М. Любецкий много популярных исторических и этнографических статей помещает в «Русских ведомостях» и в «Московских ведомостях», а также в «Современной летописи».

В середине 1860-х гг. он выпускает небольшую книжку «Взгляд на охоту и на важное значение ее для людей», посвятив ее Московскому обществу охоты, только что основанному. Обращает на себя внимание описание помещичьей охоты, наблюдателем которой в юные годы был автор.

Любецкий работает и над созданием книги «Русь и русские в 1812 году». Для этой темы он не только выявил источники и ознакомился с печатными материалами, но и записал огромное количество сведений от современников-старожилов. Им были тщательно обследованы все памятные места Москвы, связанные с событиями 1812 г. Так, например, о Поздняковском театре на Б. Никитской улице (ныне улица Герцена, 26), в котором ставились спектакли под наблюдением Наполеона, он собрал большой и интересный материал.

В 1869 г. этот труд вышел в свет с подзаголовком «Книга для чтения всех возрастов», в двух частях, в одном томе. Критик на страницах «Вестника Европы» характеризовал книгу как написанную «тяжелым языком, напоминающую отчасти Михайловского-Данилевского, отчасти Марлинского». Он укорял автора за излишний патриотизм, за использование в книге «Ростопчинских афиш, блещущих фантазией и хвастовством», но занимательность собранного автором материала критик признал.

В 1870 г. в Петербурге начал выходить журнал «Нива», скоро ставший широко известным и популярным. В течение двух лет на его страницах помещались публикации С. Любецкого о московских историко-архитектурных достопримечательностях (Царицыне, храме Василия Блаженного, колокольне Ивана Великого, церкви Покрова Богородицы, что в Филях и др.). В очерке о Сухаревой башне автор сделал любопытную зарисовку современного ему Сухарева рынка. Описания сопровожда-

лись прекрасными рисунками, гравированными Л. Серебряковым и К. Вейерманом.

Открытая в Москве в 1872 г. Политехническая выставка дала возможность Любецкому издать объединенную с путеводителем по городу книгу «Москва в 1812 году». Так было отмечено шестидесятилетие со дня этого события, и тогда же Любецкий был приглашен сотрудничатб в ежедневной газете «Вестник Московской Политехнической выставки». На ее страницах стали появляться его статьи о памятных местах, связанных с жизнью Петра I и его современников. Приехавшие на выставку могли совершить самостоятельные экскурсии по Москве, по Лефортовской и Басманной частям города, имея у себя в руках их описание в «Вестнике...». По-видимому, Любецкий стал автором «Нивы» и «Вестника...» при содействии братьев Кельсиевых, сотрудничавших в этих изданиях, с которыми Любецкий был знаком.

В дни Политехнической выставки Любецкий выпустил в более расширенном виде свои «Отголоски старины», напечатанные в 1867 г., но под другим названием — «Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовой жизнью русских».

Помимо исторических изысканий и публикаций он занялся составлением «Справочной книги для архитекторов, художников, скульпторов, живописцев, рещиков и всех интересующихся искусством». В предисловии к этой капитальной работе составитель говорит, что в этой книге он «разъясняет название предметов, необходимых для всех художников и для ремесленников вообще. Она может служить: первым — для справок, а последним сверх того — руководством к образованию и к развитию их вкуса». Любецкий в свой справочник, по его словам, вводит и такие термины, которые не помещены ни в одном из изданных в то время словарей. Составитель знал классические языки — греческий и латинский, европейские — французский, немецкий, английский. Он следил за вновь выходившей литературой и пользовался библиографическими справочниками, словарями.

В том же 1877 г. в свет выходит книга Любецкого «Московские окрестности, ближние и дальние за всеми заставами в историческом отношении, и в современном их виде. Для выбора дач и гулянья». Эту книгу автор переиздает в 1880 г., тогда же переиздается книга «Русь и русские в 1812 году» (выпущенная в 1862 г.), под заглавием «Рассказы из Отечественной войны 1812 года».

С. М. Любецкий в начале 1850-х гг. живет в собственном доме в Скорняжном переулке, № 27, в Мещанской части, очевидно получив его в приданое от жены, которая умерла в 1857 г. Через год Любецкий женится на мещанке Екатерине Ивановне Емельяновой. Одно время он снова живет в собственном небольшом домике на теперешней Трубной улице (№ 33, не сохранился).

В начале 1870-х гг. Любецкий снимает квартиру в доме Михайлова в Сущевской части, на Садовой-Триумфальной улице (№ 5, не сохранился), а в 1878 г. он переселяется в дом Пименова на Каретной-Садовой (не сохранился). Мы знаем, что от второго брака у него была дочь Екатерина (родилась в 1858 г.). Скончался Сергей Михайлович Любецкий 5 марта 1881 г. и был похоронен на Лазаревском кладбище, но уже в начале XX в. могила его была утеряна [25].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 3, д. 6573 (1824).

[2] См.: *Долгоруков П.* Российская родословная книга. Спб., 1854. Т. 1. С. 157; 1855. С. 227—228; также: Московский некрополь. Спб., 1907. Т. I. С. 246; также: Рассказы бабушки (Елизаветы Петровны Яньковой) из воспоминаний пяти поколений, записанные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 38 и по указателю Е. П. Янькова доводилась правнучкой и историку В. Н. Татищеву.

[3] Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова. М., 1956. С. 192; см. также: *Соколов В.* Указатель жилищ и зданий в Москве... М., 1826. Тверская часть № 6.

[4] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 3, д. 6573.

[5] Там же, д. 5688.

[6] Программа преподавания в Московском университете в 1824—1825 гг. была опубликована в «Московских ведомостях» за 1824 г., № 68, и в отдельном издании «Объявление о публичных лекциях в Московском университете за 1824—1825 г., за 1825—1826 г., 1826—1827 г.». О профессорах университета см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 1—2. М., 1855.

[7] *Пирогов Н. И.* Сочинения. Спб., 1900. Т. 2.

[8] ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 121, 1824 г., д. 356, 416, 421, 569.

[9] Там же, ф. 418, оп. 120, 1823 г., д. 357, 384, 400, 415, 436, 462.

[10] *Мурзакевич Н. Н.* Воспоминания // Русская старина. 1887. № 2.

[11] ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 122, 1825 г., д. 359, 480, 456.

[12] Там же, оп. 96, 1826 г., д. 3, 126.

[13] *Лемке М. К.* Тайное общество братьев Критских // Былое. 1906. № 6; *Насонкина Л. И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 5 и по указателю.

[14] Сборник постановлений по мин-ву нар. просв. Спб., 1864. Т. 2, отд. 1. С. 64.

[15] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3. ч. 3, д. 6573, л. 6.

[16] История Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 342.

[17] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3., д. 16129.

[18] Музей истории Москвы, ф. Н. П. Чулкова, тетрадь 36, § 4, л. 102 об., 103, 103 об; ф. В. Д. Метелеркамп и К. М. Нистрем. См. также: Книга адресов столицы Москвы. М., 1839. Ч. 1. С. 240—242.

[19] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 7202, л. 13.

[20] Моск. ведомости. 1841. № 1. Приложение. 1 янв.

[21] Критикам — противникам Марлинского и Бенедиктова — не понравилось и стихотворение «Утренняя прогулка по Кремлю». Вот отрывок из него:

...Едва забрезжит только день,
Заботливый Иван Великой
Начнет свой громогласный клич
С пятиэтажного амвона,
Двухвекового камертона:
Приветный звук поймет москвич,
Он может лишь один постичь
Всю красоту. Всю прелесть звона,--
Твой, стен кремлевских великан,
Благовестительный орган.
Прямой дорогой и окольной
Москвич к заутрене спешит,
Когда услышит, что гудит
Соборов Регент колокольный.

[22] ОР ГБЛ, ф. М. П. Погодина, письма С. М. Любецкого, 1855 и 1856 гг.

[23] *Нистрем К.* Адрес-календарь жителей Москвы на 1850 год. М., 1850. Ч. 1. С. 293—295; *Его же:* Адрес-календарь жителей Москвы на 1851 год. Ч. 1. С. 387 и 407; *Его же:* Адрес-календарь жителей Москвы на 1855 г. Ч. 1. С. 324, 356. Книга адресов жителей Москвы на 1863 год. М., 1863. Ч. 1. С. 387. Памятная книжка разных учреждений г. Москвы на 1873 г. М., 1875. С. 633—635. Адрес-календарь Москвы на 1877. М., 1877. С. 459.

[24] *Гартвиг А.* Школа рисования в отношении к искусству и ремеслам, учрежденная в 1825 году гр. С. Г. Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860-х гг. М., 1901; Сто пятьдесят лет архитектурного образования в Москве. М., 1940.

[25] *Остроухов В.* Московское Лазарево кладбище: Историческое исследование. М., 1893. С. 131; Московский некрополь. Спб., 1908. Т. 2. С. 200.

Список работ С. М. Любецкого

Стенька Разин, разбойник Волжский. Драматические картины в 4-х актах с хорами, песнями и плясками. Быль XVII-го века. Соч. С. Любецкого. М.: (Университетская тип.), 1846.

Живописные виды Московских монастырей, с историческим и современным описанием всего замечательного в каждом. С 2-мя видами. М.: (Тип. Степанова), 1846.

Русская история для детей. Соч. С. Любецкого: В 2 вып. М.: (Тип. Авг. Семена), 1846—1849.

Панорама народной русской жизни, особенно московской (представляющая замечательные местности Москвы и ее окрестностей, народные гуляния, праздники, торжища, нравственно-юмористические сцены, типы нравов и вообще современный быт наш с некоторыми воспоминаниями о старине). Нечто вроде альманаха на 1848 г. М., 1848.

Московские старинные и новые гулянья и увеселения // Москвитянин. 1854. № 13, 15, 18, 23; 1855. Т. 1. № 2. С. 147—162.

Еще воспоминание о 1812 годе // Моск. ведомости. 1855. № 36; То же: Русский инвалид. 1855. № 74.

Взгляд на то время, когда совершилась коронация императрицы Екатерины II с описанием фейерверка, данного по этому случаю против Кремля // Москвитянин. 1856. Т. 2. № 6. С. 129—153.

Маневры при Красном селе, происходившие под собственною командою императрицы Екатерины II в 1765 году // Там же. С. 154—179.

Суворов // Детский журнал. 1859. Т. 4. Кн. 10. С. 1—53. Кн. 11. С. 65—91.

Празднества и увеселения в Москве по случаю взятия Парижа Союзными войсками в 1814 году марта 19-го // Современная летопись. 184. № 15.

Старая масленица // Русские ведомости. 1864. № 24.

Из былого // Там же. 1864. № 30, 31, 42, 44, 46, 54, 63 и 66.

Большое Ходынское гулянье // Моск. ведомости. 1864. № 164.

Пятьдесят лет назад // Современная летопись. 1865.

Петровское-Разумовское // Русские ведомости. 1865. № 126.

Торжественное открытие Московской губернии 5-го октября 1782 года и Первые дворянские выборы // Моск. ведомости. 1865. № 216.

Взгляд на охоту и на важное значение ее для людей. М., 1866.

Предания о Семике и о троицыне дне // Современная летопись. 1866. № 15. С. 11—14.

Воспоминание о торжественном открытии памятника К. Минину и кн. Пожарскому в Москве на Красной площади 1818 г. 20 февраля // Русские ведомости. 1866. № 22.

Из прежних сношений Соединенных Штатов с Россией // Современная летопись. 1866. № 29.

Старинный Новый год. (Торжество, обряды и празднества, сопровождавшие его от 1-го до 8-го сентября) // Там же, 1866. № 30. С. 9—10.

Бракосочетание русских великих князей. (Церемониалы, празднества и увеселения в Петербурге и в Москве). М., 1866.

То же: Современная летопись. 1866. № 35.

То же: Астраханский справочный листок. 1866. № 160--167.

Значение для России 21 числа ноября // Современная летопись. 1866. № 39.

Гулянье в Кускове при императрице Екатерине II во время празднования 25-летия ее царствования // Там же. № 57.

То же // Моск. губернские ведомости. 1866. № 37.

Русские святки с своими забавами и увеселениями // Современная летопись. 1867. № 2.

Русская масленица // Там же. № 8.

Вербная суббота (Лазарево воскресенье) // Там же. № 13.

Святая неделя в старину (Велик День) // Там же. № 14;

То же // Домашняя беседа. 1869. № 15.

Летние русские праздники, забавы и увеселения // Современная летопись. 1867. № 20, 29.

Воспоминания о 2-м сентября 1812 года (55 лет назад) // Там же. 1867. № 31. С. 5--10.

Царицыно (близ Москвы) // Русские ведомости. 1867. № 82.

Памятник спасения России. (12-го октября 1817 г., 50 лет назад) Современная летопись. 1867. № 38. С. 8--12.

Масленица старинных времен // Русские ведомости. 1868. № 32, 33.

Иорданская купель в старину в Москве // Там же. № 62.

Село Останкино с окрестностями своими: Воспоминание о старинных празднествах, забавах и увеселениях в нем. М.: (Тип. «Русские ведомости»). 1868.

Вербная суббота (Лазарево воскресенье) // Домашняя беседа. 1869. № 15.

Русь и русские в 1812 году: (Книга для чтения всех возрастов): В 2 ч. М.: (Тип. П. Бахметова), 1869.

Царицыно // Нива. 1870. № 1. С. 11—14; № 2. С. 21—23.

Церковь Василия Блаженного (Покровский собор) // Там же. № 3.

Сухарева башня с ее окрестностями // Там же. № 15. С. 230—235. № 16. С. 247—249.

Московский Кремль и колокольня Ивана Великого // Там же. 1871. № 28.

Церковь Грузинской Божией Матери в Москве // Там же. № 43.

Образ Иоасафской Божией Матери в московском Архангельском соборе // Там же. № 46. С. 731.

Церковь Покрова Богородицы, что на Филях: (В селе Покровском) // Там же. № 49. С. 772—774.

Две московские площади // Моск. ведомости. 1871. № 45.

Собор Пресвятой Богородицы в с. Измайлове // Нива. 1872. № 2. С. 22—23.

Москва в 1812 году, соч. С. М. Любецкий // Москва в 1872 году: Путеводитель по Москве и указатель ее достопримечательностей. М., 1872.

Открытие памятника Петру 1-му Екатериною II // Вестн. Моск. Политехнической выставки. 1872. № 6. С. 2—3.

Где родился Петр Великий? // Там же. № 29. С. 2—3.

Предание о Лефорте. I, II // Там же. № 50, 57.

Знакомство с Москвою // Там же. № 78, 83, 96, 97, 112, 125, 137, 144.

Очерк истории почт (Ямской гоньбы) вообще, а в России в особенности // Там же. № 147, 150.

Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских. С описанием русского народного быта в прошлом и начале нынешнего столетия, нравов, обычаев, преданий, гульбищ, увеселений и пр. М.: (Тип. Е. Савича), 1872.

Шестьдесят лет назад // Моск. ведомости. 1872. № 255; 1873. № 11, 75, 178.

Исторический очерк русского купечества // Вестн. пром-сти. 1873. № 2, 3.

О первом употреблении письма у древних народов по изобретении папира, пергамента и писчей бумаги. Книгопечатание // Там же. № 14, 15, 16.

Село Пушкино и его окрестности // Моск. ведомости. 1873. № 84, 137.

Справочная книга для архитекторов, художников, скульпторов, живописцев, резчиков и всех интересующихся искусством. М., 1875. Вып. 1. А — Ж.

Московские окрестности // Моск. ведомости. 1876. № 113, 169.

Московские окрестности, ближние и дальние... М., 1877.

Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде... 2-е изд. М., 1880.

Б. В. Мартынов

«МОСКВА — ЗОЛОТЫЕ МАКОВКИ»

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РОЗАНОВ. 1857—1941

Как и в любой области знания, в исторической науке особое внимание привлекают выдающиеся личности, внесшие весомый вклад в науку и количеством собранных фактов, и глубиной сделанных на их основе выводов и обобщений. Но и труды не очень заметных по результатам деятельности историков составляют неотъемлемую часть той необходимой культурной среды, на которой вырастает и которой питается творчество «знаменитостей». Кроме того, как раз эти менее известные историки зачастую разрабатывают такие частные вопросы и темы, мимо которых, не замечая или не останавливаясь, проходят более крупные.

Краеведение — наука демократичная. Она легко включает в себя любительскую работу, крохотную бытовую или биографическую заметку, воспоминания, не придавая особого значения наличию звания или степени у автора.

Этот очерк посвящен Николаю Петровичу Розанову (1857—1941), в какой-то мере типичному представителю краеведческой науки 20—30-х гг. XX в., некоторые материалы которого составили небольшой фонд в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [1].

Н. П. Розанов прожил долгую жизнь в богатейшее событиями время, но биографических сведений о нем сохранилось немного. Родился в 1857 г. в Москве в семье дьякона церкви Петра и Павла в Преображенском, служившего по вакансии псаломщика. Отец умер, когда герой очерка был еще ребенком, и после смерти кормильца семья осталась в бедственном положении. Все родные и родственники Розанова принадлежали к духовному сословию, и потому его жизненный путь был почти предопределен, тем более что сирот из семей духовенства брали в духовные училища на казенное содержание. Розанов учился сначала в Заиконоспасском духовном училище, а после его окончания — в Московской духовной академии, где в 1880 г. защитил магистерскую диссертацию «Евсевий Пам-

фил, епископ Кесарии Палестинской» [2]. По «распределению» три года преподавал в Тверской семинарии, а вернувшись в Москву, стал преподавателем Московской семинарии. Был членом московского Общества любителей духовного просвещения (ОЛДП), и с 1897 г. составлял «Воскресные беседы», издаваемые обществом. Авторитет Н. П. Розанова в обществе был достаточно высок. Он читал доклады и лекции, ревизовал Епархиальную библиотеку, входил в совет общества, в 1900—1911 гг. был редактором ежемесячного журнала «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» [3], инициатором и организатором некоторых действий, направленных против «клерикального бюрократизма» в церковном управлении. В начале 1900-х гг. печатал в петербургской либеральной газете «Церковный голос» «Московские письма», в которых «задевал и изобличал московских «зубров в рясах», за что, конечно, ему «доставалось» [4]. Был и помощником редактора журнала московского столичного попечительства о народной трезвости «В борьбе за трезвость». В 1914 г. издал книгу «Освободительная война», само название которой в какой-то мере выражает позицию автора по отношению к первой мировой войне [5].

Свои воспоминания, где есть некоторые автобиографические факты, он оканчивает событиями марта 1917 г., и о его жизни в дальнейшем известно только по материалам деятельности в Обществе изучения Московской губернии (области), относящимся к концу 20-х — началу 30-х гг. В его биографии зияет пробел почти в целое десятилетие (и какое!), и материалы фонда ОР ГБЛ не могут его восполнить, ибо характерные для личных фондов биографические документы и переписка в нем отсутствуют. Случайно ли? Свои материалы в Отдел рукописей Н. П. Розанов сдал в 1933 г., время, по выражению А. Ахматовой, «сравнительно вегетарианское». Но, учитывая господствующее в революционный и послереволюционный период отношение к служителям культа как к торговцам «опиумом для народа», эксплуататорам, реакционерам и контрреволюционерам, лишнее упоминание об участии бывшего церковного и общественного деятеля в некоторых организациях, круг его дореволюционных адресатов уже могли представлять компрометирующий материал с возможными следствиями (в том числе и в самом прямом юридическом смысле).

К краеведению бывшего магистра богословия с совсем «негодным» социальным происхождением привела, думается, не только необходимость зарабатывать на пропитание или потребность как-то использовать свои знания. Московской историей он занимался и до революции. К столетию Отечественной войны 1812 г. им была написана книга о московских святынях в 1812 г. [6], которую, отказавшись от идеологической нетерпимости, можно считать краеведческой работой.

В конце 20-х — начале 30-х гг. Н. П. Розанов работал в ОИМО и, судя по протоколам общества, фонд которого также

хранится в ОР ГБЛ (ф. 177), подготовил там в 1927—1930 гг. 22 доклада и сообщения. Хронологические рамки почти всех этих работ — XVII — начало XIX в., большая часть их посвящена установлению мест жительства знаменитых москвичей: «Местопребывание наших наиболее выдающихся писателей XVIII и XIX вв. в бытность их в Москве», «О доме на Арбате, где жил А. С. Пушкин», «О Н. П. Румянцеве», «Об истории владения Фонвизиных на Рождественском бульваре», «К вопросу о пребывании архитектора Мичурина в Москве», «О планах домов, в которых по предположению родился и жил А. В. Суворов», «О деятельности Н. А. Полевого», «О В. О. Ключевском», «О П. И. Чайковском», «О месте жительства Н. В. Станкевича в 1830 г. на Большой Дмитровской улице», «О домах в Москве, связанных с именем М. Ю. Лермонтова». Часть докладов исследует историю московских улиц и отдельных владений: «О топографии улиц Тверской и Дмитровки в XVII в.», «О топографии улиц Петровки и Мясницкой в XVIII в.», «О топографии улицы Покровки в XVII и XVIII вв.», «Планы Большой и Малой Дмитровки в XVIII в.», «Об осмотрах домов на Большой Дмитровской улице», «Об обнаруженном доме XVII в. в Брюсовском переулке», «Заиконоспасский монастырь и Славяно-греко-латинская академия в Москве». Среди докладов также: «Русская оперная труппа Большого театра в последнее пятидесятилетие перед революцией (1867—1917)», «Об отражении событий 9 января 1905 г. в Москве», «О материалах архива А. Ф. Малиновского по истории Москвы» [7].

Об авторитете Н. П. Розанова в обществе свидетельствует факт включения его в созданную при ОИМО Пушкинскую комиссию, в которой он составлял список московских домов, где жил или бывал поэт. Именно в связи с деятельностью комиссии появилась единственная опубликованная в послереволюционное время его работа — статья в сборнике «А. С. Пушкин в Москве» [8]. Большая же часть его незаметных, кропотливых изысканий попала в запасники Коммунального музея (ныне Музей истории Москвы), оказалась в виде сносок в трудах более известных краеведов, была обобщена в таких капитальных трудах, как «История планировки и застройки Москвы» [9].

В фонде Розанова сохранились три работы по исследованию домовладения улиц Белого города XVII и XVIII вв.: «Московские улицы XVIII в.», «Тверская улица в XVIII столетии», «Покровка от Ильинских до Покровских ворот в XVII и XVIII столетиях» [10], представляющие собой «поправки и дополнения» к трудам дореволюционного исследователя А. А. Мартынова [11] и при подготовке к сдаче материалов в ОР ГБЛ соединенные Н. П. Розановым нумерацией в одно целое. Работы охватывают самые известные улицы — Б. Дмитровку, Петровку, Тверскую, Мясницкую, Покровку и частично

прилегающие к ним улицы и переулки. Задача была поставлена узко конкретная: на основании планов, хранящихся в Древлехранилище, актовых и исповедных книг «указать, кому и в какое время принадлежало то или иное владение на этих улицах». Дополнения же весьма значительные. Например, если у А. А. Мартынова указаны в XVIII в. два владельца участка под будущим Малым театром, то у Розанова — пять владельцев этой территории, начиная с 1692 г.[12] И содержание работ перерастает поставленную задачу, хотя у иных исследователей нередко бывает наоборот. В этих работах рассеяны сведения о внешнем виде улиц Белого города, о составе некоторых владений, их размерах и ценах на них, об экстерьере и интерьере некоторых домов, о чертах быта их обитателей и многое другое. Как пример приведем выписку о владении вдовы капрала А. В. Зиновьевой на Петровке, которая в поданной в 1782 г. просьбе о продаже ей земли («обелении») описала все, что находилось там в 1723 г.: «Хором и надворных строений четыре горницы с двумя сенями, в которых три чулана, две избы людские, два погреба с надпогребицей, погреб на дворе перегороженный, сарай санный, четыре чулана людские, амбар хлебный, в саду колодезь и беседка. Около тех дворов и саду забор кругом, в хоромах поставец большой, кровати, четыре стола, две заслонки железные, а у тех хором оконницы слюдяные». За весь этот огромный участок от Успенского переулка до Каретных лавок, следовательно, за весь «Эрмитаж» заплачено было в 1723 г. 230 рублей[13].

Этот документ не только хозяйственно-канцелярский, но и бытовой, языковой и т. п. Всякий текст многомерен, и, в зависимости от точки зрения читающего, в исследованиях домовладения можно обнаружить и выделить самые разные сведения о московской жизни. Скажем, данные о сословном составе населения или количестве детей в семьях домовладельцев. Так, на Садовой-Черногрязской проживали зять княгини С. М. Шаховской С. И. Батурин, у коего в 1737 г. было восемь детей, купец И. М. Полуярославцев с девятью детьми, надворный советник А. Ф. Шереметев, имевший в 1751 г. 12 детей[14]. Как видим, многодетность была обычным явлением и среди богатых и знатных домовладельцев.

«Демографического» вопроса Н. П. Розанов коснулся и в своих воспоминаниях, охватывающих период с середины XIX до начала XX в., на примере своих родственников — представителей духовного сословия. У дяди Н. П. Розанова было в живых пять детей, у преемника его по служению в приходе — трое да племянник с племянницей на воспитании, у дьякона Успенского собора — пятеро. «Рекорд же многочадия побил» двоюродный дядя, протоиерей церкви Ильи Обыденского, у которого за тридцать лет супружества родилось более 20 детей, 12 из которых остались в живых[15]. Случайно ли оказалась эта тема в работах Розанова? Не диктат ли это источника, с которым много

работал он,— исповедных ведомостей, среди немногих сведений указывавших и состав семьи исповедовавшегося?

И не прежняя ли принадлежность автора к духовенству, не прививавшаяся ли духовным образованием педантичность и скрупулезность работы с текстами побудили его заняться кропотливым поиском в исповедных ведомостях приходских церквей сведений о местожительстве многих выдающихся москвичей? В результате этой, как бы «технической», исторической работы им были выяснены и уточнены некоторые факты их биографий, собранные в заметке «Некоторые писатели-москвичи по исповедным книгам» [16]. Видимо, в основе определения «писатели-москвичи» в заголовке была литературная деятельность этих личностей, хотя среди них не только деятели литературы — А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, С. Т. Аксаков, А. С. Хомяков, М. М. Херасков, М. Н. Загоскин, Д. И. Фонвизин,— но и общественные, государственные, военные деятели — П. А. Кропоткин, И. М. Долгоруков, Ф. В. Ростопчин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, А. В. Суворов, Н. П. Румянцев; актеры П. А. Плавильщиков, П. С. Мочалов, М. С. Щепкин; архитекторы В. И. Баженов и Д. Б. Ухтомский; славянофил И. В. Киреевский и западник Т. Н. Грановский (о котором в заметке приводится фискальная помета дьячка: «Не говел за нерадением», свидетельствующая в какой-то мере о взглядах и поступках представителя «скептической» школы и подтверждающая мнение некоторых историков, что ведомости регистрировали и лиц, не ходивших к исповеди). Такое сверкающее собрание имен деятелей русской культуры уже распространяет частицу своего блеска на того, кто сумел найти хотя бы мелкие уточняющие факты об их местожительстве в то или иное время, изменениях в семье и проч., или, как в другой биографической заметке – об известном архитекторе XVIII в. И. Ф. Мичурине [17],— вырвать из забвения его отчество, даты рождения и смерти, местожительство, состав семьи.

Имена «наиболее выдающихся жителей» выделяются Н. П. Розановым и в работах по домовладению московских улиц. Например, на Покровке в XVIII в. жили известный историк Н. Н. Бантыш-Каменский, архитектор К. И. Бланк, государственные деятели Н. В. Репнин и С. Л. Рагузинский, дом которого, перестроенный М. Ф. Казаковым (кстати, также жившим в приходе церкви Николы в Блинниках, на Покровке, в Златоустинском переулке) из нарышкинских палат, сохранился, хотя и в несколько измененном виде, и доныне (современный № 17 по ул. Богдана Хмельницкого) [18].

К сожалению, большинство приведенных Н. П. Розановым данных о местожительстве даже знаменитых москвичей ныне имеют уже теоретически отвлеченный характер, ибо от приходских церквей и домов XVIII в. мало что осталось.

Но, к счастью, некоторые архитектурные памятники Москвы

все же сохранились, как, например, здание Московской духовной академии на месте бывшей Славяно-греко-латинской академии в Заиконоспасском монастыре. Кстати, этим учреждениям Н. П. Розанов посвятил работу «Заиконоспасский монастырь и Славяно-греко-латинская академия» [19].

Составлена она по выработанной П. В. Сытиным схеме «Карта владения г. Москвы», рекомендованной для использования краеведами, и состоит из двух частей: «А» — «Современные данные о владении» и «Б» — «Исторические данные о владении». Историей стали ныне сведения и той, и другой, но важно, что часть «А» написана современником, вернее всего, наблюдателем. И несмотря на ее скромный трехстраничный объем и «формулярный» характер данных, она может быть весьма интересна, так как о ближайшем послереволюционном прошлом известно зачастую меньше, чем о более отдаленном. В этой части приведены данные о площади и составе владения, о внешнем виде территории бывшего Заиконоспасского монастыря, о его коммунальном хозяйстве, о том, какие конторы и организации занимали здания владения в 1927 г. Отметим только, что существовавшие там учреждения уже не имели никакого отношения ни к духовному, ни к светскому образованию, ни к изучению и реставрации исторического памятника.

Историческая часть исследования написана с преимущественным использованием исторической литературы, список которой представляет библиографический интерес. Из нее взяты предположительные объяснения названия Никольской улицы, которая в XVII в. называлась Никольская Большая мостовая улица (по монастырю «Никола Старый» или потому, что продолжала Никольскую улицу, шедшую по Кремлю к Никольским воротам); описание ее внешнего облика в XVII—XVIII вв., мнения историков о времени и причинах основания Заиконоспасского монастыря. Здесь автор отвергает версию Леонида Кавелина о закладке монастыря по случаю торжественной встречи Дмитрия Донского в Москве после победы на Куликовом поле [20]. В машинописном тексте первоначальные слова «архимандрит высказывает свое предположение с достаточной правдоподобностью» зачеркнуты и на полях от руки написаны возражения: «С таким предположением о. Леонида нельзя согласиться, потому что в летописях нигде не связывается основание Заиконоспасского монастыря с победой над татарами, а во-вторых, потому, что игумен Савва, предполагаемый настоятель Заиконоспасского монастыря, упоминается как известный святой игумен Савва, настоятель Спасского Андроникова монастыря» (л. 8). Сам автор относит основание монастыря к началу 1600-х гг.

В работе приводятся сведения о постройках церквей и зданий Славяно-греко-латинской академии на территории монастыря, в частности, краткое описание характерных особенностей старого академического здания, построенного в 1687 г. и

существовавшего до постройки в 1823 г. нового, об архитекторах, участвовавших «в деле ремонта академических зданий и в решении вопроса о переводе академии в какой-либо другой монастырь в связи с крайним обветшанием зданий» (л. 11). В XVIII в. эти планы разрабатывали Д. В. Ухтомский, И. Яковлев, И. Ф. Мичурин, а в начале XIX в. проекты сноса старого здания академии и постройки на его месте нового для Московской духовной семинарии — М. Ф. Казаков и О. И. Бове, по плану которого и построен ныне существующий корпус, ремонтировавшийся в начале XX в. под руководством С. М. Ильинского.

Среди археологических памятников на территории монастыря Н. П. Розанов называет несколько древних надгробий с надписями, особо отмечая надпись в стихах над гробом Симеона Полоцкого, составленную по желанию царя Федора Алексеевича Сильвестром Медведевым (л. 16). Увы, и эти памятники существуют теперь лишь на страницах исследований...

Имена Симеона Полоцкого, Семена Медведева (инока Сильвестра), Арсения Грека, живших и трудившихся в монастыре, приведены в рубрике «Примечательные жильцы». Среди воспитанников Славяно-греко-латинской академии — М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, Л. Ф. Магницкий, В. К. Тредиаковский, о котором в работе приводится курьезное известие из дел архива Святейшего Синода. Будущий поэт был сыном попа, определен в академию в 1723 г. и «был в риторической науке» до 1725 г., а затем уехал в Париж, откуда обратился с просьбой о жаловании, как посланный за границу учиться. Из Петербурга запросили академию, которая ответила, что Тредиаковский в Париж ни по какому указу направлен не был, а «сбежал» с помощью иеродьякона Спасского монастыря Трефилия, который «приличился в краже — написал воровской паспорт» (л. 12).

Столь же курьезны факты о том, что мы сейчас бы назвали «распределением» молодых специалистов, проходившим часто до окончания учебы: в 1715 г. Петр I «вытребовал» в Петербург 313 недорослей из академии и одних «поместил» в Морскую академию, других в гвардию (поразительная смена профессий!), многих отправил за границу учиться разным наукам и языкам. Учеников академии забирали и в Медицинскую школу, и в Монетную контору. Кроме того, многие ученики сами «бежали», по выражению академического начальства, в Математическую школу на Сухаревой башне, а позже — в Московский университет, где их привлекал более приближенный к жизни характер образования, нежели в бывшей «рассадником схоластики» академии. Та же тема недостатков духовного образования и ухода воспитанников из духовных учебных заведений и примерно в тех же словах присутствует и в работе «Пушкинская Москва (1826—1836)». Да и позже светские

учебные заведения «отбивали» немало воспитанников у духовных. Н. П. Розанов, бывший преподавателем Московской духовной семинарии, в своих воспоминаниях рассказывает, что с середины XIX в. многие семинаристы 4, 5, 6-х классов поступали в Московский университет (сначала по простому коллоквиуму), а также в Ветеринарный институт. Судя по всему, традиция оттока учащихся из духовных учебных заведений не прерывалась, и лишь запрет 1880 г. несколько уменьшил число «перебежчиков» (л. 17).

Рассмотренные выше работы разрабатывают конкретные вопросы — историю улиц, архитектурных объектов, биографии исторических лиц на основе письменных источников и литературы. Особняком стоит работа «Московская старина в народных пословицах и поговорках»[21], представляющая собой попытку (хотя и не первую[22]) использовать народный фольклор как источник по московской истории, ибо «пословицы и поговорки народные являются своего рода историческими документами старинных взглядов и отношений, существовавших в том или другом периоде истории» (л. 1).

Из собраний В. И. Даля, И. М. Снегирева, Ф. И. Буслаева и из исследовательских статей Розанов отобрал те пословицы и поговорки, которые «относятся к Москве и старинной московской жизни и дают характеристику старой Москвы» (л. 1).

В них предстает «Москва белокаменная», «Москва златоглавая», «Москва — золотые маковки» «сорока сороков церквей», своеобразную прелесть расположения которой «на семи холмах» народ отметил теплым прозвищем «горбатая старушка». Интересно, что этот образ продолжал жить в творчестве причислявшего себя к футуристам В. Хлебникова:

В тебе, любимый город,
Старушки что-то есть:
Присела на свой короб
И думает поесть[23].

Литература подтверждает и приведенную Розановым поговорку «Москва славится невестами, а Питер женихами». В «Евгении Онегине», «энциклопедии русской жизни», Татьяну Ларину везут

В Москву, на ярманку невест!
Там, слышно, много праздных мест...[24].

Однако у Розанова не совсем верная посылка к этой поговорке, указывавшей, по его мнению, «на чрезвычайное изобилие в Москве невест». Сам же он в работе «Пушкинская Москва» (правда, более поздней) приводит данные начала XIX в. из «Статистической записки о Москве», где говорится, что женское население Москвы составляло меньше половины мужского (л. 172), что и давало даже приезжавшим провинциалкам возможность выйти замуж.

Кроме пословиц и поговорок, явно выкристаллизовавшихся из устной речи, в статье приводятся поговорки из официальной литературы о значении Москвы как центра русской государственности и православия («Москва — третий Рим», «Москва первопрестольная» и т. п.).

Но усиление государственности часто идет за счет ущемления свободы подданных, и поэтому множество пословиц и поговорок Москву осуждает. Помимо широко известной «Москва слезам не верит» — «В Москве все есть, кроме птичьего молока, отца да матери», «Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят», «В Москву бресть — последнюю деньгу несть», «Кто идет? — Черт! — Пускай, абы не москаль!».

Особенно нелестно, по утверждению Розанова, народ отзывается «о высших классах московского общества — боярах, а также разных придворных служителях и разных судейских приказных чинах» (л. 2), падких на взятки: «В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве бояре, в лесу сучки, в городе крючки», «Подьячий любит калач горячий». Но на следующей же странице, забывая о своей попытке «классового подхода», автор комментирует пословицы «Жалует царь, да не жалует псарь» и «Ну, положили дело в долгий ящик» как указывающие на то, что «нередко расположение царя к подданным, так сказать, ликвидировалось следующими инстанциями» (л. 3).

Розанову иногда свойственно идти не от факта к выводу, а приискивать факт к идее, что в данной работе выразилось в слишком вольном толковании некоторых пословиц, «оставшихся недостаточно разъясненными». Так, поговорку «москвичи рака со звоном встречали» он считал отголоском встречи католического прелата Поссевина при Иване Грозном, усматривая сходство в том, что сутана прелата и вареный рак одного цвета. (Думается, что поговорка в большей степени создана каламбуром, нежели каким-то конкретным событием. Может, в Москве встречали **раку** с мощами православного святого, а молва обыграла иноземное слово в некое подобие современного анекдота?)

От этих материалов Розанова, которые представляют собой доклады и сообщения, сделанные в ОИМО, носят фактологичный характер и подчинены решению узкоспециальных задач, резко отличаются черновая рукопись задумывавшейся им книги «Пушкинская Москва (1826—1836)» (ед. хр. 8) и воспоминания «Второе сословие» (ед. хр. 1), схожие по внешним признакам: написаны с многочисленными поправками и зачеркиваниями на чистых местах каких-то бухгалтерских и метрических бланков, схем и пр. (что тоже дает некоторую информацию об авторе и, если угодно, о положении у него с бумагой), и обе относятся к 1933 г., когда Розанов сдал свои материалы в Отдел рукописей.

Материал для «Пушкинской Москвы» автор набирал, видимо, в процессе работы в Пушкинской комиссии, просмотрев, конечно, массу различных источников и литературы. Тема обосновывается тем, что в многотомнике «Москва в ее прошлом и настоящем» [25] и у М. О. Гершензона в книге «Грибоедовская Москва» [26] период 1826—1836 гг. отражен слабо, хотя «жизнь пушкинской Москвы представляла немало нового по сравнению с Москвой грибоедовской» (л. 7). Книга не о А. С. Пушкине, а «из области пушкиноведения», как сформулировано в подзаголовке, о среде, в которой приходится жить и работать поэту» и которая «оказывает свое более или менее сильное влияние на все его мироощущение и творчество» (л. 1). Описание внешних примет и нравов московской жизни и является задачей книги, составленной следующим образом: первая глава описывает изменения во внешнем облике Москвы в 20—30-е гг. XIX в. и «наиболее выдающиеся события во внутренней жизни Москвы», вторая — жизнь дворянства, третья — московской интеллигенции, четвертая — купечества и духовенства и пятая — «низших классов» московского населения.

Описывая изменения, произошедшие в архитектурном облике древней столицы по сравнению с грибоедовским временем, Розанов приводит из «Статистической записки о Москве» данные о ее площади, об общем количестве каменных и деревянных домов, в том числе и принадлежащих различным слоям московского населения. В 1832 г. из 65 кв. верст площади Москвы дома занимали лишь $^1/_8$ ее часть, а вместе с дворами и надворными постройками — половину площади, остальное же занимали сады, огороды или просто «пустопорожние места» [27].

В 1826—1836 гг. в Москве были выстроены здания Большого театра, Манежа, Екатерининского института и др., распланирован Александровский сад, грязная Неглинка «с ее ужасными глинистыми берегами» была превращена в красивый бульвар, чем при первом своем приезде в Москву «Пушкин должен был приятно поразиться» (л. 8—9).

Из наиболее «выдающихся событий» этого времени Н. П. Розанов называет эпидемию холеры 1830—1831 гг., пожары 1834 г., мануфактурные выставки 1831 и 1835 гг., где присутствовал Николай I, на которого «тогдашние москвичи еще смотрели как на своего «отца и благодетеля» и радостно встречали его при выходах», а также страх, который нагнала расправа Николая I с декабристами (л. 17—20).

Главное место уделяется автором жизни дворянства, так как «исторические материалы, какие относятся к рассматриваемому периоду, а именно мемуары разного рода, письма, а также нравоописательные романы и повести того времени, которые рисуют картины жизни Москвы, какою она была в 20—30-х гг., имеют в виду почти исключительную жизнь дворянского круга» (л. 23), занимавшего господствующее положение

в обществе. В работе приводятся факты о домашней обстановке различных по степени знатности и богатства слоев московского дворянства, обычном времяпрепровождении их, образовании, получаемом дворянской молодежью, о духовных интересах дворянства и т. п. Как основной источник используется периодическая печать: газеты «Молва», «Искра», «Дамский журнал» и переписка московского почт-директора А. Я. Булгакова. Кроме того, автор прибегает и к художественной литературе: стихотворениям Е. Ростопчиной (Е. П. Сушковой), Е. А. Баратынского и А . С. Пушкина, стихотворение которого «К вельможе» Розанов приводит для характеристики «праздной жизни» Н. Б. Юсупова.

Сведения о московской интеллигенции, которая в большинстве своем состояла из дворян и «остро чувствовала свою принадлежность к высшему классу» (л. 93), даны автором без указания источников, откуда они взяты. Единственное исключение составляют дневники И. М. Снегирева и М. П. Погодина [28].

О быте и нравах купечества, духовенства и «низших классов» — крестьян, ремесленников и рабочих — автор пишет почти исключительно на основе художественной литературы. Вообще, говоря о приемах использования Н. П. Розановым источников, нельзя не обратить внимания на почти полное отсутствие источниковедческой критики используемых материалов: автор с одинаковой легкостью и доверием приводит данные источников, вышедших из различных слоев общества, материалов частного и официального характера, переписки пушкинской поры и довольно поздних мемуаров и т. п. Но средоточие собранных вокруг имени А. С. Пушкина фактов о чертах быта и нравов московского населения может представить жизнь Москвы того времени в ее многообразии.

Описанию жизни московского духовенства «в последнее пятидесятилетие перед революцией» Н. П. Розанов посвятил воспоминания «Второе сословие», написанные, судя по всему, непосредственно перед сдачей их в Отдел рукописей. В предисловии автор мотивирует причины создания мемуаров тем, что духовенство «играло известную роль в жизни всей Москвы и его быт и нравы представляют немалый интерес для историка». Н. П. Розанов считал себя достаточно компетентным для такой работы, так как в течение почти всей своей жизни имел возможность наблюдать московское духовенство (л. 4—5).

Воспоминания создавались автором по прошествии значительного времени от излагаемых событий, в 76-летнем возрасте, когда, по его же признанию, «память человеку уже изменяет», на основе главным образом личных наблюдений, хотя есть и следы использования исторической литературы (л. 4, 18—19). Ничто не указывает на пользование дневниками или письмами, что неизбежно должно было привести к потерям или унификации информации. Сдерживающее влия-

ние должно было оказать и господствующее в то время негативное отношение к церкви и духовенству, и авторской внутренней цензуре приходилось с ним считаться, отбирая для воспоминаний или убирая их них те или иные темы.

Мемуарист заранее оговаривает: «Мои воспоминания о многих лицах московского духовенства во многом расходятся с изображениями этих лиц, имеющимися в официальных и неофициальных изданиях (некрологи, описания юбилеев и пр.), но это не должно никого удивлять, так как все означенные сообщения, конечно, изображали московских батюшек в сильно приукрашенном виде, а мне нет никакого повода и основания изображать жизнь духовенства не такою, каковой она была в действительности» (л. 4). А в чем-то ему пришлось чуть ли не оправдываться... Например, объяснять факт собраний комиссии по выработке проекта церковных реформ, куда он входил, в помещении Союза 17 октября тем, что в «Епархиальном доме это делать было неудобно, а связи политической у духовенства с Союзом чрез это вовсе не устанавливалось» (л. 195—195 об.).

Может, поэтому в воспоминаниях выделяются две основные темы: почти аполитичная — быт и нравы московского духовенства и почти «революционная» — борьба либерального духовенства с консерваторами.

Краткое представление о рассматриваемых в воспоминаниях вопросах, пожалуй, лучше всего даст авторское «Содержание»:

«Гл. 1. Жизненная обстановка московского духовенства, собственные дома и церковные квартиры, внутренняя обстановка в домах и квартирах.

Гл. 2. Нравы московского духовенства; несоответствие жизни и деятельности московских батюшек их призванию, как пастырей, проповедников и законоучителей; обычное их времяпрепровождение, слабость в них интересов к науке, литературе и художествам, погоня за наиболее доходными местами, семейная жизнь, отношения к прихожанам и родственные; торжественные дни в жизни духовенства; положение вдовых священников и дьяконов.

Гл. 3. Соборяне Большого Успенского собора и протодиаконы в особенности.

Гл. 4. Выдающиеся лица в духовенстве — консерваторы и либералы; борьба между старым и молодым поколением; люди «золотой середины»; категория «диких».

Гл. 5. Московские митрополиты и духовенство в их взаимоотношениях.

Гл. 6. 1905—1906 гг. и московское духовенство. Борьба либерального духовенства с митрополитом Владимиром.

Гл. 7. 1917 г. и низложение митрополита Макария.

Гл. 8. Московские викарные архиереи и архиереи «на покое».

Гл. 9. Московское монашество (л. 2—3)».

Воспоминания дают богатый материал о повседневных условиях жизни московского духовенства, слабо отраженный в источниках, обычно больше внимания уделяющих жизни провинциального, главным образом сельского духовенства. Эти сведения представляют большой интерес для московского краеведа, тем более что вокруг вопроса о материальном положении духовенства со второй половины XIX до начала XX в. сталкивались противоположные точки зрения: одна сторона уверяла, что духовенство дошло до крайности «нравственного упадка и бедности»[29], другая заявляла, что «распространенная в обществе мысль о крайней бедности духовенства требует серьезной проверки»[30].

Московское духовенство в первую половину рассматриваемого автором пятидесятилетия жило «везде почти — в своих собственных небольших, большей частью деревянных домах», при которых находились и «нежилые помещения — сараи, погреба, а у некоторых батюшек, имевших коров и лошадок,— и помещения для этого живого инвентаря. При каждом почти доме имелся садик, у некоторых священников даже настоящие сады с различными фруктовыми деревьями (груши, сливы, вишни, яблони) и ягодными кустарниками, а также грядами для клубники и огурцов. В саду часто строились беседки — особенно много таковых было в Замоскворечье,— где в летнее время можно было отдохнуть и попить чайку» (л. 6).

Дома, в которых жило духовенство, стояли на церковной земле и по смерти их владельцев должны были идти преемникам умерших членов причта, приобретавших их по оценке особо назначавшейся комиссии из представителей духовенства. Иногда дома приобретались церковью, и в этом случае священник снимал его (л. 7).

Внутренняя обстановка во многих домах духовенства «была обыкновенно довольно хорошая, можно сказать, барская». Из передней шли двери в залу, где «чинно устанавливались по стенам стулья — в прежнее время — красного дерева с плетеными сиденьями, а потом венские» и ломберные столы, которые у священнослужителей «не стояли праздными». В зале часто ставилось большое простеночное зеркало в раме красного дерева или же из ореха и фортепьяно, а иногда и рояль. Следующей комнатой была гостиная, обычно вдвое меньше залы, за ней спальня. Особого кабинета для занятий у большей части духовенства не было (как видно из мемуаров, из-за отсутствия потребности в повышении образования) и «свои очередные проповедки» священники и дьяконы писали обычно на маленьком письменном столе в гостиной или спальне. За спальней была расположена детская, рядом с которой находилась кухня с особым черным ходом для прислуги (л. 9—11).

Из приведенного описания видно, что духовенство первопрестольной жило отнюдь не в нищете, ибо и сами дома, и меблировка их стоили недешево. Но это относится только к стар-

шим членам клира — священникам и дьяконам. Дьячки жили в более скромной обстановке, и «уж совсем маленькую комнатку занимала где-нибудь в церковном доме просвирня, в чем с ней равнялся так называемый «ранний священник», не состоявший в штате клира, а работавший за небольшое жалованье по найму (л. 11—12), в частности, замещая священника, уезжавшего летом на дачу.

О том, насколько велика была пропасть между бытовыми условиями жизни священников и наиболее обездоленных слоев московского населения, можно представить, сравнив данные Розанова с материалами статистического обследования жилищ бедноты, проведенного в 1899 г. городской думой. Эта часть населения ютилась в так называемых коечно-каморочных квартирах, единственной мебелью которых были койки, отделявшиеся в лучшем случае одна от другой занавесками, в крайней скученности (иногда в одной комнате проживало до 11 человек), без какого-то отопления и канализации. Для нашей темы любопытно, что среди профессий обитателей этого «дна» указаны псаломщики [31].

По воспоминаниям Розанова можно проследить источники доходов московского духовенства, принципы их распределения, найти некоторые цифры доходов. Доходы священников от богослужения и треб были явно недостаточны для ведения обеспеченной жизни. В 60—70-е гг. XIX в., когда московские священники жили почти исключительно за счет доходов от своих приходов, их материальное положение было хуже, чем в последующее время. Священник довольно крупного прихода церкви Петра и Павла в Преображенском получал 100 рублей, а отец Н. П. Розанова, служивший там дьяконом, а получавший как псаломщик, имел не более 50 рублей в месяц, из которых выплачивал долг за построенный на церковной земле дом. Однако, учитывая высокую тогдашнюю покупательную способность рубля и наличие у духовенства «подсобного хозяйства», этих денег хватало для безбедного существования.

В последующие годы самодержавие предприняло меры для материальной поддержки служителей церкви (часть приходов стала получать денежное пособие), да и сама церковь почувствовала необходимость приспособиться к бурному росту промышленно-торгово-финансовых отношений в России. В Москве церковь стала строить большие доходные дома, в основном на центральных улицах, и сдавать нижние этажи в аренду. Часть дохода шла в пользу причта, причем священник получал половину, дьякон — $^1/_4$, а псаломщики — $^1/_8$. Ссуды же на постройку домов давали Консистория или богатые монастыри, которым, «конечно, было все равно, с кого получать свои 5% — с банка ли, государственных или церковных домов, построенных на монастырские деньги» (л. 8).

С начала XX в. у московских батюшек стала появляться и «коммерческая жилка». Мемуарист приводит факты занятий

священников издательским делом, торговлей, ростовщичеством. Иные священники и дьяконы «умели вовремя приобрести акции и облигации, которые быстро поднимались в цене» (л. 69).

При описании нравов московского духовенства автор неоднократно подчеркивает, что в своей жизни и деятельности оно было весьма инертно и больше заботилось о личных интересах, нежели о делах церкви и паствы.

Воспоминания дают богатый краеведческий материал о господствующих в среде служителей церкви обычаях, привычках, газетных и журнальных вкусах и пристрастиях, внутрисемейных и внутрисословных отношениях, а также об отношениях духовенства с другими слоями населения.

Семейная жизнь московского духовенства в 60—70-е гг. XIX в. «протекала, в общем, мирно и спокойно, на почве взаимного самоуважения супругов и признания детьми авторитета родителей». В семьях священников и дьяконов за женами было «первенство в управлении домом», голос матушки всегда имел более важное значение, чем голос батюшки, и такие отношения сохранялись между супругами и в последующие десятилетия (л. 53). (В художественной литературе того времени попадья также почти всегда выступает полновластной хозяйкой дома.)

В отношениях же между родителями и детьми в рассматриваемый период изменения произошли значительные. Если во времена детства автора авторитет родителей стоял высоко и «за всякое нарушение установленного в семье режима дети подвергались наказанию — или телесному, или нравственному» (в качестве примера последнего приводится случай удаления от общего семейного обеда двоюродного брата мемуариста, студента Московского университета, которому ставили прибор в его комнате, на несколько дней запретив показываться главе семейства на глаза), то в последующие десятилетия взрослые дети «уже совершенно эмансипировались от власти родителей и считали себя в полном праве не обращать внимания на их недовольство и вообще не считались с их взглядами на жизнь». К маленьким детям духовенство продолжало применять такие «исправительные меры», как пощечины, колотушки, таскание за вихры и т. п. (л. 55).

Свой досуг, а его, по воспоминаниям, было достаточно, батюшки без академического образования проводили, как правило, за беседой в гостях у знакомого лавочника, за игрой в карты, шашки или «просто в объятиях Морфея» (л. 16).

Воспоминания свидетельствуют, что московское духовенство не любило новаций ни в идейной, ни в социальной области, допуская их лишь в экономической, если они могли улучшить его благосостояние, нередко проявляя в таких вопросах «большую прыть» (л. 43). Но «редко-редко, да и то только в компании батюшек с академическим образованием, поднимались разговоры другого рода — о новых явлениях в области

богословской литературы, но большей частью оказывалось, что большинство собравшихся «не в курсе дела» и не успело еще разрезать той книжки духовного журнала, на который ссылался кто-либо из них. «Политики» отцы боялись, как огня,— однако только до первой революции 1905 г.— и никаких «социялистов» и знать не хотели, о чем, между прочим, после очень жалели, когда они оказались совершенно неподготовленными вести какие-либо прения с социалистами» (л. 35).

В конце XIX в. законоучительским отделом ОЛДП было отвергнуто предложение Розанова о введении швейцарской системы преподавания «закона божьего», предусматривающей, в частности, отказ от применения оценок, и законоучители «продолжали спокойно стоять против лентяев во всеоружии двоек и единиц, как и вся многочисленная учительская армия» (л. 24).

Ни в каких обществах большая часть московского духовенства не участвовала, и Общество любителей духовного просвещения, образованное в 1863 г., насчитывало всего лишь 50—60 членов из священников и дьяконов (хотя в Москве их было, по крайней мере, в 10 раз больше), из которых на заседаниях присутствовало обычно 10—15 человек, а доклады делали лишь единицы (л. 29).

И тем не менее автор уделил деятельности ОЛДП исключительное внимание, назвав даже происходившие там в годы первой русской революции собрания «организованным походом на самодержавие духовного владыки, а вместе с тем и светского» (л. 195) — вполне простительное преувеличение для одного из активнейших членов общества. В ОЛДП, которое до революции 1905 г. «не жило, а прозябало», теперь собиралось множество московских батюшек, активно обсуждавших вопрос о церковной реформе и созыве всероссийского церковного собора, одним из инициаторов и поборников идеи которого был Н. П. Розанов [32]. Вопросы о необходимости церковных реформ ставились постоянно, и «резолюции принимались огромным большинством, чуть ли не единогласно», так как московское духовенство поняло, что «в единении — сила», и сочло, что после манифеста 17 октября оно «может действовать вполне самостоятельно, не считаясь с мнением владыки» — митрополита Владимира (л. 194). Воспоминания достаточно ясно показывают, что основным содержанием борьбы либерального духовенства являлось «сокращение власти владык» (епархиальных, но ни в коем случае не земного и тем более не небесного), чтобы добиться большей самостоятельности в решении церковных дел, необходимой, по мнению реформаторов, для вывода церкви из застоя.

В мемуарах можно почерпнуть сведения о месте и значении официальной религии в жизни москвичей, причем подавляющее большинство фактов говорит об упадке религиозности: это и малые даяния прихожан, и уход семинаристов в свет-

ские учебные заведения, и нежелание лиц, окончивших Московскую духовную академию, «надевать рясу», и отмеченное автором «разъединение между священниками и интеллигентными прихожанами», из которых «многие были равнодушны к религии» (л. 80).

Этот упадок после 1917 г. привел сросшееся с самодержавием православие к крушению. И одной из причин кризиса церкви как идеологической организации было несоответствие жизни и деятельности московских батюшек декларируемым евангельским идеалам, «их призванию как пастырей, проповедников и законоучителей» (л. 2). Но, как сказано, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет» или, пользуясь языком физики, всякое разделение сопровождается потерей энергии. Какие же признаки упадка официальной церкви проглядывают в образе жизни и нравах ее московских служителей? Автор считал, что «сильным возбудителем нравственной энергии в прихожанах должна бы быть собственная жизнь батюшек и причта церковного вообще, но среди московского духовенства, как и среди духовенства других городов, едва ли можно было найти примеры, которым прихожане могли бы с пользой следовать» (л. 27).

Воспоминания пестрят упреками московским батюшкам в «обывательском времяпрепровождении», «лености и своекорыстии», в том, что многие из них надели рясу «не ради Иисуса, а ради хлеба куса». Священники и дьяконы были только «священнослужителями» и «требоисправителями», не пытаясь даже играть роль «светочей и руководителей» для населения прихода, более того, священники как-то «дичились» своих прихожан, ограничивая круг общения родственниками или представителями своего сословия, причем и здесь надменно обособляясь от низших членов причта, что довело псаломщиков до создания в 1905 г. своего союза, ставившего задачу бороться «с настоятельским важничаньем и издевательским отношением к низшим членам клира» (л. 70).

Нелестно отзывается автор и о соборянах кремлевских соборов, упрекая их в пьянстве, и о московском монашестве, «избравшем для своего упражнения в подвигах поста и благочестия столь неудобный и скользкий пункт, как древняя наша столица» (л. 241). В воспоминаниях имеются и факты, свидетельствующие не только о слабости духа и неспособности священнослужителей нести крест пастырского служения, но и обвиняющие их в худших грехах — лицемерии и обмане. «Некоторые священники иногда не прочь были для поднятия благочестивых настроений в прихожанах прибегать и к не совсем чистым средствам — к пропаганде чудесных исцелений от той или иной иконы, находившейся в их храме, и даже сообщали о таких исцелениях в «Душеспасительное чтение» (л. 20 об.). Соборное духовенство ездило в праздники по приглаше-

нию купцов с так называемой «Ризой Господней» и с «гвоздем от креста Христова», и, хотя «риз господних по Европе имелось до нескольких сот, а гвоздей от креста Христова, имевшихся в католических странах, могло хватить на постройку целого дома, москвичи твердо верили в подлинность святынь» (л. 104).

Ирония подобных тирад выражает авторское отношение — по крайней мере, во время работы над мемуарами — к таким случаям с изрядной долей скепсиса и осуждения. Но в работе есть достаточно данных, характеризующих представителей московского духовенства и с лучшей стороны. Например, в их семьях всегда находили себе приют ближайшие родственники хозяев, их матери, овдовевшие и не имеющие собственного угла, оставшиеся в девицах сестры, племянники и племянницы — сироты (л. 56). Или такие факты, как изгнание из ОЛДП известного черносотенскими взглядами епископа Никона, направление петербургскому митрополиту составленного членами общества ходатайства о помиловании участников восстания в Кронштадте во время первой русской революции. Да и само реформаторство среди духовенства свидетельствует об имевшихся в нем творческих силах, так и не пересиливших клерикальный бюрократизм. Для краеведа может быть интересным указание, что после смерти М. С. Боголюбского, которого автор причислял к консерваторам, осталась огромная библиотека разных рукописных исследований о московских храмах (л. 111).

Любопытнейший пласт воспоминаний представляют личностные характеристики известных представителей московского духовенства, приведенные случаи из их жизни, которые вряд ли могли сохраниться в других источниках, и, конечно, просвечивающая в воспоминаниях личность самого автора: разбросанные в них факты его биографии, выбор, характер изложения и личные оценки событий, проявления эрудиции и нравственной позиции, стиль и даже почерк...

Чуть более пятисот страниц сохранившихся краеведческих работ Розанова о Москве возможно использовать и для нынешних целей восстановления культурной преемственности. Его материалы могут иметь определенное значение для изучения, популяризации, охраны и реставрации исторических памятников Москвы, для уточнения фактов биографий выдающихся москвичей, изучения быта и нравов жителей Москвы и особенно духовенства, реконструкции их индивидуальной и социальной психологии, для понимания взглядов самого Н. П. Розанова, методов и приемов его работы и через это — некоторых особенностей советского краеведения 20—30-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ОР ГБЛ, ф. 250 (12 е. х., 1019 л. Из них собственно авторских материалов — 10 е. х., 591 л., так как 2 е. х.,— работы Н. И. Кедрова с пометками Н. П. Розанова).

[2] Энциклопедический словарь. Спб., 1899. Т. 22. С. 3.

[3] Библиография периодических изданий. Л., 1960. Т. 3. С. 608.

[4] ОР ГБЛ, ф. 250, п. 2, е. х. 1, л. 38.

[5] *Розанов Н. П.* Освободительная война. Подольск, 1914.

[6] Московские святыни в 1812 г. Очерк Н. П. Розанова. М., 1912.

[7] *Филимонов С. Б.* Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). 2-е изд. М., 1980. С. 103.

[8] *Розанов Н. П.* Пушкинские дома в Москве // А. С. Пушкин в Москве. М., 1930.

[9] *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. М., 1950—1952. Т. 1—2.

[10] ОР ГБЛ, ф. 250, п. 1, е. х. 5, 6, 9.

[11] *Мартынов А. А.* Московская старина. Археологическая прогулка по московским улицам // Русский архив. 1878. С. 154—172, 275—291; 1879. С. 210—233.

[12] ОР ГБЛ, ф. 250, п. 1, е. х. 5, л. 33.

[13] Там же, л. 21.

[14] Там же, л. 33.

[15] Там же, п. 2, е. х. 1, л. 56.

[16] Там же, п. 1, е. х. 7.

[17] Там же, е. х. 1.

[18] Там же, е. х. 6, л. 12—13.

[19] Там же, е. х. 4.

[20] Чтения в ОИДР. 1877. Кн. 1. Разд. V. С. 99.

[21] ОР ГБЛ, ф. 250, п. 1, е. х. 3.

[22] См., напр.: *Белов И. Д.* Русская старина в народных поговорках и сказаниях // Ист. вестник. 1884. № 8. С. 234—262; *Сергеев Н.* Поговорки о русских городах и их жителях // Древняя и новая Россия. 1879. № 1. С. 86—88.

[23] *Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 60.

[24] Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 142.

[25] Москва в ее прошлом и настоящем: В 12 т. М., [Б. г.].

[26] *Гершензон М. О.* Грибоедовская Москва. М., 1916.

[27] *Андросов В. П.* Статистическая записка о Москве. М., 1832.

[28] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. Н. Погодина. Спб., 1899; *Снегирев И. М.* Воспоминания // Русский архив. 1866. С. 514—562; С. 735—760.

[29] *Руновский И.* Церковногражданские законоположения относительно православной церкви в царствование Александра II. Казань, 1880. С. 51.

[30] Белое духовенство и его интересы / Под ред. Н. В. Елагина. Спб., 1881. С. 134.

[31] *Вернер И.* Жилища беднейшего населения Москвы. М., 1902. С. 14.

[32] Перед церковным собором. М., 1906. С. 5.

Список работ Н. П. Розанова

Евсевий Памфил, епископ Кеварии Палестинской. 2-е изд. М., 1881.

Историческая записка о Тверской духовной семинарии. Тверь. 1881.

Обозрение посланий святых апостолов. М., 1886.

О разводе. Публичная лекция магистра богословия Н. П. Розанова. М., 1898.

Московские святыни в 1812 г. М., 1912.

Московский митрополит Платон (1737—1812). Спб., 1913.

Памяти Т. И. Вяземского. Доктор медицины Т. И. Вяземский в борьбе с алкоголизмом. (Совместно с С. В. Субботиным). М., 1914.

Освободительная война. Подольск, 1914.

Пушкинские дома в Москве // А. С. Пушкин в Москве. М., 1930.

С. Б. Филимонов

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА «СТАРАЯ МОСКВА»

АПОЛЛИНАРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВАСНЕЦОВ. 1856—1933

Москва — один из тех редких городов России, чью многовековую историю мы не только сравнительно хорошо знаем, но и зримо представляем. В этом заслуга ряда художников, в первую очередь — академика живописи, выдающегося пейзажиста Аполлинария Михайловича Васнецова, младшего брата В. М. Васнецова, автора более 100 картин и рисунков по истории Москвы XII—XVIII вв. «Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля Юрием Долгоруким», «Москва — городок и окрестности во второй половине XII века», «Московский Кремль при Иване Калите», «Московский Кремль при Дмитрии Донском», «Московский Кремль при Иване III», «Москва при Иване Грозном. Красная площадь», «Красная площадь во второй половине XVII века», «Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века», «Книжные лавки на Спасском мосту»... Эти и другие картины, реконструкции старой Москвы, знакомы нам с детства — по учебникам, хрестоматиям, первым книжкам. Они пробуждают интерес не только к отечественной истории, но и к источниковедению. Ведь за вопросом: что изображено? — непременно следуют вопросы: почему так, а не иначе изобразил художник Москву и москвичей? откуда, из каких источников черпал А. М. Васнецов сведения о прошлом? насколько достоверны его картины-реконструкции старой Москвы?

Первым, кто попытался ответить на эти вопросы, был сам А. М. Васнецов. В автобиографии он отмечал: «Многие задают мне вопрос: почему я занялся старой Москвой и так увлекся ею? На это трудно ответить. Может быть, потому, что я люблю все родное, народное, а старая Москва — народное творчество в жизни прошлого. Может быть, повлияло и то, что, очутившись в Москве в 1878 году после деревенской жизни в селе Быстрице — месте моей учительской деятельности, был поражен видом Москвы, конечно, главным образом Кремлем. Жил неподалеку от него, на Остоженке, и любимыми прогулками после

работы было «кружение около Кремля»; я любовался его башнями, стенами и соборами. И действительно, первые мои рисунки в «Газете Гатцука» того времени — виды древних памятников Москвы: Кремль, монастыри, церкви и древние дома, вид на город с Воробьевых гор и т. д. С. С. Голоушев, или Сергей Глаголь (псевдоним),— художественный критик и художник, мое увлечение старой Москвой объяснял тем, что я в продолжение 10 лет жил напротив Кремля в Кокоревском подворье, постоянно имея перед собою этот всемирного значения памятник средневековья. Но едва ли не главной причиной было то, что я вообще люблю науку: собирать материал, классифицировать факты, изучать их и т. д., в данном случае факты археологического значения. Все это, вероятно, и послужило главной причиной тому, что для всех интересующихся искусством на мне написано: «Старая Москва». Первая серьезная работа, заставившая меня заняться археологией Москвы, был рисунок к юбилейному изданию Лермонтова, к «Песне о купце Калашникове». Привелось с альбомом в руках собирать графический материал по музеям и библиотекам. Следующая работа: декорация для театра Мамонтова («Хованщина» Мусоргского) заставила также много порыться в материалах. Дальнейшие большие мои картины по старой Москве шли уже по инерции, раз получив толчок в этом направлении. Чем далее шло увлечение прошлым Москвы, тем более и более открывались несметные сокровища этого исторического города. Приходилось не только рыться в древних хранилищах, но буквально рыться в земле, отыскивая остатки древних зданий. Мною были открыты и обследованы во время канализационных работ остатки башни Берсеневских водяных ворот и отысканы следы башен у Сретенских и Яузских ворот. Комиссия по изучению старой Москвы дает богатые возможности для изучения памятников Москвы по докладам на заседаниях и по исследованиям памятников на месте. Впоследствии я обзавелся материалами по истории Москвы. В моем распоряжении имеются все планы Москвы XVI—XVIII веков и многие гравюры местностей, из них несколько «уник» [1].

В 1956—1957 гг., к 100-летию со дня рождения А. М. Васнецова, были изданы монография Л. А. Беспаловой «Аполлинарий Михайлович Васнецов» и сборник статей и воспоминаний «Аполлинарий Васнецов». Эти книги, посвященные творческому пути художника, содержали сведения и о деятельности А. М. Васнецова в обществе «Старая Москва». Однако сведения эти были извлечены исследователями главным образом из печатных источников [2].

Между тем в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в фонде Московского областного бюро краеведения (ф. 177) находится прекрасно сохранившийся архив «Старой Москвы». Он включает разнообразные документы, в том числе подробные протоколы заседаний «Ста-

рой Москвы», а также автографы и машинописные копии многих заслушанных здесь, но оставшихся неопубликованными докладов. Ценность этих материалов для всех, интересующихся историей и историографией Москвы, трудно преувеличить. Полный перечень докладчиков и сделанных ими сообщений, зафиксированных в протоколах заседаний «Старой Москвы», а также обзор других материалов общества, содержатся в нашей книге «Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края», вышедшей в 1976—1989 гг. тремя изданиями [3]. В данной статье мы ознакомим читателей с документами, раскрывающими роль А. И. Васнецова в деятельности общества «Старая Москва».

Так называемое общество «Старая Москва» являлось московской краеведческой организацией, существовавшей в 1909—1930 гг. с целью всестороннего изучения истории города, охраны и использования его многочисленных и разнообразных памятников. Поначалу эта организация официально именовалась Комиссией по изучению старой Москвы Московского археологического общества, затем, после его ликвидации в 1923 г.,— Ученой комиссией при Государственном историческом музее, а с 1926 г. «Старая Москва» на правах секции вошла в Общество изучения Московской губернии (области), организованное в 1925 г. В марте 1930 г. в связи с начавшимся в СССР разгромом краеведческого движения [4] Общество изучения Московской области было реорганизовано в Московское областное бюро краеведения. В результате «Старая Москва» перестала существовать.

О росте популярности «Старой Москвы» со времени ее создания красноречиво говорят следующие цифры: поначалу в ее состав входило лишь несколько человек, в 1921 г.— уже 68, в 1922-м — 100, в 1926-м — 195, а в 1928 г. количество ее членов приближалось к 300. За 21 год существования «Старой Москвы» состоялось 464 заседания, на которых 257 ее членов сделали почти 900 докладов и сообщений. За это же время заседания «Старой Москвы» посетило более 33 тысяч человек. Но дело не только в количестве. Деятельными членами «Старой Москвы» являлись такие авторитетные знатоки московской старины, как М. И. Александровский, А. А. Бахрушин, И. С. Беляев, С. К. Богоявленский, Н. Д. Виноградов, Н. П. Виноградов, В. А. Гиляровский, А. В. Григорьев, И. Н. Жучков, Е. А. Звягинцев, В. В. Згура, М. А. Ильин, С. Г. Кара-Мурза, Н. Р. Левинсон, И. К. Линдеман, П. Н. Миллер, А. В. Орешников, Н. П. Розанов, К. В. Сивков, И. Я. Стеллецкий, Д. П. Сухов, П. В. Сытин, Г. И. Хлопов, М. А. Цявловский, А. В. Чаянов, Н. П. Чулков, Н. А. Шамин, Д. И. Шаховской и другие.

Из протоколов явствует, что А. М. Васнецов был избран членом «Старой Москвы» 16 февраля 1912 г., на 18-м заседании этой организации. 30 марта 1919 г. (протокол № 72) он

становится председателем, а 19 июля 1923 г. (протокол № 154) — почетным председателем «Старой Москвы».

Об атмосфере, царившей на заседаниях «Старой Москвы», с теплотой и благодарностью вспоминали впоследствии многие члены общества. Особенно колоритен рассказ С. Д. Васильева:

«Собирались мы в здании Исторического музея — то внизу, в маленькой уютной комнате, иногда в библиотеке, а главным образом наверху в зале.

Вокруг огромного стола рассаживались почетные члены и просто члены комиссии, дальше — посетители и случайные лица. Все это была подлинно старая Москва в лицах.

Вот Аполлинарий Михайлович Васнецов. Он обычно в светло-сером, отлично отутюженном костюме; галстук, в темно-красных тонах, завязан большим узлом. Раскланиваясь на все стороны, он идет от двери и садится за стол. Рядом с ним усаживается председатель комиссии — П. Н. Миллер. Он словно сошел со страниц произведений Майн Рида — огненные глаза, сверкающие из-под старомодного пенсне, короткая борода на две стороны, толстовка с расстегнутым воротом. Петр Николаевич обязательно с какой-нибудь папкой. Напротив председателей восседает М. И. Александровский с длинной, тщательно расчесанной русой бородой — «в пику Петру, который приказал сбрить бороды, а я ношу!» Великий знаток московской церковной старины и заклятый враг «проклятых голштинцев», он был непременным секретарем на заседаниях комиссии. Рядом с ним И. Я. Стеллецкий — воинствующий «подземник»

...даже моста старый свод
Мерещит в землю тайный ход.

Дальше сидят Н. Р. Левинсон и П. В. Сытин, тогда заведующий Коммунальным музеем. Он появляется иногда позже, долго стоит в дверях, как бы стесняясь пройти на оставленное ему место, и присутствующие смеются, вспоминая эпиграмму В. А. Адольфа:

Чей там вид в дверях так сытен?
Извините — это Сытин.

Вот сидит И. В. Калашников, коллекционирующий полные собрания сочинений. А вот и кудлатый, с огромными очками на кончике носа, Н. А. Шамин. На каждое заседание он приносит целый ворох вырезок из дореволюционных газет и журналов — они кажутся у него неисчерпаемыми.

Далее — казначей комиссии, великий книжник И. Н. Жучков и И. К. Линдеман. Большой знаток своего дела, он удивительно скучно читал свои доклады, что и было отмечено:

Наш Грибоедов, наш поэт
Растерзан чернью Тегерана

А нынче, через сотню лет
Убит вторично Линдеманом...

Широко расставив ноги и опершись на руку, лежащую на спинке соседнего стула, сидит Н. П. Лихачев. Его роскошная черная борода резко отличается от седой бороды сидящего тут же потомка декабристов, бывшего князя, бывшего гласного Московской думы, бывшего члена Государственной думы, бывшего министра — Д. И. Шаховского.

Д. П. Сухов уже пододвинул к себе чернильницу и чертит что-то на листке бумаги, а потом получается какой-то диковинный старорусский город с шатрами, повалушами, затейливыми коньками на крышах и куполами на церквях. За спиной их виден Н. П. Чулков — большой и удивительно скромный ученый, замечательный знаток всех московских родословных.

Пробили часы... Аполлинарий Михайлович встает, легонько стучит карандашом о стакан и открывает заседание. Сначала М. И. Александровский читает протокол предыдущего заседания, потом идет очередной доклад, затем начинаются прения... Кажется, все, но вдруг Петр Николаевич Миллер таинственно подмигивает и говорит:

«А Аполлинарий Михайлович нам подарок сделал — новую картину!..»

Петр Николаевич как-то по-особому поворачивается, щелкает пальцами и этим приводит в явное смущение Аполлинария Михайловича.

«Ну, Петр Николаевич, как всегда, преувеличил... Какая картина! Это просто этюд»,— говорит он.

Однако из бумаги появляется все-таки картина, и Петр Николаевич ставит ее так, чтобы всем было видно.

Зал затихает...

Поправив очки, Аполлинарий Михайлович начинает рассказывать со свойственной ему задушевностью и уносит присутствующих в XVII век.

«Укрепление у Водовзводной башни Кремля,— говорит он,— связано, конечно, и с самой башней; оно не давало речной воде размывать ее основание... Это было полукруглое кирпичное строение, одним концом примыкавшее к белгородской стене, а другим — ко второй кремлевской...»

Аполлинарий Михайлович подробно рассказывает притихшим слушателям об источниках, откуда он черпал это свое новое «графическое исследование»; об истории каждого здания, изображенного на картине; о том, что многое ему подсказали раскопки, производившиеся в конце 1924 года на Сапожковской площади и в Александровском саду, когда были найдены знаменитые «циклопические» кирпичи.

«...Эту картину я изобразил на рубеже XVI—XVII веков. Башня тогда была плоская. Вокруг нее — укрепления, уже начинающие обваливаться, что показывают рушащиеся зубцы.

От них на другую сторону Неглинки перекинут мостик... Время я изобразил осеннее... Только что выпал снежок. Солнышко бросает свой последний взгляд на Кремль...»

Удивительная способность была у Аполлинария Михайловича уводить слушателей в седую старину!

Точно так же забылся XX век, этот зал и окружающие люди, когда Аполлинарий Михайлович демонстрировал свою картину «Красная площадь в XVII веке». Все мы сами вошли в его картину, слушали, как читает дьяк, глазели на проезжающего боярина...

Думалось, как же может человек так изучить и так изображать старину? Словно ведь с натуры списано. Показывали же старину многие художники, но в их картинах жили только люди, а здесь живет, дышит и рассказывает каждый камень стены, каждая маковка церкви, каждое бревно сруба» [5].

Своеобразной справкой о деятельности А. М. Васнецова в «Старой Москве» является составленный им 29 октября 1929 г. «Список докладов, читанных мною в Комиссии по изучению старой Москвы (по истории города Москвы)» [6]. В нем перечислены 37 докладов. Но, вероятнее всего, в этот список попали лишь те выступления, которым А. М. Васнецов придавал особое значение. Ведь протоколы заседаний «Старой Москвы» зафиксировали более 60 выступлений А. М. Васнецова с докладами, сообщениями, воспоминаниями и предложениями, не считая его практически постоянного участия в прениях по докладам других членов общества.

Согласно протоколам, на заседаниях «Старой Москвы» А. М. Васнецовым были прочитаны такие доклады и сообщения, как «Московский Кремль при Иване Калите» (протокол № 40 от 25 февраля 1914 г.), «Об иконе Сергия Радонежского XVII века с изображением Московского Кремля» (протокол № 45 от 16 октября 1914 г.), «Мосты старой Москвы» (протокол № 81 от 11 декабря 1919 г.), «Вероятный вид белокаменного Кремля при Дмитрии Донском» (протокол № 145 от 22 февраля 1923 г.), «Книжная торговля на Спасском мосту» (протокол № 182 от 22 мая 1924 г.), «Вероятный вид Красной площади во второй половине XVII века» (протокол № 225 от 12 мая 1925 г.), «Способы передвижения на улицах Москвы XVII—XVIII веков» (протокол № 309 от 3 февраля 1927 г.), «Москва-городок и ее окрестности во второй половине XII века» (протокол № 417 от 7 марта 1929 г.) и др [7].

Поскольку доклады А. М. Васнецова по истории Москвы, как правило, сопровождались демонстрацией изображений, члены «Старой Москвы» были первыми критиками широко известных в настоящее время картин и рисунков художника. Например, в протоколе заседания «Старой Москвы» № 400 от 1 ноября 1928 г. отмечено, что доклад А. М. Васнецова «Общественные бани в Москве XVII века» сопровождался демонстрацией акварели. Протокол донес до нас и прения по докла-

ду. Е. А. Звягинцев выразил сомнения в том, что в Москве XVII в. было много общественных бань. «Основным типом бань в то время были домашние бани, в борьбе с которыми из-за опасности в пожарном отношении правительству приходилось прибегать к запечатыванию таковых «на сроки», что вызвало своеобразный протест духовенства при Петре I (петиция Синоду о снятии недоимок за бани с угрозой в противном случае невыполнением треб) и указ 1700 года, запрещавший жителям низших классов строить бани. В общественных банях мылся лишь пришлый и беднейший люд, и их пропускная способность была, по всей вероятности, незначительна». С. В. Космынин сообщил «бытовую подробность, сохранившуюся доселе: когда топили бани (курные), то натирали много хрена, который и ели с хлебом после бани, чтобы избавиться от последствий угара». П. Н. Миллер указал на происхождение слова «баня»: «...в одном из словарей 40-х годов XIX века объясняют его смешением двух греческих, означавших «покинь грусть». С. К. Богоявленский напомнил «еще об одном неиспользованном в докладе источнике — житиях святых, особенно северных, которые богато иллюминованы и изобилуют бытовыми подробностями. Так, например, на одном рисунке можно видеть внутренность бани XVII века: изображен полок и моющийся человек; сама баня кафельная, круглая, с каменкой. Банями и сдачей их на откуп ведал Конюшенный приказ. О бытовых условиях водоливов и об устраиваемых ими скандалах имеются данные в делах объезжих голов. При переписи в 1620 году многие бани пропущены. Бани строились обычно около прудов (Фотьевский атлас). Подавляющее большинство москвичей пользовалось общественными банями, так как из-за дороговизны дров иметь собственные бани могли лишь очень зажиточные люди. В XVII веке издавались указы о раздельном купании — следовательно, бани были совместными». С. К. Богоявленский отметил также «новизну взятой темы и интерес доклада в бытовом отношении» и высказал «пожелание о дальнейшей разработке вопроса». В заключительном слове А. М. Васнецов указал «на скудость источников по данной теме — нет ничего у Забелина и очень мало в летописных материалах. Между тем бани в XVII веке имели большее значение, чем сейчас, являясь как бы своего рода клубами... Что касается возражений относительно невозможности функционирования бань в вечернее время из-за отсутствия освещения, то бани могли освещаться (интуиция художника) сальными ночниками, аналогично существовавшим в 60-х годах XIX века в семинариях» [8].

О творчестве А. М. Васнецова-художника, посвященном старой Москве, наиболее полное представление дает подписанный им 12 сентября 1928 г. «Перечень исполненных мною на основании летописного и иконографического материала картин и рисунков по истории города Москвы» [9]. «Перечень... вклю-

чает 118 номеров, сгруппированных по следующим разделам: «Москва XII—XV вв.» (перечислены 11 картин и рисунков), «Москва при Иоанне Грозном» (перечислены 4 работы), «Смутное время» (8 работ), «Москва 1-й половины XVII века» (27 работ), «Москва 2-й половины XVII века» (28 работ), «Москва XVIII века» (14 работ) и др. Он содержит также сведения о способе исполнения, репродукции и местонахождении перечисленных картин и рисунков. Это позволяет вести целенаправленный поиск тех из них, о которых в графе «Местонахождение» А. М. Васнецовым помечено: «Не известно».

В архиве «Старой Москвы» хранятся также тексты (в большинстве — автографы) семнадцати докладов А. М. Васнецова и сорок его рисунков (тушь, карандаш, акварель, чернила), относящихся к истории Москвы XVII века [10].

Из этих материалов выясняется, что сведения по истории Москвы А. М. Васнецов черпал не только из литературы (в частности, из трудов Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, И. Е. Забелина, М. В. Довнар-Запольского, С. К. Богоявленского и др.), не только в личных советах и указаниях И. Е. Забелина (о котором А. М. Васнецов вспоминал как о своем наставнике по изучению истории Москвы и руководителе при написании картин-реконструкций), но и в разнообразных исторических источниках. А. М. Васнецов использовал данные археологии, этнографии, летописные материалы, народные предания, записки и рисунки побывавших в Москве иностранцев, изображения города на старинных планах, офортах и иконах, многочисленные архивные документы, сохранившиеся архитектурные памятники. Более того, когда, по словам художника, ему нужно было изобразить Москву второй половины XII в., он лично обследовал ручьи, протоки, возвышенности, а в 1900 г. даже поднимался над Москвой на воздушном шаре, что «дало исходную точку местности для пейзажей XII в. и наглядно показало, как из маленькой ячейки образовался громадный город» [11].

А. М. Васнецову было присуще критическое отношение к источникам, стремление к их взаимопроверке, комплексности в использовании. Он, в частности, высказывался за доверие к годуновскому плану города; предполагал, что чертеж Герберштейна относительно башен, стен и построек делался им по памяти или по рассказам; скептически относился к достоверности показаний немца-опричника Штадена; отмечал: «... доверие к иконографическому материалу не должно быть ниже доверия к летописям, в особенности в тех случаях, когда не имеется соответствующего летописного материала» [12].

Материалы архива «Старой Москвы» обнаруживают глубокий интерес художника к истории Отечества, характеризуют его знатоком истории Москвы и особенно Москвы XVII в. [13]. Эти документы, часть которых была недавно опубликована [14],

позволяют продолжить изучение жизни и деятельности замечательного художника-историка А. М. Васнецова и его роли в развитии москвоведения.

Картины и рисунки А. М. Васнецова воспроизведены во многих изданиях. Оригиналы их хранятся в Государственном Историческом музее, Музее истории Москвы; они собраны и в Музее-квартире А. М. Васнецова (Фурманный переулок, 6).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Васнецов А. М.* Как я сделался художником и как и что работал: (Отрывок из автобиографии) // Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения. М., 1957. С. 147—148.

[2] Основными печатными источниками по истории деятельности «Старой Москвы» являются: два выпуска сборника статей «Старая Москва» (М., 1912—1914); тринадцать выпусков бюллетеня «Московский краевед» (М., 1927—1930); некоторые из восьми выпусков «Трудов Общества изучения Московской губернии (области)» (М., 1928—1930); отдельные публикации членов общества.

[3] Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения /Сост. С. Б. Филимонов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1976; То же: 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980; *Филимонов С. В.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / С предисл. и под ред. С. О. Шмидта. М., 1989.

[4] См.: *Лексин Ю.* Первый перелом: [Беседа с С. О. Шмидтом, В. Ф. Козловым, С. Б. Филимоновым] // Знание — сила. 1988. № 11. С. 72—75; *Шмидт С. О.* Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено // Памятники Отечества. 1989. № 1 (19). С. 16.

[5] *Васильев С. Д.* [Воспоминания] // Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения. М., 1957. С. 104—106.

[6] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 40, е. х. 66, л. 1—2.

[7] Архивные поисковые данные протоколов заседаний «Старой Москвы» указаны во всех изданиях книги «Историко-краеведческие материалы...».

[8] Историко-краеведческие материалы... М., 1980. С. 152—153.

[9] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 40, е. х. 65, л. 1—4.

[10] Там же, л. 6—64.

[11] Историко-краеведческие материалы... М., 1976. С. 85.

[12] Там же. С. 86.

[13] См.: *Филимонов С.* Аполлинарий Васнецов — член общества «Старая Москва» // Куранты: Ист.-краеведческий альм. М., 1983. С. 216—220; *Векслер А. Г.* А. М. Васнецов — художник-исследователь прошлого Москвы // Москва в творчестве А. М. Васнецова. М., 1986. С. 32—56; *Федоров В. И.* О картинах А. М. Васнецова, посвященных Московскому Кремлю // Там же. С. 10—20.

[14] Доклады А. М. Васнецова «Вероятный вид белокаменного Кремля 1367—1485 годов», «Вероятный вид Красной площади во второй половине XVII века» и «Общественные бани в Москве XVII века» впервые были опубликованы во 2-м издании книги «Историко-краеведческие материалы...» (С. 125—161). Эти же и еще 16 докладов и статей А. М. Васнецова опубликованы в сборнике «Москва в творчестве А. М. Васнецова» (С. 57—262).

Е. Г. Авшаров

«...ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗНАТОК ИСТОРИИ ГОРОДА МОСКВЫ...»

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ. 1865—1943

Михаил Иванович Александровский относился к числу русских интеллигентов, которые с первых лет Советской власти приняли активное участие в культурном строительстве, стремясь приносить пользу России. Из всего, что было им когда-либо написано, опубликовано ничтожно мало. Издания его работ выходили малыми тиражами и давно уже являются антикварной и библиографической редкостью. Между тем материалы его архива широко используются специалистами в прикладных целях, для наведения различных справок и т. п. В широком смысле материалы архива Александровского имеют значение для всех, кто интересуется прошлым Москвы, Подмосковья, историей московского краеведения.

Искусствовед М. А. Ильин, встречавшийся с Александровским в середине 20-х гг. на заседаниях комиссии «Старая Москва», вспоминает: «Небольшого роста, с окладистой бородой, Михаил Иванович своими знаниями и внешностью напоминал Ивана Егоровича Забелина» [1]. В 1928 г. Исторический музей рекомендовал Александровского к постановке на учет в Центральной комиссии по улучшению быта ученых, объясняя, что «М. И. Александровский является совершенно исключительным знатоком истории города Москвы и ее исторической топографии» [2].

М. И. Александровский родился в 1865 г. в Москве, в семье писателя, ученого богослова, протоиерея И. Н. Александровского (1824—1886). В бумагах М. И. Александровского не содержится подробных упоминаний об отце. О своей матери, которая ушла из жизни в 1916 г., он написал А. А. Шахматову следующее: «Вы знавали мамашу, и она Вас помнила. Она приказала Вам долго жить в ночь на 27 июня, исповедавшись и причастившись. Причем пришла в церковь и ушла сама пешком (с полверсты). Это был удивительно крепкий русский человек. Всецело принадлежа христианской культуре, она кротко и очень

терпимо относилась ко всем антихристианским течениям, ко всякому человеку, зараженному «интеллигентством» [3].

В 1887 г. Александровский окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен на кафедре сравнительного языкознания для работы над темой «Местоименное склонение в индоевропейских языках» под руководством академика Н. С. Тихонравова. Во время занятий в университете он принял участие в издании «Толковая палея по списку, сделанному в Коломне и хранящемуся в Троице-Сергиевой лавре под № 38» (М., 1890). В подготовке этого издания участвовали также впоследствии крупные ученые В. И. Истрин, М. Н. Сперанский, А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин и другие ученики Тихонравова.

Однако в 1895 г. в связи с возникшей необходимостью содержать семью Александровский вынужден был оставить научную работу и до 1911 г. преподавал русский язык в гимназиях Виленской губернии. К 1911 г. он выслужил пенсию, которая позволила бы ему заниматься научными изысканиями, не размениваясь на исполнение обязанностей по службе. Однако выяснилось, что по состоянию здоровья ему противопоказано заниматься в библиотеках и архивах, но следует больше гулять на свежем воздухе. Во время ежедневных прогулок Александровский постепенно утвердился во мнении, что прежним исследователям истории Москвы недоставало элемента визуального наблюдения. Поэтому они «вечно путали одну церковь с другой, одну улицу с другой, сочиняя небылицы» [4]. Стремясь восполнить обнаруженный пробел, в течение 1914—1917 гг. он подготовил к печати и опубликовал указатели кремлевских (М., 1915), московских (М., 1915) церквей и церквей в местности Ивановского сорока (М., 1917). Сохранился также подготовленный к печати, но неопубликованный «Указатель древних церквей в местности Сретенского сорока» [5]. Указатели представляют собой компактные справочники. Церкви расположены по сорокам. Каждой посвящена краткая аннотация, в которой дано полное название с указанием приделов, местонахождение, время основания, постройки, позднейших перестроек. На указателях есть гриф Церковно-археологического отдела (ЦАО) Общества любителей духовного просвещения. Они отпечатаны в типографии ОЛДПР «Русская печатня». В Москве и сейчас имеется много закрытых, заброшенных, полуразрушенных церквей, краткие сведения о которых легко можно найти по указателям Александровского.

Участие Александровского в деятельности ЦАО относится к 1912—1918 гг. В 1909—1917 гг. его возглавлял ученый, просветитель, профессор Московского археологического института, настоятель церкви св. Георгия на Красной Горке, протоиерей Н. А. Скворцов (1861—1917). Скворцов поддерживал Александровского в работе над указателями. Переписку между собой они не вели, так как постоянно встречались на заседаниях

ЦАО и общества «Старая Москва». В бумагах Александровского имеются преимущественно извещения о заседаниях ЦАО за подписью Скворцова. Большая часть архива Скворцова погибла после 1918 г.[6] Известны отзывы на указатели Александровского других членов ЦАО. Протоиерей М. Страхов писал в 1915 г. о «Кратком указателе кремлевских церквей»: «Как урожденный москвич и любитель истории московских храмов, от души и впредь желаю Вам трудиться над составлением подобных книжек. Между прочим мне весьма симпатична Ваша мысль составить указатель московских церквей в хронологическом порядке их построения»[7]. Священник И. Четверухин отзывался об «Указателе московских церквей»: «Он составлен прекрасно и интересно. Чувствуется большая нужда в подобном труде»[8].

Работа Александровского над указателями положила начало разработке собственных историко-краеведческих концепций. В последующих его трудах краеведение представляется как область знания, включающая в себя гражданскую историю, историческую географию, историческую психологию, топонимику, лингвистику и т. п. Важным элементом Александровский считал визуальное наблюдение: «Сведения документов понятны только тем, кто любит ногами утаптывать мостовые»[9]. Важное место в его исследованиях занимала церковная археология. Гражданских сооружений с допетровских времен сохранилось ничтожно мало. Основная масса старинных построек — это церкви. Если даже здание церкви построено сравнительно недавно, то первоначальное основание церкви на этом месте могло быть связано с какими-либо историческими событиями. Сведения об этом содержались в церковных летописях, надписях на древних иконах, антиминсах[10].

Предметом самостоятельного изучения являлась «церковная номенклатура» — названия церквей в их совокупности: в названиях содержатся сведения об историческом рельефе прилегающей местности (Всех Святых на Кулишках, Спаса на Глинище). Изучая историю церкви св. Спиридона Тримифунтского на Козьем болоте, Александровский установил, что в районе улицы Спиридоновки когда-то находилось болото, в окрестностях которого водились дикие козы. Церковь, когда-то основанная на этом месте, была освящена во имя св. Спиридона Тримифунтского, который считался покровителем пастухов. Отсюда и древнее название местности — «Козиха».

В названиях церквей содержатся сведения о профессиях населения прилегающих слобод: блинники, лучники, печатники, стрельцы, толмачи. Проверяя эти названия по архивным документам, Александровский, например, уточнил, что лучники торговали луком, а не изготавливали одноименное оружие, согласно позднейшим легендам[11].

В названиях церквей отражались различные исторические события. В 1923 г. Александровский консультировал историка-архивиста В. В. Шереметевского, который прочел в обществе

«Старая Москва» доклад «Исторический элемент в московской и подмосковной храмовой номенклатуре». В своей работе Шереметевский, например, доказывал, что церковь Пимена в Воротниках была освящена во имя св. Пимена в назидание стражникам, которые неосмотрительно открыли ворота воинам хана Тохтамыша. Это произошло 26 августа 1382 г., в день св. Пимена [12].

В 1936 г. Александровский, рецензируя монографию А. И. Некрасова «Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков» (М., 1936), провел специальную работу по уточнению даты основания церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Дьякове. Автор монографии относил построение церкви к 1547 г. [13] Александровский считал более достоверной дату, которая была указана в церковной летописи, составленной в XVIII в.,— 1529 г. По мнению Александровского, названия приделов, таких, как Зачатия Иоанна Предтечи, Зачатия св. Анны и т. п., должны означать, что сам факт построения дьяковской церкви являлся как бы просьбой, молитвой Василия III о даровании ему наследника. Следовательно, церковь была построена не позже, чем родился Иван Грозный, примерно около 1529 г.[14] Данные раскопок, проведенных в Дьякове, подтверждают, что в 1529 г. была построена деревянная церковь, а в 1534 — каменная [15].

В Обществе любителей духовного просвещения (далее ОЛДПР) был накоплен большой опыт по обследованию, регистрации, изучению памятников церковной архитектуры. В 1892—1918 гг. при Московской духовной консистории существовал комитет по составлению историко-статистических описаний церквей Московской епархии под председательством протоиерея М. С. Боголюбского. В 1902—1918 гг. при ЦАО действовала Комиссия по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии под председательством А. И. Успенского. В этой комиссии сотрудничали историки-архивисты, археологи С. А. Белокуров, И. С. Беляев, В. К. Клейн, Б. С. Пушкин, И. Я. Стеллецкий, В. И. и Г. И. Холмогоровы и другие. После ликвидации ОЛДПР в 1918 г. большинство сотрудников ЦАО стали работниками Церковного отдела Комиссии по делам музеев и охраны памятников при Московском Совете рабочих и красноармейских депутатов. Заведующим отделом стал В. К. Клейн, секретарем — бывший председатель ЦАО Н. П. Виноградов (прежний председатель ЦАО Н. П. Скворцов ушел из жизни 16 июня 1917 г.). С 1919 г. в деятельности комиссии принял участие Александровский (комиссия несколько раз меняла название и ведомственное подчинение), в 1921—1927 гг. он был ее секретарем [16]. В эти же годы Александровский являлся секретарем общества «Старая Москва», где вел подробнейшие протоколы [17], а также заведующим архитектурным отделом Исторического музея. В бумагах Александровского есть глухие упоминания о том, что где-то

на рубеже 20-х гг. он провел несколько месяцев в так называемом Ивановском концентрационном лагере (на территории бывшего Ивановского монастыря), вероятно, в связи с Делом церковников. Известно, что Александровский, будучи активным членом приходской общины при церкви св. Спиридона, входил в состав охраны патриарха Тихона. Членами охраны были прихожане преимущественно не моложе сорока лет, в обязанности которых входило бить в колокола и собирать народ, если бы патриарху угрожала какая-либо опасность. В бумагах Александровского сохранились черновики заявлений от имени прихожан в Наркомпрос с просьбой воздерживаться от изъятия предметов церковной утвари, имеющих художественную ценность.

На протяжении 20-х гг. Александровский активно участвовал в учете, регистрации, охране памятников, работал над научными трудами, выступал в защиту Троекуровых палат, церкви Марии Египетской в Сретенском монастыре, церкви Николы в Мясниках (позже на ее месте было возведено здание для Центросоюза по проекту Ле Корбюзье). Его печатные работы этого периода немногочисленны и носят случайный характер. В 1922 г. в журнале «Коммунальное хозяйство» совместно с директором Московского коммунального музея П. В. Сытиным он опубликовал статью о работе Комиссии по переименованию московских улиц при Мосгорисполкоме (№ 8—9. С. 24—36). Статья носила характер отчета о деятельности комиссии. В ней сообщалось, что, ввиду того что в Москве имеется множество Благовещенских, Богоявленских, Знаменских, Покровских, Рождественских, Церковных улиц, переулков, тупиков, комиссия, чтобы устранить дублирование, присваивает им названия, связанные с историческими урочищами, поселениями, слободами. В 1922 г. 1-й, 2-й Знаменские переулки возле церкви Знамения в Переяславской слободе переименованы в 1-й и 2-й Крестовские переулки. 1-й, 2-й и 3-й Знаменские переулки в районе Трубной площади — 1-й, 2-й и 3-й Колобовские переулки по находившейся здесь в XVII в. слободе стрелецкого полка Колобова. Переулок с неблагозвучным названием Спасский тупой — в Спасоналивковский (от церкви Спаса в Наливках); Софийская улица — в Пушечную (от находившегося поблизости в XV—XVIII вв. Пушечного двора) и т. п.

В 1926 г. Александровский написал к составленному совместно с В. А. Дударевой, В. М. Лобановым, П. Н. Миллером каталогу выставки в ГИМе «Москва в древних изображениях» вступительную статью (М., 1926). Она является оригинальным исследованием об изобразительных материалах XVI—XVIII вв. как источнике по исторической топографии и истории застройки Москвы. По мнению Александровского, на иконах Симона Ушакова, летописных миниатюрах, старинных планах Москвы, рисунках С. Герберштейна, А. Олеария изо-

бражались не условные домики, а конкретные узнаваемые сооружения.

В работе «К истории шатровых храмов XVII века» (Сб. Общества изучения русской усадьбы. 1927. № 4—5. С. 39) Александровский рассматривает особенности архитектуры храмов Зосимы и Савватия Соловецких в Троице-Сергиевой лавре, Покрова в селе Медведкове, Саввы Освященного в Новоспасском монастыре, Спаса в Копье, Рождества Богородицы в Путинках и храма в подмосковном селе Остров, которые в период написания статьи были менее известны, чем шедевры зодчества, созданные в XVI в. Более пространный и развернутый доклад на эту тему Александровский прочел в 1942 г. во Всесоюзной Академии архитектуры [18].

В 1927—1929 гг. Александровский читал курс лекций по истории Москвы в Обществе друзей Исторического музея. В своих лекциях он стремился доказать, что Москва значительно древнее, чем об этом говорят письменные источники. В условиях надвигающейся реконструкции он стремился доказать, что столь самобытный, уникальный город нужно реконструировать очень осторожно [19].

В 1936—1937 гг. Александровский в соавторстве с П. Н. Миллером и П. В. Сытиным работал над исследованием «Происхождение названий московских улиц» (1-е изд. М., 1938. Перед загл. авт.: П. Н. Миллер, П. В. Сытин). Судя по сохранившейся переписке с издательством «Московский рабочий», Александровский в 1937 г. отказался от дальнейшей работы над книгой, но после переговоров с издательством согласился оставить бывшим соавторам собранные им материалы и получил причитающийся гонорар [20].

В отличие от печатных работ труды, которые Александровский писал «в стол», постепенно выходят за рамки церковной археологии и приобретают более широкий характер [21].

Развитие русской архитектуры он разделял на несколько этапов. Архитектура Киевской Руси — усвоение византийских элементов. Владимиро-Суздальский период — влияние романского стиля. Раннемосковское зодчество XIV—XV вв. находилось, с его точки зрения, под влиянием Владимиро-Суздальской архитектуры, а затем появились «итальянизмы» и «псковизмы». Наиболее оригинальной и самобытной считал он московскую архитектуру XVI—XVII вв.— шатровые храмы, нарышкинское барокко. Александровскому принадлежит множество оригинальных наблюдений об особенностях архитектуры московских храмов. Согласно им, церковь Покрова в селе Медведкове в строгой и аскетичной манере повторяет общую композицию Покровского собора на Красной площади, более известного как собор Василия Блаженного; в некоторых уездах Московской губернии шатры колоколен постройки XVII в. непропорционально высоки по сравнению с четвериками, на которых они установлены (церковь с подобной колоколь-

ней изображена, например, на известной картине А. К. Саврасова).

Что же касается развития московской церковной архитектуры после XVII в., то, по мнению Александровского, Петр I «испортил» не только русскую историю, но и русскую архитектуру. После указа 1714 г., запрещавшего возводить каменные постройки везде, кроме Петербурга, началось копирование европейских образцов. Только при Елизавете Петровне, которая «берегла московскую старину», самобытное московское зодчество на короткое время возродилось в виде так называемого елизаветинского барокко. Подводя итог развитию русской архитектуры в XVIII в., Александровский заключает, что в стремлении угодить правительственным вкусам архитекторы строили православные храмы наподобие католических костелов. Утрату русской архитектурой ее самобытных особенностей Александровский рассматривает как одно из явлений в процессе падения общей культуры, которое, по его мнению, происходило в XVIII в. Более того, по его мнению, в XVIII в. русской архитектуре был нанесен такой удар, после которого она уже не оправилась. Вернувшийся во второй половине XIX в. древнерусский стиль — «сомнителен»; эклектика — «того хуже»: «Все собрано без системы, без единства стилей, неконструктивно». В начале XX в. «явились храмы, построенные тяжеловесно, в подражание древним храмам» [22]. Исходя из неутешительных итогов развития русского самобытного зодчества, Александровский был твердо убежден, что нужно сохранять и спасать то, что сохранилось, потому что в дальнейшем ничего хорошего построено не будет.

Научные интересы Александровского не ограничивались только москвоведением. Он пользовался известностью как специалист-языковед. С 1915 г. с ним переписывался видный литературовед, сотрудник Отделения русского языка и словесности Академии наук (далее — ОРЯС) В. М. Истрин. Он обращался к Александровскому за консультациями, пытался привлекать к участию в изданиях, предпринимавшихся ОРЯС; в 1921 г. предлагал Александровскому переехать в Петроград для постоянной работы в отделении, утверждал, что участие в издании «Толковой палеи...» в 1890 г. явится для него «самой блестящей рекомендацией» [23].

В 1915—1916 гг. Александровский переписывался с А. А. Шахматовым. Они познакомились в 1883—1887 гг., во время учебы в Московском университете. Шахматов бывал в доме у Александровских, был знаком с его матерью. В мае 1916 г. Шахматов приезжал в Москву для занятий в библиотеке Румянцевского музея и тогда же передал Александровскому свою монографию «Очерк древнейшего периода русского языка» (М., 1915). В конце июня — начале июля 1916 г. Александровский написал Шахматову пространное письмо с разбором гипотезы о происхождении славян, которую Шахма-

тов выдвинул в указанной книге. В то время Шахматов высказывал предположение, что прародиной славян была Прибалтика, а у славянских и прибалтийских народов когда-то был общий праязык [24]. В своем письме Александровский пишет, что он «в восторге от филологии», но «решительно отвращается от истории». Он защищает господствовавшую в научной литературе гипотезу о карпатском происхождении славян, убеждает Шахматова, что «передвигаются только маленькие народы, вроде балтийских, а такие огромные массы, как славяне и восточные финны, никуда уходить не могут». Культура древних славян, по его мнению, была выше, чем у соседних с ними германских и финских народов. Поэтому недопустимо утверждать, что финны и германцы оказывали на славян культурное влияние. Александровский упрекает Шахматова считая, что выдвигать такие теории непатриотично, и что «филология здесь ни при чем». «Я не могу разделить Ваших культурных и исторических обобщений,— подчеркивает Александровский,— но тут мне утешительно только то, что воззрения, моим противоположные, о которых я знаком только понаслышке, оказываются только предположениями, далеко еще не общепризнанными и притом тоже основанными на слабых и шатких аргументах, могущих иногда быть построенными в противоположную сторону» [25]. Из приведенных выдержек можно заключить, что полемика, которую Александровский ведет с Шахматовым, носит идеологизированную окраску. В историко-философском плане Александровский считал себя учеником славянофила А. С. Хомякова, и его взгляды характеризуются представлениями об уникальности исторических путей развития России, о примате духовного над материальным в русском национальном самосознании. В одном из писем филологу-слависту, профессору Дерптского университета Х. М. Лопареву Александровский писал в 1915 г., что русская культура XVII в. носила «общечеловеческий» характер в отличие от западноевропейской культуры, ориентированной на сиюминутные интересы [26]. Александровский являлся выразителем культурно-исторических традиций, которые развивались в противовес реформам Петра I. Можно сказать, что это был человек «уходящей Руси», поэтому для младших современников он уже воспринимался как «оригинал». Например, по свидетельству М. А. Ильина, Александровский в 20-х гг. нашего века утверждал, что носит бороду «назло Петру!» [27]. Можно также сказать, что Александровский очень болезненно воспринял гипотезы Шахматова о родственности славянской и германской культур в контексте конкретно-исторических событий 1916 г. В. И. Истрин, который в 1928 г. разбирал архив Шахматова в ЛОИИ и обнаружил там цитированное выше письмо Александровского, призывал его относиться спокойнее к научным взглядам, которые он не разделяет, потому что написанное Шахматовым в 1915 г. вызовет новые исследования, возникнут новые гипотезы [28].

В последние годы жизни, после ухода с должности заведующего отделом Архитектурной графики ГИМ в 1930 г. Александровский занимался консультированием, рецензированием, «подземной археологией» и другими хоздоговорными работами. В 1934—1937 гг. он участвовал в деятельности архивно-исторической бригады при Комиссии по строительству метрополитена Московской государственной академии материальной культуры им. Н. Я. Марра. В работе бригады участвовали также П. Н. Миллер, Т. В. Пассек, П. В. Сытин, Н. П. Чулков и другие. В 1934 г. Александровский участвовал в подготовке экспозиции в Коммунальном музее по изучению истории Москвы на строительстве Московского метрополитена. В 1936 г. в шахте метро прочел лекцию «О застройке и заселении улицы Горького» [29]. В этом же году написал и подготовил к печати две статьи: о застройке и планировке местности от площади Пушкина до Старых Триумфальных ворот в XV—XX вв.[30] и о застройке местности в районе станции метро «Площадь Маяковского» [31].

В 1937—1938 гг. Александровский выполнял хоздоговорные работы по заданию Всесоюзной Академии архитектуры. В 1938—1939 гг. совместно с Н. П. Розановым он собирал материал о крепостных сооружениях XVI—XVII вв. [32] В эти же годы он выявлял здания, построенные по проектам М. Ф. Казакова и Д. В. Ухтомского [33]. В конце 30-х — начале 40-х гг. Александровский привлекался в качестве консультанта к работе в группе по истории Москвы при Институте истории АН СССР, в частности, для составления списка памятников архитектуры, подлежащих сохранению во время проведения реконструкции Москвы [34]. Великую Отечественную войну Александровский воспринял как священную войну за «Русскую идею». В 1941—1942 гг. по заданию группы по истории Москвы участвовал в составлении «Московской летописи Отечественной войны Советского Союза» [35]. Он скончался от дистрофии 7 марта 1943 г. [36] Это произошло в доме № 11, кв. 1, по Спиридоновскому переулку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ильин М. А.* Пути и поиски историка искусства. М., 1970. С. 14.
[2] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 95, л. 9.
[3] Там же, д. 101, л. 16.
[4] Там же, л. 10.
[5] Там же, д. 5, л. 96—116.
[6] Подробнее о Н. А. Скворцове и его архиве см.: *Авшаров Е. Г.* Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н. А. Скворцова и М. И. Александровского // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 294—295, 298—299.
[7] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 105, л. 37.

[8] Там же, л. 47.

[9] Там же, д. 101, л. 10.

[10] Антиминс — род шелкового платка, на котором во время богослужения освящались литургические дары.

[11] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 11, л. 42—51.

[12] Там же, д. 130, л. 1—90. Машинопись с правкой Александровского.

[13] *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936. С. 257.

[14] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 12, л. 97.

[15] См.: Коломенское. М., 1971. С. 114—115.

[16] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 75, 76.

[17] Об обществе «Старая Москва», а также характеристику ее протоколов, дающих представление о деятельности Александровского, см.: *Филимонов С. Б.* Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. С. 22—23; его же: Историко-краеведческие материалы архива Общества по изучению Москвы и Московского края. М., 1989. С. 17—18.

[18] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 12, л. 67—85.

[19] Там же, д. 83, л. 2—6, 14.

[20] Там же, ф. 465, д. 14, л. 51—118.

[21] Подробнее о неопубликованных работах Александровского см.: *Авшаров Е. Г.* Указ. соч. С. 296—298.

[22] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 7, л. 12, 54, 74 об.—75.

[23] Там же, д. 103, л. 75, 85, 103—115.

[24] Об упоминаемой книге Шахматова и о спорах среди исследователей вокруг его гипотез подробнее см.: *Бузук А. И.* Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства // Изв. Отд-ния русского языка и словесности. Пг., 1918. Т. 23. Кн. 2. С. 157—159; *Ильинский Г. А.* Проблемы славянской прародины в научном освещении академика А. А. Шахматова // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. 15. С. 420; *Филин Ф. П.* Проблема славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. М., 1964. Т. 23. Вып. 3. С. 200—202.

[25] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 101, л. 14—16.

[26] Там же, д. 101, л. 10.

[27] Ильин М. А. Указ. соч. С. 14.

[28] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 103, л. 86.

[29] Там же, д. 92, л. 46.

[30] Застройка и планировка по трассе метро II очереди от Пушкинской площади до Старых Триумфальных ворот с XV по XX век. Там же, д. 14, 56 л. Машинопись.

[31] Застройка местности в районе станции метро «Площадь Маяковского». Там же, д. 16, л. 1—36. Подготовленный к сдаче в издательство сборник «По трассе II очереди Московского метрополитена», для которого были написаны обе статьи, см.: Музей истории Москвы, ф. П. Н. Миллера, папка № 5, д. 3, 350 л. Машинопись.

[32] ОПИ ГИМ, ф. 465, д. 12, л. 222—224; д. 93, л. 1—4, 7, 39—40.

[33] Там же, д. 17, л. 1—15, 16—30; д. 93, л. 8—10.

[34] Там же, д. 94, л. 89.

[35] Там же, ф. 465, д. 95, л. 41—51.

[36] Там же, л. 204.

Список работ М. И. Александровского

Краткий указатель московских церквей. М., 1914.

Дополнения к «Краткому указателю московских церквей» (домовые церкви, не отличающиеся особенной архитектурой). М., 1914.

Краткий указатель кремлевских церквей. М., 1915.

Указатель московских церквей. М., 1915.

То же: Архитектура и стр-во Москвы (Зодчий). 1990. № 6. С. 34—35; № 7. С. 34—35; № 8. С. 34—35; № 9. С. 33—34; № 10. С. 33—34; № 11. С. 33—34; № 12. С. 30—33.

Указатель кремлевских церквей. М., 1916.

Указатель древних церквей в местности Ивановского сорока. М., 1917.

Происхождение новых названий московских улиц // Коммунальное хоз-во. 1922. № 8—9. С. 24—36. (Совместно с П. В. Сытиным).

Москва в древних изображениях: Вступительная статья // Москва в древних изображениях: Каталог выставки / Сост. М. И. Александровский, В. А. Дударева, В. М. Лобанов, П. Н. Миллер. М., 1926.

К истории шатровых храмов XVII века // Сб. о-ва изучения русской усадьбы. М., 1927. № 4—5. С. 39.

Н. Г. Думова

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ»

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАХРУШИН. 1865—1929
АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ БАХРУШИН. 1853—1904

Семейство Бахрушиных, владельцев крупных кожевенных и суконных предприятий, широко и щедро жертвовало на благотворительные цели. Как вспоминает П. А. Бурышкин, в Москве их иногда называли «профессиональными благотворителями» [1]. В семье был обычай: по окончании каждого года, если он был в финансовом отношении благоприятным, выделять определенную сумму на помощь бедным, больным, престарелым, учащимся.

За заслуги в сфере благотворительности братья Петр, Василий и Александр Бахрушины были удостоены в 1901 г. звания почетных граждан города Москвы. В представлении по этому поводу городской думы говорилось: «С именем братьев Бахрушиных неразрывно связан целый ряд выдающихся по своему высокополезному значению благотворительных учреждений города Москвы» [2].

На их средства были основаны больница для хроников (1887), дом призрения для неизлечимых больных (1890), городской сиротский приют (1895), дома бесплатных квартир для нуждающихся вдов с детьми с ремесленными училищами для мальчиков и девочек (1898 и 1900). За 20 лет — с 1892 по 1912 г.— пожертвования семьи Бахрушиных составили почти 4 миллиона рублей [3]. Значительные средства выделялись ею на благотворительные цели и в последующие годы.

Имя Бахрушиных вошло в историю русской культуры. С ними связано создание в Москве популярного на рубеже веков театра Корша (теперь МХАТ имени А. М. Горького на улице Москвина). Здание театра было возведено на принадлежащей братьям Бахрушиным земле, а один из них — Александр Алексеевич ассигновал на строительство театра 50 тысяч рублей.

Сын А. А. Бахрушина Алексей Александрович (1865—1929) стал основателем первого в мире театрального музея. С юных лет он проникся глубокой и серьезной любовью к театру, увле-

кался оперой, интересовался балетом и испытывал восторженное преклонение перед мастерами Малого театра.

Однажды в компании молодежи двоюродный брат Алексея Александровича С. В. Куприянов стал хвастать собранными им разного рода театральными реликвиями. Бахрушин не пришел от них в восторг и объявил, что всего за месяц соберет больше. Было заключено пари и в положенный срок Бахрушиным выиграно. Так случай натолкнул Бахрушина на главное дело всей его жизни.

Прежде всего Алексей Александрович ринулся к букинистам, антикварам, каждое воскресенье ездил на Сухаревку. Здесь он и сделал находку, положившую начало его коллекции. В лавочке грошового антиквария за 50 рублей купил он 22 грязных, запыленных маленьких портрета. На них были изображены люди в театральных костюмах. Бахрушин предположил, что его находка относится к XVIII в. Впоследствии оказалось, что по этим эскизам, сделанным в Париже, шились костюмы для актеров крепостной труппы графа Шереметева.

Постепенно Алексей Александрович все больше и больше сближался с театральным миром, добывал разнообразные предметы, пополнявшие коллекцию: программы спектаклей, юбилейные адреса, фотографии с автографами, тетрадки с текстами ролей, балетные туфельки, перчатки актрис. Он разыскивал эти вещи сам и при помощи друзей, стал завсегдатаем букинистических и антикварных лавок.

Коллекционирование превратилось в страсть. Знакомые удивлялись, посмеивались над его чудачеством. Впрочем, кто мог тогда вообразить, что «театральная чепуха», собираемая Бахрушиным, станет ценнейшим подспорьем для изучения истории отечественного и зарубежного театра?

Кто мог, например, подумать, что пристрастие Бахрушина к балетным туфелькам (сколько по этому поводу отпускалось острот!) даст в будущем возможность наглядно проследить, как развивалась техника балета. Тонкие туфельки Фанни Эльслер и Марии Тальони плотно облегали ножку балерины в начале XIX в. и делали ее танец подлинно воздушным. Потом в туфельке появился пробочный носок — он помогал балеринам проделывать сложнейшие танцевальные движения. Начало XX в. принесло новшество — стальной носок, позволивший довести технику балета до предельного совершенства.

Наставником и гидом в собирательской деятельности был для Бахрушина двоюродный брат Алексей Петрович Бахрушин (1853—1904). Будучи старше кузена на 12 лет, он имел уже большой опыт коллекционирования.

Алексей Петрович Бахрушин с молодых лет увлекался собиранием предметов старины, произведений искусства — картин, рисунков, изделий из фарфора, бронзы, табакерок. Ему принадлежало уникальное собрание миниатюр. Постепен-

но он стал и большим знатоком в области старинных книг, подлинным экспертом по части антикварных изданий.

К концу жизни А. П. Бахрушина его библиотека составляла 25 тысяч томов. Главными темами этого собрания были история России, литература и искусство. Особую ценность его составляли сказания иностранцев о России, редкие издания об Отечественной войне 1812 г. и о Наполеоне, книги по истории монастырей. Богато представлены были справочные издания и библиографические указатели. Кроме книг, гравюр, лубочных картин, Алексей Петрович собирал плакаты, афиши, меню, считая, что и эти документы эпохи будут со временем иметь большое историческое значение.

Дом А. П. Бахрушина на Воронцовом поле превратился в настоящий музей. Здесь часто бывали литераторы, художники, ученые, коллекционеры и библиофилы. Хозяин завел специальную книгу для посетителей, где каждый из них оставлял свою запись, иногда стихи, иногда рисунки и карикатуры (в том числе и на самого хозяина). Известный историк И. Е. Забелин, товарищ председателя совета Исторического музея, записал в этой книге 17 февраля 1891 г.: «Очень желаю, чтобы многоуважаемый и добрейший Алексей Петрович ежедневно вспоминал о целях и задачах Исторического музея и всеми возможными мерами способствовал пополнению его коллекций достойными памятниками старины и древности»[4]. Может быть, уже тогда в душе А. П. Бахрушина зародилась мысль, которую он выразил в своем завещании: передать всю коллекцию в дар Русскому Историческому музею имени Александра III — ныне Государственному Историческому музею.

А. П. Бахрушин досконально знал состав крупных собраний, зорко следил за их пополнением. Все сведения об этом он заносил в записные книжки. Через много лет после смерти Алексея Петровича, в 1916 г., эти записные книжки были опубликованы в виде отдельного издания[5], которое до сих пор служит своего рода энциклопедией в области коллекционерской деятельности в России на рубеже веков.

Для А. П. Бахрушина коллекционирование было не данью моде, не способом получить почетный чин или звание — оно составляло для него в полном смысле слова единственный интерес в жизни.

Алексей Петрович был знаменит на всю Москву своей невероятной толщиной и скупостью, а кроме того, привычкой бесконечно торговаться. Один из старых московских коллекционеров, Н. М. Ежов, рассказывал в мемуарах, как приглядел однажды на Сухаревке изящно сделанную миниатюру митрополита Филарета, но смутился ее ценой — 25 рублей.

«Вдруг я увидел круглую, как маленький аэростат, фигуру А. П. Бахрушина, медленно шагающую в нашу сторону.

— Вот,— сказал я торговцу,— вот кому предложите. У него музей редкостей и масса миниатюр...

— Это Бахрушин-то? — с явным пренебрежением спросил, поглядев, торговец.— Я ему и показывать ничего не стану.

— Почему же?

— Дело известное. Ему надо на грош пятаков купить. Он у меня этого Филарета года два торгует. С полтинника начал и теперь до десяти рублей дошел» [6].

Особый шик для коллекционера — не просто заполучить нужную для его собрания вещь, но купить ее за бесценок, распознать в продающемся по дешевке предмете нечто старинное, дорогостоящее, редкостное. Этому умению Алексей Петрович Бахрушин учил своего родственника и тезку. Его подпись первой стоит в альбоме, который Алексей Александрович завел для записей впечатлений зрителей от своей коллекции. Впервые он показал ее друзьям 11 июня 1894 г. 30 октября того же года А. А. Бахрушин организовал в родительском доме в Кожевниках выставку для всех желающих. Этот день он считал официальной датой основания своего музея.

Ему посчастливилось найти жену, которая относилась к коллекции мужа с таким же рвением и увлечением, как он сам. Их встреча произошла 8 января 1895 г. на святочном костюмированном балу. Ей было тогда 19 лет, ему — на 10 лет больше.

17 апреля состоялась свадьба. Сыну с невесткой Бахрушин-отец в качестве свадебного подарка подарил участок земли на углу Лужниковской улицы (теперь улица Бахрушина) и Зацепского вала. На этом участке начали строить особняк по проекту архитектора В. В. Гиппиуса в старорусском стиле из красного кирпича.

В 1897 г. у Алексея Александровича и Веры Васильевны родился сын Юрий, и вскоре молодая семья перебралась в новый дом. Вокруг дома шумел огромный сад, в саду были фонтаны.

Молодые Бахрушины решили, что три комнаты в полуподвальном этаже нового здания отойдут под коллекцию, а остальные будут использованы для хозяйственных нужд. Но куда там! Собрание театральных реликвий разрасталось, как на дрожжах.

В 1899 г. в Ярославле торжественно праздновалось 150-летие основания русского театра. С помощью Бахрушина была подготовлена обширная, очень интересная выставка. Добрая треть экспонатов была снабжена этикетками с надписью: «Из собрания А. А. Бахрушина». Ярославская выставка вызвала большой интерес. О коллекции узнали, заговорили. Последовал усиленный поток пожертвований.

Старинные музыкальные инструменты и ноты, автографы и рукописи поэтов, писателей, драматургов, портреты, картины и театральные эскизы работы Кипренского, Тропинина, Головина, братьев Васнецовых, Репина, Врубеля, Добужинского, Коровина, Кустодиева, собрания театральных биноклей, дамских вееров, личные вещи актеров, предметы театрального быта — чего только не вобрала в себя за долгие годы бахру-

шинская коллекция! С каждым днем пополняясь, она требовала все новых помещений. Был занят целиком полуподвальный этаж дома, потом часть жилого верха — детская, буфетная и коридор, наконец, конюшня и каретный сарай во дворе.

Вера Васильевна — единомышленница и верная помощница мужа — за короткое время научилась машинописи, переплетному делу, тиснению по коже, резьбе по дереву, стала отличным фотографом. И все эти свои знания и умение использовала для оформления коллекции. На ее обязанности лежал сбор афиш премьерных спектаклей, материалов прессы, посвященных театральным событиям. В архиве музея сохранилось множество картонных листов с аккуратно наклеенными с двух сторон газетными столбцами. Каждая вырезка надписана мелким, убористым почерком Веры Васильевны — из какой газеты, за какое число.

В своих неопубликованных мемуарах Юрий Алексеевич Бахрушин вспоминает, что добиться у отца денег на хозяйственные расходы было для матери мукой — суммы, тратившиеся на хозяйство, представлялись ему безрассудно отторгнутыми от коллекции. К концу жизни Бахрушин, по словам его сына, не раз восклицал: «Ах, если бы собрать все деньги, которые я в свое время истратил на обеды, ужины и другие глупости, сколько бы я смог на них приобрести замечательных вещей для музея!» [7]

Каждую субботу дом на Лужниковской был открыт для всех, кто имел какое-либо отношение к искусству. Приезжали званые и незваные, знакомые и незнакомые. Гости осматривали коллекцию, затем беседовали, спорили, писали и рисовали в домашнем альбоме, собравшись в кабинете хозяина.

Народная артистка СССР В. Н. Пашенная рассказала в мемуарах о том, как вместе с группой молодых актеров Малого театра впервые побывала в гостях у Бахрушина: «Была зима, и мы целой компанией поехали туда на извозчиках. Я была в восторге от этого путешествия. Когда через целый ряд роскошных комнат мы вошли в большую столовую, я даже растерялась — так все было здесь красиво, богато и необычно для меня. И сам Бахрушин, и его жена Вера Васильевна, и даже их мальчик Юрочка тепло и радушно приняли нас» [8].

Особенно многолюдны бывали субботние вечера у Бахрушиных в великий пост, когда на Москву могучей волной накатывалась театральная провинция. Здесь можно было увидеть крупнейших провинциальных антрепренеров — Н. И. Собольщикова-Самарина, Н. Н. Синельникова, Н. Н. Соловцова. По воспоминаниям Ю. А. Бахрушина, приходило множество артистов — кто посмотреть коллекцию, кто повидаться со знакомыми, а кто и просто поужинать на дармовщину.

По воскресеньям к завтраку на традиционную кулебяку с гречневой кашей собирались самые близкие: артисты Мало-

го театра Н. И. Музиль и В. А. Макшеев (офицер, ушедший в актеры,— редкость в прошлом веке), режиссеры А. М. Кондратьев, Н. А. Попов, историк театра и литературы С. Н. Опочинин, владелец знаменитой в Москве художественной коллекции И. А. Морозов, хранитель московской Оружейной палаты В. К. Трутовский, писатель-народник С. В. Максимов, журналисты Н. Е. Эфрос, К. А. Скальковский и А. А. Плещеев (сын поэта).

В 1897 г. Бахрушин был избран членом совета Российского театрального общества и возглавил Московское театральное бюро. Многие годы он вел большую работу в ВТО. Тогда же, в 1897 г., был избран в городскую думу и стал там бессменным докладчиком по всем вопросам, связанным с театром.

Домой Бахрушин приходил около 6 часов вечера, переодевался и ехал в театр вместе с женой или на какое-либо заседание. Он был постоянным устроителем различных общественно-развлекательных мероприятий: ежегодно организовывал благотворительные «вербные базары» в залах Благородного собрания (теперешний Дом союзов), доходы от которых шли в пользу детского попечительства Московской городской думы, был главным распорядителем маскарадов, устраивавшихся каждый год Театральным обществом в пользу ветеранов сцены. Бахрушин являлся непременным участником многочисленных комиссий и выставочных комитетов, связанных с театром, искусством, историей. «На него колоссальный спрос,— писала газета «Новости сезона».— Нет такой комиссии, куда бы его не приглашали» [9]. Но все же важнейшее место в его жизни продолжала занимать любимая коллекция.

В некрологе, посвященном памяти А. А. Бахрушина и опубликованном 25 июня 1929 г. в «Литературной газете», в качестве главной его черты отмечался «необычайный дар собирательства»: «Вещи шли к нему как ручные. У него был зоркий глаз и цепкие руки. Он умел добиваться облюбованного им предмета настойчиво и неотступно».

У Бахрушина были свои особые приемы и методы. Если он узнавал, что кто-либо из известных театральных деятелей собирается осмотреть его коллекцию, сразу же устраивал «дежурные» витрины, касавшиеся посетителя, причем выставлялись только пустяковые экспонаты; все, что было о нем интересного и ценного, пряталось. Алексей Александрович подводил гостя к витрине и вздыхал:

— Вот, к сожалению, все, что я имею о вас. Даже обидно, что такой крупный деятель театра, как вы, так слабо отражен в музее. Но что же поделаешь! [10]

Это действовало безотказно: посетитель жертвовал музею ценный вклад. Так, итальянскому трагику Томмазо Сальвини была показана пустая витрина с единственным экспонатом — длинной белой перчаткой великой Ермоловой, на которой отпечатался грим Сальвини в роли Отелло (когда Ермолова

поздравляла артиста после спектакля и он наклонился, чтобы поцеловать ей руку, она другую руку положила ни его загримированный лоб). Увидев перчатку, Сальвини был растроган и прислал Бахрушину из Италии свой бюст и майоликовый письменный прибор завода, владельцем которого он, оказывается, являлся, на память Вере Васильевне.

Как только кто-нибудь из людей театра умирал, Алексей Александрович появлялся на панихидах и здесь же заводил со вдовой и детьми разговор о передаче памятных вещей покойного в свою коллекцию. Была даже шутка по этому поводу: «Вслед за гробовщиком сейчас же приходит Бахрушин».

В 1908 г. умер замечательный артист и режиссер Малого театра Александр Павлович Ленский, крупнейший теоретик и практик сцены, проложивший новые пути в театральном искусстве. Узнав о его смерти, Бахрушин поспешил в Малый театр и, не имея на это никакого права, опечатал собственной печатью его актерскую уборную. На другой день, с согласия вдовы, забрал все театральные вещи покойного. Посвященные Ленскому экспонаты заняли почетное место в музее.

Большую часть своего архива завещал Бахрушинскому музею известный московский меценат С. И. Мамонтов. Прославленная актриса Малого театра Г. Н. Федотова передала Бахрушину все свои реликвии и полученные за годы сценической деятельности подарки еще при жизни, в 1913 г. Парализованная, она была привезена в дом на Лужниковской в инвалидном кресле, в котором ее на руках поднимали на второй этаж. Впоследствии, после ее смерти в 1925 г., в Бахрушинский музей поступил весь ее архив и это кресло, в котором дожившая до глубокой старости артистка провела долгие годы.

Бахрушин собирал не только личные вещи деятелей театра, но и предметы, отражающие его историю. Например, он долго мечтал приобрести в свою коллекцию принадлежности старинных кукольных театров «Вертеп» и «Петрушка», распространенных на Руси до организации театров с актерами-людьми. Но владельцы «петрушек» ни за какие деньги не соглашались их уступить.

31 января 1908 г. Бахрушин писал своему петербургскому корреспонденту и постоянному помощнику в пополнении коллекции В. А. Рышкову: «Я давно уже и очень тщетно ищу вертеп... Он давно уже не попадался в руки антиквариям, так что уже бросили попытку найти мне его... Если явится возможность получить настоящий, старинный вертеп, хотя бы и попорченный, то я с восторгом приобрету их столько, сколько найдется...» [11]

И вдруг — удача! Прошло полгода, и газета «Рампа» 15 августа 1908 г. сообщила о пополнении бахрушинской коллекции: «На днях в Виленской губернии приобретен случайно вертеп — прообраз театра с 35 куклами». А вскоре Рышков после долгих тщетных поисков купил для Бахрушина и «Петрушку».

В 1909 г. Алексей Александрович заинтересовался зрительскими трубками, являвшимися предтечей театральных биноклей и распространенными в первой половине XIX в. С детства каждому знакомы строчки из «Евгения Онегина» про «трубки модных знатоков из лож и кресельных рядов». Но что они собой представляли, как выглядели? «Я даже не имею понятия, какой формы вещь ходила под этим названием» [12],— писал Бахрушин Рышкову. Начал настойчивые розыски — и через некоторое время являлся уже обладателем коллекции зрительских трубок.

Была у него и большая коллекция театральных биноклей. «Вчера со всей семьей ездили по-провинциальному на трамвае в Монте-Карло,— писал Бахрушин В. А. Рышкову 27 декабря 1911 года из Франции,— где я нашел очень интересный бинокль, на обеих трубках которого нарисованы две танцовщицы, Камарго и Сюлли, работа очень ценится сейчас за границей и потому цена ему основательная — 600 франков. Я называл ему (хозяину антикварной лавки.— *Н. Д.*) 300 франков, он и слышать не хочет... Надеюсь, что бинокль не уйдет, и на будущей неделе придется дать ему, сколько он захочет» [13].

Однако такая решимость — явление для Бахрушина крайне редкое. Какую длительную и упорную торговлю вел он, к примеру, по поводу уникального документа — дворянской грамоты, пожалованной создателю первого русского профессионального театра Федору Волкову!

24 марта 1908 г. Бахрушин писал Рышкову, через которого шли переговоры о покупке документа: «Относительно грамоты Волкова мне думается, надо оставить сейчас без движения. Вы сказали свою цену, теперь дело за владельцем, и если он пойдет навстречу, тогда можно говорить, а лезть теперь самим — только портить дело».

Ожесточенная торговля продолжалась полтора месяца. 9 мая в письме к Рышкову Бахрушин как бы сам себя уговаривал, что «зелен виноград»: «Сегодня утром я телеграфировал вам, что грамоту Волкова я ценю в 150 рублей, и во всяком случае дороже 200 руб. давать за нее не следует. Дело в том, что я пришел к заключению, что сама грамота, как совершенно испорченная, ничего не стоит; таких грамот, совсем свежих, можно найти еще достаточное количество, единственный интерес, что в ней упоминается актер Волков, но кому же она нужна, кроме ярых поклонников старины, а где они?.. За переплет же достаточно 200 рубл. Если вещь не попадет ко мне, особо жалеть нечего» [14].

Когда же, наконец, еще через полтора года Бахрушин стал обладателем грамоты, газеты писали, что вновь приобретенный уникум «будет служить одним из лучших украшений этого редкостного музея» [15].

Скаредность собирателя раздражала многих. В архиве сохранилось дышащее сдерживаемым возмущением письмо к

Бахрушину С. П. Дягилева, порекомендовавшего ему приобрести предложенный кем-то для продажи старинный портрет издателя журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевого: «Ввиду того, что назначенная Вами цена за портрет Полевого далеко не сходится с оценкой владельца, желающего получить 200 руб. за эту вещь, прошу Вас не отказать прислать мне с подателем этой записки портрет, который, думаю, не представляет для Вас большого интереса» [16].

Бывая за границей, Бахрушин за версту обходил фешенебельные антикварные магазины на главных торговых улицах. Зато с захудалыми торговцами сразу заводил дружбу, знал досконально убогие антикварные лавчонки в Париже и Берлине, Ницце и Каннах, Ментоне и Монте-Карло. В Париже часами пропадал на набережной Сены, копаясь во всевозможном барахле, и находил удивительные вещи: например, французскую книгу «Королевский балет» 1635 года издания, портрет легендарной артистки м-ль Жорж. Однажды в Ницце у вдовы старьевщика Бахрушин раскопал стеклянный стакан с монограммой знаменитой французской актрисы Марс. Заинтересовался, откуда эта вещь. Оказалось, что покойный старьевщик — разорившийся антиквар — приходился актрисе дальним родственником. Его вдова вытащила для покупателя хранившиеся у нее ленты от похоронных венков, веер, автографы и свидетельство о смерти м-ль Марс, а еще портрет ее учителя Лекэна работы художника К. Ван-Лоо. За все это было заплачено всего 300 франков. Когда директор парижской Гранд Опера Дени Рош, будучи в Москве, увидел столь драгоценные для истории французского театра реликвии в коллекции Бахрушина, он был поражен.

Но из своих заграничных поездок Алексей Александрович привозил и материалы, важные для изучения отечественного искусства. Чего стоили, например, европейские газеты и журналы с отзывами об успехах русского балета за рубежом, которые он скупал и систематизировал! Ведь нигде больше такого свода рецензий не сыщешь.

Коллекция росла и росла. Дом разбухал от вещей, книг, бумаг. Бахрушин постоянно перебирал, раскладывал свои сокровища, сортировал их по отделам: театральный, музыкальных инструментов, композиторов, литературный, этнографический и т. д.

«Когда во мне утвердилось убеждение, что собрание мое достигло тех пределов, при которых распоряжаться его материалами я уже не счел себя вправе, я задумался над вопросом, не обязан ли я, сын великого русского народа, предоставить это собрание на пользу этого народа» [17] — эти слова А. А. Бахрушин произнес в памятный для него день — 25 ноября 1913 г., когда его коллекция была передана Российской Академии наук.

Такое решение созревало постепенно, но особенным сти-

мулом для него послужила судьба коллекции двоюродного брата и наставника в собирательской деятельности Алексея Петровича Бахрушина. Тот не раз повторял и даже в своей записной книжке особо подчеркнул необходимость «пристраивать свои собрания еще при жизни, назначая их в тот или другой музей, в то или другое учреждение, но никоим образом не оставлять в наследие даже самым близким родственникам, например, детям, потому что все это пойдет в продажу розницей, за что попало» [18]. А. П. Бахрушин завещал свое обширнейшее собрание Историческому музею. Однако после смерти Алексея Петровича оно распылилось по разным хранилищам и перестало существовать как единый, любовно и тщательно отобранный и систематизированный коллекционером комплекс.

Алексей Александрович не мог допустить, чтобы подобная судьба постигла взлелеянное им детище — театральный музей. Немаловажным было и другое обстоятельство: коллекция так разрослась, что требовала особого штата сотрудников. Содержание их и музея в целом стоило дорого, его должно было, по мысли Бахрушина, взять на себя какое-либо государственное учреждение.

Еще в 1901 г., когда в Петербурге замышлялось создание музея при императорских театрах, Бахрушин предложил передать туда собранные им материалы. Однако перед ним было поставлено категорическое условие — перевезти коллекцию в Петербург. Алексей Александрович не мог выполнить это требование, и не только по собственному нежеланию, но и потому, что многие дарители ставили условием, чтобы переданные ими в музей вещи и документы остались навечно в Москве.

Московская городская дума и городская управа также отказались принять дар Бахрушина. «Отцов города» смущала необычность музея. Имеет ли он право на существование, если подобного ему нет нигде в мире, а расходы на его содержание требуются большие?

В конце концов коллекцией заинтересовалась Академия наук. Тогдашний ее президент великий князь Константин Константинович принял у Бахрушина прошение, в котором тот писал: «Имея в виду, что такое собрание, какое представляет в настоящее время мой Литературно-театральный музей, должно служить пособием для лиц, занимающихся историей литературы вообще и историей театра в частности, а также оно должно быть доступно всему русскому образованному обществу, я не считаю возможным оставлять свой музей в своем единоличном пользовании и нахожу, что он должен составлять государственное достояние» [19].

Академия наук выделила средства на содержание музея, в его штат были зачислены трое служащих и хранитель В. А. Михайловский — добросовестные, преданные своему делу люди. Коллекция продолжала пополняться, и семья Бахрушиных

вновь вынуждена была уступать одну жилую комнату за другой...

После революции Алексей Александрович не покинул родину. Думается, он и представить себе не мог разлуки со своим созданием, детищем, делом всей жизни. Из многочисленной бахрушинской родни вообще мало кто эмигрировал. Ю. А. Бахрушин в мемуарах подчеркивает, что добрая слава семьи, связанная с широкими пожертвованиями на благотворительные цели, сказалась на судьбах ее членов после Октября. «Будучи одними из крупнейших русских дореволюционных капиталистов,— пишет он,— мы сравнительно не подвергались никаким репрессиям, так как всюду встречались люди, готовые замолвить доброе слово за носителей нашей фамилии» [20].

Видимо, высокая репутация семьи сыграла роль и в том, что родной племянник А. А. Бахрушина Сергей Владимирович, приват-доцент Московского университета, смог продолжать там преподавательскую работу в годы Советской власти, хотя до революции был активным деятелем Московского отдела кадетской партии, которая являлась главным политическим противником большевиков накануне Октября. Правда, в конце 20—30-х гг. многие из Бахрушиных подверглись репрессиям, в том числе и Сергей Владимирович, отправленный в 1928 г. в ссылку как участник мифического «монархического заговора» академиков С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле и других. Впоследствии С. В. Бахрушин стал одним из виднейших советских историков, членом-корреспондентом Академии наук СССР. Многие свои работы он посвятил истории Москвы.

Что касается самого А. А. Бахрушина, то в конце 1917 — начале 1918 г. ему и его музею пришлось пережить трудное время. Оторванный от Петрограда, музей месяцами не получал никакой помощи от Академии наук. Не было ни денег, ни дров, портившимся в сырых, нетопленых помещениях коллекциям грозила гибель. Бахрушин и его семья вместе с В. А. Михайловским и двумя-тремя музейными сотрудниками, глубоко любящими театр, напрягали все силы, самоотверженно оберегая экспонаты музея, добывая средства на его содержание.

О дальнейшем развитии событий читаем в статье Ю. А. Бахрушина: «В 1918 г. из Петрограда в Москву переезжает Тео (Театральный отдел Наркомата просвещения) во главе с О. Д. Каменевой. Каменева живо заинтересовалась музеем, осмотрела его и взяла его в свое ведение. Картина переменилась. У музея появились средства, возможность приобретать предметы театральной старины — словом, возможность существовать» [21]. А. А. Бахрушин вошел в состав бюро Историко-театральной секции Тео.

А. В. Луначарский вспоминал, что в Театральном отделе возник тогда вопрос: можно ли оставить за музеем в связи с переходом его к Советской власти имя Бахрушина — «конечно, очень симпатичного человека и создателя этого музея,

но тем не менее бывшего капиталиста». С этим вопросом Луначарский обратился к Ленину. Ленин спросил его, внимательно выслушав рассказ о Бахрушине и его музее:

«— А как вы думаете, в один прекрасный день он от нас не убежит и не затешется в какую-нибудь контрреволюционную компанию?

— Бахрушин никогда не уйдет от своего детища,— ответил Луначарский,— и никогда не окажется нелояльным по отношению к Советской власти.

— Тогда,— сказал Ленин,— назначайте его пожизненным директором музея и оставьте за музеем его имя» [22].

30 января 1919 года нарком просвещения Луначарский за своей подписью издал следующее распоряжение: «Театральный музей имени А. Бахрушина в Москве, находящийся в ведении Академии наук при Народном Комиссариате по Просвещению, ввиду своего специального характера, переходит на основании п. 2 «Положения о Театральном отделе» в ведение Театрального отдела Народного Комиссариата по Просвещению».

Через два дня, 1 февраля, О. Д. Каменева подписала приказ: «Назначаю члена Бюро Историко-Театральной Секции Алексея Александровича Бахрушина заведующим Театральным музеем Театрального отдела Народного Комиссариата по Просвещению имени А. Бахрушина» [23].

Бахрушин стал одним из очень немногих московских меценатов, чья деятельность — в том же, что и до революции качестве,— продолжалась при Советской власти. На посту директора музея он оставался до последнего часа.

Алексей Александрович принял перемены в жизни страны, в деятельности музея, в своем собственном бытии естественно, без озлобления, без надежд на возвращение прошлого. Музей продолжал жить, действовать, он оказался нужен — это было главное. В течение четырех лет Бахрушин работал в Театральном отделе Наркомпроса. Несколько раз его избирали в состав (ежегодно менявшийся) существовавшей в 20-х гг. Государственной Академии художественных наук.

После окончания гражданской войны дом на Лужниковской стал одним из немногих в то время очагов культуры, хранителей традиций. Сюда организовывались постоянные экскурсии, появился новый, массовый зритель. Коллекции музея изучались, исследовались. Его собрание пополнялось и расширялось самыми разными способами.

Среди недавних поступлений были экспонаты, не только отражающие прошлую, дореволюционную историю театра, но и связанные с современностью, с возникновением нового искусства,— многочисленные театральные афиши времен гражданской войны и первых лет Советской власти, эскизы декораций новых спектаклей, программы, газетные рецензии, фотографии. В музее скапливались материалы и о русском искус-

стве за рубежом. Близкий друг Бахрушина журналист Александр Плещеев, живший в Париже, присылал в музей каждый месяц увесистые бандероли с вырезками из газет, журналами, афишами и программами русских драматических и балетных представлений за границей.

Бахрушин тщательно сортировал, систематизировал эти материалы. С годами он не изменился. Все с тем же неугасающим азартом, все с той же страстью занимался поисками театральных реликвий, стремясь не только сберечь, но и приумножить богатства своего музея. И что интересно — к казенной копейке Алексей Александрович относился с той же бережливостью, что и раньше к собственной. В одном из опубликованных после его смерти некрологов говорилось: «Он считал каждый советский грош и умел на скудные средства бюджета пополнять беспрерывно и без того полные музейные сундуки» [24].

Бахрушин издавна славился искусством организовывать выставки, был непревзойденным мастером этого дела. Но, наверное, самой представительной, удачной, яркой стала развернутая в музее выставка, посвященная десятилетней годовщине революции. Она так и называлась — «Десять лет Октября». Об этой выставке как о большом успехе Бахрушина вспоминал и Луначарский: «Каким именинником выглядел он, когда показывал свой музей, расцвеченный превосходной коллекцией макетов, характеризовавших наше театрально-декоративное искусство за десять лет! Своим глуховатым басом он говорил мне, и глаза его добродушно блестели из-за очков: «Вы знаете, Анатолий Васильевич, нет десятилетия в истории нашего театра,— а я ведь эту историю немного знаю,— которое бы так богато было разнообразной изобретательностью по части театрально-декоративного мастерства» [25].

Вполне радужная картина и, наверное, все так и было. Но вот в архиве находим два документа, которые показывают, что в то же время случались вещи горькие, обидные и очень несправедливые. Об этих документах ни словом не упоминается в статьях и некрологах, посвященных памяти Бахрушина, хотя они относятся как раз к 1929 г.— году смерти Алексея Александровича.

Документ первый — заявление директора Государственного театрального музея А. А. Бахрушина в Замоскворецкую избирательную комиссию (январь 1929 г.):

«Считая неправильным лишение меня избирательных прав в текущую избирательную сессию, прошу Замоскворецкую районную комиссию пересмотреть вопрос и восстановить меня в правах, которыми я пользовался за все время существования Советской власти. Причины, побуждающие меня к изложенной просьбе, таковы:

1. Всю жизнь отдав на дело собирания основанного мной Театрального музея, носящего мое имя, я еще в 1913 году

принес его в дар Государству, передал всю коллекцию и трехэтажный каменный дом Всероссийской Академии наук.

2. Советское правительство, оценив мою деятельность, в 1919 г. присвоило Музею мое имя, включив его в состав научных государственных учреждений.

3. Будучи абсолютно лояльным по отношению к Советской власти, я с первых дней революции встал в ряды лиц, активно содействовавших ее укреплению.

4. За все 11 лет, состоя на государственной службе и неся ряд общественных должностей, я ни разу не подвергался ни административным, ни дисциплинарным взысканиям.

5. Лишение прав является опорочиванием не только лично меня, но и учреждения, носящего мое имя» [26].

Документ второй — выписка из протокола заседания Замоскворецкой избирательной комиссии от 30 января 1929 г.:

«Слушали: заявление гр-на Бахрушина А. А. с просьбой о восстановлении в избирательных правах.

Постановили: лишить» [27].

Представителям «бывших эксплуататорских классов» было отказано в праве принимать участие в общественной жизни страны, даже если они, подобно Бахрушину, с энтузиазмом отдавали себя служению социалистическому строю и приносили реальную пользу.

Весной 1929 г. Бахрушин заболел. Болезнь оказалась смертельной. Но он до последних дней, по словам Луначарского, «с обычной своей скрупулезностью, уже в бреду пользовался моментами прояснения мысли, чтобы давать распоряжения, касающиеся блага музея» [28]. 7 июня его не стало.

В истории театрального музея после кончины его пожизненного директора было немало мытарств. За прошедшие годы от сада, окружавшего дом на Лужниковской, осталось одно воспоминание, уже после войны у музея были отобраны соседние бахрушинские дома, в 60-х гг. намеревались снести и само главное здание — сказочный московский теремок, и только энергичное вмешательство театральной общественности помешало этому. А в 1984 г. при сносе дома, впритык стоявшего к музею, чуть-чуть не завалили и бахрушинское фондохранилище, лишив его опорной стены.

Но рассказ о Бахрушине не хочется кончать на пессимистической ноте. Да для этого, в общем, и нет резона. Его жизнь была благополучна, наполнена большим общественным смыслом. Как писал Луначарский, «он великолепно послужил бессмертию театра, театр обязан ему благодарностью и обязан хранить о нем дорогую память» [29]. Созданный Бахрушиным Театральный музей, которому в 1994 г. минет 100 лет, несмотря на все сложности, продолжает жить. Он постоянно пополняется, ведет огромную научную и просветительскую работу, часто (по бахрушинской традиции) организует выставки — и у нас, в СССР, и за рубежом. В поисках материала сюда приез-

жают исследователи из многих стран мира и городов Советского Союза. Музей по-прежнему носит имя своего основателя. Тем же именем названа и бывшая Лужниковская улица.

Внуков у Алексея Александровича не было; сын Юрий — искусствовед и театральный деятель — и дочь Кира, работавшая переводчицей в Северном морском пароходстве, умерли бездетными. Но в Москве живут потомки других Бахрушиных — врачи, ученые, артисты, рабочие, студенты, пенсионеры. Они имеют все основания гордиться своими предками, творившими благие деяния на пользу родному городу, его жителям, во славу отечественной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 126.

[2] ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 199, д. 82, л. 1.

[3] *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 15.

[4] Каталог книг библиотеки Алексея Петровича Бахрушина. М., 1911. С. 3; см. также: *Иваск У. Г.* Памяти Алексея Петровича Бахрушина (Из воспоминаний библиофила). М., 1904.

[5] Кто что собирает: Из записной книжки А. П. Бахрушина. М., 1916.

[6] *Ежов Н. М.* Записки москвича // Ист. вестник. 1909. № 10. С. 117.

[7] Архив ЦГТМ им. Бахрушина, ф. 2, оп. 1, д. 24, л. 153.

[8] *Пашенная В. Н.* Искусство актрисы. М., 1954. С. 71—72.

[9] Новости сезона. 1909. 22 февр.

[10] Архив ЦГТМ им. Бахрушина, ф. 2, оп. 1, д. 24, л. 189.

[11] Алексей Александрович Бахрушин. Основатель театрального музея. 1865—1921. М., 1969. С. 6.

[12] Там же. С. 7.

[13] Там же. С. 8.

[14] Там же. С. 3.

[15] Новости сезона. 1910. 7 янв.

[16] Архив ЦГТМ им. Бахрушина, ф. 1, д. 846, л. 1.

[17] Алексей Александрович Бахрушин. С. 10.

[18] Кто что собирает: Из записной книжки А. П. Бахрушина. С. 43.

[19] *Филиппов Вл., Медведев Бор.* Театральный музей имени Бахрушина. М., 1955. С. 12.

[20] Архив ЦГТМ им. Бахрушина, ф. 2, оп. 1, д. 24, л. 331.

[21] *Бахрушин Ю. А.* Первый русский театральный музей // Казанский музейный вестник. 1922. № 1. С. 26.

[22] Огонек. 1929. 24 июня.

[23] Вестник театра. 1919. 1—2 и 6—7 февраля.

[24] Лит. газ. 1929. 25 июня.

[25] Огонек. 1929. 24 июня.

[26] Архив ЦГТМ им. Бахрушина, ф. 1, оп. 1, д. 673, л. 1.

[27] Там же, д. 5002, л. 1.

[28] Огонек. 1929. 24 июня.

[29] Алексей Александрович Бахрушин. С. 1.

А. И. Розанов

«...ОТВЕЧАЕТ ЕГО ЛЮБВИ К РОДНОЙ СТАРИНЕ»

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ УСПЕНСКИЙ. 1873—1938

На рубеже XIX—XX вв. в России наблюдался заметный рост интереса к истории Родины. Благодаря невиданному до той поры энтузиазму было собрано колоссальное количество материалов по истории целых регионов, отдельных городов, особенно по истории древней столицы. Краеведением «болели» многочисленные дилетанты, ему отдавали дань маститые ученые.

Александр Иванович Успенский родился 8 марта 1873 г. в селе Венев Монастырь Тульской губернии в семье приходского священника. О детских и отроческих годах Александра Ивановича ничего неизвестно. Атмосферу, окружавшую будущего ученого, можно лишь попытаться представить благодаря тому обстоятельству, что из этой же среды вышли известные писатели народно-демократического направления Глеб Иванович и Николай Васильевич Успенские, которым он приходился племянником. Единственным свидетельством об участии Александра Ивановича в общественной жизни 90-х гг. является документ, сообщающий о работе восемнадцатилетнего юноши в качестве счетчика при однодневной переписи г. Тулы.

Судьбу будущего ученого во многом определило семейное пристрастие к церковной истории. Его родные братья: Михаил Иванович, впоследствии инспектор народных училищ г. Риги, и Василий Иванович — хранитель музея Петербургского археологического института, немало внимания уделяли истории русского церковного искусства.

В 1894 г. А. И. Успенский поступает в С.-Петербургскую духовную академию и параллельно учится вместе с братом Василием в Петербургском археологическом институте. Уже в годы учебы Александр Иванович проявил незаурядные способности к исследовательской работе, поэтому сразу же после окончания обоих учебных заведений, в 1899 г., его пригласили на работу в Московское отделение Общего архива министерства императорского двора (далее: МООАМИД). Должность ахри-

вариуса в придворном ведомстве по тем временам была довольно престижной. Важно отметить, что архив, в котором Александр Иванович начинал свою деятельность и проработал большую часть своей жизни, хранил в себе бесценные материалы по истории русской культуры. Здесь были собраны документы Оружейной палаты, Государевой и Царицыной мастерских палат, Приказа золотых и серебряных дел, Главной дворцовой конторы, Экспедиции кремлевского строения и других учреждений, непосредственно ведавших художественными ремеслами, организовавшими создание и эксплуатацию ныне всемирно известных дворцовых ансамблей. Естественно, что в МООАМИД накопились бесчисленные сведения по истории искусства, архитектуры, истории обеих столиц и их пригородов, истории быта представителей художественной культуры России с XVII до середины XIX в. Причем материалы эти в большинстве своем были не разобраны и не изучены[1]. Благодаря документам, в которые окунулся молодой исследователь, приступив к служебной деятельности, окончательно сложились его научные интересы. Большую часть своих трудов Александр Иванович посвятил истории придворных иконописцев и живописцев XVII столетия и их творчеству.

Работая с малодоступными широкому кругу исследователей документами, А. И. Успенский считал своим долгом как можно шире вводить их в научный оборот. Публикации, подготовленные архивистом, сразу нашли отклик среди ученых и деятелей культуры. К Александру Ивановичу посыпались просьбы отыскать в МООАМИД те или иные материалы, зачастую по тематике, далекой от его собственных научных интересов. Почти все такие просьбы он неизменно выполнял. А. И. Успенский нередко опережал потребности своих коллег-искусствоведов и историков и знакомил их с найденными в архиве документами. В сложившийся таким образом круг деловых связей ученого входили академики А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, А. И. Соболевский, искусствовед-византиевед Е. К. Редин, историк Н. Н. Фирсов, деятели круга «Мира искусства»: А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь, С. П. Дягилев[2].

За свои заслуги перед наукой А. И. Успенский был избран действительным членом Московского археологического общества[3].

Научная деятельность Александра Ивановича была тесно связана с педагогической. Ученый преподавал в качестве приват-доцента истории искусств в Харьковском университете. Кульминацией научной педагогической и организаторской деятельности А. И. Успенского явилось создание и руководство Московским археологическим институтом. Любопытно отметить, что к 1914 г. А. И. Успенский был достаточно популярен в городе: его выбрали присяжным заседателем в Московский окружной суд.

В 1917 г. Казанской духовной академией ему присваивается

степень доктора богословия, а в феврале 1918 г. степень доктора теории и истории искусств Казанским университетом. После Октября в связи с закрытием МООАМИД и Московского археологического института А. И. Успенский остается не у дел. Его имя почти исчезает из научного мира.

Скончался Александр Иванович 31 октября 1938 г. в Москве.

Прожив большую часть жизни в столице, обладая пытливой натурой и призванием исследователя, А. И. Успенский не мог не обратиться к истории города, к его уникальным памятникам. Проходя на службу в архив, который находился в Троицкой башне Кремля, Александр Иванович обратил внимание на крест, помещенный в короне государственного герба над соседней башней — Боровицкой. Непосвященному трудно было догадаться, что крест осеняет утварь и убранство древнейшего в столице храма. Именно в Боровицкую башню они были перенесены после того, как в 1847 г. церковь Иоанна Предтечи, нареченная в народе «Спасом на Бору», была разрушена. В бездонном море документов МООАМИД А. И. Успенскому удалось найти материалы, проливающие свет на печальную судьбу памятника. Затем с помощью придворного ключаря он проник внутрь Боровицкой башни и осмотрел то, что осталось от церкви, найдя эти остатки в весьма плачевном состоянии. Как результат этого происшествия появилась работа «Судьба первой церкви в Москве» [4]. С докладом на эту тему А. И. Успенский выступил 8 ноября 1900 г. в церковно-археологическом отделе Общества любителей духовного просвещения. Возможно, тогда и родилась идея создания специальной комиссии, которая могла бы описывать гибнущие памятники церковной старины, сопровождая эти описания архивными изысканиями. Идея эта обсуждалась на заседаниях отдела, и после утверждения в соответствующих инстанциях Комиссия по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии под председательством Успенского приступила к работе. Об Успенском — председателе комиссии — Е. К. Редин писал: «...род службы и принятых им на себя обязанностей вполне отвечает его любви к родной старине» [5]. В состав комиссии входили историки, искусствоведы, архитекторы, иконописцы и священники. Каждому члену комиссии выдавалось специальное разрешение на осмотр храмов. Церковно-археологическим отделом была разработана программа таких осмотров, причем в первую очередь намечалось изучение памятников, находящихся под угрозой гибели. Члены комиссии описывали не только здания, стенопись и иконы, исследовалась утварь, одежда, богослужебные книги, надгробия церковных кладбищ. Результаты осмотров протоколировались. Затем проводились документальные исследования по истории архитектурных сооружений, атрибутировались произведения искусства. При этом составлялась история прихода той или иной церкви, собирались сведения о событиях в жизни города,

легенды и предания, с ней связанные. Все это незамедлительно публиковалось в «Трудах» комиссии [6].

По мере роста авторитета комиссии в нее привлекались более значительные фигуры: Виктор Михайлович Васнецов, историк Юрий Владимирович Готье, Егор Кузьмич Редин, композитор, регент Московского синодального хора Александр Дмитриевич Кастальский. Расширялся и круг деятельности комиссии. В ее изданиях публиковались искусствоведческие работы по иконописи, труды по истории русского церковного пения. Члены комиссии производили экспертизу вновь построенных храмов. Небезынтересно отметить, что под эгидой комиссии иконописцем В. П. Гурьяновым была произведена первая расчистка «Троицы» Андрея Рублева.

На страницах «Трудов» Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии перу А. И. Успенского принадлежат работы «Церкви села Измайлова» и «Церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневке». Статья «Церкви села Измайлова» открывается перечнем десятков имен мастеровых, принимавших участие в строительстве и украшении Покровского собора. Александр Иванович не пожалел бумаги, чтобы представить потомкам поименно тех, кто в XVII в. создавал памятник. Благодаря этому уже не анонимные умельцы приходят на ум при взгляде на колоссальное сооружение, а московские иконописцы первой статьи Семен Павлов, Ефим Прокофьев, третьей статьи — Любим Иванов, Потап Палчевский, живописцы Сергей Рожков и Василий Познанский, кузнецы Пронка Камаев и Андрюшка Трофимов, токарного дела мастер Алешка Васильев, даже терщик красок Федор Иванов и многие другие. Далее мы можем проследить поэтапно, по помещенным в статье выдержкам из документов XVII в., весь процесс украшения храма. В заключение приводится описание убранства и росписи Покровского собора, которые в начале XX в. еще можно было видеть и изучать. Бесценно для нас содержащееся в статье описание церкви Иоасафа-царевича, от которой ныне остались лишь фундаменты. Работа «Церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневке» предварена развернутым исследованием по истории и топонимике «Берсеневских Садовников» — части Москвы, где находился храм и стоящие рядом с ним палаты дьяка Аверкия Кириллова (теперь в них размещается НИИ культуры Министерства культуры СССР). Судьбу церкви Александр Иванович увязывает с грозными историческими событиями, свидетелем которых она была: стрелецкий бунт 1682 г., пожар 1812-го. Рассказ этот сопровождается волнующими документальными материалами. Предметы, находившиеся в церкви, описанные в статье: иконы, утварь, книги, надгробия, предстают перед нами осязаемыми «вещественными доказательствами» минувших катаклизмов.

История города неизменно проступает и на страницах

главного труда А. И. Успенского — «Царские иконописцы и живописцы XVII века» [7]. Эта сложная по составу и многоаспектная по характеру исследования работа содержит в себе, кроме всего прочего, историю создания живописного убранства многих выдающихся московских памятников культуры: кремлевских соборов, церкви Покрова в Филях и др. Кроме этого, многотомник Успенского представляет уникальные данные о быте своеобразнейшего слоя населения Москвы в XVII в. — государевых кормовых и жалованных иконописцев, продолжая в этом направлении труды известного историка И. Е. Забелина. Иконописцы, привлеченные на царскую службу, были на особом положении. Судить их могло только руководство Оружейной палаты. Во второй половине XVII в. Оружейной палатой ведал видный государственный деятель Богдан Матвеевич Хитрово. А. И. Успенский приводит любопытнейший документ о попавшемся на воровстве книг иконописце. В силу действовавшего законодательства из-под «предварительного следствия» в Земском приказе проворовавшегося художника передали на суд в Оружейную палату: «...и его Фильку из Земского приказа взять, чтоб ему, сидя в Земском приказе в железах, в конец не погинуть и на правеже понапрасну замучену не быть...» Боярин же Хитрово присудил «его Фильку... послать в государево дворовое село Коломенское к хоромному письму».

Все государевы жалованные и кормовые иконописцы были грамотны. В бесчисленных просмотренных документах А. И. Успенский лишь однажды встретил запись о некоем живописце Тимофее Резанцове, которая свидетельствует, что «в его место расписался иконописец Василий Леонтьев, по его велению, что он писать не умеет».

Иконописцы принимались на службу или в обучение ремеслу с ведома царя и по его приказу. Царствовавшие тогда Алексей Михайлович и Федор Алексеевич были большими знатоками и ценителями икон. При принятии иконописца на службу за него должны были поручиться авторитетные мастера. «...Мы поручики — поручимся есьми Оружейной палаты приставу Григорию Иванову по иконописце Андрею Ильине в том, что быти ему в Оружейной палате в жалованных иконописцах и, будучи ему Андрею за нашего порукою у государева дела в иконописцах, всегда с братьею беспрестанно и не пить, и не бражничать, и не ослушаться, и всегда быти готову»,— гласит «поручная запись по жалованном иконописце Андрее Ильине». Иногородние мастера, приглашенные в Москву, обеспечивались жильем за счет казны. Успенский приводит жалобу царю костромича Сергея Рожкова: «...взят я холоп твой в жалованные иконописцы. А дворишка у меня, холопа твоего, нет, скитаюся с детишками своими четвертый год меж дворы и пристанища себе не имею, а найму даю за пожилое рублев по семи и больше». После рассмотрения этой челобитной в Оружейной палате ему прискали для постройки дома участок.

По мнению А. И. Успенского, первый музей в Москве существовал еще в XVII в. Он имел в виду бывшую при Московском дворце Образную палату — особое помещение, где хранились кресты и другие предметы, принадлежавшие царской семье, не поместившиеся в придворных церквах и на стенах жилых комнат, т. е. своего рода запасник. Александр Иванович приводил сведения об использовании этого собрания в учебных и познавательных целях, утверждая, таким образом, что Образная палата не была ни культовым, ни жилым помещением, а выполняла функции, близкие к функциям современного музея [8].

Авторитет А. И. Успенского как знатока московской старины заставил обратиться к нему Московскую контору Святейшего синода. В ведении этого учреждения находились уникальные памятники культуры: кремлевские соборы, Синодальная библиотека и Патриаршая ризница. Александр Иванович был приглашен в различные комиссии Синодальской конторы, занимавшиеся реставрацией, описанием и изучением этих ценнейших объектов. Особенно продолжительной была его работа в комиссии по реставрации Большого московского Успенского собора — с 1910 по 1917 г. Интересно отметить, что после Февральской революции работу в этой комиссии продолжал специально созданный Совет по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора.

Последние два десятилетия своей жизни, до тех пор, пока его не приковала к постели болезнь, Александр Иванович занимался преимущественно педагогической деятельностью. История Москвы крайне редко появлялась в его немногочисленных работах 20 — 30-х гг. Остается загадкой, почему Александр Иванович не участвовал в работе действовавших после Октябрьской революции Общества изучения Московской губернии и комиссии «Старая Москва» [9]. Ведь там нашли себе поле деятельности многие его коллеги из Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, Московского археологического института, в том числе его брат Михаил Иванович. Все же нельзя сказать, что А. И. Успенский оставил краеведение вовсе. При содействии председателя Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Н. Н. Фирсова, с которым Успенского связывала многолетняя дружба, выходят в свет ряд статей Александра Ивановича о татарском прикладном искусстве. Статья «Памятники древнетатарского военного искусства в Московской Оружейной палате» открывает еще одну страницу в истории этой старейшей, по выражению А. И. Успенского, «академии художеств» Москвы [10].

Следует отметить, что в 30-е гг. нашего столетия отечественное краеведение было ориентировано в основном на прошлое не столь отдаленное и касалось по большей части истории революционного движения, промышленности, ремесел, быта

трудящихся классов, но никак не церковного искусства. Последняя опубликованная статья А. И. Успенского, помещенная в журнале «Советское краеведение»,— «Из истории металлургического дела на территории СССР» отражала эти веяния[11]. Как всегда, основанная на архивных материалах, эта работа не обошла вниманием и столичных мастеров: рудознатцев, литейщиков и кузнецов XV—XVII столетий.

Бесчисленные сведения и интересные наблюдения по истории столицы рассыпаны в трудах, в обширной эпистолярии Александра Ивановича Успенского. Наследие его как историка Москвы, его творчество в целом ждут своего исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об истории МООАМИД см.: *Дремина Г. А.* Центральный государственный архив древних актов СССР// Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та. М., 1958. Т. 11. С. 291—363.

[2] Материалы биографического характера и обширная переписка А. И. Успенского хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в его личном фонде: ф. 434. Александр Иванович Успенский.

[3] Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). М., 1915. Т. 2. С. 378.

[4] *Успенский А. И.* Судьба первой церкви на Москве. Реферат, читанный 8 ноября 1900 г. в заседании церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения. М., 1901.

[5] ОР ГБЛ, ф. 434, к. 1. е. х. 1, л. 47.

[6] Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Московская церковная старина: В 4 т. М., 1904—1911.

[7] *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века// Записки Императорского моск. археологического ин-та. М., 1913. Т. 1; 1910. Т. 2; 1914. Т. 32; 1916. Т. 39.

[8] *Успенский А. И.* Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII веке. М.: О-во истории и древностей российских, 1902.

[9] Об Обществе изучения Московской губернии и комиссии «Старая Москва» см.: Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). К методике изучения истории советского исторического краеведения/ Сост. С. Б. Филимонов. М., 1980.

[10] *Успенский А. И.* Памятники древнетатарского военного искусства в Московской Оружейной палате// Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 1—14.

[11] *Успенский А. И.* Из истории металлургического дела на территории СССР// Сов. краеведение. 1934. № 9. С. 41—44.

Список работ А. И. Успенского

Очерк церковных древностей города Риги// Тр. X археологического съезда. М., 1900. Т. 3. С. 139—218 (Совместно с В. И. Успенским).

К истории иконостаса Успенского собора в Москве// Древности. М., 1901. (Тр. Императорского моск. археологического о-ва. Т. 18). С. 27—42.

О художественной деятельности евангелиста Луки: Реферат, читанный 8 ноября 1900 г. в заседании церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения. М., 1901.

Судьба первой церкви на Москве: Реферат, читанный 8 ноября 1900 г. в заседании церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения. М., 1901.

Владимирская икона Богоматери в Успенском соборе. М., 1902.

Житие св. Николая Чудотворца. Переводы из собрания В. П. Гурьянова. М., 1902.

Интересные памятники иконостаса: а) строгановская икона и б) складень, писанный на дереве от раки преп. Сергия// Древности. М., 1902. (Тр. Императорского моск. археологического о-ва. Т. 19. Вып. 3). С. 116—120.

Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII веке. М.: О-во истории и древностей российских, 1902.

История стенописи Успенского собора в Москве//Древности. М., 1902. (Тр. Императорского моск. археологического о-ва. Т. 19. Вып. 3). С. 47—70.

Переводы с древних икон, собранные и исполненные иконописцем и реставратором В. П. Гурьяновым. М., 1902.

Иконы церковно-археологического музея Общества любителей духовного просвещения. М., 1904—1908. Вып. 1—3.

Описание Саввино-Сторожевского монастыря//Худож. сокровища России. Спб., 1904. Вып. 5. С. 61—68.

Писание о зачинании знак и знамен или прапоров (По рукописи XVII в.). М.: О-во истории и древностей российских, 1904.

Церкви села Измайлова// Тр. комис. по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Моск. епархии. М., 1904. Т. 1.

Деяния св. апостола Петра. Переводы с икон XVII в. 6 икон из собрания В. П. Гурьянова//Там же. М., 1905. Т. 3. Вып. 1.

Житие св. Ионы, митрополита московского. Перевод с иконы 1644 года. Яков Тарасов (клейма)//Там же.

Иконописание в России до 2-й половины XVII в.// Золотое руно. 1906. № 7—9. С. 21—33.

Фрески паперти Благовещенского собора в Москве//Там же. С. 41—49.

Влияние иностранных художников на русское искусство во 2-й половине XVII в.//Там же. С. 55—65.

Живописец Василий Познанский, его произведения и ученики// Там же. С. 75—88.

Русский жанр XVII века// Там же. С. 89—97.

Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVII — XIX вв. бывшего архива Оружейной палаты. М., 1906.

Очерки по истории русского искусства. Древнерусская живопись (XV — XVII вв.). М., 1906.

Царские иконописцы в XVII в.: Материалы, извлеченные из документов Московского отделения общего архива министерства императорского двора. Спб., 1906. Вып. 1.

Церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневке//Тр. комис. по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Моск. епархии. М., 1906. Т. 3. Вып. 2.

Стенопись Благовещенского собора в Москве// Тр. Комис. по сохранению памятников. М., 1909. Т. 4. С. 153—177.

Очерки по истории русского искусства. Русская живопись до XV века включительно. М., 1910. Т. 1.

Древнерусский буквенный орнамент//Тр. церковно-археологического отд. при О-ве любителей духовного просвещения. М., 1911. Вып. 1. С. 1—34.

Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. М., 1912—1914. Вып. 1—3.

Словарь художников в XVIII веке, писавших в императорских дворцах. М., 1913.

Царские иконописцы и живописцы XVII века// Зап. Императорского моск. археологического ин-та. М., 1913. Т. 1; 1910. Т. 2; 1914. Т. 32; 1916. Т. 39.

Словарь патриарших иконописцев. М., 1917 (Зап. Императорского моск. археологического ин-та. Т. 30).

Памятники древнетатарского военного искусства в Московской Оружейной палате//Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 1—14.

Из истории металлургического дела на территории СССР// Сов. краеведение. 1934. № 9. С. 41—44.

А. В. Иванкив

«СВОЮ ЛЮБОВЬ К МОСКВЕ ОТДАЮ ЮНОМУ ПОКОЛЕНИЮ»

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ САЛАДИН. 1876—1918

Имя этого человека мало кто знал в его время, и это вполне понятно. Пик его жизнедеятельности приходится на смутные предреволюционные годы, когда на фоне российских мыслителей, решающих «вселенские» задачи, терялись даже маститые имена, не говоря уже о «простых смертных». И все же этот незаметный железнодорожный служащий достоин того, чтобы о нем вспомнили.

Алексей Тимофеевич Саладин принадлежит к плеяде русских «самородков». Все его разносторонние дарования — а он был талантливым художником, фотографом, каллиграфом, писателем-очеркистом, краеведом — слились в нем единым и глубоким чувством любви к красотам «земли русской».

А. Т. Саладин родился 19 мая 1876 г. в Тверской-Ямской слободе города Москвы в семье выходцев из крестьянской среды[1]. После окончания Новиковского-Ямского начального училища в 1888 г.[2] Саладин делает попытку поступить в гимназию, но подготовки явно было недостаточно, и он терпит неудачу на одном из экзаменов. Подростку из многочисленной семьи выбирать не приходилось. Он работает мальчиком в типографии, наборщиком и т. д.[3] Тяга к знаниям заставляет его все чаще браться за книги. После нескольких лет упорного самообразования Алексей Саладин сдает экзамены на курсы по подготовке сельских учителей и в 1896 г. получает свидетельство на право преподавания в школе[4]. В этом же году Московский уездный округ утвердил его на должность преподавателя в одном из подмосковных сел. Но учительствовать ему пришлось недолго. Из-за своего участия в «народных чтениях», которые превращались в острые политические дискуссии, Саладин попадает в число «неблагонадежных». Лишившись места учителя, он перебирается на жительство поближе к Москве, на станцию Люберцы, и устраивается работать в управление Московско-Казанской железной дороги.

Несмотря на то что он занимал одну из самых низших ступе-

ней в железнодорожной иерархии (был помощником делопроизводителя), Саладин был замечен на службе. Один из его сослуживцев так характеризует Алексея Тимофеевича: «На службе... он был идеально порядочным и аккуратным... Его порядку в делах, его системе работы все удивлялись, и в этом отношении начальство ставило его очень высоко, ценило его острый, здоровый ум, быстроту догадок, сообразительность в положениях, требующих особого подхода...» [5]

Внешним обликом этот человек с бородкой и в пенсне представлял собой типичного интеллигента-земца. «Это был уже по самой своей внешности интересный человек. Худощавый, среднего роста, широкой кости, брюнет, в пенсне, очень просто одетый, всегда в черное. Он походил на типичного шестидесятника из литературной богемы. По натуре не особенно разговорчив, но и в себя на людях не замыкался и любил бывать зачинателем всяких бесед и споров, но, начав разговор, больше слушал, чем говорил. Говорил он тихо, осторожно, выслушивая собеседника, стараясь раскусить его «нутро», узнать в нем интересного или неинтересного человека... Был по взглядам на жизнь и общество полным анархистом, свободу мысли и действия ставил превыше всего» [6].

Обладая и «сверхидеалистическими» взглядами на жизнь, он неминуемо должен был остро реагировать на происходящие вокруг него события. Вот отрывок из стихотворения, написанного им в то время:

...Все создано плетью, слезами полито,
Проклятьями воздух вокруг напоен,
И сколько здесь жизней напрасно разбито
В позорные годы тяжелых времен...[7]

Близко зная одного из руководителей Октябрьской политической стачки на Московско-Казанской железной дороге А. В. Ухтомского, Саладин участвовал в распространении листовок среди железнодорожников. Репрессии, обрушившиеся на участников восстания, коснулись и его. По доносу он был посажен в Бутырку, в которой просидел с 20 января по 20 февраля 1906 г. [8] В связи с отсутствием доказательств его участия в революционных событиях Саладин был освобожден из тюрьмы, но направлен в село Рыбное Рязанской губернии под надзор полиции. В середине 1908 г. вместе со своей семьей он перебирается в Рязань, где работает письмоводителем на станции Рязань-Сортировочная. 5 августа 1909 г. после двухлетней ссылки Саладин возвращается в обжитые им края. Он поселился в селе Раменском, где прожил до конца своих дней, работая мелким чиновником на железнодорожной станции. Умер А. Т. Саладин 18 июля 1918 г. Был похоронен на местном кладбище. Могила его не сохранилась.

Оставшиеся материалы, которые можно было бы отнести к личному архиву Саладина, не дают возможности проследить все этапы его жизни и творчества в полном объеме. Собственно, и такого архива теперь не существует. Часть личных документов была передана его сыном Германом Алексеевичем Саладиным в Раменский краеведческий музей. Наиболее ценные документы хранятся у внука Саладина — Бориса Германовича. Часть материалов — в коллекции раменского краеведа Валерии Валентиновны Лобановой, мать которой была близко знакома с семьей Саладина: несколько фотоальбомов, разрозненные фотографии, а также один из экземпляров рукописной книги «Прогулки по кладбищам Москвы». Библиотека, собранная Алексеем Тимофеевичем, безвозвратно утеряна. После смерти Саладина его жена была вынуждена продавать книги, чтобы хоть как-то прокормить семью. Мать В. В. Лобановой рассказывала об обысках, которым подвергался дом Саладина сначала в 1905 г., а затем уже в 20-е гг. по подозрению в связях с левыми эсерами, и конфискации рукописей.

В ЦГАЛИ хранятся несколько очерков Саладина, посвященных истории Дома Герцена в Москве, подмосковного села Захарово, где часто бывал Пушкин, имеется и экземпляр стихотворения, отрывок из которого был приведен выше. Эти материалы отложились в фонде известного литературного деятеля Ивана Алексеевича Белоусова (1863—1930). В этом же фонде 19 писем Саладина, адресованных Белоусову. Письма относятся к 1917—1918 гг., периоду наиболее яркого творческого подъема в жизни Алексея Тимофеевича. В фонде Белоусова отложились и воспоминания о Саладине, написанные его близким знакомым Василием Васильевичем Горшковым. Воспоминания датированы 1925 г. Также в ЦГАЛИ, в фонде писателя и библиографа Николая Сергеевича Ашукина (1890—1972), хранится экземпляр рукописной книги «Прогулки по кладбищам Москвы» [9]. Упоминание об Алексее Тимофеевиче можно найти в книге И. А. Белоусова «Литературная Москва», вышедшей в свет в 1926 г.

Все свободное время Саладин посвящает изучению своего любимого московского края, стремится передать эти знания людям: «...бесконечно рад частицу моей любви к родной Москве передать другим, в особенности молодому поколению. Это будет лучшей наградой, а никакой другой мне не надо» [10].

По всей видимости, увлечение краеведением у Саладина началось после приобретения недорогой фотоаппаратуры и создания своей маленькой студии «Саладин и К^0» в 1902 г., которая специализировалась на фотографировании и распространении снимков с видами Москвы и ее окрестностей. В свободное от работы время Саладин путешествует по Подмосковью, делает фотографии старых усадеб, церквей, деревенских погостов. Взвалив на себя неудобную тяжелую фотокамеру, он отправлялся в путь. В письме к И. А. Белоусову Саладин так описывает свои

путешествия: «А эти скитания иногда стоят мне большой затраты сил. Так недавно я прошел около 40 верст в один день по неизвестной мне ...дороге» [11]. Он сталкивался и с другими трудностями. В годы первой мировой войны неизвестного человека, который бродил по дорогам и что-то фотографировал, вполне могли принять за немецкого шпиона со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Съемки в Москве были запрещены. Алексей Тимофеевич не раз обращался к городским властям для получения необходимого разрешения. Результатом его путешествий по подмосковным просторам явились изготовленные изящные альбомы. Автор умело группировал снимки, создавая художественные композиции, которые дополнялись оригинальным оформлением. Прочный ручной переплет, выполненный автором, гарантировал долгую жизнь этим маленьким шедеврам. До нас дошла лишь незначительная часть таких альбомов: «По пригородам Москвы» (1902), «По Москве» (1910), «Некрополи Москвы» (1915—1918).

Одновременно с увлечением фотографированием Саладин собирает материалы по истории Подмосковья. В предвоенные годы он уделяет особое внимание изучению Бронницкого уезда. Написанные им небольшие очерки вылились в создание путеводителя, который был опубликован в 1914 г. в Москве [12]. Это была его единственная крупная работа, увидевшая свет. Сейчас путеводитель является библиографической редкостью *.

В предисловии Саладин пишет: «...при экскурсиях, прогулках и просто с целью ознакомления с окрестностями, хотя бы своего поселка, необходимо иметь такой материал, который всегда был бы под рукой в виде карманной книжечки, не заключающей в себе ничего лишнего и ненужного» (5).

В путеводитель вошло историко-географическое описание пригородов Москвы: Москва-Пассажирская, Сокольники, Перово, Вешняки, Косино и т. д. Для удобства пользования Саладин включил в книгу максимум сведений о Казанском вокзале, дал историю Московско-Казанской железной дороги. В конце путеводителя помещены правила пользования пригородными поездами и таблица стоимости билетов. Такое комплексное размещение материала сделало путеводитель практичным в использовании.

К началу века распространенным стал принцип «работать в городе, а жить в деревне». Этому явлению способствовало и быстрое развитие железнодорожного транспорта. Уже в 1913 г. была пущена первая электричка, прокладывались новые пути специально для пригородных поездов. «Часы прибытия поездов в Москву и возвращения обратно согласованы с началом и окончанием занятий в различного рода учреждениях. Поэтому утром и вечером дачные поезда идут один за другим пачками с интервалом до 5 минут. Весной, во время переезда на дачи, и осенью,

* Далее указание страниц путеводителя приводится в скобках.

во время отъезда, вводятся в расписание особые поезда для перевозки дачной клади на льготных условиях» (13).

Бурное развитие города и соответственно железнодорожного транспорта способствовало быстрому освоению дачной местности вблизи Москвы. Начинается строительство небольших уютных домиков в живописной местности Бронницкого уезда. Автор пишет: «Дача — не мода и не безразличное удовольствие, а потребность нашего организма, нуждающегося хотя бы время от времени в чистом и богатом кислородом воздухе, солнце, купании в хорошей, не зараженной воде» (18). Саладин дает некоторые советы по выбору места для строительства дач, планировке комнат, устройству палисадников.

Переходя к краеведческому описанию окрестностей, автор начинает с тех станций, которые для нас уже давно стали неотъемлемой частью Москвы. Иногда Саладин пытается заглянуть в будущее. Рассказывая историю Сокольников, он пишет: «...теперь — это заповедная роща. Пройдут десятки лет, город окружит рощу своим кольцом, но никто не посмеет коснуться ее великанов-деревьев» (27). Автор детально описывает архитектурные сооружения в Сокольниках. Например, здание Покровской общины сестер милосердия, церковь Покрова Богородицы, Мещанскую богадельню. «Церковь Покрова Богородицы сооружена в 1627 году при Михаиле Федоровиче в память победы над поляками. Она является прототипом так называемых одноглавых безстолповых храмов и представляет ценный памятник древнего зодчества. Но, к сожалению, церковь не сохранилась в первоначальном виде: заложена кирпичом двухъярусная галерея, уничтожены крыльца и звонница. В ограде церкви небольшое кладбище со множеством лампочек над могилами, тихо мерцающих темной ночью. Маленькая черточка, но как много в ней чего-то особенного московского!» (28—29).

Свое творчество Саладин посвящает юному поколению России. Через всю переписку с И. А. Белоусовым проходит мысль о необходимости с детских лет прививать любовь к изучению своего края, стремиться в доходчивой форме доносить эти знания. Любовь к путешествиям, стремление впитать красоты русской земли, умело рассказать о них и показать приводят его к мысли о проведении «загородных прогулок», которые являлись бы в нашем понимании самыми настоящими экскурсиями. В воспоминаниях, оставшихся от его родственников, упоминается, как Алексей Тимофеевич часто ставил на лыжи все свое семейство (у него было четверо детей), собирал соседских ребятишек и отправлялся вместе с ними на прогулку, сопровождая ее интересными и доступными рассказами. Ребята ждали с нетерпением таких дней. Алексей Тимофеевич считал необходимым внедрение такой формы изучения истории повсеместно, для всех возрастных и социальных групп населения. Своими небольшими очерками он пытался заполнить острую нехватку такого рода литературы. Саладин пишет: «...Ведь так нужны та-

кие книги, особенно теперь, когда, с одной стороны, нам необходимо познать самих себя, а с другой, когда потребность в культурных прогулках так назрела, так важно бороться такими средствами с появившимся одичанием... У нас почти нет подобной литературы» [13].

Вершина творчества Саладина приходится на 1917 г. Благодаря своему знакомству с И. А. Белоусовым он получает возможность публиковаться в периодических журналах. Это явилось и творческим стимулом для него. За лето 1917 г. Саладин написал около 10 очерков: «По народной тропе» (Ярославское шоссе), «Скорбный путь» (Владимирка), «Царская усадьба XVII века» (Коломенское), «Усадьба вельможи XVIII века» (Кусково) и ряд других. В журнале «Юная Россия» начал печататься цикл очерков «Прогулки под Москвой», сопровождающийся фотографиями автора. В следующем году очерки Саладина появляются в известном краеведческом сборнике, выходившем под редакцией И. А. Белоусова, «Дорогие места».

Обладая, с одной стороны, независимым характером, а с другой — редкой скромностью, Алексей Тимофеевич публикуется совершенно бескорыстно, не надеясь на вознаграждение. Сохранившиеся воспоминания о нем, его переписка служат убедительным доказательством этих качеств Саладина. В его письмах к Белоусову повторяются одни и те же настроения: «...ни в какие денежные сделки я входить с Вами ни за что не соглашусь... И, вообще... мне крайне тяжело связывать с деньгами ту пустяковую работу, которую я делаю в часы досуга и которая мне служит лишь удовольствием, отдыхом» [14]. Часто Саладин обращался к редактору с просьбой его гонорар заменить несколькими экземплярами журналов.

Тогдашний председатель правления Московско-Казанской железной дороги Н. К. фон Мекк, ознакомившись с изданным его подчиненным путеводителем, захотел познакомиться с Саладиным и компенсировать его расходы. Он был крайне удивлен, когда помощник делопроизводителя отказался не только от денег, но даже от встречи с ним [15].

Из трех рукописных книг, приготовленных им к печати: «Прогулки по Москве», «Прогулки по окрестностям Москвы», «Прогулки по кладбищам Москвы», до нас дошла лишь последняя. В фонде Н. С. Ашукина имеется пояснительная записка, вложенная в книгу «Прогулки по кладбищам Москвы» его женой Марией Григорьевной, в которой она рассказала историю приобретения рукописи хозяином фонда: «Автор этой книги принес ее Ашукину с просьбой помочь опубликовать, но Ашукин отказался за неимением возможности. Саладин страшно расстроился, так как очень бедствовал. Кончилось тем, что Ашукин купил ее. Даже эта поддержка обрадовала его» [16]. Видимо, обратиться к Ашукину с этой просьбой его вынудили крайние обстоятельства. Алексей Тимофеевич возлагал на свою книгу большие надежды, ведь в нее был вложен огромный труд. Саладин

пишет: «В конце августа (1917 — *А. И.*), пользуясь Вашим любезным разрешением, доставлю значительно дополненную рукопись «Прогулки по кладбищам Москвы», над которой так же усиленно работаю почти каждый день... Вообще спешу из-за всех сил, снимаю и пишу без отдыху...» [17] После изнурительной работы рукопись была выслана Белоусову. Далее сведения об этом экземпляре книги отсутствуют. По всей видимости, Белоусов оказался не в силах «пробить» в печать объемную рукопись. Обращение к известному уже тогда литератору Н. С. Ашукину было последней надеждой Саладина.

«Прогулки по кладбищам Москвы» насчитывает 335 страниц. Ее характерная особенность: все работы по ее созданию (написание, печатание, художественное оформление, переплет) выполнены самим автором. Рукопись состоит из введения и 26 небольших очерков, каждый из которых посвящен одному из московских кладбищ: Лазаревскому (15—30), старому Лютеранскому (30—35), Пятницкому (35—54), Черкизовскому (54—62), Преображенскому (62—65), Алексеевского монастыря (65—76), Семеновскому (76—81), Семеновскому военному (81—83), Иноверческому на Введенских горах (83—95), Спасо-Андроникова монастыря (95—101), Покровского монастыря (101—108), Новоспасского монастыря (108—112), Рогожскому (112—117), Калитниковскому (117—121), Симонова монастыря (121—133), Даниловского монастыря (133—158), Даниловскому (158—166), Новодевичьего монастыря (166—196), Донского монастыря (196—232), Дорогомиловскому (232—236), Еврейскому (236—242), Ваганьковскому (242—297), Армянскому (297—299), Братскому (299—303), Скорбященского монастыря (303—312), Миусскому (313—317). Очерки содержат краткий исторический обзор каждого кладбища, рассказ о наиболее известных лицах, погребенных там. Рукописная книга снабжена двумя алфавитными указателями: фамилии упомянутых в тексте погребенных и перечень наиболее ценных художественных надгробий.

Автор дает подробные описания некоторых надгробий. Такая схема описания кладбищ приобретает из года в год все больший интерес. Автор рассказывает о кладбищах, многие из которых были уничтожены после 1917 г. (кладбища Алексеевского, Покровского, Симонова монастырей, городские кладбища — Лазаревское, Братское, старое Лютеранское и ряд других); на сохранившихся кладбищах огромное количество памятников либо утеряно, либо разрушено.

Саладин пытается своей книгой приобщить своих современников к более глубокому изучению истории и культуры. В предисловии он пишет: «...если дороги труды человека, близки и его убеждения, то дорог и близок он сам. Могилы таких людей — это тоже родные могилы» (5).

В книге имеются упоминания более чем о 200 исторических лицах, погребенных на кладбищах Москвы. Для написа-

ния своих очерков Саладин использует разнообразные источники: от легенд, ходящих в народе, даже анекдотов, до сугубо научной литературы. Но автор всегда пытается выбрать наиболее яркие, запоминающиеся примеры. Явное предпочтение Саладин отдает деятелям литературы и искусства. Вот такое описание могилы А. П. Чехова: «На ней гладкий простой камень под скатной кровлей с тремя главками. Такие памятники-часовни ставит русский народ на перекрестках, при выезде из сел и деревень необъятного севера России» (187). Трогательно Саладин рассказывает о могиле великого русского художника-пейзажиста А. К. Саврасова, который скончался в 1897 г.: «Крест наклонился назад, могильный холмик примят и зарос травой. Ни венков, ни останков их, никаких следов, что могила посещается» (248).

Большое место в рукописи уделено могилам публицистов народнического направления. На Ваганьковском кладбище описывается могила М. А. Воронова (1840—1873), автора многочисленных очерков, посвященных жизни простых людей. Рядом с ней расположена могила Н. М. Астырева (1857—1894), автора крестьянских очерков «В волостных писарях», где образы жителей провинции выведены без идеализации, с высвечиванием всего мрачного и темного, что существовало в их быте. Автор указывает и могилу представителя народнического течения в литературе Н. Н. Златовратского (1845—1911). Свою фамилию он получил от деда, который был дьячком в церкви при Золотых воротах во Владимире. Златовратский прославился своими очерками и повестями из быта народа: «Крестьяне присяжные», «Деревенские будни» и ряд других (251).

А. Т. Саладин не забывал упомянуть и уже теряющиеся могилы: «Перед памятником А. И. Левитова одиноко стоит всеми забытый маленький цинковый крест на почти сравнявшемся с землей могильном холмике. На кресте еще можно прочесть надпись: «Писатель Николай Васильевич Успенский, скончавшийся 21 октября 1889 года». Быть может, никто из его товарищей-народников не видел такой крайней нужды, такой неблагодарности общества, как Н. В. Успенский. Он одним из первых начал писать о народе без всяких прикрас, приглашая полюбить его «черненьким». Это вызвало тяжелое впечатление, и Успенского обвинили в намеренной тенденции очернить народ, от него отшатнулись» (278).

На Ваганьковском кладбище автор указывает и могилу знаменитого русского художника В. И. Сурикова (1848—1916). Саладин приводит цитату из статьи М. В. Нестерова, напечатанной в «Русских ведомостях» в 1916 г.: «На каждой исторической картине Сурикова трепещет жизнью народная масса. Народ, а не герои делают историю, или, лучше сказать, народ-то и есть главный герой исторической драмы — вот первое, чему учит Суриков» (256).

На кладбище Симонова монастыря погребен Д. В. Веневити-

нов. Саладин приводит небольшой отрывок из пьесы Веневитинова «Поэт и друг», которая ярко обрисовывает образ поэта:

Природа не для всех очей
Покров свой темный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил! (123)

На Пятницком кладбище выделена могила графа Ф. В. Ростопчина (1763—1826), главноначальствующего Москвы в тяжелый 1812 год. На каменной плите начертана эпитафия, сочиненная Ростопчиным, «любившим такие коротенькие посвящения самому себе»: «Он в Москве родился и ей пригодился» (52).

На кладбище Донского монастыря автор указывает на могилу князя С. Н. Трубецкого (1862—1905), первого избранного ректора Московского университета. Саладин приводит речь В. И. Вернадского на похоронах Трубецкого: «В это время рос и воспитывался дух маловерия в историческую роль русского народа, тяжелым вековым трудом и страданиями создавшего великую мировую культурную силу... В это время ярко засияла светлая личность Сергея Николаевича. Быстро засияла на всю Россию и так же быстро загасла. Хрупкая, тонкая жизнь надорвалась в тяжелой обстановке современности» (220). Саладин отмечает и могилу известного писателя-философа князя В. Ф. Одоевского (1804—1869), автора «Русских ночей».

Не проходит Саладин мимо могил знаменитых историков России: Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского, философов: П. Я. Чаадаева, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, В. С. Соловьева. Т. Н. Грановский был похоронен на Пятницком кладбище в 1855 г. Саладин относится с большой любовью к личности этого человека, посвящая ему несколько страниц описания. Автор приводит строки из пьесы Некрасова «Медвежья охота», которая была посвящена Грановскому:

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ, чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг истины, добра и красоты! (38).

Рядом с могилой Грановского находится серый полированный камень с крестом. Здесь в 1886 г. был погребен Н. Х. Кетчер, «врач по профессии, вечный студент по нраву, всему своему облику внешнему и внутреннему, он переводил Шекспира, увлекался Шиллером, всю жизнь был мечтателем. Герцен окрестил

его «Робинзоном в Сокольниках», где он утром копался в саду, сажал и пересаживал цветы и кусты, даром лечил бедных в околотке, правил корректуры «Разбойников»... и, вместо молитвы на сон грядущий, читал Марата и Робеспьера» (43).

Важным для нас является описание могил на не существующих ныне кладбищах. Например, в книге описывается утерянная могила на Братском кладбище С. С. Мамонтова, сына известного мецената, который скончался в 1915 г. Братское кладбище во Всехсвятском, на котором хоронили верных защитников Родины, погибших в годы первой мировой войны, было также уничтожено в конце 40-х гг. нашего века.

Замечательно в книге и то, что автор часто приводит полные надписи на могильных плитах, в том числе эпитафии, которые часто помогают лучше узнать и понять жизнь погребенных. Особенно для нас важны надписи на ныне не существующих памятниках. На могиле выдающегося адвоката Ф. Н. Плевако (1842—1908), которая находилась на кладбище Скорбященского монастыря, была следующая эпитафия: «Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды» (310).

Большой интерес представляют эпитафии, списанные Саладиным со старого памятника Н. В. Гоголю на кладбище Даниловского монастыря: «Правда возвышает язык» (Притчей, гл. 14, ст. 34), «Горьким словом моим посмеемся» (Иеремия, гл. 20, ст. 8), «Истинными же уста исполнит смеха, уснет же их исповедание» (Иова, гл. 8, ст. 21) (135).

На кладбище Симонова монастыря был погребен известный историк-этнограф, друг Герцена В. В. Пассек (1808—1842). Эпитафия на этой могиле взята из Евангелия от Матфея: «Любите враги ваша, благословите клевещущия, вы добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и их гоняющая вы» (131).

В книге приводится интересная легенда о семье Сандуновых, погребенных на Лазаревском кладбище. На могиле находится простой крест с двумя свившимися змеями в основании. Саладин пишет: «Отец умер богачом, не пожелав оставить деньги, и спрятал их в подушку, которую приказал положить в гроб. Когда дети узнали, куда исчезли деньги, разрыли могилу, открыли гроб — из него, шипя, выползло две змеи, а денег там не было» (28).

К сожалению, столь интересная книга не увидела свет ни при жизни автора, ни в наше время [18].

Зима 1918 г. была тяжелой для Саладина: творческие неудачи, развивающийся туберкулез, голод, обрушившийся на семью,— все это приблизило его жизнь к неминуемому концу. В. В. Горшков в своих воспоминаниях пишет: «Алексей Тимофеевич страшно нуждался и питался одной картофелиной без хлеба и ни разу не обратился за помощью и состраданием ни к кому в жизни и никому не жаловался. Помню, бывало, положим ему, товарищи по столам, в стол... восьмушку хлеба, кусок селедки —

с неизменной твердостью... и убеждением, голодный, шатающийся от слабости он возвращал по адресу всякое реальное выражение жалости и сострадания»[19]. В один из июльских дней он тихо скончался у себя дома, не доставляя никому забот и беспокойства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Раменский краеведческий музей (далее РКМ), док. 3794.
2 Там же, док. 3796.
3 См. подробнее: ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, д. 904, л. 16.
4 РКМ, док. 3797.
5 ЦГАЛИ, ф. 66, д. 1568, л. 1 об.
6 Там же, л. 1.
7 Там же, д. 1310, л. 1.
8 РКМ, док. 3799/2.
9 ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, д. 549.
10 Там же, ф. 66, оп. 1, д. 904, л. 1.
11 Там же, л. 12.
12 *Саладин А. Т.* Путеводитель по пригородным и дачным местностям до станции Раменское Московско-Казанской железной дороги. М., 1914.
13 ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, д. 1548, л. 11 об.
14 Там же, л. 24 об.
15 Там же, д. 1568, л. 3 об.
16 Там же, ф. 1890, оп. 3, д. 549, л. 2.
17 Там же, ф. 66, оп. 1, д. 904, л. 18 об.
18 См.: *Иванкив А. В.* Рукописная книга А. Т. Саладина «Прогулки по кладбищам Москвы» // 40 лет науч.-студ. кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 154—158; также: Краеведение Москвы: Науч.-метод. материалы в помощь краеведам. М., 1990. С. 90—96.
19 Там же, д. 1568, л. 3.

Список работ А. Т. Саладина

Путеводитель по пригородным и дачным местностям до станции Раменское Московско-Казанской железной дороги. М., 1914.

Московский «Невидимый град Китеж» //Юная Россия. 1917. № 7. С. 634—639.

Святые горы под Москвой // Там же. № 8. С. 744—750.

На поклоне родной Москвы // Там же. № 9. С. 855—859.

Колыбель Пушкина //Дорогие места/ Под ред. И. А. Белоусова. 3-е изд. М., 1918. С. 7—15.

В Соколове // Там же. С. 117—124.

Л. В. Иванова

«ТАКОЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ И ТАК МНОГО ОБЕЩАВШИЙ ЧЕЛОВЕК...»

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЗГУРА. 1903—1927

«Такой талантливый и так много обещавший человек...» — этими словами отозвалась комиссия «Старая Москва» о Владимире Васильевиче Згуре в связи с его трагической смертью 17 сентября 1927 г. во время купания в Феодосии. На специальное, посвященное памяти Згуры заседание комиссии собралось свыше ста человек. Вел его почетный председатель А. М. Васнецов. Выразив скорбь и соболезнования матери — А. Г. Згура, собравшиеся постановили: «Обратиться к Обществу изучения русской усадьбы с пожеланием, чтобы оно нашло в себе силу продолжить дело, начатое В. В. Згурой» [1].

В постановлении комиссии отмечено точно и верно: краткость жизненного пути В. В. Згуры — он прожил лишь двадцать четыре года; его необыкновенная одаренность и талантливость — он был искусствоведом, историком, художником, музыкантом; создание им своего «дела», дела жизни,— организация в 1922 г. Общества изучения русской усадьбы, сыгравшего важную роль в москвоведении.

Пожалуй, это был самый молодой знаток и исследователь Москвы за всю историю ее изучения, который тем не менее оставил после себя не только около 60 работ, но последователей и даже учеников.

Владимир Васильевич родился в 1903 г. в Кургане *. Род Згура, как любезно сообщил нам его внучатый племянник Н. В. Згура, документально прослеживается с начала XIX в. от румынского боярина Иоанна Згуры и его супруги Султаны Кантакузен, дочери румынского господаря. Отец В. В. Згуры Василий Герасимович (1865—1924) был губернским предводителем оренбургского дворянства. Затем семья переехала в

---

* Так пишет он в автобиографии (1925 г.), однако в опросном листе члена КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых) 24 марта 1924 г. называет местом своего рождения г. Кишинев (ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 70, л. 27; д. 64, л. 8).

Москву. Юноша окончил московскую гимназию С. И. Ростовцева (сохранился ученический билет 5-го класса, выданный ему в ноябре 1916 г.). Уже тогда (с 14 лет, как отмечает Згура в автобиографии) он занимался историей древнерусского искусства с Борисом Николаевичем Эдингом, молодым ученым-искусствоведом, который передал ученику свою увлеченность древнерусским искусством. Известны книга Эдинга о Ростове Великом, его поездки и сбор материалов в Ярославле, Владимире, Твери и других городах. (Символично, что Б. Н. Эдинг также умер молодым — от тифа, летом 1919 г. в Ростове.) Одновременно Згура занимался фортепьянной игрой и теорией композиции. По воспоминаниям, он был прекрасным пианистом, дружил с известными исполнителями. В его архиве бережно сохранены программы лучших музыкальных концертов 1920-х гг. в Москве. Однако любовь к истории искусства заставила его отказаться от музыкального поприща.

Юность В. В. Згуры совпала с трудными годами революции. Он проявляет необыкновенную целеустремленность в овладении знаниями о любимом предмете: учится и одновременно работает в кабинете искусств при Университете Шанявского, затем поступает на факультет истории искусств Археологического института, который окончил в 1922 г. Профессор Н. И. Романов отзывался о нем как о «самом энергичном, способном и много работающем сотруднике». В эти годы ему приходится зарабатывать на жизнь разными путями, в частности, трудясь в Наркомздраве: с удостоверениями сотрудника музейно-выставочного подотдела (1919 г.), секретаря отдела санитарного просвещения (1920 г.) он побывал в Киеве, Ярославле, Костроме, Иваново-Вознесенске, Владимире. Конечно, не только состояние санитарного просвещения в этих исторических городах интересовало молодого, любознательного человека.

Поэтому не случайно, что вскоре, практически одновременно, состоялись два важных события в его жизни. В 1922 г. он был оставлен для подготовки к научной деятельности при Московском университете и стал научным сотрудником второго разряда (то есть аспирантом) Института археологии и искусствознания. А уже в 1923 г. появились в печати его первые работы — книга «Старые русские архитекторы», статья «К творчеству Е. Д. Тюрина» и др. Процесс накопления знаний и жизненного опыта еще продолжался, но именно с этого времени он стал давать обильные плоды. Згура буквально фонтанировал идеями, интересными практическими замыслами, как бы предчувствуя, что жить и работать ему остается всего четыре года.

Для того чтобы всесторонне оценить вклад В. В. Згуры в изучение Москвы и Подмосковья, недостаточно проанализировать его опубликованные и даже оставшиеся в рукописи работы. Мы это сделаем, но прежде попытаемся осветить то дело его жизни, в котором особенно органично слились две

стороны его таланта — исследовательская и организаторская. Речь пойдет об ОИРУ — так сокращенно называли созданное Згурой Общество изучения русской усадьбы, которое оказалось жизнеспособным и плодотворно работало до середины 30-х гг., когда неоправданные репрессии ряда членов ОИРУ прервали это важное направление деятельности ученых и краеведов [2].

Как видно из архива В. В. Згуры, уже к 1920 г., когда он выступал с лекциями по истории Москвы в бывшей гимназии Ржевской, у него сложилось твердое убеждение, что Москву необходимо изучать комплексно. «При изучении Москвы могут встретиться одинаково интересы как историка, так и историка литературы, искусства, театра, музыки, историка культуры, бытописателя, археолога и др. Потому что Москва, как всемирно-исторический город, необыкновенно многогранна и разнообразна»,— писал он, предваряя свой курс лекций [3]. Эта глубокая мысль, высказанная 17-летним юношей, оказалась им же во многом реализованной, когда он осуществил подготовку и издание ряда путеводителей по Москве нового типа и особенно, когда создал ОИРУ.

Энергичный, эрудированный, веселый и, главное, всегда увлеченный, В. В. Згура умел привлекать и объединять людей. Вокруг него было много талантливых ученых самых различных профессий. Ведь Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук при МГУ, куда входил институт, в котором он учился, и Государственная Академия художественных наук, в которой он трудился с 1924 г., были тогда средоточием замечательных старых ученых (назовем лишь имена Н. И. Романова, И. Э. Грабаря, В. М. Фриче, А. А. Сидорова, Н. И. Брунова, Б. П. Денике) и талантливой молодежи. Именно здесь В. В. Згура нашел единомышленников в новом деле — изучении подмосковных усадеб.

Идея Згуры состояла в том, чтобы создать усадьбоведение как самостоятельную отрасль историко-художественной науки, с одной стороны, а с другой — предотвратить гибель русской усадьбы — важного элемента культурного наследия страны. Он мечтал об организации в Москве «Института усадьбоведения», где наряду с научной работой и научными изданиями велись бы учебная подготовка специалистов, а также широкая популяризация усадебной культуры в формах вечеров, выставок, экскурсий. Сохранился в архиве его проект института [4].

Можно с основанием утверждать, что именно с этим проектом В. В. Згура выступил 22 декабря 1922 г. перед собравшимися на первое, учредительное заседание Общества изучения русской усадьбы. Оно состоялось на его квартире в 1-м Знаменском (ныне Колобовский) переулке, в небольшой двухкомнатной квартире № 16 дома № 25, где он жил вместе с матерью и братом, И. В. Згурой.

Среди обширных планов ОИРУ наиболее продуктивным оказалось изучение подмосковных усадеб. В. В. Згура обосновал это в специальной статье, возвестившей о создании ОИРУ (она была также в 1923 г. издана отдельной брошюрой): «Подмосковные больше всего повлияли на художественное образование русских усадеб; кроме того, в них наибольшее количество абсолютных художественных ценностей» [5].

В течение пяти лет В. В. Згура возглавлял ОИРУ и все это время был генератором идей, воплощавшихся в многообразные практические дела общества. Назовем важнейшие из них.

С 1923 г. началось натурное обследование усадеб Подмосковья, как ближних — Кусково, Останкино, Черемушки, Ясенево и др.,— так и самых отдаленных. К 1928 г. уже были собраны материалы по всем усадьбам Московского уезда, а по 165 усадьбам, созданным до середины XIX в., подготовлен и выпущен систематизированный справочник [6]. Здесь же была помещена карта окрестностей Москвы, составлявшая вместе с текстом, планами отдельных памятников и их фотографиями в значительной части реализованный план составления Историко-художественной карты Московского уезда (план сохранился в архиве Згуры [7]). Составление карты с конца 1925 г. явилось, по мнению Згуры, первой русской художественно-топографической работой. Работа эта была коллективной, необычайно трудоемкой и просто физически трудновыполнимой в условиях разрухи, голода и расстроенного транспорта тех лет.

Трудной, но вместе с тем и увлекательной, даже романтической представлялась эта работа ее участникам. Вот отрывок из воспоминаний искусствоведа А. Н. Греча, сменившего В. В. Згуру на посту председателя ОИРУ. «Вспоминается... солнечный и радостный июльский день, долгое путешествие из Остафьева в Подольск, оттуда — поездом до Шараповой Охоты и двадцатичетырехверстная дорога по живописной долине Лопасни до Семеновского-Отрады. Путешествие совместно с Г. В. Жидковым [8] и Ю. М. Цветковым в качестве фотографа. И всего девять фотографических пластинок и запас провианта, о котором странно теперь вспоминать. Тем не менее это было одно из самых лучших путешествий; зачарованным замком показалась, в сумерках догорающего дня, романтическая усадьба Нерастанного; как что-то желанное и трудно достижимое явилась Отрада. Действительно, отрада после долгого пути, утомившего всех, кроме Владимира Васильевича. Столько чисто жизненной энергии было в нем, что поздно вечером того же дня он принял деятельное участие в вечере, совпавшем с нашим прибытием» [9].

В. В. Згура принимал непосредственное участие в изучении, по нашим подсчетам, свыше 30 подмосковных усадеб. О Кускове, Коломенском, Михалкове, Суханове, Отраде, Рож-

дествене, Горках, Ершове, Шаболове, Царицыне он написал (см. библиографию), о Братцеве, Большой Песношне, Рюминой Роще, Пущине, Никольском-Гагарине, Виноградове сделал научные сообщения на заседаниях ОИРУ; по 18 усадьбам провел экскурсии в течение летних сезонов 1924—1926 гг. Некоторые усадьбы были ему особенно дороги... Кусково, где он тщательно реконструировал по документам исчезнувшие постройки и планировку регулярного парка XVIII в.; здесь же он восстановил былую традицию, организовав в усадьбе прекрасный музыкальный вечер, а летом 1927 г. устроив в Гроте выставку паркового искусства. Суханово и Отрада, мавзолеям-храмам которых посвящены его специальные исследования, назвавшие авторов этих построек и вписавшие интересные страницы в историю русского ампира. Виноградово, в строителе храма которого он первым угадал М. Ф. Казакова. И многие другие...

Важным начинанием В. В. Згуры стало издание материалов о московских усадьбах. В сотрудничестве с И. И. Лазаревским он организует в 1924 г. публикацию хроники работы и трудов членов ОИРУ на страницах журнала «Среди коллекционеров». Номера 7—8 и 9—12 за 1924 г. явились, по существу, сборниками трудов ОИРУ, о чем заявил сам редактор. В следующем, 1925 г., под его и И. И. Лазаревского редакцией вышли шесть научно-популярных путеводителей «Подмосковные музеи», в которых Згура выступил также автором статей о Кускове, Царицыне и Суханове. В живой и хорошо систематизированной форме путеводители рассказывали о 14 наиболее значительных музеях-усадьбах, давали необходимые экскурсантам справочные сведения, в том числе о художниках и архитекторах, о специальной терминологии.

Для очерков самого Згуры характерны сочетание научности с яркой литературной формой, меткие запоминающиеся характеристики, новые факты. Так, о Кускове он говорит, в частности, как об «огромном явлении, которое известно под именем крепостного искусства» [10]; дает ценное детальное описание сохранившихся интерьеров дворца. Рассказывая о Царицыне, этом «музее архитектурных руин, никогда не обитавшихся», В. В. Згура отмечает своеобразие планов его построек, которые зодчий не повторял, описывает сохранившиеся и исчезнувшие здания Царицына (опираясь на опись 1825 г.), называя его «своеобразным Ренессансом древнерусского искусства» [11]. В очерке о Суханове особенную ценность составляет полная и точная фиксация Згурой всех деталей усадебных построек, интерьеров, усадебной библиотеки, а также следов разрушений тех лет. И конечно, его доказательства авторства А. Г. Григорьева в постройке мавзолея семьи Волконских, с которыми считаются исследователи и в наши дни [12].

Наконец, в 1927 г. (можно только догадываться, каких

трудов стоило В. В. Згуре каждый год осуществлять новые издательские начинания) под его редакцией начинает выходить «Сборник Общества изучения русской усадьбы» в виде небольших по объему, но содержательных, хорошо оформленных выпусков (в 1927 г.— 8, в 1928 г.— 6, в 1929 г.— 2 выпуска). Как и на всех изданиях ОИРУ, на титуле каждого выпуска видна характерная марка общества, выполненная известным графиком А. И. Кравченко: архитектурная арка на фоне усадебного сада. Один из выпусков (№ 6—8 за 1927 г.) целиком посвящен памяти В. В. Згуры; здесь публикуются его работы, библиография трудов, воспоминания друзей и коллег. Наряду с личным архивом В. В. Згуры (его сохранил и передал в ЦГАЛИ в 1959 г. И. М. Картавцов, активный участник ОИРУ и его библиограф) этот выпуск сборника является ценнейшим источником для изучения биографии и творческого наследия Згуры.

Энергии В. В. Згуры хватало и на то, чтобы планировать публикации по русской усадьбе за рубежом. Так, в 1923—1926 гг. в его материалах, в том числе опубликованных, не раз говорилось о готовившемся выходе в Вене в издательстве Mütter — Verlag сборника «Русская усадьба». Для него Згура написал статью о Рождествене. План этого сборника, составленный Згурой, очень интересен: он включал помимо статей о подмосковных статьи о казанских усадьбах (П. М. Дульский), масонских усадьбах (А. Н. Греч), Новоселках А. Фета (Ю. А. Бахрушин), помещичьих садах (В. Я. Курбатов) и др.[13] Это издание по неизвестным причинам не удалось. Однако идея не оставляла В. В. Згуру. В 1926 г. он разработал план и собирался выступить редактором серии книг «Русские усадьбы», посвященных усадьбам Самуйлово, Рождествено, Ершово (автором их был он сам), Белкино, Алексино, Глинки, Быково, Ярополец, Никольское-Гагарино, Люблино, Отрада, Поречье. Были намечены авторы и даже подготовлен макет оформления: малого формата, с эмблемой ОИРУ, изящные книжечки [14]. Однако и этот проект не был реализован. Вот тогда, по-видимому, и появилась идея периодических выпусков сборника ОИРУ, о котором мы уже рассказали. Такая настойчивость в осуществлении замыслов очень характерна для Згуры.

Обследование и изучение подмосковных усадеб должны были, по мысли В. В. Згуры, проводиться совместными усилиями многих людей и на протяжении ряда лет. «Нужна систематичность и непрерывность исследований»,— подчеркивал он еще в 1923 г.[15] В его архиве и архиве ОИРУ накапливались обмеры, фотографии, чертежи и планы, описания интерьеров, порой даже воспоминания бывших владельцев усадеб (к сожалению, во время арестов архив ОИРУ был утрачен). О наиболее интересных материалах члены ОИРУ докладывали на научных и открытых заседаниях общества, сообщали в пуб-

ликациях. Однако эти возможности в первой половине 20-х гг. были довольно скромными.

Между тем над усадьбами все более нависала угроза больших утрат и даже уничтожения, в одних случаях — из-за бесхозяйственности, в других — по причине непонимания огромной культурной ценности усадебной культуры. Именно это заставило В. В. Згуру и его единомышленников широко развернуть, по выражению Згуры, «образовательно-популяризаторскую деятельность». Этот опыт был настолько интересен, что сохранил свою ценность и в наши дни. Речь идет, прежде всего, об организации членами ОИРУ экскурсий по подмосковным.

В. В. Згура показал и в этом деле качества прекрасного организатора. Без каких-либо дотаций и помощи со стороны государственных органов, исключительно силами энтузиастов (среди которых были и видные ученые-профессора, и молодежь) с 1924 г. проводились летом массовые экскурсии по усадьбам, а зимой изучались сохранившиеся усадебные интерьеры. Трижды под редакцией Згуры выходили планы летних экскурсий: на 1924, 1925 и 1926 гг. (после его смерти вышел план на 1928 г.). Эти ставшие библиографической редкостью книжечки с маркой ОИРУ на обложке содержат краткие историко-художественные справки и библиографию (если она имелась) по отдельным усадьбам, а также необходимые технические указания к экскурсиям. Назывался и руководитель экскурсии, и это дало нам возможность определить круг усадеб, наиболее хорошо известных Згуре.

Экскурсии позволяли не только широко пропагандировать усадьбы и, таким образом, привлекая внимание общественности, создавать вокруг них своего рода защитную зону. При этом выявлялся круг наиболее заинтересованных слушателей, у которых было желание получить систематические знания в области русской культуры. Почувствовав это, В. В. Згура организовал, впервые в России, учебные Историко-художественные курсы при общественной организации — при ОИРУ. Они начали работать с 1926/27 учебного года. План и форму занятий (лекции, семинары, экскурсии) разработал Владимир Васильевич. В программе были различные аспекты истории русского искусства: архитектура XVIII—XIX вв. и садово-парковое искусство (это читал Згура), живопись (А. Н. Греч), интерьеры (Г. А. Новицкий), театр (В. Г. Сахновский), декоративное искусство (А. И. Некрасов). По воспоминаниям А. В. Григорьева, «читая лекции, В. В. не говорил зажигательных речей — он говорил удивительно лаконично, с максимальной объективностью и, вместе с тем, чрезвычайно убедительно. ...В своих слушателях, пришедших к искусству только в революционное время, он видел будущих исследователей»[16].

Ученики В. В. Згуры были не только в Москве — он препо-

давал также в Тверском педагогическом институте с 1923/24 учебного года. И пользовался всеобщим уважением и любовью. 11 декабря 1927 г. слушатели Историко-художественных курсов почтили его память специальным заседанием.

Широкое искусствоведческое образование и любовь к Москве определяли главные направления творческой биографии В. В. Згуры. Помимо подмосковных он изучал творчество таких преимущественно московских архитекторов, как Е. Д. Тюрин, А. Г. Григорьев, Д. И. Жилярди, В. И. Баженов. Другой проблемой, волновавшей его, были архитектурные и монументальные памятники Москвы. Н. И. Брунов верно заметил, что уже в одной из первых своих статей — о Тюрине — Згура «выступает как историк стиля»[17]. От стилистического анализа отдельных памятников Москвы и Подмосковья он поднимался к выявлению общих принципов архитектуры и создал оригинальную концепцию стиля барокко в русской архитектуре XVII—XVIII вв. Можно соглашаться или спорить с концепцией Згуры, продолжал Брунов, «но нельзя не признать ее последовательности, органичности и жизненности». Ученый «умел выработать органический образ изучаемого им искусства»[18]. Таково было третье направление исследований В. В. Згуры. И наконец, как популяризатор, он отдавал много времени и сил созданию научно-популярных справочников и путеводителей по Москве. В рамках статьи постараемся показать вклад Згуры в практическое и теоретическое москвоведение.

В 1923 г. появилась первая книжка В. В. Згуры «Старые русские архитекторы». Она вышла в популярной серии «Искусство» под редакцией известного искусствоведа П. П. Муратова. В течение 1923—1925 гг. планировалось 50 выпусков по русской живописи, скульптуре и архитектуре, московским и подмосковным музеям, об отдельных художниках. В числе авторов — И. Е. Евдокимов, И. Г. Машковцев, В. А. Никольский, А. А. Сидоров, Н. М. Щекотов, С. В. Шервинский и другие. В. В. Згура написал три книжки, они были одобрены и приняты к печати, однако увидела свет одна. Две другие сохранились в рукописях. При этом на титульном листе рукописи «Иностранные архитекторы в России» есть пометка П. П. Муратова о ее одобрении к печати 10 августа 1922 г., а на рукописи «Современные русские архитекторы» — такая же пометка Н. Г. Машковцева 14 сентября 1923 г.[19] Почему не вышли эти выпуски, нам неизвестно. Но, рассмотренные в целом, они характеризуют широкую эрудированность молодого ученого, взявшегося за трудную задачу обозреть русскую архитектуру с XII по XX в., притом в конкретных памятниках, на примерах творчества ведущих архитекторов.

Что касается «Старых русских архитекторов» (работа написана в августе 1922 г.), то здесь, несмотря на небольшой

объем, дано много интересного и нового именно по Москве. Это относится к общей оценке роли А. Г. Григорьева (автор впервые установил годы его жизни, опубликовал архитектурный рисунок из своего собрания — это тоже детали нового), Е. Д. Тюрина, А. Н. Бакарева (Згура нашел его дневник и записки сына и готовил их к печати как ценный материал по истории русской архитектуры XVIII—XIX вв.). Впервые опубликовал здесь В. В. Згура и рисунок В. И. Баженова — общий вид построек Царицына — из Музея «Старая Москва». За характеристикой творчества отдельных мастеров (в приложенной «Таблице главных русских архитекторов и их важнейших произведений, сохранившихся до нашего времени» названы 19 имен от И. Зарудного до К. Тона) следуют интереснейшие общие наблюдения Згуры об образовании, социальном составе и положении в обществе русских архитекторов. Заключают книгу раздумья о разной степени одаренности старых русских архитекторов, о роли среды и традиций в их творчестве и вывод: «В старом искусстве мы поклоняемся иногда даже не произведению, а тому духу подлинного художества и творческого напряжения, в обстановке которого оно создалось» [20].

На примере уже первой работы выявились особенности авторского почерка В. В. Згуры: это масса фактического материала, в том числе нового, найденного самим автором; научный характер издания; сочетание анализа с обобщениями и, наконец, свой, особенный голос человека, влюбленного в русское искусство. Не случайно книга получила положительную оценку П. П. Вейнера, известного искусствоведа и редактора-издателя журнала «Старые годы». Благодаря его за «сочувствие» к книге, Згура скромно заметил: «Вы правы — мы так бедны, что даже в таком беглом и популярном очерке, как ни странно, есть сведения новые для специалиста» [21].

Одну лишь статью посвятил В. В. Згура архитектору Е. Д. Тюрину, точнее, его работе над храмом Богоявления в Елохове [22]. Здесь впервые публикуется чертеж — план церкви Тюрина, на основе архивных и литературных источников даются биография архитектора и глубокий анализ Богоявленского храма, по словам Згуры, «последнего архитектурного памятника великой художественной эпохи. Ею можно заканчивать историю Московского Empir'a, а вместе с тем и всего русского классического строительства вообще». Сохранилось любопытное свидетельство о том, как родилась эта статья. И. Н. Жучков, член «Старой Москвы», оставил воспоминания об активном участии В. В. Згуры в этом обществе и, в частности, о заседании 14 декабря 1922 г., где обсуждался доклад о коллекции вырезок М. Д. Хмырова, по поводу которой Згура заметил, что самое ценное в ней — свидетельство о постройке храма Богоявления Е. Д. Тюриным. Обмен мнениями показал, что Згура не знал о хранившихся в

Музее «Старой Москвы» чертежах Тюрина. И хотя об авторстве Тюрина знали некоторые из присутствовавших, Згура оказался единственным, кто довел исследование вопроса до конца и опубликовал первый тогда материал о Тюрине [23]. Недаром энергия и работоспособность Згуры поражали всех знавших его.

Еще в 1920 г. В. В. Згура начал большое исследование об А. Г. Григорьеве; предполагалось, что это будет тема его диссертации, однако затем планы изменились, и он лишь смог опубликовать в 1926 г. в Казани небольшую книжку «Архитектор А. Г. Григорьев. 1782—1868 гг. Каталог выставки» За этим скромным названием — огромная работа Згуры. Во-первых, организация выставки в Казанском Центральном музее — 51 название подлинных акварелей, рисунков, проектов Григорьева — из личного собрания Згуры. Во-вторых, во вступительном биографическом очерке он убедительно и ярко раскрыл мало исследованную биографию архитектора, дал глубокую оценку его деятельности и роли в истории русского искусства. Он правильно поставил вопрос о необходимости критического пересмотра наследия Д. И. Жилярди, которому по праву старшего по должности (но не учителя, по мнению Згуры) приписывались некоторые проекты Григорьева. Утверждая авторство архитектора в постройках церкви Большого Вознесения в Москве, церкви в Ершове, ряда гражданских сооружений в Москве (в том числе дома Хрущева), Згура обращает внимание на талант Григорьева-рисовальщика, создателя замечательных интерьеров. «Все, начиная от общей идеи здания и кончая, скажем, канделябрами, создавалось им самим»,— писал он. И, как всегда, давал обобщенную, почти афористическую оценку творчества мастера: «...зодчий, переживший рождение, расцвет и смерть стиля empir» [24]. Интересно, что в архиве Згуры сохранился его план сборника о Григорьеве, в котором наряду со статьями предполагалось поместить письма и документы Григорьева, список его рисунков. Такой широкий замысел не реализован даже сегодня. А в черновых материалах Згуры много интересных данных из биографии архитектора (о его собственных домах, фамильных погребениях, наследниках и т. д.).

В том же 1926 г. в первом томе научных трудов Института археологии и искусствознания РАНИОН, призванных, по словам А. А. Сидорова, «обогащать науку», В. В. Згура напечатал работу «Неизвестное произведение Жилярди». В связи с находкой им авторского чертежа Д. И. Жилярди церкви-мавзолея в Отраде он дал блестящий анализ этого последнего произведения архитектора в России. И подобные находки бывали у него часто, так как Згура очень много работал в архивах и художественных собраниях Москвы и Петрограда. При этом он специально разыскивал материалы по Москве. Так, в своем отчете об обследовании музеев Петрог-

рада (в 1922—1923 гг.) Згура сообщал о выявлении в Эрмитаже московской серии художника Ф. Я. Алексеева (57 рисунков, составляющих в целом «изумительную картину»), рисунков М. Ф. Казакова, В. И. Баженова, Дж. Кваренги. В Публичной библиотеке он нашел около 40 московских материалов — планов города XVIII в., его зданий, виды местностей, а в архиве Опекунского совета — 10 чертежей О. И. Бове для постройки Градской больницы [25]. Н. И. Брунов вспоминал, как ему и М. В. Алпатову довелось «в один из голодных годов» жить несколько недель в одной комнате с В. В. Згурой в Петрограде в Академии истории материальной культуры: «Мы с Михаилом Владимировичем поражались работоспособности В. В-ча и той энергии и воле, с которой В. В. добивался в архивах и музеях нужных ему материалов, что обычно было сопряжено с большими трудностями».

Это выявление материалов по Москве, к сожалению, мало зафиксировано. Но известно другое: В. В. Згура был страстным коллекционером. В его собрании хранились не только материалы А. Г. Григорьева (приобретенные у наследников), но и гравюры Н. И. Уткина, фотографии и виды памятников Москвы (последние находятся ныне в ЦГАЛИ), чертежи и документы многих русских архитекторов (эта основная часть коллекции попала после смерти Згуры в Музей Академии архитектуры и строительства и в Государственный Исторический музей).

Судьбы многих архитекторов, строивших в Москве, волновали В. В. Згуру. Его лебединой песней стало исследование о Баженове «Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым». Примечательна уже судьба этой книги. Она вышла в 1928 г. после смерти автора и была подготовлена к изданию его матерью и друзьями, печаталась в Казани под наблюдением профессора П. М. Дульского, члена и уполномоченного ОИРУ по Казани, фотографии выполнили профессор С. А. Торопов и Б. Н. Гензелович. Основу книги составила диссертация, защищенная Згурой 16 июня 1927 г., за три месяца до гибели.

Первой его публикацией, связанной с Баженовым, было «Царицыно» (в 6-м выпуске «Подмосковных музеев» в 1925 г.); в 1927 г. в статье «Новые памятники псевдоготики» [26] Згура связал постройки усадьбы Панина Михалково с именем Баженова; в 1928 г. вышла статья «К вопросу о творчестве Баженова» [27], представленная к печати самим Згурой (он не успел только дать примечания). В последней работе есть два принципиально важных положения. Первое — общего плана — автор выразил словами: «...внимательное изучение Баженова позволяет уже на основе конкретного материала видеть в нем, может быть, самого замечательного из архитекторов, работавших в России». Второе — поиск и атрибутирование дома М. И. Прозоровского на Полянке как одного из

лучших памятников московской архитектуры XVIII в. (дом был снесен в 1930-х гг.).

Таковы были подходы Згуры к диссертации и книге. Сама книга является наиболее значительным и объемным (165 страниц) трудом В. В. Згуры. Это подлинно научное исследование состоит из четырех частей: историографического введения в изучение Баженова; части, которая носит название «Проблемы» и содержит авторскую концепцию развития стилей русской архитектуры XVII—XVIII вв.; раздела «Памятники», где дается анализ отдельных работ Баженова; приложений «В поисках Долговского дома» и «Псевдоготицизм в Михалкове». Сам Згура так определил непростой характер и цель своей работы: «Настоящее исследование не есть монография о Баженове. Оно — и меньше, и больше... я и хотел дать не художественную биографию, даже при самом широком общем фоне, а постановку и посильное разрешение существеннейших историко-стилистических проблем, перекрещивающихся на Баженове, который, таким образом, для нас является призмой, преломляющей главные координаты искусства XVIII века» [28].

Остановимся лишь на характеристике в этой книге московского наследия Баженова. Згура считал заблуждением мнение, что произведения мастера не сохранились. Они, полагал он, оказались оставленными без внимания или забытыми. «В особенности это касается московских произведений мастера, может быть, наиболее значительных и наиболее интересных» [29]. Именно эта область — не учтенных наукой, мало исследованных, вскользь упомянутых памятников — интересовала Згуру. Им рассмотрены проект Кремлевского дворца, Пашков дом, дома Прозоровских, Долгова и Юшкова, церковь Всех скорбящих радости, Царицыно, Михалково. Особо отметим готовность автора «с полной безусловностью решить спорный вопрос об авторе знаменитого Пашкова дома и поставить этот последний во главе Баженовского наследия». Для тех лет такая позиция была смелой, ибо многие авторитетные ученые придерживались иной точки зрения. Н. И. Брунов отмечал как одно из важных достоинств данной книги стилистический анализ памятников, а также вклад Згуры в науку об искусстве благодаря анализу им общих принципов русской архитектуры.

Вклад В. В. Згуры в москвоведение велик и многообразен. Важное место в нем занимают изучение и популяризация архитектурных памятников Москвы. «Монументальные памятники Москвы. Путеводитель» — так называется выпущенная им в 1926 г. книга. Как и многие издания тех лет, она небольшого, удобного для туристов формата. Это было первое издание такого типа, так как к тому времени не существовало полной инвентаризации памятников и тем более их систематизации. В алфавитном порядке названий улиц Згу-

ра дал краткое описание около 500 московских зданий (гражданских и церковных), памятных мест, связанных с жизнью видных деятелей культуры, скульптурных монументов. Открывает список Александровский сад, а завершает церковь Николы в Кошелях на Яузской улице. Автор оговаривает трудности и разнобой в датировке сооружений и таким образом предвидит собственные погрешности. Интересна и предваряющая перечень памятников вступительная статья Згуры «Московская архитектура».

Надо сказать, что изданная трехтысячным тиражом книга явилась, по сути дела, повторным, точнее, самостоятельным изданием одноименного раздела из путеводителя «Музеи и достопримечательности Москвы» (1926 г.), подготовленного большим коллективом известных специалистов (назовем лишь имена Н. Д. Бертрама, Б. П. Денике, В. П. Кащенко, Н. Р. Левинсона) под общей редакцией В. В. Згуры. Этот путеводитель Издательство Московского коммунального хозяйства (МКХ) (в нем Згура активно сотрудничал) выпустило также трехтысячным тиражом. Первый специальный справочник по всем художественным, историческим, естественных и прикладных знаний музеям включал в себя также данные о подмосковных музеях-усадьбах. В последнем обстоятельстве сказывалась убежденность Згуры в неразрывности культурного наследия Москвы и Подмосковья.

Для этого путеводителя В. В. Згура написал также предисловие, в котором определил его познавательную и научную ценность: впервые издается справочник, позволяющий, в известной мере, отразить происшедшие после революции перемены в музейном деле. Как и все издания под редакцией Згуры, путеводитель отличается четкой систематизацией материалов, полнотой, хорошим справочным аппаратом. По-видимому, он имел успех, так как в этом же году его фактически переиздали в виде пяти отдельных тематических изданий под редакцией Згуры, включая и его «Монументальные памятники Москвы». Отметим, что для «Музеев и достопримечательностей Москвы» Згура написал три раздела: «Художественные музеи», «Подмосковные музеи-усадьбы» и «Музеи Москвы (исторический очерк)». Об этом есть свидетельство Г. В. Жидкова, участника коллективной работы над путеводителем. Особенно интересен исторический очерк о музеях. Здесь Згура показывает их тесную связь с частным собирательством, историю которого прослеживает с XVI—XVII вв. Отмечая «громадное значение для развития музейного дела» культурного купечества, он делает вывод, что художественные музеи Москвы своим существованием «почти всецело обязаны частной инициативе»[30].

Должно быть отмечено участие В. В. Згуры в работе еще над двумя справочными изданиями по Москве. Первое —

«Москва в планах. Справочник-путеводитель» (1925 г.), карманный справочник для приезжающих и москвичей, помогавший ориентироваться в новых адресах, переименованных улицах, маршрутах транспорта. В его содержании — карты-планы, текстовая часть и справочная. Згура написал здесь разделы: «Музеи», «Художественные, исторические и революционные памятники Москвы. Сады, парки и места для прогулок. Окрестности Москвы (дачные местности)». Материал их, в соответствии с типом издания, носит справочный, очень лаконичный характер. При этом есть любопытные детали. Например, в таблице музеев мы видим 60 названий (это в 1925 г.!), узнаем, что 27 из них работают бесплатно. Или: на Охотнорядской, Советской площадях и площади Революции установлены громкоговорители, которые с 8 до 9 часов вечера передают речи на съездах Советов, лекции и концерты. Мы узнаем, что в Москве 28 Домов Советов, 5 Домов союзов (профессиональных) и Дворец Труда на Солянке.

Другое справочное издание, в котором сотрудничал В. В. Згура в 1925 и 1926 гг.,— широко известная «Вся Москва». В 1925 г. он написал для нее лишь один раздел: «Подмосковные: Усадьбы-музеи; монастыри-усадьбы; усадьбы». В следующем году наряду с этим появился еще один написанный Згурой раздел: «Очерк московской архитектуры. Архитектурные и исторические памятники». Сравнение его с соответствующим разделом в справочнике за 1925 г. показывает явные преимущества текста Згуры — ему удалось более четко систематизировать материал, подать его в удобной для читателя форме.

Общий взгляд на справочные издания по Москве, создаваемые при участии В. В. Згуры, показывает, что он владел талантом организатора и систематизатора. Создание новых, идущих в ногу со временем путеводителей имело большое значение для развития советской справочной литературы по Москве. Мысль Згуры постоянно искала новых форм; сохранилась, например, его заявка в издательство МКХ от 22 февраля 1927 г. с планом справочного издания по окрестностям Москвы, сочетающего научный подход с задачами путеводителя [31]. Можно предположить, что в дальнейшем коллеги Згуры по ОИРУ реализовали этот план в книге «Дачи и окрестности Москвы», выдержавшей с 1928 г. несколько изданий.

Авторитет В. В. Згуры в научно-художественных кругах был велик. Свидетельства тому — и прием в общество «Старая Москва» 17-летнего юноши, и включение его в редколлегию журнала «Архитектура» (органа Московского архитектурного общества) в 1923 г. наряду с И. Е. Бондаренко, Б. Р. Виппером, В. Я. Курбатовым, Ф. О. Шехтелем и другими видными деятелями культуры. Но знали его и простые москвичи, перед которыми он выступал как лектор и руково-

дитель экскурсий. В 1925 г., например, по предложению лекционно-экскурсионного бюро МГСПС он выступал в клубах фабрик и заводов Москвы и губернии по темам: история русской архитектуры, искусство крепостных и др.[32] Популярные лекции Згуры можно было в 1923—1925 гг. слышать в Московском архитектурном обществе, в Ермолаевском переулке, 17, где по пятницам бесплатно читались лекции для широкой аудитории. Так, 21 января 1925 г. он познакомил слушателей с темой «Возникновение и жизнь художественного произведения».

Интересная страница деятельности В. В. Згуры — его научные доклады. Они часто предшествовали публикациям трудов, а вытекали всегда из большой поисковой и исследовательской работы. Нам удалось выявить 15 докладов: пять в «Старой Москве», шесть в ОИРУ и четыре в РАНИОН. Кроме этого он выступал в Петрограде.

Протоколы «Старой Москвы» позволяют немного окунуться в атмосферу тех лет и почувствовать огромный интерес в те годы к московской тематике. 26 января 1922 г., по предложению В. В. Згуры, после воспоминаний племянницы Пушкина М. Л. Нейкирх прозвучал его доклад о портрете Пушкина кисти В. А. Тропинина, вызвавший большой интерес, как отметил известный пушкинист М. А. Цявловский. Спустя три месяца, 20 апреля Згура сделал интересный доклад об альбомах М. Ф. Казакова в связи с найденным им в Эрмитаже четвертым альбомом, посвященным Голицынской больнице. Следует сказать также о докладе 8 февраля 1923 г., когда Згура представил в живой, занимательной форме рассказ о доме А. Д. Офросимовой в Обуховом (ныне Чистый) переулке,— он тогда нашел чертеж дома архитектора Соколова 1816 г. П. Н. Миллер заявил, что «подобные доклады составляют одну из задач Комиссии»[33]. Заседания всегда проходили оживленно и заинтересованно. В. В. Згура обычно выступал в прениях, проявляя большую осведомленность. Так, доклад В. А. Гиляровского о доме Английского клуба на Тверской вызвал с его стороны утверждение об авторстве Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьева (его поддержал А. М. Васнецов). А доклад П. В. Сытина по истории благоустройства Москвы дал возможность Згуре высказать соображения о значении цвета в окраске классических зданий.

«Старая Москва» обычно заседала на Тверской улице или Берсеневской набережной, то есть в центре Москвы. Когда же доклады проходили вдали от него, случались порой происшествия, вроде того, как 23 апреля 1924 г. Згура получил телеграмму из Петровского-Разумовского от А. В. Чаянова: «Доклад отменяется. Трамваи не ходят»[34]. Здесь уместно вспомнить, что В. В. Згура считал Александра Васильевича Чаянова своим учителем в москвоведении. Он слушал его курс по археологии и топографии Москвы в 1918 г. в Университете Ша-

нявского, в 1919—1920 гг. работал в его семинаре по московскому собирательству. В 1920 г. Чаянов рекомендовал его в члены «Старой Москвы» и тогда же поручил сделать несколько сообщений по московскому собирательству книг и рукописей. В архиве Згуры сохранились краткие записи лекций Чаянова по истории Москвы в 1921 г.[35]

Мы говорили о москвоведческих работах Згуры, составлявших основную часть его наследия. Но оно не исчерпывалось только ими. История архитектуры, история искусства в целом волновали молодого ученого, склонного к широким обобщениям и историческим параллелям. Напомним слова Н. И. Брунова о Згуре: «В. В. не вырывал новую русскую архитектуру — область, которой он непосредственно занимался,— из общей картины мирового искусства, а рассматривал ее именно как часть этой картины»[36]. В этой связи нужно назвать две работы Згуры: «Развалины дворца около Термеза» — результат его непосредственного изучения уникального памятника Средней Азии[37], а также вышедшую в 1929 г. книгу «Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе» — это был отчетный доклад Згуры в Институте археологии и искусствознания, коллегия которого сочла необходимым опубликовать его ввиду научной важности. Эти работы В. В. Згуры характеризуют не только широту его научных интересов, но показывают свободное владение им языками (немецким, английским, французским) и зарубежной литературой. О том же говорят рецензии В. В. Згуры: он со знанием дела судит о книгах А. И. Некрасова о Пехре-Яковлевском и М. Я. Гинзбурга о современной архитектуре, материалах по охране и реставрации памятников в Татарии и сборнике статей о Ч. Камероне, об искусстве Средней Азии в освещении профессора Б. П. Денике и проблемах русской псевдоготики на примере усадьбы Красное Рязанской губернии.

Практическая деятельность В. В. Згуры (обследования, связь с уполномоченными ОИРУ по другим регионам, с музеями и издательствами в ходе редакторской и авторской работы) нашла одно из выражений в его хроникальных заметках в печати. На страницах «Вечерней Москвы», например, он сообщал вскоре после смерти В. И. Ленина, что начато изучение Горок (сам он исследует архитектуру усадьбы) и готовится монография о них. Особенно ценна его информация, помещенная в 1—4-м выпусках сборников ОИРУ. Из нее узнаем об изменениях в музейной сети Подмосковья, о деятельности ОИРУ (в частности, о том, что сам Згура обследовал помимо московских усадьбы Смоленской, Рязанской губерний), об архивах Соллогубов и Барышниковых.

Проживший слишком короткую жизнь, В. В. Згура не смог осуществить очень многие свои замыслы. Поэтому справедливо будет обратиться к его архиву. Это уже сделал Е. В. Кончин, опубликовавший в третьем выпуске альманаха «Куранты»

статью «Сим удостоверяется...» — первый биографический очерк о В. В. Згуре в наши дни. Он подробно называет тематику работ молодого ученого, в том числе оставшихся в рукописи.

Не повторяясь, отметим лишь наиболее характерные черты архива Згуры. Он открывается общей тетрадью «От Мюр и Мерилиз» с надписью: «В. Згура. Кремль» и датой: «1917 год». Здесь карандашные наброски памятников Кремля. А потом следуют рукописи (и снова рисунки), выписки из книг, документов — идет целенаправленный сбор материалов, и одновременно юноша оформляет свои мысли в законченных статьях, например, «Колокола на Иване Великом». Показателен для интенсивной работы Згуры тот факт, что уже к 1920 г. появились его планы и наброски лекций на темы изучения Москвы, по истории и архитектуре Кремля, по русской архитектуре, истории московских книжных собраний. Систематизация материалов идет в разных формах: картотека зданий Москвы, их зарисовки, «Словарь московских мастеров классицизма» и др. Позднее Згура начал коллекционировать документы и изобразительные материалы по Москве.

Среди рукописных работ В. В. Згуры особо отметим те, которые прямо относятся к Москве: «Первая книга по Москве» (об «Описании моровой язвы в 1770—1772 г.»). «Усадьба Шаболово», «Иван Зарудный», «А. Г. Григорьев». А в будущем он собирался написать о М. Ф. Казакове, крепостных архитекторах, культуре Москвы 1810—1820-х гг., архитектуре Москвы и Италии... В ряду общественных инициатив Згуры, судя по сохранившимся проектам, были организация Студии эстетического воспитания (1920), подготовка под его редакцией «Энциклопедии русского искусства» (1921), издание «Театрального журнала» (1921).

Многие места в Москве связаны с деятельностью В. В. Згуры. Но два — особые: это 1-й Знаменский переулок около Трубной площади, где жила семья после переезда в Москву, и Хрущевский, 2, где Згура поселился, по-видимому, в 1924 г., на втором этаже старинного флигеля усадьбы, стоящего вдоль Чертольского переулка. Оба этих адреса были также официальными адресами ОИРУ, куда приходила его корреспонденция, присылались, по призыву Згуры, любые материалы по подмосковным усадьбам.

И. Н. Жучков видит своеобразную символику в связи Згуры с двумя лучшими московскими усадьбами — Кусково и Останкино. Он вспоминает, что на первом открытом заседании ОИРУ всех ожидал сюрприз: заботами Владимира Васильевича была подготовлена художественно выполненная программа заседания. На ее первой странице яркая гравюра А. И. Кравченко изображала Кусково (изучению которого Згура отдал много лет), что символизировало жизнь Згуры; на другой странице была помещена гравюра И. Н. Павлова: черный си-

луэт статуи в Останкине на фоне желтой ночи — «жизнь, посвященная искусству, прервалась так рано» [38].

Так поэтично, с подлинной любовью вспоминали В. В. Згуру все его друзья и коллеги. Одни из них — П. Н. Миллер и Н. С. Левинсон — откликнулись доброжелательными рецензиями на его работы по Кускову и Коломенскому, другие поделились воспоминаниями на вечерах его памяти в 1927 и 1928 гг. третьи готовили к печати его труды. Помимо уже названных скажем о попытке подготовить в 1932 г. сборник неопубликованных работ Згуры: от него сохранилось предисловие, написанное членом ОИРУ и «Старой Москвы» А. В. Григорьевым [39].

Как ученый, В. В. Згура оставил о себе память опубликованными трудами. Однако тираж многих изданий в первой половине 20-х гг. был мизерным. Так, выпуски сборника ОИРУ выходили в 400—450 экземплярах и давно стали библиографической редкостью. Мы согласны с мнением о необходимости переиздания некоторых его работ, которое позволило бы нашим современникам зримее представить облик одного из первых советских москвоведов, почувствовать многогранность его дарования, увидеть воочию этого «жизнерадостного, энергичного и душевно светлого человека» (слова А. Н. Греча).

Есть у В. В. Згуры статья об усадьбе Демидовых Петровское-Алабино. Она называется «Музыка архитектуры». Великолепный архитектурный ансамбль, к сожалению, ныне почти целиком утраченный, постепенно раскрывается перед читателем как «каменная транскрипция музыкального произведения». В этом тонком искусствоведческом анализе перед нами предстает незаурядный ученый, музыкант, художник. Талантливый организатор, педагог, популяризатор — таким был и остается в москвоведении вечно молодой Владимир Васильевич Згура.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ОР ГБЛ, ф. 177, к. 2, д. 7, л. 1.

2 См. об ОИРУ нашу статью в альманахе «Памятники Отечества». 1989. № 1 (19). С. 50—56.

3 ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 2, л. 43.

4 Там же, д. 14, л. 6—8.

5 *Згура В. В.* Общество изучения русской усадьбы // Архитектура. 1923. № 3—5. С. 71.

6 Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд. М., 1928.

7 ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 22, л. 38.

8 Г. В. Жидков, известный впоследствии искусствовед, был знакомым Згуры с 1919 г., членом ОИРУ; оставил воспоминания и составил список трудов В. В. Згуры.

9 Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. 6—8. С. 42.

[10] *Згура В. В.* Кусково // Подмосковные музеи. М., 1925. Вып. 1. С. 9.

[11] *Згура В. В.* Царицыно // Там же. Вып. 6. С. 9, 35—36.

[12] См., например, статью Е. А. Белецкой и З. К. Покровской «Мавзолей в Суханове» // Памятники Отечества. 1989. № 1 (19). Вновь найденные материалы заставляют их считать автором постройки Д. И. Жилярди.

[13] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 22, л. 42.

[14] Там же, л. 29, 31.

[15] Архитектура. 1923. № 3—5. С. 70.

[16] Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. 6—8. С. 53, 54.

[17] Там же. С. 47.

[18] Там же. С. 52.

[19] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 24, л. 1—49, 94—148.

[20] *Згура В. В.* Старые русские архитекторы. М.; Пг., 1923. С. 52.

[21] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 41, л. 11.

[22] *Згура В. В.* К творчеству Е. Д. Тюрина // Архитектура. 1923. № 3—5. С. 28—34.

[23] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 42, е. х. 43, л. 1а.

[24] Архитектор А. Г. Григорьев. 1782—1868 гг. Каталог выставки. Казань, 1926. С. 18 (Тираж книги — 300 экземпляров!).

[25] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 60, л. 8—10.

[26] Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. 1. С. 1—4.

[27] См.: Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.; Л., 1928. С. 152—158.

[28] *Згура В. В.* Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым. М., 1928. С. 7.

[29] Там же. С. 107—108.

[30] Музеи и достопримечательности Москвы. М., 1926. С. 7.

[31] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 70, л. 1.

[32] Там же, л. 2.

[33] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 1, е. х. 11, л. 5 об; предыдущие доклады Згуры см.: Там же, е. х. 9, л. 5 об.— 6 об., 27—29 об.

[34] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 56, л. 7.

[35] Там же, д. 2, л. 41 об.; д. 9, л. 19.

[36] См.: Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. 6—8. С. 50.

[37] Статья опубликована в книге: Культура Востока: Сб. Музея восточных культур. М., 1927.

[38] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 42, е. х. 43, л. 2 об.

[39] ЦГАЛИ, ф. 2340, д. 132, л. 1—3.

Список работ В. В. Згуры *

К творчеству Е. Д. Тюрина // Архитектура. 1923. № 3—5. С. 28—34.

---

* В основу библиографии положен составленный Г. В. Жидковым «Список печатных работ В. В. Згуры» (опубликован в «Сборнике Обще-

Общество изучения русской усадьбы // Там же. С. 69—71.

Общество изучения русской усадьбы. М., 1923.

Старые русские архитекторы. М.; Пг., 1923.

Сообщение о вечере усадебной музыки в Кускове // Среди коллекционеров. 1923. № 7—10. С. 67.

Р. И. Котович-Борисяк [Некролог] // Там же. № 11—12. С. 62.

Экскурсии в Подмосковные: План летних экскурсий на 1924 г., устраиваемых ОИРУ. М., 1924. [Предисловие]. Составление (совместно с А. Н. Гречем).

Общество изучения русской усадьбы // Среди коллекционеров. 1924. № 3—4. С. 71.

Кусковский регулярный сад // Там же. № 7—8. С. 4—19.

О театре в Останкино // Там же. С. 50.

Рождествено // Там же. С. 51.

Неизданный офорт М. Казакова // Там же. № 9—12. С 43.

Петровское // Там же. С. 44.

Ершово // Там же. С. 45.

[Интервью о Горках] // Вечерняя Москва. 1924. 21 февр.

Экскурсия в Подмосковные: План летних экскурсий на 1925 год, устраиваемых ОИРУ. М., 1925. Составление (совместно с А. Н. Гречем).

Подмосковные: Усадьбы-музеи; монастыри-усадьбы; усадьбы Вся Москва. М., 1925. II отдел. С. 435—437.

Музеи Москвы // Москва в планах. М., 1925. С. 129—142.

Художественные, исторические и революционные памятники Москвы. Сады, парки и места для прогулок. Окрестности Москвы (дачные местности) // Там же. С. 173—192.

Кусково // Подмосковные музеи / Под ред. И. Лазаревского и В. Згуры. М., 1925. Вып. 1. С. 9—39.

Царицыно // Там же. М., 1925. Вып. 6. С. 9—36.

Суханово // Там же. С. 71—85.

[Инна Чернецкая] // Инна Чернецкая. М., [1925]. С. 10—11.

Монументальные памятники Москвы: Путеводитель. М., 1926.

Очерк московской архитектуры. Подмосковные музеи, монастыри и усадьбы // Вся Москва. М., 1926. I отдел. С. 143—147.

Подмосковные музеи, монастыри и усадьбы // Там же. С. 420—422.

Неизвестное произведение Жилярди // Тр. Отд-ния искусствознания. 1. Ин-т археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1926. С. 87—90.

Архитектор А. Г. Григорьев, 1782—1868 гг.: Каталог выставки. Казань. 1926.

Предисловие // Музеи и достопримечательности Москвы: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926. С. III—IV.

Музеи Москвы (исторический очерк) // Там же. С. 3—8.

Художественные музеи: Отдел рисунков Третьяковской галереи Там же. С. 79—81.

Подмосковные музеи-усадьбы: Кусково // Там же. С. 399—434.

Подмосковные музеи. М., 1926. (Совместно с А. Н. Гречем).

ства изучения русской усадьбы». М., 1927. Вып. 6—8). Он дополнен, уточнен нами в соответствии с данными Згуры (ЦГАЛИ, ф. 2340. д. 60, л. 6; д. 11, л. 17, 18).

Экскурсии в Подмосковные: План летних экскурсий на 1926 г., устраиваемых ОИРУ. М., 1926. Составление (совместно с А. Н. Гречем).

Проблема возникновения барокко в России // Барокко в России. Тр. секции пространственных искусств. I. М., 1926. С. 13—42.

Художественные музеи Москвы: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926.

Историко-культурные музеи Москвы. Исторические и бытовые, меморативные, музеи-храмы и монастыри: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926.

Научно-прикладные и естественноисторические музеи Москвы: Путеводитель / Общ. ред. В. В. Згуры. М., 1926.

[Информация о подготовке путеводителя «Музеи и достопримечательности Москвы] // Вечерняя Москва. 1926. 13 апр.

[Информация о начале летних экскурсий в Подмосковье] // Там же. 14 апр.

Предуведомление // Сб. О-ва изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. I. С. 1.

Новые памятники псевдоготики // Там же. С. 1—4.

Примечание к публикации «Обращение архитектора А. Миронова к Н. П. Шереметеву» // Там же. С. 6.

Хроника [три первых абзаца] // Там же. С. 7.

ОИРУ // Там же. С. 8.

Хроника // Там же. Вып. 2. С. 16.

[Предисловие] // Там же Вып. 4—5. С. 25.

Исчезнувшие павильоны Кусковского сада // Там же. С. 29—33.

Хроника // Там же. С. 40.

Храм-мавзолей в селе Суханово: К истории русского ампира // Там же. Вып. 6—8. С. 58—80.

Усадьба Рождествено // Там же. С. 81—94.

Развалины дворца около Термеза // Культура Востока: Сб. Музея восточных культур. М., 1927. С. 19—26.

К вопросу о творчестве В. И. Баженова // Тр. секции искусствознания. II. Ин-т археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. С. 152—158.

Проблемы и памятники, связанные с В. И. Баженовым. М., 1928.

Коломенское: Очерк художественной истории и памятников. М., 1928.

Музыка архитектуры // Сб. О-ва изучения русской усадьбы. М., 1928. Вып. 4. С. 25—27.

Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе. М., 1929.

Портреты Пушкина работы Тропинина // Моск. пушкинист: Ст. и материалы. М., 1930. Ч. 2. С. 68—93.

Рецензии

Классики архитектуры. Вып. I. Чарльз Камерон. Сб. ст. М.; Пг., 1924 // Печать и революция. 1924. Кн. 4. С. 292—293.

М. Я. Гинзбург. Стиль и эпоха. Проблема современной архитектуры. М., 1924 // Там же. 1925. Кн. 2. С. 287—289.

А. И. Некрасов. Забытая Подмосковная «Пехра-Яковлевское». М., 1925 // Там же. Кн. 7. С. 294—295.

В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1923 // Там же. 1927. Кн. 3. С. 151—152.

Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1927 // Там же. Кн. 4. С. 214—216.

Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927 // Там же. Кн. 5. С. 230—231.

Н. А. Кожин. Основы русской псевдоготики XVIII века. I. С. Красное, Рязанской области. М., 1927 // Там же. Кн. 6. С. 238—240.

С. К. Романюк

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ СЫТИН. 1885—1968

Петр Васильевич Сытин был неутомимым тружеником. Всю свою жизнь — он прожил 83 года — Сытин трудился не покладая рук, и большую часть ее — пятьдесят пять лет — он посвятил изучению Москвы.

Можно позавидовать долголетней трудоспособности Петра Васильевича и его целеустремленности — почти два десятка книг и более 300 статей. Результаты поистине ошеломляющие!

Самые разнообразные темы поднимались им — это были и работы по названиям улиц, и путеводители, исследования по музейному делу, планировке города, истории отдельных зданий, сохранению исторических и архитектурных памятников... Имя этого, не знающего устали исследователя известно каждому, кто либо интересовался городом, либо занимался им профессионально.

И несмотря на то что со времени появления работ Сытина было опубликовано множество книг, они до сего времени не потеряли своего значения. Некоторые из них настолько насыщены фактами, добытыми Сытиным из архивов, что они могут заменить и сами первоисточники.

Петр Васильевич Сытин родился в Одессе 24 ноября (6 декабря) 1885 г. Детство его было нелегким — отец, повар в столовой, умер, когда сыну было четыре года, и мать тяжелым трудом содержала семью, состоящую из бабушки и двух малышей. Через пять лет она вторично вышла замуж, и отчим, работавший на химическом заводе, заменил Петру отца. В семье было решено дать мальчику образование. Городское начальное, а потом шестиклассное училища Петр Сытин окончил с первыми наградами. Думал поступать в реальное училище, но отчим умирал, платить за обучение было нечем. Однако зароненная в душу искра не потухла — страсть к учению, стремление выбиться были настолько сильны, что он не мог, да, видно, и не хотел им противиться. Петр узнает, что в Феодосии есть

учительский институт, где можно учиться на «казенном коште», т. е. на государственном иждивении, но с обязательством отработать учителем в продолжение пяти лет. В 1902 г. он приезжает туда и выдерживает суровый конкурсный экзамен: на 13 свободных мест нашлось 109 охотников.

В феодосийском институте Сытин занимается русским языком и, конечно, историей. Это был его любимый предмет — в детстве он зачитывался «Ледяным домом» Лажечникова, «Квентином Дорвардом» Скотта, «Великим Розенкрейцером» и «Царским посольством» популярного тогда Всеволода Соловьева. В 15 лет, еще школьником, Сытин прочитывает все двенадцать томов карамзинской «Истории государства Российского» и делает из них обширные выписки.

Как многие казеннокоштные студенты, Сытин бегает по частным урокам, помогая матери, высылая ей ежемесячно 15—20 рублей. Кончив институт, работая учителем в южных городах — Ольвиополе, Херсоне, он смог уже полностью обеспечить семью. Вызывает симпатию в молодом Сытине его неуемная энергия: студентом он организует воскресную школу для рабочих, среди учительских занятий находит время и возможность написать в херсонскую газету статью о реформе городских училищ. В длинном списке его печатных работ эта статья — первая.

Отслужив положенный срок, Сытин решил учиться дальше. Возник вопрос — куда поступать? Все так же привлекала история, но высшее историческое образование тогда можно было получить лишь в университете, а туда после учительского института не поступить — мала подготовка. Внимание Сытина привлек московский Коммерческий институт, учебное заведение, имевшее хорошую репутацию. В его новом здании на Щипке было немало прекрасно оборудованных лабораторий, а среди преподавателей такие известные ученые, как историки А. А. Кизеветтер и М. М. Богословский, биолог М. Н. Шатерников, математик С. А. Чаплыгин, физик А. А. Эйхенвальд. Институт состоял из двух отделений — коммерческо-технического и экономического, и на последнем преподавались в числе таких обязательных предметов, как политическая экономия, право, товароведение, и всеобщая и русская истории. Студенты старших курсов специализировались либо в коммерции, либо в промышленности, либо в административно-финансовой области, где упор делался на подготовку квалифицированных работников для местного, в частности городского, самоуправления. Сытин поступил именно на это отделение и проучился полный учебный курс — с 1910-го по 1914 г. Так он стал специалистом в городском хозяйстве.

Еще в институте Петр Васильевич Сытин пишет научную работу «О вздорожании жизни в России в 1900—1909 гг. и его причинах», которая публикуется в «Трудах» института и выпускается отдельным оттиском. Сытину предлагают остаться на

кафедре сельскохозяйственной экономики и статистики для подготовки к профессорскому званию, но тогда-то Сытин и выбирает тот путь, по которому пойдет в течение всей долгой жизни. По предложению заведующего училищным отделом городской думы он пишет доклад об организации Музея города Москвы, а пока доклад ходит по канцеляриям городской думы, ему, еще студенту, предлагают заведовать Музеем московского городского хозяйства. С 1 июля 1913 г. и начинается биография Сытина — историка и организатора изучения Москвы.

Музей городского хозяйства Москвы, образованный в 1896 г. из экспонатов, представленных городом на Всероссийскую выставку в Нижнем Новгороде, влачил жалкое существование. Ему были отведены семь комнат в восточной водонапорной Крестовской башне (за нынешним Рижским вокзалом), и был нанят сторож, который присматривал за экспонатами. Скучный, малоинтересный, расположенный на далекой тогда окраине Москвы, музей мало посещался. Как вспоминал Сытин, в него чаще всего заходили няньки с детьми, застигнутые дождем во время прогулки по улице.

Новый директор пополнил музей экспонатами с Дрезденской выставки 1911 г., Всероссийской выставки 1913 г. и, что было весьма важно, перевел его с окраины города в центр, в Леонтьевский переулок (в дом, стоявший на месте современного № 15). Здесь музей и был открыт 1 июля 1914 г., ровно за месяц до начала первой мировой войны.

В военное время было не до музеев, но, однако, уже в следующем году молодой директор составил и выпустил в свет каталог-описание московского Музея городского хозяйства. Вскоре его мобилизовали в армию, и к музейным делам он сумел вернуться только в 1920 г. Оказалось, что к этому времени московский музей был свернут, в его помещении обосновались профсоюзные организации, и все надо было начинать сначала.

Было решено создать совершенно новый, современный музей с значительно расширенной экспозицией, созданной по заранее продуманному плану.

К разработке и созданию нового музея — он стал называться Музеем коммунального хозяйства — было привлечено множество специалистов самого разного профиля — историки, инженеры, искусствоведы, архитекторы, художники. В ученый совет вошли такие известные ученые, как Д. Н. Анучин, А. Н. Реформатский, С. К. Богоявленский, А. А. Борзов. Сто пятьдесят человек заседало в 12 комиссиях, вырабатывая основы нового музея, и во всех комиссиях ученым секретарем был Сытин — подытоживал их работу и проводил в жизнь их решения. Полтора года работали комиссии, и результатом явилась разработка программ всех отделов музея. Московский коммунальный музей начал новую жизнь в новом помещении — Театральный проезд, дом 3.

В то же самое время Сытин становится во главе еще одной серьезной работы в городе. Речь идет о переименовании московских улиц. До революции в Москве было много одноименных улиц и переулков. Так, Успенских насчитывалось 11, Чернышевских — 4, Троицких — 9. Естественно, это затрудняло ориентацию в городе. Кроме того, тогда новой власти было необходимо заменить и многие неподходящие названия. Всего комиссией Моссовета по переименованию были изменены названия 447 улиц и переулков и выработаны общие принципы, придерживаться которых следовало при будущих переименованиях.

Эта большая работа послужила основой для последующих исследований Сытина, изложенных в книгах «Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы» (1938, совместно с М. И. Александровским и П. Н. Миллером), «Прошлое Москвы в названиях улиц» (1946, 1948) и «Откуда произошли названия улиц Москвы» (1959). Сытин активно участвует в организации журнала «Коммунальное хозяйство» (он выходил с 1921 по 1932 г.), в котором помещено много его статей, он читает лекции работникам коммунального хозяйства, московским учителям, составляет новый план Москвы, организовывает выставки, пишет, издает...

В январе 1926 г. Московский коммунальный музей открыл свои новые экспозиции в здании, которое идеально подходило для него,— в Сухаревой башне; роль заведующего музеем Сытина в этом переезде была весьма велика.

Знаток истории Москвы, он пишет книгу о Сухаревой башне. «Ни одно из современных московских зданий не пользуется такой широкой известностью в народе, не обвеяно так его любовью и поэтическими легендами, как Сухарева башня»,— говорит Сытин. В своей книге он рассказывает об истории строительства башни и подробно останавливается на проведенных в 1923—1925 гг. реконструкции и приспособлении ее к музейным нуждам. В обширных помещениях удобно размещались экспозиции, на первом этаже Сытин предполагал устроить хранилище книг о Москве на 100 тысяч томов, на втором — небольшой читальный зал на 60 мест и лекционный зал на 300 человек, где могли бы проводиться научные конференции и встречи любителей и знатоков истории столицы. На верху башни хотели оборудовать смотровую площадку, с которой открывался бы захватывающий вид на Москву — ведь Сухарева башня стояла на одной из самых высоких точек Москвы и сама была высотой 60 метров.

Сытин пишет несколько путеводителей по различным отделам музея, хлопочет о его расширении, мечтает устроить вокруг башни (которую он любовно называет своей «Сухаревой барышней») уголок истории Москвы с различными типами мостовых — от бревенчатой до асфальтовой, поставить там масляные, газовые, электрические фонари, которые горели

бы по вечерам, заботится о переносе трамвайных путей в обход башни... Но осуществить все это ему не удалось. В 1929 г. он вынужден был уйти из музея, а в 1934 г., несмотря на протесты, на то, что специалисты предложили по-новому организовать движение вокруг Сухаревой башни, не затрагивая ее, несмотря на неоспоримое художественное значение, Сухареву башню сломали. Московский коммунальный музей был закрыт.

В 1920-х гг. Сытин энергично занимается охраной памятников Москвы, принимая деятельное участие в оживленной газетной и журнальной полемике, развернувшейся по поводу предполагаемого сноса Китайгородской стены и Красных ворот. Он выступил в защиту старинных сооружений, настаивая на том, что «Китайгородская стена и ее башни положительно нужны городу Москве для логического и художественного восприятия его центра». Но, как известно, протесты многих и многих представителей культуры не возымели никакого действия — были безжалостно разрушены не только Китайгородская стена и Красные ворота, но и десятки других выдающихся памятников истории и архитектуры. Сытин особенно тяжело переживал снос Сухаревой башни.

В 1920—1930-е гг. Сытин активно включается в научную работу. Сказалась давняя склонность, а также сыграла роль и просьба архитектора А. В. Щусева, работавшего над планом реконструкции Москвы, исследовать историю образования уличной сети в Москве. Результатом стали десять статей под общим названием «Старая планировка и застройка Москвы. Белый город» в журнале «Коммунальное хозяйство» за 1924—1928 гг., статья «Перепланировка центра Москвы в начале XIX в.» в том же журнале и статья «Пушечный двор в Москве» в сборнике «Московский краевед» (в 1929 г.). Сборник издавался Обществом по изучению Московской губернии, и в этом обществе, а именно в комиссии «Старая Москва», состоявшей из ученых и любителей, людей разного возраста и званий, объединенных интересом к истории Москвы, Сытин много раз выступал с содержательными докладами. Он принимал активное участие в работе общества, будучи заместителем председателя комиссии «Новая Москва».

Уход Сытина из Московского коммунального музея не означал разрыв его с работой по изучению Москвы. Работая плановиком-экономистом и статистиком, Сытин с увлечением включился в научно-исследовательскую программу Метростроя, где несколько бригад историков и археологов трудились над поисками старых, заброшенных колодцев, рвов, погребов, которые при неглубоком заложении тоннелей метро представляли немалую опасность для метростроевцев. Так, в 1933 г. в уже готовый тоннель метро под площадью Свердлова неожиданно прорвался поток воды. Откуда? Что было на этом месте? Обратились к Сытину. Он выяснил, что здесь находился колодец

питейного дома «Петровское кружало». Тогда-то Метрострой и обратился к ученым с просьбой провести исследования по всей трассе строительства метро.

Изучение проводилось серьезное, привлекались и старые планы, и археологические обследования, и мемуарные свидетельства, и научные работы. Сытин занимался одним из наиболее трудных участков трассы — от улицы Горького до Красных ворот и от площади Свердлова до Пушкинской площади. Материалы, собранные и обработанные Сытиным по первому участку трассы, были им опубликованы в интереснейшем сборнике статей «По трассе метро I очереди». В архиве Музея истории Москвы находится и другая его работа — по изучению линии метро II очереди. Часть ее была использована П. В. Сытиным в статье, написанной по заданию Московского Художественного театра, где рассказывалось об истории театрального здания.

В те же 1930-е гг. Сытин написал великое множество — их трудно перечесть: наверное, больше сотни — журнальных и газетных статей о московских площадях и улицах. Позже они легли в основу его книги «Из истории московских улиц», вышедшей тремя изданиями — в 1948, 1952 и 1958 гг. Последнее издание — это солидный том в 844 страницы, в котором можно найти сведения об истории почти каждой значительной московской улицы. И до сих пор в огромной «москвиане» нет исторического путеводителя, подобного сытинскому по охвату и глубине содержания.

Великую Отечественную войну П. В. Сытин встретил на работе в том же московском музее, куда он возвратился заведующим научно-консультационным бюро в 1939 г. В июле 1941 г. Сытин эвакуировался в Татарскую АССР, работал там экономистом, преподавал в средней школе и выступал перед воинами, уходящими на фронт, читал им лекции о Москве, о ее истории и предвоенной реконструкции.

Возвратясь в Москву, П. В. Сытин включился в работу по подготовке к 800-летнему юбилею столицы. Он праздновался в 1947 г., и в этом же году Сытина наградили в знак признания его заслуг в области изучения Москвы орденом Трудового Красного Знамени.

В связи с отмечавшимся юбилеем Академия наук начала подготовку к изданию серьезного научного труда, посвященного Москве. Шеститомная «История Москвы» выходила с 1952 по 1959 г. и явилась не только своеобразным подведением итогов ранее проделанных исследований, но и стимулом для дальнейших работ. В этом фундаментальном издании участвовали такие маститые историки, как С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, С. К. Богоявленский, Н. М. Дружинин и другие. П. В. Сытину принадлежат две главы в этом труде — о территории и застройке Москвы конца XVII — первой четверти XVIII в. в первом томе и о периоде с 1725 по 1800 г. во втором.

П. В. Сытин написал огромное количество работ по Москве, но главным трудом его жизни остались три тома «Истории планировки и застройки Москвы». Работа над ними началась еще в 1920 г., но только в 1950-м вышел первый том. Это был первый выпуск «Трудов» Музея истории и реконструкции Москвы (их, к сожалению, вышло всего восемь, и после этого музей уже не издавал их — а жаль: в его архиве сохранилось немало прекрасных работ, ждущих читателя; под эгидой музея работа по публикации московских материалов могла бы продолжиться).

Первый том «Истории планировки и застройки Москвы», как и последующие, носил подзаголовок «Материалы и исследования»; он охватывал период с 1147 по 1762 г. Второй том появился в 1954 г., в нем рассказывалось о времени между 1762 и 1812 гг. И, наконец, третий том был опубликован в 1972 г., уже после смерти П. В. Сытина, умершего 28 октября 1968 г. Этот последний том автору пришлось писать с большими трудностями — он почти ничего не видел: и так-то не очень хорошее зрение не выдержало десятков лет напряженного чтения тысяч и тысяч архивных документов, написанных неразборчивым почерком. Третий том фундаментального труда подготавливали к печати дочь П. В. Сытина, его неизменный друг и помощник Наталья Петровна Сытина и журналист И. С. Романовский.

Эти сытинские тома — настоящий научный подвиг. Трудно представить, сколько часов надо было просидеть в читальных залах архивов, сколько надо было прочитать документов, чтобы из этого невообразимого количества выбрать те сотни и тысячи, которые вошли в «материалы и исследования» П. В. Сытина по истории Москвы. Часто бывает — исследователь обращается к «Сытину» в надежде, что уж там-то он найдет то, что нужно ему,— и действительно, «Сытин» не подводит.

В его исследовании проанализированы все крупные планы и схемы Москвы XVII — начала XIX в., приведены обширные выписки из документов по застройке города, опубликованы сотни планов отдельных участков города, сделаны существенные выводы, относящиеся к развитию планировки Москвы. В первом томе только ссылок около 600, во втором — около 1000, и почти все эти ссылки на архивы, на неопубликованные материалы. Сколько же новых фактов ввел в научный оборот П. В. Сытин? Трудно даже приблизительно ответить на этот вопрос.

Коллеги П. В. Сытина, специалисты-историки, высоко оценили его многолетний труд: в 1954 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

До последних лет жизни Сытин не прерывал связей с основанным им музеем. Он оставался членом его ученого совета, к нему часто обращались за различного рода справками и консультациями, советами по различным вопросам музейной жизни.

Долгая, наполненная трудом, плодотворная жизнь Петра Васильевича Сытина была посвящена Москве — его работы внесли существенный вклад в изучение истории нашего города.

* * *

Статья написана на основе материалов архива П. В. Сытина, хранящегося в фонде Музея истории Москвы, и воспоминаний его дочери Натальи Петровны Сытиной, которой автор сердечно благодарен.

Список работ П. В. Сытина *

Отчет о деятельности Музея московского городского хозяйства за 1914 год. М., 1915.

Каталог Музея московского городского хозяйства. М., 1915.

Музей московского городского хозяйства // Москва: Путеводитель / Под ред. Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленского, М. С. Сергеева и К. В. Сивкова. М., 1915.

Коммунальный музей // Коммунальное хоз-во. 1921. № 1—2.

Московский коммунальный музей // Там же. № 7. С. 41—42.

По Московскому коммунальному музею // Там же. 1922. № 2, 3, 5, 7, 10, 15; 1923. № 2, 4, 10, 15, 16.

О секциях и комиссиях МКХ в Моссовете // Там же. № 4. С. 13—14.

О переименованиях улиц города Москвы // Там же. № 6. С. 13—15.

Происхождение новых названий московских улиц // Там же. № 8—9 (Совместно с М. И. Александровским). С. 24—26.

Коммунальный музей за июнь, июль, август 1922 года // Там же. № 10. С. 27—28.

Развитие коммунального хозяйства г. Москвы // Там же. 1923. № 21. С. 20—26.

Московский коммунальный музей // По фабрикам и заводам. М., 1923. С. 219—225.

Московский коммунальный музей // Справочник коммунального работника за 1924 год. М., 1924. С. 296—298.

Коммунальное хозяйство г. Москвы // Настольный справочник жилищного товарищества на 1924 год / Сост. под ред. Б. Б. Веселовского. М., 1924. С. 180—195.

Каталог-путеводитель по Московскому коммунальному музею. Отдел I. Климат, территория, население, промышленность и торговля Москвы. М., 1924.

Старая планировка и застройка местностей г. Москвы // Коммунальное хоз-во. 1924. № 15—16, 17, 18, 19—20, 23.

Московский коммунальный музей. Отдел IV. Водоснабжение Москвы (1779—1925) / Под. ред. П. В. Сытина. М., 1925.

---

* В предлагаемый список сочинений Петра Васильевича Сытина помещены только те, которые относятся к изучению Москвы. Вне этого списка — значительное число его работ по экономике и педагогике, а также отзывы и рецензии. В список не включено также большое количество газетных статей, которые почти все вошли затем в более и менее переработанном виде в его книгу «Из истории московских улиц».

Московский коммунальный музей. Отдел V. Канализация г. Москвы. Очистка, водостоки, бани и кладбища / Под ред. П. В. Сытина. М., 1925.

Старая планировка и застройка г. Москвы // Коммунальное хоз-во. 1925. № 1. С. 23—25; № 22. С. 45—54.

Сухарева башня и площадь // Там же. № 10. С. 35—43.

О регулировании движения у Сухаревой башни // Там же. № 11—12. С. 30—34.

Справочная картотека домовладений г. Москвы при Московском коммунальном музее // Там же. № 16. С. 36—43.

Надо ли охранять все старое? // Там же. № 23. С. 47—51.

Московский коммунальный музей (К 5-летию его деятельности) // Там же. № 18. С. 3—6.

Как вести работу с учащимися по изучению городского хозяйства // Вестн. просвещения. 1925. № 10. С. 55—60.

Коммунальное хозяйство. Благоустройство Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов. М., 1926.

Путеводитель по коммунальным предприятиям и учреждениям города Москвы. М., 1926.

Сухарева башня (1692—1926). Народные легенды о башне, ее история, реставрация и современное состояние. М., 1926.

Очередные задачи Московского коммунального музея // Коммунальное хоз-во. 1926. № 1. С. 9—11.

Новая Москва и памятники старины // Там же. № 6. С. 35—36.

Палисадники на Садовых улицах г. Москвы // Там же. № 21—22. С. 15—23.

Этапы развития Московского коммунального музея // Там же. № 23—24. С. 106—109.

Московский коммунальный музей (К открытию его в Сухаревой башне) // Известия ВЦИК. 1926. № 12.

30-летие Московского коммунального музея // Там же.

Московский коммунальный музей. Отдел VII. Внешнее благоустройство Москвы (Замощение, освещение и садовое хозяйство). Газовый завод. Зоопарк / Под ред. П. В. Сытина. М., 1927.

Каталог-путеводитель по Московскому коммунальному музею. Добавление I. Отдел I (климат, территории, население, промышленность и торговля г. Москвы) и историческая часть других отделов музея. М., 1927.

Тридцатилетие Московского коммунального музея // Моск. краевед. М., 1927. Вып. 1.

Музей города Москвы // Там же. Вып. 2.

Об изучении города Москвы (К организации при Обществе изучения Московской губернии секции «Новая Москва») // Там же.

Старая планировка и застройка Москвы // Коммунальное хоз-во. 1927. № 15—16, 21—22.

И. А. Вернер. Некролог // Там же. № 19—20.

Московский коммунальный музей в 1927—28 гг. // Моск. краевед. М., 1928. Вып. 3.

То же // Коммунальное хоз-во. 1928. № 9—10.

Старая планировка и застройка Москвы // Там же. № 13—14.

Московский коммунальный музей. Отдел III. Пути и средства сообщения г. Москвы (Городские проезды. Река Москва и ее притоки.

Индивидуальные и общественные средства передвижения. Средства связи) / Под ред. П. В. Сытина. М., 1929.
Пушечный двор в Москве в XV—XIX в. // Моск. краевед. М., 1929. Вып. 2.
Перепланировка центра г. Москвы в начале XIX в. // Коммунальное хоз-во. 1929. № 5—6.
Новая Москва. (К открытию секции с таким названием в Обществе изучения Московской области) // Там же. № 7—8.
Вокруг современной Москвы. (По Окружной железной дороге). М., 1930.
Старое — новому // Коммунальное хоз-во. 1932. № 6.
Москва, Берлин, Вена. Статистические параллели развития их коммунального хозяйства в 1926—30 гг. // Там же. № 8.
Методика и программа краеведного изучения вопросов коммунального хозяйства // Сов. краеведение. 1934. № 2.
Застройка по трассе от площади Свердлова до улицы Горького с XIV по XX век / По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. Л., 1936.
Застройка по трассе от площади Свердлова до площади Дзержинского с XV по XX век // Там же.
Застройка по трассе от площади Дзержинского до Красноворотской площади с XIV по XX век // Там же.
История площадей города Москвы // История в школе. 1936. № 6. С. 21—42.
Площадь Дзержинского // Стр-во Москвы. 1937. № 13.
Улица Кирова // Там же. № 14.
Улица Горького // Там же. № 16.
Площадь Свердлова // Там же. № 23—24.
Происхождение названий улиц, переулков и площадей Москвы. М., 1938. (В соавторстве с М. И. Александровским и П. Н. Миллером).
Колхозная площадь // Стр-во Москвы. 1938. № 2.
Зарядье // Там же. № 7.
К истории планировки Москвы // Там же. № 12.
Замоскворечье // Там же. № 16.
Первая Мещанская улица // Там же. № 20.
Набережные Москвы-реки // Там же. 1939. № 7—8.
Набережные реки Яузы // Там же. № 12.
Сельскохозяйственные выставки в Москве // Там же. № 15.
Первый план Москвы // Там же. № 19—20.
Первый водопровод в Москве // Вечерняя Москва. 1939. № 75.
Улица Покровка, ныне Чернышевского // Стр-во Москвы. 1940. № 3.
Площадь Коммуны // Там же. № 8.
Стихийное развитие Москвы в XV—XIX вв. // Там же. № 11—14.
Прошлое Москвы в названиях улиц. М., 1946.
Музей города Москвы // Вечерняя Москва. 1946. № 290.
По старой и новой Москве. Исторические районы, главные улицы и площади великого города. М., 1947.
Памятники военной истории в Москве // Блокнот агитатора вооруженных сил. 1947. № 8. С. 28—32.
Из истории московских улиц. М., 1948.
Прошлое Москвы в названиях улиц. М., 1948.
История владения Московского Художественного театра // Ежегодник Моск. Художественного театра за 1947 г. М.; Л., 1949.

Упорядочить названия московских улиц // Гор. хоз-во Москвы. 1950. № 2.

История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования: В 3 т. М., 1950—1972.

Создать музей города Москвы // Моск. правда. 1950. № 220.

Из истории московских улиц. М., 1952.

Территория и застройка Москвы в 1700—1725 гг. // История Москвы. М., 1953. Т. 2.

Территория, планировка и застройка Москвы в 1725—1800 гг. //Там же.

Воспоминания о А. М. Васнецове // Аполлинарий Васнецов. К столетию со дня рождения. М., 1957.

Из истории московских улиц. М., 1958.

Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959.

Е. Б. Овсянникова

«РАБОТА БЫЛА ВЕСЬМА ИНТЕРЕСНАЯ...»

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ ВИНОГРАДОВ. 1885—1980

Архитектор Николай Дмитриевич Виноградов прожил долгую и интереснейшую жизнь. Он начал изучать историю Москвы, ее архитектуру и культурные традиции с 1910-х гг. и оставил множество свидетельств о своей работе.

Н. Д. Виноградов родился 15 мая 1885 г. в семье земского фельдшера в селе Гнилец Кромского уезда Орловской губернии. Впоследствии семья Виноградовых жила в Томске. Его дед по отцовской линии был священником в Полотняном Заводе Гончаровых, а дед по материнской линии был агрономом; он приехал из Австрии и работал управляющим имениями в Орловской губернии [1].

С 1902 г. Н. Д. Виноградов жил в Москве, устроившись «на Ляпинке» — в бесплатном студенческом общежитии. Он сдал экстерном экзамены в Томском реальном училище и стал учиться в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Здесь сначала его больше привлекала мастерская пейзажа, которой руководил Аполлинарий Васнецов, а позже Виноградов стал заниматься на архитектурном отделении [2].

В училище в то время шла борьба антиакадемических группировок студентов с «умеренными» преподавателями. Широко развернулась и деятельность политических кружков. Виноградов сблизился с революционно настроенными студентами, стал одним из руководителей студенческой дружины и как участник «фидлеровского» дела в 1905 г. оказался в тюрьме [3]. О продолжении регулярной учебы в училище не могло быть речи, т. к. Виноградов еще неоднократно оказывался в тюрьме — то за хранение карикатур на царскую фамилию, то по иным поводам. В тюрьме в 1907 г. он познакомился с П. Н. Миллером, одним из руководителей Всероссийского почтового союза, участником революции 1905—1907 гг., в дальнейшем составившим себе имя как ученый секретарь комиссии «Старая Москва» при Московском археологическом обществе. Благодаря ему Виноградов стал интересоваться ра-

ботой этого общества, а после революции стал одним из самых активных членов комиссии «Старая Москва».

Еще студентом Виноградов предпринял ряд изданий: каталога организованной им выставки лубка (1913), открыток, посвященных Маньчжурии и китайскому народному искусству, конспектов лекций по истории искусства и др.

Китайские народные картинки Виноградов стал собирать, побывав в Харбине, где жил, работал и умер его отец. Коллекцию русских народных пряников он пополнял в течение 1910—1920-х гг. и впоследствии передал в Государственный музей этнографии народов СССР в Ленинграде [4].

В 1913 г. он наиболее близко соприкоснулся с деятельностью примитивистов и футуристов (М. Ф. Ларионов и Н. С. Гончарова приняли участие в его выставке лубка) [5]. Но впоследствии он рассматривал художественный авангард скорее как некий курьез, чем как основополагающее художественное направление. Ко времени окончания училища в 1915 г. Виноградов уже сотрудничал с несколькими зодчими и учеными-историками архитектуры. Его непосредственным учителем был С. В. Ноаковский (преподаватель архитектурного проектирования), дипломный проект вел А. В. Щусев. К этому моменту Виноградов уже имел постройки, выполненные им в качестве помощника архитекторов И. Е. Бондаренко, А. О. Гунста, И. П. Злобина, Р. И. Клейна. Даже будучи во время первой мировой войны на фронте в строительном отряде Земсоюза, он в 1916—1917 гг. обмерял и фотографировал памятники старины Пскова.

После Великой Октябрьской революции Виноградов начал работать в газете «Беднота», но вскоре, в 1918 г., стал заместителем наркома имуществ Республики по вопросам искусства и возглавил Комиссию по охране памятников Моссовета [6]. Она действовала в условиях своеобразной конкуренции. Возникший чуть позже Отдел по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса получил приоритет в этом деле. Комиссию Моссовета пытались расформировать, часть сотрудников ее перешла работать в Наркомпрос, но в дальнейшем она все же продолжала свою работу как местный московский орган охраны культурного наследия.

Виноградов вынужден был постоянно бороться за статус комиссии, получая самые противоречивые указания сверху. Несмотря на, казалось бы, непреодолимые бытовые трудности и нехватку средств, сталкиваясь с непониманием проблем охраны памятников, комиссия развернула многоплановую деятельность, которая нисколько не дублировала работу аналогичного центрального органа при Наркомпросе. Специфика ее работы была в опоре на самые различные слои населения, одновременно на любителей и профессионалов. В нее были «делегированы» представители творческих союзов города («Изограф» и др.), а предыстория ее началась с создания

при Моссовете после Февральской революции Художественно-просветительной комиссии [7].

Поначалу в центре внимания Комиссии по охране памятников Моссовета была помощь людям искусства и коллекционерам в сохранении художественных произведений. Она выдавала «охранные грамоты» на мастерские и собрания произведений искусства. Но Отдел по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса тоже выдавал охранные грамоты. Во избежание путаницы было решено, что собрания, зарегистрированные комиссией Моссовета, будут в ее ведении (речь шла об основной массе частных коллекций, потому что Наркомпрос занимался главным образом национализированными собраниями и уникальными произведениями). Кроме того, при комиссии Моссовета было открыто «Хранилище произведений современного искусства» [8].

Комиссия, которой руководил Виноградов, организовала Пролетарские музеи: ее члены не только заинтересовались судьбой тех произведений искусства, которые были брошены владельцами, бежавшими за границу, или реквизированы чекистами, но и попытались сказать свое слово в музейном деле. Устройство экспозиции Пролетарских музеев было отдано Виноградовым в руки художников, которые стремились придать ей занимательность и эффективность. Их концепция районного музея на основе бывших частных собраний, названного Пролетарским, была альтернативной идее централизации музейных фондов, которую проводили в жизнь сотрудники Наркомпроса. К 1920 г. Пролетарских музеев в Москве насчитывалось восемь. При некоторых из них были филиалы (отделения). В общей сложности получилось 14 музейных экспозиций [9].

Виноградов привлек в комиссию многих своих соучеников, архитекторов: Д. П. Осипова, В. М. Борина, В. А. Дьяконова, А. И. Ефимова, Я. А. Корнфельда, В. В. Немирова и других. Они стали ее штатными сотрудниками и развернули большую исследовательскую работу. Кроме того, в комиссию пришли священнослужители, антиквары, фотографы. Назовем, к примеру, И. И. Кузнецова, протоиерея Покровского собора (храма Василия Блаженного) на Красной площади, М. И. Александровского, возглавившего ее церковно-археологический отдел, Н. А. Носова, в прошлом фабриканта, ставшего хранителем первого Пролетарского музея.

Казалось бы, Комиссия по охране памятников была далека от революционной пропаганды, развернутой по инициативе В. И. Ленина. Однако получилось, что многие проблемы решали одни и те же люди. Так, Н. Д. Виноградов, когда он еще был помощником наркома имуществ Республики, оказался в центре событий, связанных с воплощением в жизнь ленинского плана монументальной пропаганды, его обязали «не менее двух раз в неделю информировать тов. Ленина, что

я и делал, имея величайшее счастье общения с Владимиром Ильичем»,— писал он в автобиографии [10]. А его соратники, сотрудники комиссии Моссовета по охране памятников, стали благодаря ему авторами монументов, эмблем, знамен и проектов оформления площадей (Д. П. Осипов, А. И. Ефимов, Н. А. Всеволожский и другие) [11].

Для А. В. Щусева и других авторов проекта «Новая Москва» Виноградов в 1922 г. составил схему и описание выдвинутых им предложений расстановки в городе монументов. Как известно, целый ряд памятников уже был к этому времени создан в соответствии с ленинским планом, но вскоре после установки на площадях Москвы большинство произведений скульпторов пришлось убрать, так как они не были ни удачны, ни связаны с местом, на котором поставлены. Архитектор выдвинул градостроительные критерии подбора памятников для той или иной площади, направленные на изменение ситуации, которая сложилась стихийно. И что очень важно — проявил понимание ценности архитектурно-художественного наследия древнего города, в том числе и его планировочной структуры. Облик памятников архитектуры Москвы был решающим критерием выбора места для того или иного монумента [12].

Вот как сам Виноградов охарактеризовал свою работу в этот период в письме от 20 сентября 1920 г. к другу — художнику К. П. Ершову: «...комиссия (по охране памятников.— *Е. О.*) как учреждение Московского Совета Раб. и Кр. Д. существует и до сего дня. Работа была весьма интересная, и я работал и работаю с захватывающим интересом. Хотя с декабря 1919 г. я ведаю всей изобразительной частью плюс охраной, но первое меня мало устраивает, и я все жду преемника, чтобы от нее отказаться. А преемника-то все нет как нет. Приятели мои по училищу разбежались от меня, т. к. жрать нечего, условия труда собачьи... Итог моей работы выражается в организации 15 музеев по Москве, в которых сосредоточено громадное количество произведений искусства. От монет греков и римлян до русских икон включительно: фарфор, живопись, скульптура, восточные вещи, библиотеки по искусству, прочее и прочее. Под моей охраной художественное имущество Москвы, а с июля и Московской губернии [13]. Кроме того, я был злым гением разрушения. Я уничтожил памятник Скобелеву, Александру III, снял и поместил в Музей изящных искусств фигуру Александра II из Кремля, бюсты Екатерины II, 6 шт. и пр. и пр. За это меня костят порядочно. У меня есть учреждение, занимающееся сбережением и охраной имущества современных художников, которое они не в состоянии уберечь. (Речь идет о хранилище произведений современного искусства.— *Е. О.*) Это учреждение не считает их своими, пока жив художник, и выдает по первому его требованию. Одним словом, работаю всей душой...» [14]

Но самым важным для раскрытия призвания Виноградова как истинного москвоведа стало обследование застройки Москвы. Именно от него зависел выбор кардинального научного направления деятельности комиссии: ориентация работы на составление списков памятников архитектуры на основе тщательного планомерного обследования всей территории города и на проведение в дальнейшем классификации старинных зданий.

Если организация музеев и срочная выдача охранных грамот смыкались с тем, что делали и сотрудники Наркомпроса, то эта длительная и, в сущности, рассчитанная на далекую перспективу работа, безусловно, больше всего соответствовала задачам, стоявшим перед местным органом охраны наследия, каким и была комиссия Моссовета.

Далеко не все знают, что до революции не существовало списков памятников зодчества Москвы во всем их многообразии. Были опубликованы лишь подробные перечни церквей, составленные М. И. Александровским и другими авторами, но о гражданских постройках даже специалисты имели весьма относительное представление. Поэтому авторы проекта «Новая Москва» (первого советского проекта реконструкции столицы) обращались за списками лучших старинных зданий к специалистам, и в первую очередь к Виноградову, у которого с 1918 г. была сосредоточена информация о памятниках зодчества Москвы.

Территории, расположенные близ Кремля, привлекали многочисленных администраторов правительственного и ведомственного уровня, которые боролись за сферы влияния и захватывали особняки под вверенные им конторы. Чуть дальше, за чертой Белого города, все, кроме капитальных построек, жители самочинно разбирали на дрова: сараи, заборы, садовые беседки, несмотря на то, что многие из них были созданы в эпоху «послепожарной» Москвы и строились по так называемым образцовым чертежам. Основная масса этих памятников, как правило, не попадала в поле зрения знатоков, хоть и представляла мастеров, являясь неотъемлемой частью замечательных ансамблей — городских усадеб первой половины XIX столетия. Регистрировать лучшие из них и стала комиссия под руководством Виноградова.

В 1919—1921 гг. комиссия обследовала почти весь город, составив списки деревянных старинных зданий.

Данные об этой работе архитектурного отдела комиссии содержатся в отчетах, которые сохранились в архиве Н. Д. Виноградова.

Они свидетельствуют, что собранные исследователями материалы были показаны на экспозиции «Уходящая деревянная Москва», созданной в 1921 г. в доме на Малой Дмитровке, где помещалась комиссия. Это были небольшие фотографии и чертежи обмеренных зданий, которые, казалось, могли быть

интересны только историкам. Однако выставка «привлекла не только всю архитектурную Москву, все архитекторы-художники Питера, приезжавшие в это время в Москву, считали своим долгом побывать на выставке»,— отмечал Виноградов. Он не сомневался: «...такой успех выставки объяснялся тем, что лучшие архитекторы нашего времени ясно учитывают отсутствие строительных материалов и видят ближайшее разрешение строительно-жилищного кризиса в деревянных сооружениях»[15].

А. В. Щусев также считал, что показанные в 1921 г. материалы могут послужить для «разрешения предстоящего ближайшего строительства как в смысле архитектурных форм, так и планового и технического разрешения, когда строительным материалом является дерево»[16].

О роли комиссии, которой руководил Виноградов в обследовании города, говорит письмо, полученное из Наркомпроса заместителем Виноградова в комиссии Д. П. Осиповым: «Нужны срочно сведения, сколько домов осмотрено бегло, обследовано. Это очень необходимо для доклада с целью обрисовки нашей деятельности в связи с сокращением штатов. 1921 г. Н. Левинсон. Крайне важно получить исчерпывающие сведения, причем в докладе в Совнаркоме будет указано, что это сделано Московской комиссией. Игорь Грабарь»[17].

Ни деревянные дома, ни штаты комиссии Грабарю и Виноградову не удалось отстоять. Но труд комиссии не прошел бесследно. Например, в архиве Виноградова сохранилась гуашь Н. Я. Тамонькина, на которой изображен не дошедший до наших дней флигель (в бывшем владении И. В. Скворцова), в котором, а не в том здании, на котором прежде была установлена мемориальная доска, как установили сотрудники комиссии, родился А. С. Пушкин[18]. С докладом на эту тему Н. Д. Виноградов выступал на Пушкинских торжествах в 20-е гг.

Работа комиссии по охране памятников Моссовета была исключительно многообразной, но к концу 1921 г. средств на ее содержание не оказалось. В 1922 г. Виноградов продолжал бороться за сохранение статуса своего коллектива, однако в 1923 г. комиссия практически перестала работать, т. к. в ее штате остались лишь заведующий и его заместитель. В 1924 г. Виноградов вынужден был искать другую работу, и ему удалось перейти в Отдел благоустройства Московского управления коммунального хозяйства (МКХ) на должность архитектора «по ремонту исторических памятников». Началась «реставрационная» эпоха в его деятельности.

Он и раньше выполнял подобные работы. Так, с целью создания музея в 1923 г. ему предложили отреставрировать подпольную типографию ЦК РСДРП на Лесной улице (работы он провел по заданию Музея Революции)[19].

Но среди всех отреставрированных им сооружений в 20-х гг.

исключительное значение имели те, от облика которых зависел архитектурный ландшафт всего города. Виноградов в середине 20-х гг. занимался Красными и Триумфальными воротами, Китайгородской стеной, Сухаревой башней и т. д.

Сотрудники комиссии Моссовета и лично Виноградов наблюдали за ремонтом произведений архитектуры, который проводился арендаторами. По инициативе Виноградова и его сослуживцев Президиум Моссовета неоднократно выносил решения о порядке ремонта и реставрации памятников. Но Красные ворота, Китайгородская стена, Грот в Александровском саду, Триумфальные ворота, Сухарева башня, т. е. самые заметные сооружения, благодаря которым складывалось впечатление о Москве в целом, не имея арендаторов, превращались в руины.

Сотрудникам Наркомпроса пришлось искать организацию, которая смогла бы содержать такие памятники, и в результате эти сооружения в 1925 г. взял на свое попечение Моссовет, поручив отделу коммунального хозяйства отремонтировать их[20]. Архитектором, призванным сделать это, и стал Виноградов. Он завершил реставрационные работы, начатые в процессе приспособления Сухаревой башни под Московский коммунальный музей архитектором З. И. Ивановым, и почти одновременно приступил к срочным работам по восстановлению Красных ворот.

В то время не могло быть и речи об «академической» последовательности реставрации. Как правило, чертежи в окончательном виде выполнялись лишь для демонстрации полученных результатов. Все приходилось решать немедленно и на месте, все стадии реставрационных процессов накладывались одна на другую. Однако это не снижало научных критериев, с которыми Виноградов подходил к делу. Он, так же как и другие крупнейшие специалисты того времени (Д. П. Сухов, П. Д. Барановский), считал, что его задача — «реставрация как метод исследования».

Материалы, сохранившиеся в его архиве, показывают, что стадия исследования Красных ворот все-таки была, но проходила в чрезвычайно сжатые сроки. В процессе этой работы зодчий выяснил историю создания памятника: изучил литературные источники, архивные документы. Главной своей задачей он считал очистку ворот от неудачных поздних покрасок. Недостаток средств, отпущенных на ремонт (по смете — 2000 рублей), не позволил даже и думать о замене больших фрагментов белого камня, покрытого краской, которая задерживала влагу, портившую сооружение. Камень был очищен от наслоений, а скульптурные украшения, прежде золоченные были при реставрации лишь покрыты желтой краской. Форма кровли была восстановлена по первоначальному образцу (она была хорошо видна на чердаке, где сохранились все профили прежнего завершения ворот; там же, на чердаке, скры-

вались базы пилястр, украшавшие боковые фасады верхней части ворот). Завершив работу, архитектор написал статью, которая вызвала интерес специалистов [21].

Далее он приступил к реставрации Китайгородской стены (лишь небольшой ее участок был отремонтирован в 1918—1919 гг. архитектором Н. В. Марковниковым). Вот описание, которое сделал в 1925 г. Виноградов: «Все арки используются под различные служебные помещения от уборных до конюшен включительно». На сводах Космодамианской башни «растут тополи и устроены каменные скамьи для отдыха обитателей смежного двора...»[22] Так крепостное сооружение выглядело на всем его протяжении, а проездные башни служили пристанищем для бездомных.

«При реставрационных работах мною,— писал Виноградов,— был выяснен боевой профиль Китайгородской стены, существенно отличавшийся от профиля Кремлевских стен...» (этот профиль был впоследствии вычерчен им и опубликован)[23]. «Стены со стороны города состояли из ряда больших арок, так называемых «печур». В этих печурах размещался нижний — подошвенный бой, и из них шли всходы на стену,— отмечал он.— Арки несли ходовую платформу, на которой располагались защитники крепости, укрывавшиеся за зубцами-мерлонами, поражая со стены противника через специально сделанные отверстия-бойницы...» Все эти арки и были застроены лавками, заняты под склады. Стена так «заросла», что некоторые ее участки стали видны только во время реставрации.

Архитектор продумал реконструкцию недостающих частей стены, мерлонов, бойниц, печур, нашел даже остатки деревянных ставен, закрывавших бойницы, которые имели специальные засовы. Места для этих засовов сохранились в мерлонах, уцелевших с XVII в. Он спроектировал и кровлю из теса для защиты стены от воды и снега.

Сам архитектор считал, что особенно сложно было восстановить стену в той ее части, которая была одновременно и подпорным сооружением,— вдоль Никольской улицы, там, где рельеф повышается от нынешней Театральной площади в сторону Кремля. Здесь стена сильно расслаивалась[23]. После 1926 г. работы продолжал архитектор Н. А. Всеволожский, соратник Виноградова по комиссии Моссовета.

В 1925—1926 гг. Виноградов начал работы и в Александровском саду; приведение его в порядок входило в общую смету, в пределах которой действовал отдел благоустройства МКХ. Намеченная починка чугунных ворот и решеток была, однако, отложена, были восстановлены только утраченные детали Грота.

К концу 20-х гг. развернулась кампания переоценки наследия с позиций вульгарного атеизма. Сильны были и прагматические идеи «использования» старинных сооружений. В такой обстановке продолжала действовать Комиссия по охране

памятников Моссовета, в которую Виноградов вернулся во второй половине 20-х гг. как рядовой научный сотрудник. Но он продолжал мечтать об обследовании города, начатом под его руководством. Центр Москвы (Белый город) не был еще тщательно изучен. Сразу же после революции в Охотном ряду были открыты хорошо сохранившиеся палаты XVII в. (Голицына и Троекурова), до неузнаваемости перестроенные. Подобные раскрытия исследователи делали и во второй половине 20-х гг., и в этом была заслуга комиссии «Старая Москва»[24].

В 1926 г. Виноградов создал при комиссии «Старая Москва» особую секцию для регистрации вновь открытых древних зданий (секретарем этой секции был К. А. Верещагин). Виноградов возглавил ее и так направил работу, что секции удалось значительно расширить представления ученых о древнейших гражданских постройках — палатах XVII—XVIII вв.

«Предполагаемая работа по учету,— сказал Н. Д. Виноградов на организационном собрании архитектурной секции,— будет как бы продолжением прежних работ в этой области. Так как кое-какие материалы от того времени сохранились, то они и будут положены в основу ныне предпринимаемой работы, так же как и имеющиеся печатные материалы»[25]. Он показал собравшимся планы зданий, бравшихся на учет, и их фотографии (речь шла о работе комиссии Моссовета).

Тогда же было решено, что «регистрации подлежат все архитектурные памятники, то есть начиная с самых древних и кончая новейшими, если они вызывают тот или иной интерес».

Среди документов комиссии интересен список районов, распределенных для обследования между ее членами. А. М. Васнецов занимался Покровкой и примыкающими к ней переулками, так как сам жил неподалеку, в Фурманном переулке. П. Н. Миллер взял на себя район Мясницких (Кировских) и Сретенских ворот (он жил в здании Московского почтамта как его прежний служащий). Н. Д. Виноградов обследовал участок, расположенный между Б. Никитской (улица Герцена) и Спиридоновкой (улица А. Толстого).

Все участки были исключительно ответственны. Действительно, членами «Старой Москвы» было замечено множество древнейших памятников Москвы, теперь отреставрированных и широко известных,— они перечислены в статье Н. Д. Виноградова, опубликованной в 1927 г. в журнале «Московский краевед»[26].

«Москва как древний город до сего времени остается неизученным,— писал он,— до революции в Москве гражданских зданий XVII-го и ранее веков насчитывалось лишь около десятка (вне Кремля 13). Обследование Москвы комиссией по охране памятников Моссовета довело цифру известных древних жилых зданий до 30, теперь же, когда за эту работу

взялась Комиссия (секция) по регистрации архитектурных памятников «Старой Москвы», указанная цифра стала быстро расти. Столь значительный итог работы является следствием чрезвычайной энергии некоторых членов комиссии, в числе первых из них можно назвать секретаря комиссии К. А. Верещагина, потом И. Г. Филатова и в последнее время И. В. Воблого»[27].

Члены «Старой Москвы» давно были готовы к подобной работе. Собирая материалы для экспозиции своего музея, просматривая архивные документы, они систематизировали сведения о старинных постройках.

Для современных исследователей интересна методика работы архитектурной секции «Старой Москвы», которая была так охарактеризована Н. Д. Виноградовым: «...одной из важнейших ее форм является индивидуальное обследование владений каждым членом секции и сообщение всего замеченного на заседаниях комиссии, при этом памятники, возбудившие общий интерес, подвергаются коллективному осмотру и изучению — организуются своего рода экспедиции. Кроме того, члены Комиссии ведут и систематическое обследование распределенных между собой участков Москвы, результаты которого являются также достоянием общих собраний, считают своей обязанностью доводить до сведения Комиссии все данные о зданиях Москвы, которые могут оказаться еще не опубликованными в литературе и документах учреждений, ведающих охраной памятников»[28].

Протоколы секции содержат столь исчерпывающие материалы, что даже дают возможность воссоздать разрушенные памятники. В последнем, изданном в 1930 г. номере журнала «Московский краевед» было приведено подробное изложение доклада Н. Д. Виноградова на заседании «Старой Москвы» «Регистрация памятников гражданской архитектуры 17 века в Москве», в котором подведены итоги этой работы[29].

Творческая судьба Виноградова в дальнейшем сложилась трагически. Многие из сооружений, которые он реставрировал, были снесены вскоре после завершения им работ. Первыми стали Красные ворота. Как это ни парадоксально, даже памятник Свободы (Советской Конституции, проект которого разработал Д. П. Осипов, а осуществлял Н. Д. Виноградов) был в 1941 г. (за два месяца до войны) взорван, т. к. не отвечал «моменту» — принятию новой, «сталинской» конституции[30].

Решения о реставрации ценнейших архитектурных ансамблей, таких, как Кремль, вскоре стали принимать не специалисты и деятели культуры, а органы государственной безопасности. «В 1929 г., когда я работал в Моссовете в Комиссии по охране памятников искусства и старины,— писал Виноградов,— я получил приглашение зайти в комендатуру Кремля. Пропуск был заказан, я через Троицкие ворота прошел

в Арсенал, где в это время помещался строительный отдел комендатуры Кремля. Меня принял помощник коменданта, генерал-майор... Мне он сообщил, что у них назрело время заняться реставрацией Кремля, стены которого в это время во многих местах обветшали... И на другой день я с тетрадкой и рулеткой в руках провел осмотр стен Кремля...»[31]

Архитектор искал причины разрушений белокаменного декора и черепицы шатров кремлевских башен. Но заказчиков интересовали иные детали. Он писал о работах на Сенатской башне: «Мне с этой башней пришлось, как говорится, повозиться, т. к. в торжественные дни, когда проходили на Красной площади парады и демонстрации, то правительство через Спасскую башню выходило на Мавзолей. Это создавало известные трудности в смысле охраны и т. д. Мне было предложено сделать проход через Сенатскую башню... Я сделал внутри этой башни лестницу, пробил отверстие для выхода, спроектировал дверь, которая запиралась на обычное время».

Но даже такой случай давал специалистам, таким, как Виноградов, повод для исследовательской работы: «...при пробивке этой двери мне пришлось пройти толщу крепостной стены толщиной в два метра. Когда ее пробивали, то я заметил, что внутри этого массива известь еще не схватилась, она была в состоянии, подобном сливочному маслу...»[32]

Виноградов уточнил датировку стен и башен Кремля, исследовав все их фрагменты и строительные материалы. Например, он классифицировал все виды черепицы шатров и пр. Восстановил древнюю форму водосбросов-лотков крепостных стен, обнаружил и сохранил части древнейшей белокаменной кладки Кремля XIV в. (под Царской башней и др.). Установил, что предмостное украшение, типа Кутафьей башни, было и перед Константино-Еленинской башней. Затем он исследовал Теремной дворец и другие здания.

Виноградов раскрыл в своих записях еще один примечательный эпизод. «Сталину хотелось, чтобы партсъезд был проведен в Кремле. До этого партсъезды проходили в Большом театре. Кто-то предложил сделать большой зал в Кремлевском дворце... на месте Андреевского и Александровского залов...» Когда стали проектировать (Виноградов разрабатывал рабочие чертежи по проекту Иванова-Шица), то выяснилось, что «в санитарном отношении Дворец был в ужасном состоянии. Там была единственная уборная, находившаяся под парадным крыльцом-лестницей». Тогда заказчик, не советуясь со специалистами, нашел решение «этого вопроса — сделать туалеты, курительные, буфеты и другие помещения на месте одного из древнейших соборов Москвы, который стали разбирать. При обследовании оказалось, что он XVI века... Когда его разбирали, то в каменной кладке кирпичной были обнаружены детали, которые можно было отнести к 1333 г. ...Эти

фрагменты доказали, что собор XIV в. был разрушен и в XVI в. заново построен»,— писал, скрывая свои эмоции, архитектор[33].

Судьба Виноградова как реставратора была типичной для ситуации в профессиональном «цехе». В дальнейшем ему предлагали приспособлять здания в старинных дворянских усадьбах для домов отдыха. С 1934 г. он работал в Марьине под Курском и в Суханове под Москвой. В первой усадьбе он выполнял работы для размещения правительственного санатория, во второй, по заданию того же Хозупра ВЦИК,— для дома отдыха артистов Большого театра, который затем был передан Союзу архитекторов СССР. Но оспорить принятые заказчиком решения не было возможности, даже если они вредили облику памятников.

Архитекторам было отведено весьма скромное место в числе прочих работников сферы обслуживания.

В таких условиях для историка наиболее интересной была работа в фондах музея и, как писал Виноградов в автобиографии, он перешел на работу во Всесоюзную академию архитектуры (с 9 января 1937 г.). В Музее архитектуры он создал отдел народной архитектуры СССР и организовал в этом отделе выставку. Потом организовал выставку древнерусской архитектуры, по которой составил каталог, собирал фотоматериал для выставки к юбилею архитектора В. И. Баженова. «Работу прекратил в музее 16.10.1941 г. за эвакуацией коллекций музея»[34].

Сами экспонаты музея, который находился в бывшем Донском монастыре, были типичны для того времени. Там хранились фрагменты от снесенных сооружений — чугунное литье Триумфальных ворот, белокаменные детали Сухаревой башни. Был даже разработан проект ограды территории музея, опоры для решетки которой были сделаны из фрагментов... знаменитых памятников зодчества.

Значительной работой архитектора во время войны была реставрация памятников Троице-Сергиевой лавры. Еще в 1939 г. он был в числе специалистов, консультировавших реставрационные работы (это была авторитетная комиссия, в которую входили видные зодчие, такие, как И. В. Жолтовский, инженер П. В. Щусев, историк В. П. Зубов, составивший историческое описание лавры, и другие).

В связи с мобилизацией ведущего реставратора лавры И. В. Трофимова выбор пал на Н. Д. Виноградова. Возглавив реставрацию ансамбля, Виноградов составил архитектурное описание всех зданий монастыря, отметив их техническое состояние (углубив тем самым чисто историческую работу В. П. Зубова), а в 1944 г. издал книгу «Троице-Сергиева лавра» (в серии «Сокровища русского зодчества» Всесоюзной академии архитектуры).

Не успели наши войска отогнать захватчиков от Калинина, Виноградов вместе с И. Е. Бондаренко и В. Н. Под-

ключниковым выехал туда для осмотра разрушенных старинных построек, получив командировку от Союза архитекторов (это было первое обследование освобожденного города). Во время войны Виноградов был участником и всех заседаний, где обсуждались варианты восстановления разрушенных городов, на которые его приглашал А. В. Щусев. В 1940 г. он составил для «уполномоченного Мосгорисполкома» паспорта на 159 архитектурных памятников столицы (90 — состоящих на централизованной охране, 69 — на местной). В это же время он провел аналогичную работу по Коломне. Затем приступил к фиксации научных сведений о еще более широком круге памятников: в 1943 г. он взялся за список архитектурных памятников РСФСР (свыше 7000 наименований) по заданию Академии архитектуры. Тогда же написал паспорта на архитектурные памятники Калинина, а в 1945 г. составил исторический очерк, посвященный зодчеству Тулы.

Добавим, что в 1943—1945 гг. Виноградов работал в Московском архитектурном институте директором музея и вел консультации по истории русской архитектуры.

В 1945 г. его вновь пригласили работать в Кремль. Архитектор писал, что он «составил генеральный план реставрации кремлевских стен и башен, выполнявшийся до 1950 г. Строительной конторой Дворца Советов». На эту тему он опубликовал статьи, в которых рассказал об установленной им первоначальной форме Благовещенского собора, который был трехглавый, и сообщил другие интересные данные. В 1947 г. Виноградов, неоднократно наблюдавший за ходом реставрационных работ в Покровском соборе, что на Рву, установил также первоначальные формы его плана, о чем делал доклад в Институте истории искусств Академии наук СССР.

Рассматривая в исторической перспективе деятельность Виноградова, можно сделать вывод, что весь его опыт как реставратора оказался необходим на следующем этапе деятельности — в процессе создания нового Государственного музея русской архитектуры. Этот музей, совершенно нового статуса, в отличие от ведомственного, действовавшего при Академии архитектуры, начал организовывать А. В. Щусев, он сделал Виноградова своим заместителем по научным вопросам. Учитывая занятость и преклонный возраст академика архитектуры, можно представить, сколько проблем приходилось решать Виноградову. Большие знания Виноградова в области истории русской архитектуры послужили серьезным подспорьем при разработке научных планов экспозиции и в обеспечении открытия музея в 1957 г. Под его руководством были проведены работы по реставрации помещений здания музея — выдающегося памятника архитектуры XVIII в.

Существенна была и работа Виноградова как рецензента. Он рецензировал книги лучших знатоков Москвы — П. В. Сытина («Из истории московских улиц», в 1953 г.), М. А. Ильина

(статьи по архитектуре, напечатанные в шеститомной «Истории Москвы») и других. К нему за советом и помощью обращались аспиранты Академии архитектуры и архитектурного института, музейные работники и экскурсоводы.

Многим Виноградов запомнился как чрезвычайно точный рассказчик. Так, писавшие о нем журналисты, проверявшие факты статей, восхищались цепкостью его памяти. Когда архитектора спрашивали, в чем секрет достоверности его воспоминаний, он вынимал и показывал одну из тетрадей-дневников, в которые он записывал события дня начиная с 1905 г. Впоследствии он сверял свои рассказы и статьи с этими записями. Подготавливая этот очерк, мы также воспользовались уникальными документами архитектора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мы говорим о Михаиле Виноградове и Федоре Бакхаузе.

[2] См.: *Виноградов Н.* Воспоминания об Аполлинарии Васнецове / Публ. Е. Б. Овсянниковой // Архитектура и стр-во Москвы. 1989. № 10. С. 19

[3] См.: *Виноградов Н. Д.* Не сдаемся! // На баррикадах Москвы. М., 1975. С. 136—141.

[4] См.: Русский народный пряник: Каталог выставки. Л., 1976.

[5] См.: *Овсянникова Е. Б.* Из истории выставок лубка // Сов. искусствознание. М., 1986. Вып. 20. С. 423—444.

[6] См.: *Овсянникова Е. Б.* Из истории комиссии Моссовета по охране памятников // Сов. искусствознание. 81. М., 1982. Вып. 2. С. 233—330; *Овсянникова Е. Б.* Архитектор Н. Д. Виноградов. Записи революционного времени // Искусство. 1987. № 11. С. 34—43.

[7] См.: Из истории строительства советской культуры. 1917—1918: Документы и воспоминания / Сост. В. Н. Кучин. М., 1964.

[8] См.: Выставки советского изобразительного искусства: Справочник. М., 1965. Т. 1. 1917—1932. С. 36, 38—40.

[9] См.: *Овсянникова Е. Б.* Первый пролетарский музей // Панорама искусств. М., 1984. Вып. 7. С. 265—283.

[10] Документ из архива Н. Д. Виноградова.

[11] См.: *Овсянникова Е. Б.* Градостроительные планы первого революционного десятилетия // Искусство. 1978. № 1. С. 30—35.

[12] Пояснительная записка к этому проекту Н. Д. Виноградова опубликована. См.: *Овсянникова Е. Б.* Из истории комиссии Моссовета... С. 304—317.

[13] Речь о работе в комиссии по снятию и постановке памятников, в которую кроме Н. Д. Виноградова входили М. Ф. Владимирский и Н. С. Туляков, не занимавшиеся непосредственно вопросами искусства.

[14] Документ из архива Н. Д. Виноградова.

[15] Документ из архива Н. Д. Виноградова.

[16] Документ из архива Н. Д. Виноградова. А. В. Щусев очень скоро приступил к работе над проектом сооружений Всероссийской сельскохозяйственной выставки, используя упомянутые деревянные конструкции.

[17] Документ из архива Н. Д. Виноградова. Об итогах деятельности комиссии. См.: *Клушанцев Б. М.* Охрана памятников в Москве и в Московской губернии // Моск. краевед. 1928. Вып. 7—8. С. 59—72.

[18] Н. Я. Тамонькин был одновременно и сотрудником А. В. Щусева и работал в комиссии под руководством Виноградова.

[19] Материалы из архива Н. Д. Виноградова.

[20] См.: *Левинсон Н. Р.* Охрана внемузейных памятников // Сов. музей. 1932. С. 52—66; *Овсянникова Е.* 1918 год. Кремль. Реставрация после артобстрела // Архитектура и стр-во Москвы. 1989. № 5. С. 8—11.

[21] См.: *Виноградов Н. Д.* Красные ворота // Старая Москва: Сб. статей. М., 1929. Вып. 1. С. 183—191.

[22] См.: *Виноградов Н. Д.* Застройка и планировка от площади Революции до Старой площади на трассе II очереди метро // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1947. № 7. С. 23—43.

[23] См.: *Виноградов Н. Д.* Ремонт Китайгородской стены // Коммунальное хоз-во. 1925. № 23. С. 52—56; 1926. № 2. С. 46—57.

[24] См.: *Овсянникова Е. Б.* Старая Москва и «Старая Москва» // Архитектура и стр-во Москвы. 1988. № 9. С. 24—27.

[25] Образование этого нового коллектива произошло за два дня до вхождения комиссии «Старая Москва» в Общество изучения Московской губернии — соответственно 14 и 16 декабря 1926 г., там комиссия стала называться секцией, а секция Виноградова — комиссией. Здесь и далее цитируется протокол заседания последней № 1 от 14 сентября 1926 г. из архива Н. Д. Виноградова.

[26] См.: *Виноградов Н. Д.* Вновь открытые памятники гражданской архитектуры г. Москвы // Моск. краевед. 1927. Вып. 2. С. 76—86.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] См.: О докладе Виноградова Н. Д. «Регистрация памятников гражданской архитектуры 17 века в Москве» // Моск. краевед. 1930. Вып. 4 (12). С. 69.

[30] См.: *Шульгина Т. Л.* Пусть возродится обелиск Свободы // Родина. 1989. № 1. С. 14—17.

[31] Документ из архива Н. Д. Виноградова.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Там же.

Список работ Н. Д. Виноградова

1-я выставка лубков. Организована Н. Д. Виноградовым. 19—24 февраля: Каталог. М., 1913.

Горностаев Ф. Ф. Архитектура Москвы: Алфавитный указатель / Путеводитель по Москве, изд. Моск. архитектурным о-вом для членов V съезда зодчих в Москве / Под ред. И. П. Машкова. М., 1913.

Как организовать музей в Горках Ленинских // Наша работа. 1924. № 4.

Клубы РКСМ и краеведение // Летняя работа комсомола в деревне. М., 1924. С. 110—134.

Горки // По окрестностям Москвы. Экскурсии: Путеводитель. М., 1924. С. 23—29.

Ленинские горы // Там же. С. 62—66.

Гражданская архитектура. Достопримечательности исторического характера. Церковное зодчество. Архитектура и ист. достопримечательности Москвы // Вся Москва: Справочник. М., 1925. С. 579—591.

Ремонт Китайгородской стены // Коммунальное хоз-во. 1925. № 23. С 52—56; 1926. № 2. С. 46—57.

Красные ворота // Старая Москва. 1926. № 183—196.

Вновь открытые памятники гражданской архитектуры г. Москвы // Моск. краевед. 1927. Вып. 2. С. 76—86.

Воспоминания о монументальной пропаганде // Искусство. 1939. № 1. С. 32—49.

Ленин и монументальная пропаганда // Сов. искусство. 1940. 24 апр.

Троице-Сергиева Лавра. М., 1944.

Архитектурные памятники Кремля / Гор. хоз-во Москвы. 1946. № 7—8. С. 21—37.

Что нового дала реставрация Кремля // Тр. Ин-та истории искусств АН СССР. 1946.

Застройка и планировка от площади Революции до Старой площади. По трассе II очереди метро // Материалы и исслед. по археологии СССР. М., 1947. С. 23—43.

Народная архитектура: Каталог выставки / Музей Всес. акад. архитектуры. М., 1941.

Архитектурные памятники Москвы // Гор. хоз-во Москвы. 1947. № 6. С. 24—39.

Архитектурные памятники Москвы // Москва: Путеводитель. М., 1956.

Охрана памятников в первые годы Советской власти // Архитектура СССР. 1958. № 11. С. 43—44.

Пряники // Декор. искусство СССР. 1959. № 6. С. 34—36. (Совместно с Ю. П. Малиновским).

Памятные встречи // Моспроектовец. 1960. 22 апр.

Памятник Свободы // Гор. хоз-во Москвы. 1963. № 4. С. 5—7.

Как заиграли кремлевские куранты // История СССР. 1966. № 5. С. 220—222. (Совместно с Ю. П. Малиновским).

Ленинская политика в деле охраны памятников искусства // Искусство. 1970. № 9. С. 30—32.

Из дневников военного времени / Публ. Е. Б. Овсянниковой // Архитектура СССР. 1985. № 2. С. 98—101.

С. О. Шмидт

И КРАЕВЕД, И АКАДЕМИК

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ. 1893—1965

> Автор родился и всю почти жизнь провел в Москве, и ему не для чего писать о своей преданности и любви к родному городу. Как всякий москвич, он любит свой город, его славное прошлое и великое настоящее. Пусть же эта книга, хоть в малой степени, ответит тому горячему интересу, который каждый из нас проявляет к истории нашей прекрасной столицы.
>
> *М. Н. Тихомиров. Древняя Москва*

Такими словами закончил М. Н. Тихомиров предисловие к своей книге — первой в советское время монографии о Москве XII—XV вв. М. Н. Тихомиров был подготовлен к такому обобщающему труду всем своим предшествующим творчеством исследователя и краеведа.

Михаил Николаевич Тихомиров родился в Москве 19 мая (по старому стилю) 1893 г. В 1912—1917 гг. он студент отделения истории историко-филологического факультета Московского университета. В 1923—1934 гг. преподает в средних учебных заведениях Москвы, с 1934 г.— в высших учебных заведениях исторического профиля: с 1934 г. на историческом факультете Московского университета (в 1946—1948 гг. декан, с 1953 г.— заведующий основанной им кафедры источниковедения); в довоенные годы — в Московском институте истории, философии и литературы и в Московском государственном историко-архивном институте. Много лет работал в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, а затем и заведовал им. С Москвой связана и деятельность ученого с 1935 г. в Академии наук (членом-корреспондентом которой он стал в 1946 г., действительным членом в 1953 г.) — в Институте истории, позднее в Институте славяноведения; в 1953—1957 гг. он член президиума АН СССР и академик-секретарь Отделения исторических наук; с 1956 г.— председатель возрожденной им Археографической комиссии. Московскими издательствами напечатаны почти все его книги (начиная с дипломного сочинения, изданного в 1919 г., М. Н. Тихомиров заявил о себе в науке сразу книгой!) и документальные публикации. В Москве 2

сентября 1965 г. М. Н. Тихомиров скончался; он похоронен на Новодевичьем кладбище, на площади, где происходят траурные церемонии.

М. Н. Тихомиров — историк очень широкого диапазона, и хронологического, и географического, и проблемно-тематического, даровитый педагог — создатель научной школы и видный организатор науки. Основные труды написаны им в 1930—1960-е гг. Он автор более десяти книг, сотен статей исследовательского характера, первооткрыватель и публикатор многих письменных исторических источников, инициатор и ответственный редактор научных изданий («Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», «Очерки истории исторической науки в СССР», «Археографический ежегодник», возобновленное по его инициативе Полное собрание русских летописей, сочинения историков В. Н. Татищева, В. О. Ключевского, М. Н. Покровского и др.). В то же время он составитель учебных пособий — и вузовских, и школьных — по истории и географии, источниковедению и палеографии, практик музейного и архивного дела, популяризатор исторических знаний (брошюры и методические рекомендации, статьи в газетах и еженедельниках, публичные лекции и доклады), пропагандист учебного кино (еще на рубеже 1920—1930-х гг.!), убежденный и страстный защитник памятников истории и культуры.

Основная сфера исследовательских интересов М. Н. Тихомирова — отечественная история с IX по XIX в., история славянских народов и Византии, специальные исторические дисциплины — источниковедение, историография, историческая география, археография (т. е. выявление, собирание, описание и издание письменных источников), палеография.

Именно М. Н. Тихомиров показал, что средневековая Русь была страной высокоразвитой городской жизни, первым обобщил данные о народных движениях, написал многоплановое исследование по исторической географии России в XVI столетии, характеризующее и особенности социально-экономического и политического развития отдельных регионов огромной страны. Много трудов посвящено им деятельности государственных учреждений (земских соборов, приказному делопроизводству), международным связям (особенно с южнославянскими народами), внешней политике России и русским полководцам, происхождению названий «Русь» и «Россия», месту России во всемирной истории (в основе его посмертно изданной книги «Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв.» — лекции, прочитанные в Париже в 1957 г.). Видное место в творчестве ученого занимали проблемы истории нашей культуры X—XVIII вв. (труды о городской письменной культуре Древней Руси, «Слове о полку Игореве», Андрее Рублеве, о роли Новгорода и Москвы в развитии мировой культуры, о библиотеке московских государей, начале

книгопечатания, М. В. Ломоносове и основании Московского университета, о «народной» культуре и источниках ее познания и др.).

Отличительная черта трудов М. Н. Тихомирова — сочетание собственно исторического и источниковедческого исследования. Специально в источниковедческом плане написаны книга «Исследование о «Русской Правде» (1941; в основе ее докторская диссертация), незавершенная монография о начале русского летописания, многие статьи и предисловия к публикациям памятников письменности (первых новгородских берестяных грамот, сказаний о Куликовской битве, Соборного уложения 1649 г., документов монастырских архивов, публицистических сочинений XVI—XVII вв. и др.). На протяжении десятилетий ученый выявлял летописные памятники во всех хранилищах Москвы и издал обзор их.

В 1968—1979 гг. издательством «Наука» издано посмертно шесть книг избранных трудов академика М. Н. Тихомирова: преимущественно статей (в том числе не опубликованных при его жизни), подобранных по тематическому принципу: «Русская культура X—XVIII вв.» (1968), «Исторические связи России со славянскими странами и Византией» (1969), «Классовая борьба в России XVII в.» (1969), «Российское государство XV—XVII вв.» (1973), «Древняя Русь» (1975), «Русское летописание» (1979). Издательством «Московский рабочий» переизданы в 1991 г. работы ученого в книге: *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва. XII—XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв.

Но даже самые сложные по тематике работы, самые изощренные текстологические штудии М. Н. Тихомиров старался писать доступным языком. Задача ученого, утверждал он, «заключается в популяризации науки, а вовсе не в том, чтобы эту науку сделать достоянием лишь немногих» [1]. «Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк — это и писатель. Иначе ему нечего браться за такой труд»,— писал он в одной из последних своих статей в газете «Известия» в 1962 г. [2] И не только широта и многообразие интересов, но и подход к форме изложения исторического материала сближает М. Н. Тихомирова с великими демократическими традициями отечественной исторической науки, восходящими еще к Н. М. Карамзину и продолженными другими крупными историками XIX в.

М. Н. Тихомиров сумел сделать очень много. Он обладал великим даром трудолюбия, умел работать при всех обстоятельствах, никогда не жаловался на то, что приходится много трудиться. Он радовался творческой работе, как птица полету, считал это естественной формой своего существования. Даже путешествуя, он вел записи, не только отмечая виденное, а иногда и делая зарисовки зданий или архитектурных деталей, но и поверяя бумаге свои первичные соображения

исторического характера. Писал он быстро, четким почерком, обычно без помарок, в последние десятилетия печатал на машинке. Имел, как правило, сразу же ясное представление об объеме готовящейся к печати рукописи и умел укладываться в намеченный объем. М. Н. Тихомиров гордился мастерским владением «ремеслом» историка и умело делал всю так называемую черновую работу; относился к ней уважительно и сердился на учеников (а человек он был не легкого характера!) за небрежность в научном аппарате, отсутствие унификации в оформлении статей и документальных публикаций. Высоко ценил умение легко читать древние тексты, быстро находить нужное место в книге. И школа Тихомирова была для учеников его не только школой мысли, но и «цехового ремесла» историка и — главное — преданной любви к труду историка.

Библиографические материалы о творчестве М. Н. Тихомирова издавались неоднократно начиная с 1953 г. [3], а в 1974 г. отдельной книгой было опубликовано научное описание рукописного наследия М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук [4] (ученый много лет возглавлял ученый совет этого архива). В 1987 г. в академической серии «Научные биографии» вышла книга о М. Н. Тихомирове его ученицы профессора Е. В. Чистяковой, в которой широко использованы и документы архивного фонда ученого, а в особом разделе охарактеризовано изучение им «средневековой Москвы» [5].

Ознакомление с печатными трудами М. Н. Тихомирова, с документами его архива, с материалами учреждений, где он работал, убеждает, что интерес к познанию и исследованию прошлого Москвы и Московского края характерен для творчества ученого на протяжении всего его жизненного пути. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что помимо многих работ, сами заголовки которых с очевидностью свидетельствуют о прямом отношении к истории Москвы [6], большинство трудов М. Н. Тихомирова, посвященных историческим явлениям XIII и последующих столетий, в той или иной мере касаются также истории Москвы.

Это и обобщающего типа работы по отечественной истории (включая учебные пособия) и истории отечественной культуры, и подготовленные к печати летописи и Соборное уложение 1649 г. Деятельность земских соборов происходила в Москве, и о приказном делопроизводстве ученый рассуждает главным образом на примере московских дьяков и подьячих. Москва была и центром внешних сношений Российского государства. Московские служилые люди и дельцы участвовали в подавлении городских восстаний. К Москве тяготели монастыри, документы которых интересовали М. Н. Тихомирова. Москва была средоточием русской культуры и культурных связей с южнославянскими народами. Здесь начиналось книгопечатание, хранилась библиотека великих князей, а позднее был основан первый в России университет. Многие описанные и опубли-

кованные ученым памятники письменности создавались или бытовали в Москве. В Москве творили и о Москве писали те историки, которым посвящал свои статьи М. Н. Тихомиров. События московской истории стали сюжетом и литературно-художественных произведений ученого (в большинстве своем оставшихся неопубликованными), а язык московских приказных XVII в. он любил имитировать в пародийных «грамотах» (академик Б. А. Рыбаков напомнил на заседании памяти М. Н. Тихомирова о его «шутливых челобитных», о «переписке во время заседаний, когда он стилем древнерусского дьяка излагал события современности, давая остроумные характеристики современников» [7]) и т. д., и т. п. С Москвой связана и тематика многих диссертаций и дипломных сочинений молодых ученых, научным руководителем которых был М. Н. Тихомиров. Тема «Москва и ее прошлое» всегда была в поле зрения М. Н. Тихомирова — исследователя и пропагандиста научных знаний, профессора и организатора науки.

Определить роль М. Н. Тихомирова в развитии краеведения, так же, как и место краеведения в его многообразном научном творчестве, в его педагогической, просветительской, организаторской деятельности, непросто. Недостаточно вычленить работы краеведной тематики в массиве его сочинений и выявить факты его личного содействия развитию краеведения (печатными трудами, организацией музеев, выставок, изданий, участием в повседневной работе краеведческих обществ, направлением интересов своих учеников и сотрудников). Существенно отметить и обращение его к краеведческой литературе и приемам, свойственным работе краеведа, при подготовке трудов иной — более широкой — проблематики и рассчитанных на восприятие другого читателя, нежели потребитель сочинений о достопамятностях того или иного «края».

Но все-таки в творческой биографии М. Н. Тихомирова можно выделить период, когда он преимущественное внимание — во всяком случае, в подготовленных для печати трудах — уделял краеведной тематике: с 1917 г. и до разгрома краеведческих обществ и изданий в 1929—1930 гг. И это время было школой формирования выдающегося исследователя и педагога. Вероятно, тяге к краеведной тематике и столь легкому творческому вхождению в нее способствовал сам путь становления историко-культурных интересов М. Н. Тихомирова еще в детстве и в годы учения в средней и высшей школе.

М. Н. Тихомиров родился близ Таганки. В семье конторского служащего Морозовской мануфактуры осталось в живых пять сыновей. Михаил был четвертым. Уклад жизни был мещанский, но отец любил читать, прививал детям любовь к литературе и истории. И знаменательно, что введение к книге «Древнерусские города» (1946) М. Н. Тихомиров закончил словами: «Свою книгу я посвящаю памяти моего отца Н. К. Ти-

хомирова, первого моего учителя в знакомстве с историческими памятниками, кому я обязан своей любовью к русской истории». В воспоминаниях, которые академик М. Н. Тихомиров писал (или диктовал) и редактировал в последние свои годы, много места уделено московской жизни, начиная с его детских лет. Эти бытовые зарисовки Москвы и Подмосковья (дачных местностей, ныне вошедших в черту города) представляют немалый интерес и для краеведа. Так, о Медведкове, где позднее назовут его именем улицу, читаем: «Медведково в то время было очаровательной местностью, поблизости от Свиблова. Оба села стояли на Яузе и были окружены вековым лесом». Сильное впечатление уже в детстве производили на него и памятники старинной архитектуры; позднее он утверждал, что архитектурой крепости Симонова монастыря «Москва могла бы гордиться не в меньшей степени, чем гордятся своими замками французы и немцы».

Однако мальчик оказался надолго оторванным от Москвы и семьи: в 1902—1911 гг., получив стипендию директора Морозовской фирмы, он стал учиться в закрытом Коммерческом училище в Петербурге, которое и закончил с золотой медалью. Но там, вспоминал М. Н. Тихомиров, «проиграв в знании древних языков», он «получил некий возмещающий эквивалент в виде законоведения, политической экономии и прочих предметов, которые не изучались в гимназиях и реальных училищах». Особенно же важным оказалось то, что в старших классах преподавал историю приват-доцент Петербургского университета Борис Дмитриевич Греков — будущий знаменитый историк. Он заметил у юноши «интерес к истории», пригласил к себе, рассказывал об изучении прошлого, говорил об истории России, познакомил с альбомом древнерусской скорописи, «зародив навсегда интерес к русской письменности». Именно в этой связи в статье, посвященной памяти академика Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомиров напишет в 1958 г.: «Счастливы те люди, которые могут вызвать в молодых душах интерес к науке, к знанию» [8]. (Эти слова М. Н. Тихомиров мог с полнейшим правом отнести, прежде всего, к самому себе!) Подаренную — возможно, именно в тот день — фотографию красивого человека лет под тридцать с уважительной надписью: «Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову на добрую память. Б. Греков, 28.V.911» мы, ученики Михаила Николаевича, видели затем на стене его холостяцких комнат в Москве — и в маленькой длинной на втором этаже деревянного флигеля во дворе дома 46 по улице Герцена, и тогда, когда, став членом-корреспондентом АН СССР, он занимал уже две комнаты в коммунальной квартире двухэтажного дома на углу Беговой улицы и Хорошевского шоссе, и в последней просторной отдельной квартире — в высотном доме на Котельнической набережной (на третьем этаже над кинотеатром «Иллюзион»). Выпускное сочинение в училище юноша писал на тему «Исто-

рические взгляды А. С. Пушкина». Сочинение это не дошло до нас; но вряд ли там можно было обойти трагедию «Борис Годунов», столь важную для познания жизни Москвы XVI — начала XVII в.

«Кандидат коммерции» твердо решил заняться русской историей. Однако помехой поступлению в Московский университет были не только обязательство «отработать» бесплатное обучение и материальные трудности в семье, но и необходимость сдавать экзамены по древним языкам. В течение года молодой служащий конторы Рябушинских в Китай-городе, получавший уже немалое по тем временам жалованье (40 рублей в месяц), «начиная с азбуки», сумел подготовиться к этим экзаменам и впоследствии не раз обращался к источникам на древних языках. В воспоминаниях воспроизведен разговор его отца с директором фирмы, от имени которого он получал стипендию в училище: «Что же, Миша думает быть профессором Московского университета? Для этого нужны деньги!»

В университете М. Н. Тихомиров много занимался у лучших профессоров. Позже, размышляя о задачах высшего образования, ученый не раз возвращался к впечатлениям тех лет. Он проходил школу изучения источников — и по русской истории и по зарубежной: законодательных памятников, актов, житийной литературы. «Определяющим учителем» для него стал Сергей Владимирович Бахрушин — ровесник Грекова, происходивший из образованной семьи богатейших московских купцов, известных благотворительностью и страстью к собиранию книг и других памятников культуры *. М. Н. Тихомиров занимался под его руководством историей Новгорода и Пскова, но сам-то С. В. Бахрушин в то время как исследователь с особым интересом изучал прошлое Москвы: незадолго до поступления М. Н. Тихомирова в университет была опубликована работа Бахрушина о хозяйственной деятельности московских великих князей, в 1917 г. — большая статья «Московский мятеж 1648 года». К статье этой и по тематике и даже по терминологии заголовка — «мятеж» — близко дипломное сочинение М. Н. Тихомирова о Псковском мятеже 1650 г. [9] Написание обоих исследований было обусловлено возрастающим интересом к истории классовой борьбы в канун великих революционных событий 1917 г.

Прошлое Москвы очень интересует в студенческие годы и М. Н. Тихомирова. Среди немногих сохранившихся (или сохраненных им в его архиве) рукописей тех лет — конспекты трудов по истории Москвы, особенно московского церковного зодчества, выписки из материалов описаний подмосковных селений и их церквей, зарисовки (точнее сказать, черте-

* См. об этом очерк Н. Г. Думовой «Профессиональные благотворители» в настоящем издании.

жи) храмов и усадеб Подмосковья [10]. Можно предполагать, что сюжеты истории Москвы и ее культуры уже тогда были предметом взаимных интересов учителя и ученика.

Такая подготовка, или самоподготовка, оказалась настолько основательной и выверенной на практике при ознакомлении с памятниками Подмосковья, что это сразу же выявилось в необычайной по творческой интенсивности его работе краеведческого характера в городе Дмитрове, где М. Н. Тихомиров начал службу в союзе кооператоров: сначала практикантом по внешкольному образованию, затем инструктором по краеведению. Ему поручили организовать Музей истории родного края [11]. Тогда только вырабатывался тип уездного краеведческого музея с тремя главными разделами: современной промышленности и промыслов, природы и историко-культурным. Первоначально фонд музея пополнялся силами одного инструктора — заведующего музеем, «которому приходилось ездить по району для собирания материалов, вести техническую работу в музее по обработке этого материала, нести на себе хозяйственные обязанности и переговоры по делам музея» [12]. Пополнялись материалами сразу разные отделы. Задачей было не только собрать материалы для музея, но и сохранить памятники истории и культуры, оставшиеся в покинутых прежними хозяевами усадьбах (вещественные памятники, книги, семейные архивы). По указанию М. Н. Тихомирова сфотографировали «виды» города Дмитрова — сейчас это уникальный источник познания внешнего облика небольшого старинного среднерусского города в первый год революции. Особо интересовали его карты, топонимические данные. Видимо, уже тогда он начал сверять содержащуюся в них информацию с визуальными наблюдениями, с современной лексикой, со сведениями письменных источников, тем более что ему поручено было написать историческую часть «Ежегодника по Дмитровскому уезду за 1918 год». Сохранились его заметки о некоторых селах — своеобразные эссе, в которых отражено и то, что было почерпнуто из известных уже источников, и предания, бытующие среди местного населения, и личные впечатления от поездки.

Позднее, обретя уже большой опыт краеведческой работы, М. Н. Тихомиров в анкете второй половины 1920-х гг. «Краеведы Московской губернии», отвечая на вопрос: «Начало вашей краеведческой деятельности. Кто имел на вас влияние, при каких обстоятельствах», скромно написал: «Начал работу в Дмитрове, работал над созданием Музея родного края с окт[ября] 1917 г. по май 1918 года. Работать тогда по краеведению не умел и работу вел плохо; наибольшее влияние на меня имел дмитр[овский] краевед Алексей Иванович Байдин». А. И. Байдин — агроном, земский служащий, был осенью 1917 г. гражданским комиссаром Дмитровского уезда, содействовал организации музея, передал туда библиотеку справоч-

ного характера и познакомил М. Н. Тихомирова с архивными материалами по истории города и уезда [13].

М. Н. Тихомиров стал и первым экскурсоводом музея. Среди осмотревших экспозицию 1 мая 1918 г.— поселившийся тогда в Дмитрове Петр Алексеевич Кропоткин, знаменитый ученый-географ, революционер и мыслитель; сотрудниками молодого директора по организации музея стали дочери другого бывшего князя, Дмитрия Ивановича Шаховского — видного кадета, автора работ о П. Я. Чаадаеве, декабристах, близкого друга академика В. И. Вернадского.

Вынужденный семейными обстоятельствами переехать к старшему брату в Ильинский погост близ Егорьевска, М. Н. Тихомиров служил там в библиотеке, видимо, обрабатывал материалы по истории Дмитровского края и, во всяком случае, продолжал копить наблюдения и размышлять об источниках познания истории народа. Характерно его признание: «Вспоминая об этих временах, я часто думаю, что для меня большим счастьем было знакомство с провинцией, хотя бы и близкой к Москве, потому что только провинция может дать представление о настоящей жизни...»

Зимой 1919 г., в трудное голодное время для Москвы и Подмосковья, М. Н. Тихомиров получил приглашение от своих знакомых А. М. Земского и его жены Надежды, сестры писателя М. А. Булгакова, приехать на библиотечную работу в Самару. Там вскоре М. Н. Тихомиров оказался, в связи с наступлением белых, на полтора месяца новобранцем Чапаевской дивизии. Освобожденный по близорукости, когда миновала непосредственная опасность Самаре, от военной службы, он стал работать в библиотеке, музее, архиве, преподавать. Деятельно участвовал в работе местного научного общества краеведческого типа — Общества истории, археологии и этнографии при Самарском университете. Сблизился с крупным историком древнерусской литературы академиком Владимиром Николаевичем Перетцем и его женой (позднее, в 1943 г. Варвара Павловна Адрианова-Перетц стала членом-корреспондентом АН СССР, возглавила Отдел древнерусской литературы в Пушкинском доме в Ленинграде). Преподавая, М. Н. Тихомиров и сам обучался у них палеографии и текстологии. Именно в это время М. Н. Тихомиров особо проявил себя и в сфере, которую теперь принято называть полевой археографией. Он спас, в буквальном смысле слова жертвуя собой и серьезно заболев, рукописи старообрядческих Иргизских монастырей и архив и семейные вещи Аксаковых, остававшиеся в их родовом имении. Тогда же он готовил к печати статьи по истории селений Самарского края — работы в русле типично краеведной тематики.

В 1923 г., после закрытия Самарского университета, М. Н. Тихомиров возвращается в Москву, где работает в средних учебных заведениях преподавателем географии и общество-

Г. Ф. Миллер

В. Г. Рубан

П. П. Свиньин

В. В. Пассек

А. М. Васнецов

Н. П. Розанов(?) среди участников заседания в связи со 100-летием чтения А. С. Пушкиным «Бориса Годунова» в доме Веневитинова. 1926 г.

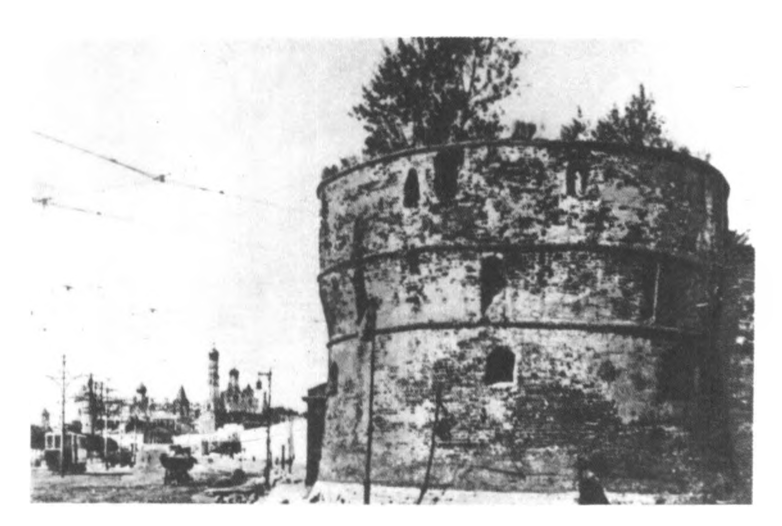
А. Т. Саладин

А. А. Бахрушин

А. П. Бахрушин

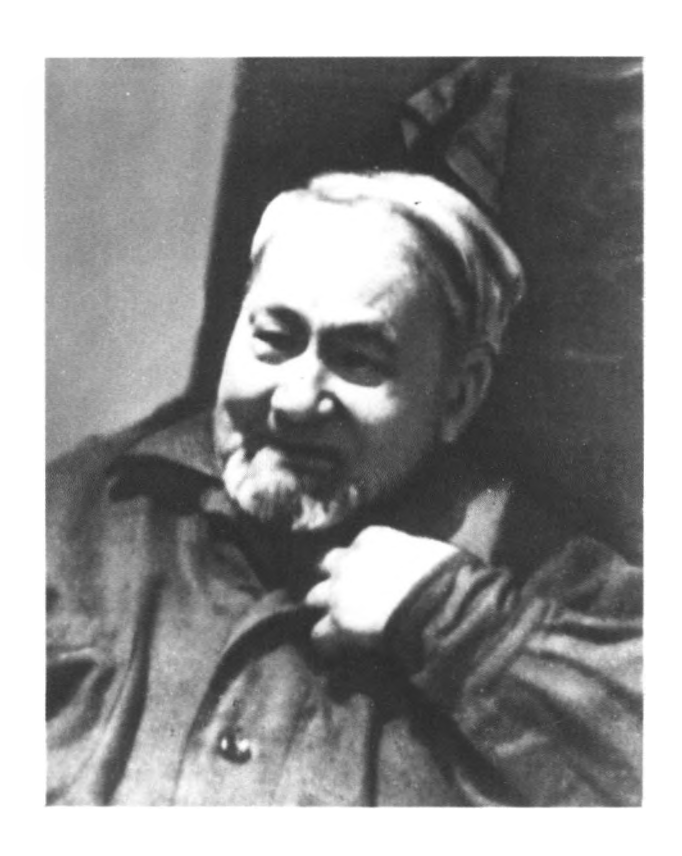
Фрагмент Китайгородской стены

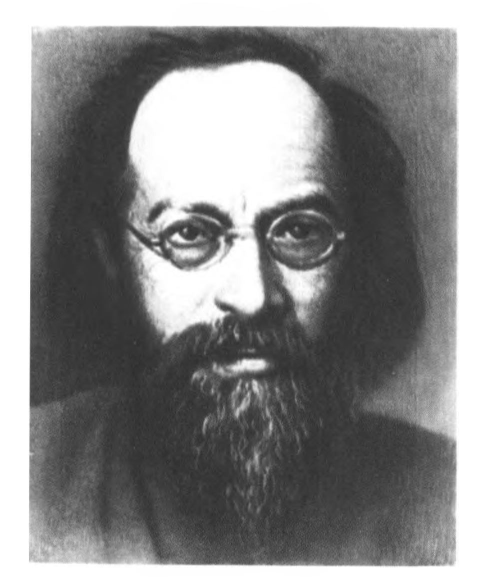
Обложка книги «Даешь Москву». 1929 г.

Красные ворота

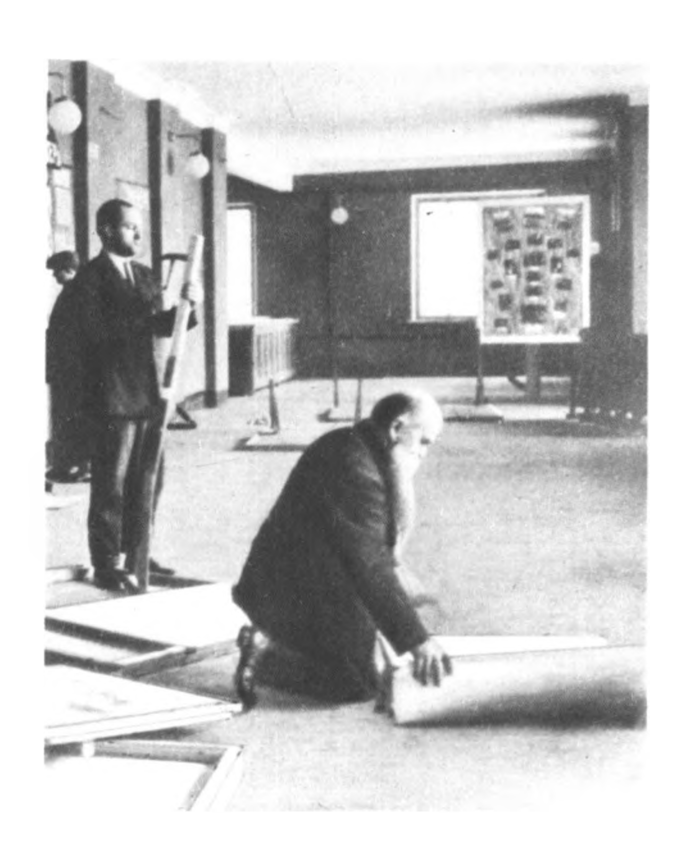
Н. А. Гейнике

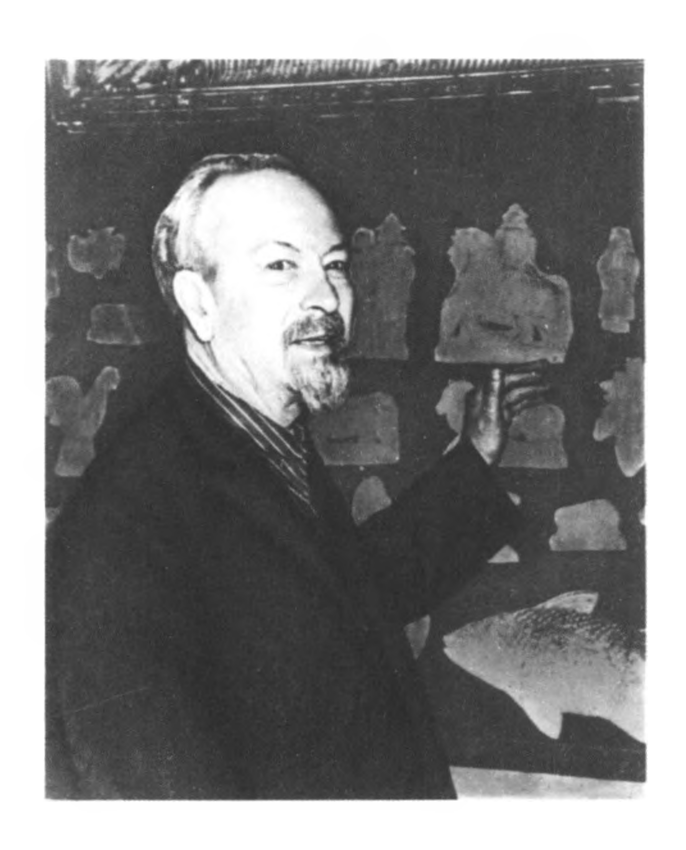
А. Я. Закс

Н. М. Дружинин

М. И. Александровский

Н. Д. Виноградов

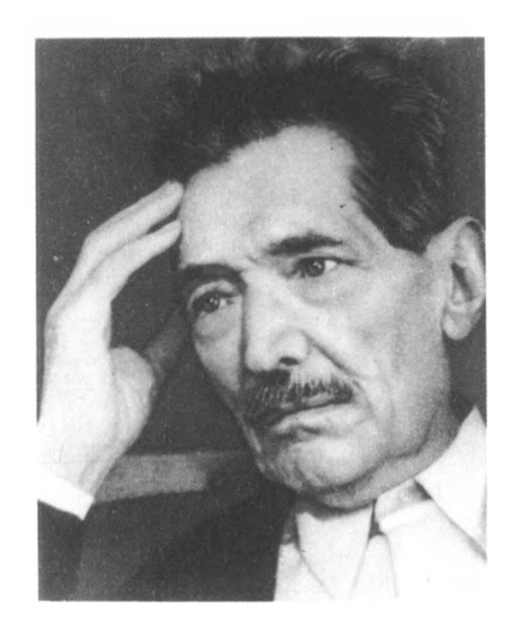
П. В. Сытин

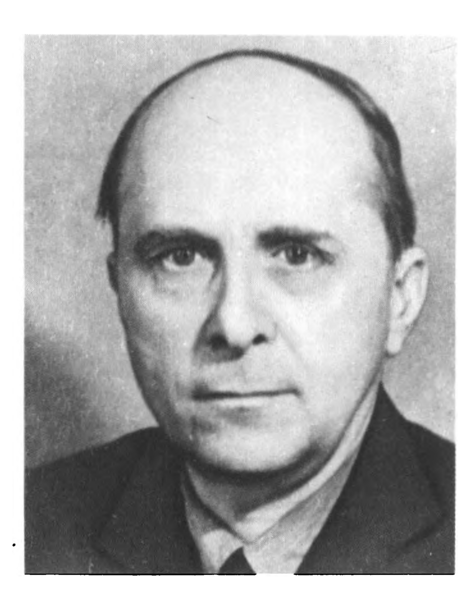
В. В. Згура

М. Н. Тихомиров

М. Т. Белявский

В. В. Сорокин

ведения. Он интенсивно включается в краеведческую работу и уже тогда начинает последовательно (первоначально несколько лет как внештатный неоплачиваемый сотрудник) изучать и описывать рукописи, прежде всего летописи, в Историческом музее.

Еще в Самаре М. Н. Тихомиров подготовил к печати статью, имеющую прямое отношение к истории города Дмитрова,— «Князь Юрий Иванович Дмитровский» — о жизни и трагической кончине дяди Ивана Грозного. Это первый труд ученого по политической истории России XVI в. Тогда уже выработалась и система включения в собственно историческое изложение наблюдений источниковедческого характера. Автограф статьи сохранился лишь в архиве Дмитровского музея. На полях первой страницы рукою автора написано: «В Дмитровский музей родного края. Г. Дмитров. Моск[овской] губ[ернии]», на последней — дата «20 февраля 1922 года» [14].

Вскоре по возвращении в Москву М. Н. Тихомиров стал готовить небольшую книгу о городе Дмитрове. В предисловии к ее изданию, датированном 7 января 1925 г., автор пишет, что этот «небольшой очерк» «в основных своих чертах» был задуман в 1918 г., и работа «была продолжена по возобновлении связи с Дмитровским музеем, в прошлом году», т. е. в 1924-м. В предисловии же отмечается, что история города рассматривается «в экономическом разрезе. История города неотделима от вопросов торговли и промышленности; ими определяется в большинстве случаев рост и падение городов. Попутно я говорю о числе населения и внешнем виде города. Вопросы быта, администрации и политической истории оставлены мною в стороне, так как они заслуживают особого изучения» [15]. Эти формулировки, видимо, дань времени, когда официально господствовали взгляды М. Н. Покровского и преимущественное внимание предписывалось уделять истории торгового и промышленного капитала и революционного движения. На самом деле в книге представлена и достаточно широкая история города, и его топография с характеристикой важнейших улиц, площадей, даже зданий, а в примечаниях и в «Библиографии» указана многообразная литература (включая публикации источников) о Дмитрове и его уезде. Небольшая книжка «Город Дмитров. От основания города до половины XIX века» вышла как второй выпуск трудов Музея Дмитровского края в 1925 г.

Книга эта — первая в ряду изданий такой проблематики об отдельных небольших городах — вызвала отклики в печати тех, кто особенно много сил отдавал в то время развитию краеведения. Н. А. Гейнике писал в «Листке краеведа», что «книжка увлекательна для современного читателя, живо интересующегося вопросами экономики», а «для школьного работника... является превосходным пособием». Профессор И. М. Гревс в программной статье 1926 г. «История и краеведение» выделил

издание, приглашая «к дальнейшему следованию по этому пути», а в 1927 г. напомнил, что М. Н. Тихомиров «выпустил удачно составленную монографию «Город Дмитров» [16].

В Москве М. Н. Тихомиров становится деятельным участником работы культурно-исторического отделения (секции) Общества изучения Московской губернии (области) в 1925—1930 гг. [17] Он был с октября 1926 г. секретарем секции, с 1929 г.— заместителем ее председателя, состоял и в издательской комиссии общества, предложил в 1925 г. образовать комиссию по изучению городов Московского края; с 1929 г., в связи с работой по подготовке историко-географического словаря, он стал председателем президиума историко-географической комиссии. Видимо, М. Н. Тихомиров принимал участие в работе нескольких комиссий, так как, отвечая 2 августа 1930 г. на вопрос анкеты члена общества, подчеркнул названия нескольких комиссий, в работе которых желал бы участвовать: культурно-исторической, экономической, школьно-краеведческой, искусствоведческой, изучения мелкой промышленности. (Любопытно, что не названа им комиссия «по изучению г. Москвы».)

М. Н. Тихомиров выступал не раз с докладами (некоторые из них становились основой статей в периодических изданиях «Московский краевед» и «Московский край в его прошлом») и в прениях по другим докладам. Сначала тематика его докладов была связана с историей Дмитрова и Дмитровского уезда. На 1930 г. была запланирована работа по аграрной истории Иосифо-Волоколамского монастыря. Доклады 1928—1929 гг. в значительной мере явились результатом экспедиционной деятельности, предпринятой летом 1928 г. тоже по инициативе М. Н. Тихомирова. Он предложил достаточно детально разработанный план «выборочного обследования селений Дмитровского края» по определенной схеме: «1. Название селений. 2. Местоположение селений. 3. Исторические данные о селении. 4. Взаимоотношения села и деревни. 5. Исчезнувшие села и деревни. 6. Памятники старины, сохранившиеся на местах (архивы, церкви, усадьбы и пр.)» и указал конкретно те «уголки уезда», которые следовало бы обследовать в первую очередь. М. Н. Тихомиров в течение трех недель исследовал — сопоставляя известия летописей, писцовых книг, актов с топографическими и топонимическими наблюдениями — Ольявидовщину (в том числе место битвы 1181 г. на р. Веле), Песношский монастырь, селения, связанные с водным торговым путем: составил карту селений и урочищ конца XVI в., расспрашивал местных жителей, прежде всего старожилов, особое внимание обращая на памятники старинного искусства.

При подготовке историко-краеведческого словаря Московской области предлагалось выделить темы: «Историческое прошлое города», «Культурный облик города», «Благоустройство города», «Культурное влияние города на близлежащий

район», «Революционные события в городе», «Выдающиеся уроженцы города». За М. Н. Тихомировым закреплялось руководство работой по составлению исторической части словаря. Он готовил и совещание местных краеведов, занятых обработкой словарных материалов. Уже тогда сказались склонности М. Н. Тихомирова к коллективным трудам, желание привлечь к совместной деятельности специалистов и в центре и на местах.

Особо следует выделить работу М. Н. Тихомирова по подготовке «Атласа и рабочей тетради по географии Московской области» [18]. В разделе атласа «Культурное состояние» предполагалось составить карты и список наиболее интересных музеев области, отметить «все памятники искусства и старины», воспроизвести «виды старинных памятников области», «виды местностей, связанных с революционным движением». В «Объяснительной записке» М. Н. Тихомиров — руководитель работы, рассматривал «Атлас...» как школьно-краеведческое пособие по географии и обществоведению. Планировалось созвать секционные совещания краеведов области и «широкого профиля совещание краеведческих организаций». Однако осуществлению этих намерений помешало преследование краеведческих обществ в 1929—1930 гг.

И М. Н. Тихомиров отошел — во всяком случае, в организационном плане — от собственно краеведческой работы. Перестал заниматься краеведением и его любимый брат — талантливый историк Борис Николаевич Тихомиров, с именем которого связаны достижения калужского краеведения второй половины 1920-х гг. (впоследствии он погиб во время сталинских репрессий) [19].

Деятельность в Обществе изучения Московской губернии отвечала в ту пору многообразию и широте научных и общественных интересов М. Н. Тихомирова, его склонности к комплексному изучению различных типов и разновидностей исторических источников (комплексное изучение источников вообще было характерно для краеведения тех лет) и к конкретному «визуальному» ознакомлению с памятниками прошлого и остатками давней жизни, его потребности в широком распространении научных знаний. Творчеству М. Н. Тихомирова уже тогда было свойственно стремление к синтезу прошлого и настоящего, к выяснению в настоящем следов прошлого, а в прошлом — корней современности.

Просветительско-учебную работу, рассчитанную и на восприятие учащимися средней школы, М. Н. Тихомиров, однако, продолжает. На рубеже 1920—1930-х гг. он много сил отдает учебному кино (по истории, по географии), выступает перед сеансами и произносит дикторский текст в кинотеатре «Баррикады» (напротив зоопарка), печатает методические инструкции в журнале «Учебное кино», консультирует серию фильмов «Московский край».

Учебно-методические задачи ставил М. Н. Тихомиров перед собою и тогда, когда готовил первые статьи уже по истории города Москвы. Они были написаны в помощь учителям, для облегчения им работы при возобновившемся преподавании гражданской истории. В журнале «Преподавание истории в школе» (1936, № 3 и 4) публикуются его очерки «Из истории Москвы» («Начальная история Москвы» и «Рост города в XIV в.»). Пробует силы ученый и в написании литературно-художественных произведений о прошлом Москвы; одно из них — пьеса «Великое смятение (Картины из эпохи восстания 1648 г. в Москве)» сохранилась в его архиве в трех редакциях.

Но вскоре М. Н. Тихомиров приступил уже в исследовательском плане к изучению «Древней Москвы». Она стала темой его работы в Институте истории Академии наук: он выступил там с докладом такой тематики, предполагал к концу 1941 г. завершить небольшую книгу «Москва в период феодальной раздробленности». Именно эти подготовительные материалы взял он с собой в Среднюю Азию, куда переехал с эвакуированным университетом. (Не мыслящий себя вне круга учащейся молодежи, профессор М. Н. Тихомиров предпочел ехать не с академическим институтом в более удобный для жизни и буквально заполненный в то время деятелями культуры Ташкент, а в жаркий Ашхабад.) В июле 1942 г. он просил в письме виднейшему тогда москвоведу П. Н. Миллеру «оставить за ним» эту плановую работу, так как «все уже обдумано и частично написано»; и при отсутствии книг его «спасает древняя Москва» [20]. Работа по написанию большего объема книги, как «целого произведения», началась с января 1943 г.

Подготовка этой книги может рассматриваться и как результат предшествующих трудов ученого, а также и как существеннейшая часть занимавшего его в те годы исследования о городах средневековой Руси. Несомненно воздействие очень плодотворной деятельности конца 1930-х гг., когда М. Н. Тихомирову пришлось определять информационные возможности всего основного массива письменных источников в отечественной истории до XIX в. (в период подготовки учебного пособия по источниковедению, где охарактеризованы важнейшие памятники письменности, содержащие сведения о прошлом Москвы, и где приведено в виде примеров немало ссылок на факты, отражающие именно московские события) и методику их исследования.

К тому времени у М. Н. Тихомирова уже оформилось социологическое представление о типологии средневекового города, о «городском строе» Древней Руси, имевшем, как он полагал, много общего с такими же явлениями в других европейских странах, о месте средневекового города в социокультурной среде.

Все в большей мере утверждалось у М. Н. Тихомирова

и представление о характере источниковой базы подобного исследования. Уже его личный опыт ознакомления с прошлым города Дмитрова и его уезда, селений Самарщины, опыт историографии (прежде всего труд И. Е. Забелина о Москве), опыт краеведения убеждали в том, что нельзя ограничиваться письменными источниками, тем более что современных событиям памятников письменности XII—XV вв. известно крайне мало. М. Н. Тихомиров привлекает и письменные источники более позднего времени (не только поздние списки ранее созданных памятников, но и сочинения последующих веков), словесные устные источники — фольклор, топонимика, этимология разговорной речи, особенно ее архаизмов, изобразительные и вещественные памятники. Использовались им также и приемы извлечения ретроспективной информации, визуального наблюдения над уцелевшими остатками старины. М. Н. Тихомиров придавал большое значение природно-географическим условиям в жизни общества, местным, даже, казалось бы, малозначительным природным особенностям.

М. Н. Тихомиров воспринимал прошлое не умозрительно, отнюдь не только по книгам и архивным документам. Он ощущал внутреннюю потребность видеть то, о чем пишет. Исторические явления существовали для него всегда в определенной естественногеографической среде и бытовом окружении. М. Н. Тихомиров объездил или исходил пешком многие места нашей страны. Он старался проверить de visu данные литературы и народных преданий, выявить границы и внешние отличительные черты давних поселений, охарактеризованных в его трудах. И заносил эти наблюдения в путевые записи, которые делал ежедневно, пока свежи впечатления. Ему не нравились скорые «туристские» наскоки. Он предпочитал раздумчиво и внимательно ознакомиться с местностью, с памятниками старины, приглядеться к новым для него людям, к их обычаям; и в краеведческом музее он начинал знакомство с отдела природы, выясняя для себя влияние ее на местный бытовой уклад (мне довелось наблюдать все это во время совместной поездки в Великий Устюг и Сольвычегодск летом 1951 г.) [21].

Подготовка монографий о древнерусских городах и о древней Москве велась, по существу, одновременно, что обогащало осмысление обоих комплексов проблем: развития городской жизни в XI—первой половине XIII в. (на примере многих городов и разных регионов Восточной Европы) и во второй половине XIII—XV в. (на примере уже одного, но крупнейшего города). Для обеих книг характерно всестороннее исследование средневекового города с акцентами на социоэкономические и культурные аспекты. Книги, вышедшие в издательстве Московского университета одна за другой («Древнерусские города» в 1946 г.; «Древняя Москва» в 1947 г.), воспринимались как некое единство.

Сходство обеих монографий обнаруживается не только в подходе к историческим явлениям и источникам информации о них, но и в самом распределении материала по разделам и внутри разделов, во «внутреннем строе» изложения, даже в манере его: насыщенность фактографическими наблюдениями и четкость обобщения социологического порядка, строгая последовательность — даже повторяемость — элементов построения разделов; простота языка с вкраплением цитат или отдельных слов из старинных памятников письменности, часто в переводе автора. Такой научно-литературный стиль (напоминающий об опыте преподавания в школе) обеспечивал доступность книг ученого и для так называемого массового читателя.

Отдельные разделы книг М. Н. Тихомирова, по своему обычаю, публиковал в виде статей, а сведения по истории Москвы обобщил, как и прежде, и в учебно-методическом плане, напечатав три статьи в журнале «Преподавание истории в школе» (1946. № 3, 4, 5). Любопытно отметить, что М. Н. Тихомиров охарактеризовал в статьях для учителей всю историю Москвы до того времени, когда столицей стал Петербург,— последняя статья озаглавлена: «Москва в XV—XVII веках».

В книге «Древняя Москва» восемь глав: «Начало истории Москвы», «Великокняжеская Москва», «Великие князья в борьбе за власть против князей-совладельцев и бояр», «Московская торговля и купечество», «Московское ремесло и московские ремесленники», «Иностранцы в Москве», «Рост и заселение городской территории», «Московское просвещение и литература». В приложении опубликованы четыре повести о начале Москвы и схема города и его окрестностей в XIV—XV вв.

Оба широкомасштабных исследования сохраняли особенности, свойственные краеведческой литературе, где пристальное внимание уделяется топографии и топонимике города, истории отдельных улиц, обстоятельствам и срокам заселения городских районов, быту и укладу жизни различных слоев населения (организации и расположению торгов и ремесленных мастерских, церквам, монастырям и кладбищам и т. д.), памятникам культуры местного происхождения и вообще знаменитым местным памятникам истории и культуры. Такие частности, обычно привлекательные для краеведа, экскурсовода (а сам М. Н. Тихомиров, уже бывший признанным профессором, в послевоенные годы доставлял себе удовольствие, выступая в роли экскурсовода, рассказывая своим ученикам о зданиях и дворах в Китай-городе), имели существеннейшее значение для книги, как и краеведческие работы «частного» порядка, на которые автор ссылался.

И это вообще характерная черта некоторых книг М. Н. Тихомирова, восходящая, думается, к краеведным началам его творческой биографии. В книге «Древнерусские города» главам типологически обобщающего характера о городском населении, борьбе за городские вольности и внешнем виде городов пред-

шествовала самая большая глава — «Географическое размещение городов», представляющая собой совокупность микроисследований о 65 городах. И позднее, в книге «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» (1955) заметен схожий прием исследования. М. Т. Белявский проникновенно напишет об этом в статье «Памяти большого ученого»: «Это настоящий сборник великолепных маленьких монографий о восстании в разных городах и землях Древней Руси, монографий, показывающих, как нужно искать и находить источники там, где, казалось бы, никаких шансов на это нет; как их использовать и как писать кратко, ярко, убедительно и интересно»[22]. Важно заметить, что во введении к этой книге сам М. Н. Тихомиров пишет: «Эта работа основана на длительном и внимательном изучении источников. Но автор ее ставил перед собой не только исследовательские, но и популяризаторские задачи...»[23] Такие же задачи стояли перед ним и при подготовке книг о древнерусских городах и Москве. Но подобные приемы — и обращения к источникам, и описания исторических явлений — заметны и в более академической по стилю изложения книге «Россия в XVI столетии», подготовленной к печати уже незадолго до кончины М. Н. Тихомирова. В основе книги начала 1960-х гг.— университетский спецкурс 1950-х гг., когда на лекции для цитирования Михаил Николаевич приносил не только издания источников (летописей, писцовых книг, актов), но и работы краеведов с закладками, пометами на полях и между строк. Так он приучал молодежь к уважительному отношению к этой литературе.

Ученый закрепил основные свои выводы и наблюдения и в главах готовившегося к печати первого тома академического издания «Истории Москвы» (книга вышла в свет в 1952 г.). М. Н. Тихомиров выступил 9 сентября 1947 г. с докладом «Первые два века Москвы» на общем собрании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 800-летию Москвы, читал публичные лекции о Москве и ее роли в образовании централизованного государства (в Политехническом музее в 1947 г. и в 1951 г., в Московской партийной школе). 6 июня 1954 г. академика М. Н. Тихомирова попросили выступить при открытии памятника Юрию Долгорукому в Москве; 23 ноября 1954 г. об истории Москвы он говорил в Доме пионеров. В личном архиве его сохранились краткие тезисы этих выступлений. (М. Н. Тихомиров не имел дара ораторской импровизации и обычно готовился к публичным выступлениям; но разговорный его язык отличался образностью, меткостью и точностью характеристик.)

В середине 1940-х гг. формируется школа учеников М. Н. Тихомирова, готовивших под его руководством дипломные сочинения и диссертации. И нетрудно обнаружить непотухающий интерес и учителя и учеников к тематике по истории Москвы, к историческим сочинениям, написанным в Москве. Особо

следует выделить диссертацию Дины Исааковны Тверской, ставшую основой ее книги «Москва второй половины XVII века — центр складывающегося Всероссийского рынка» (1959), изданной под редакцией академика М. Н. Тихомирова. Много сделала для изучения Москвы Д. И. Тверская и как музейный работник — автор музейных экспозиций и теоретик музейного дела. Накануне своей кончины 10 августа 1975 г. она готовила статью и доклад на тему «М. Н. Тихомиров и музеи», основанные на привлечении и архивных материалов [24].

Проблемы истории средневекового города и особенно Москвы той поры привлекают внимание ученого и позднее. Накапливается новый фактический материал, возникают новые соображения, формулируются новые обобщающего характера наблюдения. И снова одно за другим выходят исследования: «Древнерусские города» (1956) и «Средневековая Москва в XIV—XV веках» (1957).

В предисловии к новой книге о Москве М. Н. Тихомиров писал, что исследование основано на книге «Древняя Москва», «но оно не является просто переработкой более раннего текста». Задача той книги была: показать, что Москва впервые названа в летописях уже городом и развивалась как все возрастающий город, связанный и с международным обменом. Но «теперь нет необходимости эту мысль доказывать, так как она уже принята в нашей исторической литературе». И потому «основная задача» новой книги — «более или менее всестороннее освещение жизни русского средневекового города XIV—XV столетий. Исследование ограничено рамками этих столетий, потому что предшествующие века в истории Москвы освещены только немногими письменными свидетельствами и археологическими находками, сделанными на ограниченной территории». С конца же XV в. начинается для Москвы «новый период». Внешние показатели этого: строительство Кремля и переустройство посадов при Иване III; в области политической истории — и для истории России и для истории Москвы — присоединение Новгорода и падение татарского ига.

Построение и распределение материала новой книги заметно отличается от книги 1947 г. Там сведения о ремесле и ремесленниках приведены в одной небольшой главе; в книге же 1957 г. две главы: «Московское ремесло» и «Ремесленное население Москвы. Черные сотни и слободы». Значительно больше материала приведено о торговле и московском купечестве, о московском просвещении и литературе. Появились новые главы — «Московское боярство», «Митрополичий двор. Церкви. Монастыри. Духовенство», «Классовая борьба и восстания черных людей», «Городские бедствия и происшествия». Приложен указатель географических, этнографических и топографических названий. В то же время исключено приложение с повестями о начале Москвы.

Мартом 1956 г. датирована записка М. Н. Тихомирова о

составлении «Московского некрополя» [25]. Он, видимо, знал то, что сделано было в этом направлении П. Н. Миллером и другими москвоведами. В записке предлагалось составить «полный список захоронений выдающихся лиц, похороненных в Москве, памятники или могилы которых сохранились до настоящего времени». Отмечая особое значение надгробных надписей как важных источников по истории культуры и о прошлом Москвы, М. Н. Тихомиров считает необходимым цитировать их в описании памятников, а «наиболее замечательные могилы» фотографировать. «Московский некрополь» должен был стать и «своего рода охранным документом». Первый том издания, по его мнению, следовало посвятить захоронениям в Кремле, на Красной площади, в Китай-городе, «дальнейшая работа проводится по отдельным кладбищам». Однако замысел этот остался тогда неосуществленным.

М. Н. Тихомиров, издавна тесно связанный с музеями, активно участвовал в работе Музея истории и реконструкции г. Москвы (в частности, выезжал на места вновь открытых старых зданий или фрагментов их и приглашал на такие консультации своих учеников), в создании Музея имени Андрея Рублева. Он помог сохранению основных принципов экспозиции Оружейной палаты, утверждая в выступлении на совещании 1955 г., что Оружейная палата «создает впечатление колоссального богатства и колоссальной заботы о собирании вещей» [26]. М. Н. Тихомирова волнуют не только судьбы музеев и памятников истории и культуры, но и то, что у научной молодежи не воспитывается потребность в познании этого. В статье 1956 г. о подготовке молодых ученых к исследовательской работе он с огорчением и недоумением даже замечает: «...знакомство с памятниками старины, столь многочисленными в Москве, считается необязательным для историков. Иной аспирант-историк просидит в Москве три года и за это время ухитрится ни разу не повидать московские исторические памятники; например, пишет о 1905 годе и не побывает на Красной Пресне» [27].

Темы «История Москвы» и «Памятники Москвы» и в дальнейшем сопутствуют творческим устремлениям М. Н. Тихомирова. Москве и Московскому краю отведено существенное место и в его фундаментальном труде историко-географического характера «Россия в XVI столетии». Эта монография вышла в том же 1962 г., что и небольшая книга «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы» — результат неутомимых изысканий в течение сорока лет. Книга эта, по мысли М. Н. Тихомирова, должна была стать «путеводной нитью для других исследователей».

Готовил к печати М. Н. Тихомиров (с помощью Н. Н. Покровского, ныне члена-корреспондента АН СССР) и описание собранной им коллекции рукописей. Описание части этой коллекции — трехсот рукописей — опубликовано было уже после

кончины ученого, в 1968 г. Эту ценнейшую коллекцию собиратель еще при жизни передал в дар Сибирскому отделению Академии наук СССР. Именно академик Тихомиров стоял у истоков возрождения славных традиций дарения народу и государству замечательных частных коллекций. Ученый был убежден, что переселенцы берут с собой на новые места самое дорогое — книги и иконы; поэтому стал инициатором организации археографических экспедиций в Сибири — в результате произошло то, что позднее назовут «археографическим открытием Сибири» [28]. «Тихомировское собрание» в Новосибирске (рукописи, старопечатные книги, иконы, подбор палеографических пособий) и поныне остается научной опорой развернувшихся там исследований истории народной культуры.

В первой половине 1960-х гг., благодаря статье М. Н. Тихомирова о библиотеке московских государей, опубликованной в журнале «Новый мир» [29], возродился интерес и серьезных ученых к этой таинственной сокровищнице древних рукописных книг на греческом, латинском и древнееврейском языках. Вопросы эти обсуждаются на заседаниях общественной комиссии, возглавляемой М. Н. Тихомировым, на страницах еженедельника «Неделя» и в других изданиях [30]. Возвращается он и к теме о начале московского книгопечатания: опять-таки, как и в исследовательском плане, так и в научно-популяризаторском. М. Н. Тихомиров был научным руководителем работы по вскрытию гробниц Ивана Грозного и его сыновей в Архангельском соборе Московского Кремля, выступал об этом с докладами, статьями в газетах. Особенно памятна яркая статья «Последние из рода Калиты» в газете «Известия», перепечатанная посмертно в одной из книг его избранных трудов [31]. Академик М. Н. Тихомиров до конца дней своих оставался исследователем и просветителем, пропагандистом исторических знаний в широких слоях народа.

В 1967 г. именем М. Н. Тихомирова названа улица в Москве, в районе новостроек, в Медведкове (сам Михаил Николаевич был противником изменения старых и привычных названий улиц). В 1969 г. установлена памятная доска на высотном доме на Котельнической набережной, где ученый жил с 1954 г. и где находилось «Тихомировское собрание» памятников культуры. Именем Тихомирова назвали аудиторию в здании исторического факультета Московского университета (сначала в старом, а затем в новом здании) и установили мемориальную доску. На титульном листе «Археографического ежегодника», начиная с выпуска 1968 г., значится: «Основан в 1957 г. академиком М. Н. Тихомировым». С 1968 г. ежегодно проводятся и Тихомировские чтения — пленарные заседания или конференции Археографической комиссии, посвященные жизни и деятельности ее основателя, актуальным проблемам археографии и близких к ней наук, изучающих документальные памятники.

Академик Михаил Николаевич Тихомиров любил свой род-

ной город, гордился тем, что он коренной москвич, история Москвы оставалась сквозной темой его творчества. И москвичи могут гордиться делами и славой своего земляка, еще при жизни ставшего классиком нашей исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968. С. 348

[2] Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны (Памяти академика М. Н. Тихомирова). М., 1967. С. 17.

[3] Михаил Николаевич Тихомиров: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1963. Литература 1963—1983 гг. о жизни и деятельности М. Н. Тихомирова указана в статье И. Е. Тамм // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 250—255. См. также: *Шмидт С. О.* О наследии академика М. Н. Тихомирова // Вопр. истории. 1983. № 12. С. 115—123. Литература 1983—1990 гг. указана в «Археографическом ежегоднике за 1990 год». М., 1991.

[4] Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание /Сост. И. П. Староверова. М., 1974.

[5] *Чистякова Е. В.* Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965). М., 1987.

[6] Труды эти перечислены в составленной Л. И. Шохиным библиографии в книге: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. XII — XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1991.

[7] *Рыбаков Б. А.* Михаил Николаевич Тихомиров // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 29—30. Такая шуточная переписка М. Н. Тихомирова и С. В. Бахрушина во время одного из заседаний ученого совета МГУ в послевоенные годы сохранилась. См.: *Шмидт С. О.* С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Пробл. соц.-экон. истории феодальной России. М., 1984. С. 72—73. См. также: *Шмидт С. О.* Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник за 1965 г. С. 29—30; *Чистякова Е. В.* Указ. соч. С. 30—31.

[8] История СССР. 1958. № 5. С. 57.

[9] Переиздано в кн.: *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVI в. М., 1969.

[10] Архив АН СССР, ф. 693 (М. Н. Тихомиров), оп. 2, д. 60, 61, 287.

[11] Подробнее об этом см.: *Хохлов Р. Ф.* М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 315—318.

[12] Из отчета Дмитровского союза кооператоров за 1918 год. Цит. по: *Филимонов С. Б.* Малоизвестные материалы о деятельности академика М. Н. Тихомирова в 1918—1923 гг. // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С 104.

[13] Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии /Подг. к печати С. Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 299, 300.

[14] *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV — XVII веков. М., 1973. С. 393. Статья впервые напечатана в этом издании (С. 155—169).

[15] Там же. С. 170. Основной текст книги перепечатан в этом издании с учетом изменений, сделанных в связи с подготовкой нового издания ее в конце 1950-х гг. Замысел этот не был осуществлен тогда.

[16] Об этом см.: *Филимонов С. Б.* Материалы о М. Н. Тихомирове

в журнале «Краеведение» // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 221.

[17] Подробнее см.: *Шмидт С. О.* Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы) // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 167—172; *Филимонов С. Б.* Историко-краеведческие материалы архива Обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

[18] См.: Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии /Подг. к печати С. Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 298— 310.

[19] См. о нем: *Артизов А. Н.* Борис Николаевич Тихомиров (1898—1939). Обзор материалов в жизни и деятельности // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 111—123.

[20] Подробнее см.: *Шмидт С. О.* Послесловие // Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII — XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV — XV вв. М., 1991.

[21] *Шмидт С. О.* Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова)// Археографический ежегодник за 1965 г. С. 14—16. Путевые заметки эти частично опубликованы в кн.: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. С. 410—412.

[22] *Белявский М. Т.* Памяти большого ученого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1966. № 1. С. 10.

[23] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XIII вв. М., 1955. С. 5—6.

[24] О работах Д. И. Тверской см.: Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 354—358, 370—371.

[25] Записка М. Н. Тихомирова 1956 г. о составлении «Московского некрополя» // Археографический ежегодник за 1989 г. С. 305—306.

[26] Выступление М. Н. Тихомирова 20 января 1955 г. на совещании о работе Музеев Московского Кремля / Подг. к печати М. Т. Белявский // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 352.

[27] Перепечатано - кн.: Новое о прошлом нашей страны (Памяти академика М. Н. Тихомирова). С. 11.

[28] *Шмидт С. О.* Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 11—20; *Деревянко А. П.*, *Покровский Н. Н.* М. Н. Тихомиров и сибирская археография // Археографический ежегодник за 1973 г. С. 202—203.

[29] *Тихомиров М. Н.* О библиотеке московских царей: Легенды и действительность // Новый мир. 1960. № 1. С. 196—202. Перепечатано в кн.: *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. С. 281 - 291.

[30] Библиотека Ивана Грозного. Л., 1982. С. 64.

[31] Перепечатана в кн.: *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVIII веков. С. 81—83.

О. А. Омельченко

НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАБЫТО

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ БЕЛЯВСКИЙ. 1913 - 1989

В научных трудах и профессиональной деятельности педагога и исследователя-историка, профессора Московского университета Михаила Тимофеевича Белявского собственно историческое краеведение не занимало главенствующего места. И сам он, по всей очевидности, не относил себя к числу краеведов-профессионалов.

Интерес к памятнику прошлого, к историческим реалиям города или края был для М. Т. Белявского ранее всего интересом воспитательной задачи, адресованной молодежи «возможности воочию увидеть вековую эстафету поколений, эстафету героизма, ратных подвигов в боях за независимость родины, эстафету славы» [1]. Однако все возраставшие числом и значимостью обращения М. Т. Белявского (особенно в последние десятилетия его жизни) к истории Москвы, Московского края, к общим проблемам освоения исторического и культурного наследия Отечества объективно вышли далеко за пределы первоначальных просветительных целей, став новой страницей в современном историческом краеведении. Особенно важно, что многие из нескольких десятков таких публикаций были связаны с большой практической работой по описанию и возрождению памятников истории и культуры, которая организовывалась и возглавлялась М. Т. Белявским как одним из деятельнейших членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) с самого начала существования этого общества.

В 1973 г., беседуя со студентами исторического факультета МГУ, М. Т. Белявский определил круг своих научно-исследовательских интересов тремя темами: М. В. Ломоносов и история Московского университета, крестьянский вопрос и социальная политика в России второй половины XVIII в., увековечение памяти героев Великой Отечественной войны в Москве. И хотя только последняя из названных тем позволяла прямо предполагать историко-краеведческое содержание его последующих пуб-

ликаций и работ, оно стало закономерным, пусть не всегда очевидным и непосредственным продолжением основных трудов М. Т. Белявского. А в немалой степени — и выражением личной памяти и судьбы, в которой главнейшими событиями (и по внешней связанности событий, и по глубине внутреннего запечатления) были и остались Московский университет и Великая Отечественная война. Университет и война, связанные с ними люди стали своеобразными истоками и вдохновителями историко-краеведческих интересов и наследия М. Т. Белявского.

Педагогическая профессия прошла через всю жизнь М. Т. Белявского. Но Отечественная война — как и в жизни многих старших и младших его современников — по-своему развернула и переиначила этот путь. «Одарив» тяжелыми ранениями и долгими месяцами госпиталей, война привела М. Т. Белявского на исторический факультет Московского университета, сделала из учителя-географа (в предвоенное десятилетие М. Т. Белявский окончил Московский государственный педагогический институт, работал в средней школе, был директором школы в Краснопресненском районе столицы) профессионального историка. Его интересы счастливо совпали с научными занятиями жены, Ирины Михайловны Белявской (1913—1975), впоследствии также профессора Московского университета, доктора исторических наук, исследователя-славяноведа. С 1948 г. М. Т. Белявский работал уже преподавателем исторического факультета, занятый одновременно в университете общественной, партийной работой — всегда нелегкой и особенно своеобразной в те годы, когда не в редкость были или вызов на Старую площадь к М. А. Суслову (в бытность его главным редактором «Правды») для спешного написания защитительной рецензии на «историческую постановку» МХАТа, или в КПК на предмет отчета, как же так «случилось», что уехавшая из СССР С. И. Аллилуева ранее была принята факультетской парторганизацией в члены КПСС, или для личной беседы к К. Е. Ворошилову по поводу «излишних» двоек, полученных его внуком.

История основания Московского университета стала первой исследовательской работой М. Т. Белявского, его кандидатской диссертацией, защищенной в 1952 г. Собственные научные интересы поначалу были иными. Эту же тему крупнейший советский историк, академик М. Н. Тихомиров предложил своему аспиранту ввиду приближавшегося юбилея Московского университета. Работа над диссертацией послужила основой целого ряда научных публикаций, посвященных М. В. Ломоносову, его младшим сподвижникам в деле основания университета, русским ученым и просветителям XVIII в. и, наконец, большой книги «М. В. Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955). С книгой не во всем можно согласиться спустя почти четыре десятилетия, но она стала важным вкладом

в изучение русской культуры XVIII в. Герой первых научных работ не отпустит внимания историка и в дальнейшем: М. В. Ломоносову будет посвящена последняя книга М. Т. Белявского, приуроченная уже к 275-летию самого основателя Московского университета [2].

Последующие десять примерно лет были связаны с основной исследовательской темой М. Т. Белявского — социальной политикой и общественной мыслью в России второй половины XVIII в. Завершением этого отрезка научного пути стали защита в 1963 г. докторской диссертации, а затем и издание ее книгой «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева» (М., 1965), к которой не перестают обращаться исследователи истории и доныне. В 1960-е гг. значительно возросла педагогическая деятельность М. Т. Белявского уже как одного из ведущих профессоров по истории феодальной России, автора новых учебников и курсов лекций, пользовавшихся неизменным вниманием студенческой аудитории, отличавшихся не только научностью содержания и мастерством лектора, но еще какими-то особыми качествами учебной полезности и понимаемости (которые обычно сводят к скучному слову «методика», слабо, однако, выражающему их существо).

Предложенная М. Н. Тихомировым тема первого исследования была тогда частью предварительной работы к созданию крупного коллективного труда «История Московского университета. 1755—1955», в двух огромных томах, также изданного в связи с юбилеем. Помимо авторской работы М. Т. Белявский был одним из руководителей издания, фактическим координатором и организатором труда многих авторов, ученых разных специальностей и поколений. И здесь историческая работа стала обретать некое дополнительное качество: многие вопросы истории науки, в особенности естественной и технических, в Московском университете не решались привычным историографическим путем — «по летописям, доносам и протоколам». Немало важных событий, как оказалось, хранилось только в памяти их участников, многое приходилось проверять и воссоздавать, обращаясь к тем, кто работал в физических лабораториях с П. Н. Лебедевым или устанавливал первую в России аэродинамическую трубу с Н. Е. Жуковским. Работа историка стала работой не только с архивами и письменными свидетельствами, но и с реальными участниками истории, в окружении подлинных свидетельств реконструируемой истории, порой в тех же самых местах, на тех же этажах и в тех же учебных аудиториях или квартирах и кабинетах. Судьбы участников исторических событий создавали основу самой исторической ткани нового познания, не существуя вне совершенно конкретных мест Москвы, продолжавшей откликаться им живой памятью культурных традиций. Это, пожалуй, и было началом для М. Т. Белявского историко-краеведческого изучения Москвы, традиций науки, умственной культуры и общественного дви-

жения, продолженного затем в целой серии последующих разысканий и публикаций, посвященных историко-культурным взаимоотношениям старейшего университета Москвы с памятью города, судьбам ученых и многочисленных питомцев университета.

Первым же специальным историко-краеведческим трудом стала книга «Наш первый, наш московский, наш российский» (М., 1970), написанная М. Т. Белявским в соавторстве с В. В. Сорокиным (тогда главным библиографом Научной библиотеки МГУ). Снабженная авторами подзаголовком «Памятные места Старого здания Московского университета», книга была не только архитектурным или историко-научным очерком, но своеобразным историческим путеводителем по комплексу зданий Московского университета, расположенных в центре города напротив Кремля. Это был рассказ о главнейших событиях и славных людях в истории университета, ведшийся с помощью «немых свидетелей этих событий — зданий, залов, аудиторий, лабораторий» (с. 5). Впервые авторами было показано создание и развитие университета как синтетического организма, с глобальными и будничными проблемами и заботами. Скрупулезно собранные материалы книги помещали деятельность исторических героев в вполне конкретное и по сегодня живое и узнаваемое пространство зданий и аудиторий, продолжающих составлять частицу живой повседневности университета и безмолвных только для «ленивых и нелюбопытных». Это своеобразное, во многом новое и уже не только историко-, но и культурно-краеведческое прочтение памятников Москвы, неразрывных с историей университета, было продолжено в нескольких позднейших работах .

Память города во всем ее историческом и культурном многообразии о людях Московского университета стала предметом кропотливых топографических, краеведческих и исторических только в последнюю очередь разысканий об улицах и зданиях Москвы, культурных и научных учреждениях, связанных с именами ученых и питомцев университета, о посвященных им памятниках, мемориальных досках, музеях [4]. В ходе этой работы М. Т. Белявский собрал в единую карту живой исторической памяти материалы о более чем 400 мемориальных объектах, связанных с делами и именами 157 ученых и выпускников Московского университета. В лаконичные справки и характеристики, которые сопровождали не вполне обычные схемы, перечни и фотоматериалы в посвященных этой теме публикациях, невозможно было вместить хотя бы сколь-нибудь полные исторические сведения, но работа не была простой и формальной. Надо было увидеть в известном неизвестное или не очень явное. Неотъемлемой частью Москвы для многих поколений ее жителей стали памятники А. И. Герцену и Н. П. Огареву, улицы, носящие их имена, как и имена А. С. Грибоедова, Н. В. Станкевича, библиотека имени К. Д. Ушинского. Но вряд

ли иные задумывались до этих публикаций, что многие славные имена ученых, революционеров, героев труда и Великой Отечественной объединил, как большая или меньшая частица жизни и судьбы каждого, Московский университет. Даже скупой и формальный перечень не только оживил памятные места и знаки, но и убедительно показал, сколь широко (следуя первообразу своего основателя) «простирает руки свои в дела человеческие», в общественную и культурную жизнь Москвы ее старейший университет. Посвященная этой теме итоговая книжка «Их имена увековечены в Москве (Ученые и питомцы Московского университета)» (М.: Изд-во МГУ, 1980) стала, без сомнения, необходимейшей в краеведческом познании города. М. Т. Белявский продолжал и предполагал продолжить сбор сведений о людях университета и памятниках города. На карте Москвы появляются новые улицы с новыми именами, встают новые памятники, открываются новые мемориальные знаки. Начатая М. Т. Белявским работа образовала целое интереснейшее направление современного историко-краеведческого изучения столицы, а в перспективе — и многих других городов и областей.

Вторым жизненным побуждением для М. Т. Белявского по-особому, не только чисто исторически, увидеть Москву стала Великая Отечественная война, связанная с ней память о славе павших и подвигах живых.

Отечественная война вошла в судьбу М. Т. Белявского не только как особенно значимый период собственной жизни. Как и для многих, особенно младшего поколения его современников, война стала для него главным жизненным впечатлением, многое переопределила в последующем восприятии действительности. И, добавим, истории. Особым осталось и отношение этого поколения к памяти о войне — несравненно более личностное и эмоциональное, чем у тех, для кого армия и вероятная война были профессиональным делом жизни, более жестким и однозначным.

Нередко и всегда с непреходящим волнением возвращался М. Т. Белявский к людям этого поколения и к их памяти в своих выступлениях. А они удавались ему. Необычайно эмоциональной, далеко не сразу встретившей понимание и однозначное одобрение редколлегии истфаковского журнала была посвященная 30-летию Победы в Великой Отечественной войне статья М. Т. Белявского «Слово о великой Победе» [5].

М. Т. Белявский стал инициатором и организатором общего труда, мемориального и краеведческого одновременно, по изучению памятных мест в Москве, народных музеев и топонимов, связанных с увековечением героев Великой Отечественной. В этой работе, развернувшейся с 1969 г. как одно из основных направлений деятельности Ленинской районной организации ВООПИК г. Москвы, приняли участие многие преподаватели и студенты исторического факультета МГУ. Первым, еще скром-

ным, но принципиально важным итогом этой работы стала небольшая брошюра «Памяти героев», составленная М. Т. Белявским (М., 1972). В ней были зафиксированы памятные места Ленинского района столицы (к которому, в частности, относился и Московский университет), улицы, памятники, мемориальные доски, связанные с именами участников и героев Отечественной войны.

Живое восприятие памяти героев Великой Отечественной побудило с особым вниманием подойти к далеко не привычной в современном историческом краеведении теме некрополей. Не раз в своих выступлениях и статьях о памятниках истории М. Т. Белявский отмечал, сколь небрежно, порой несправедливо пренебрежительно отношение в Москве к могилам и надгробиям героев и участников войны, не исключая и Героев Советского Союза [6].

Начатая М. Т. Белявским работа, в которой поначалу принимали участие десятки студентов, а потом лишь двое-трое его ближайших коллег и учеников, по простому и хотя бы черновому учету московского некрополя героев Великой Отечественной войны была прозаической, скучноватой и порой не очень приятной. Приходилось самым примитивным образом обходить хаотичные московские кладбища, ряд за рядом фиксируя надгробия с именами Героев Советского Союза, видных военачальников, места братских захоронений. Нередки были случаи, когда спустя тридцать или сорок лет могила Героя была отмечена лишь стандартной табличкой-«лопаточкой», полувросшей в землю и с почти стершейся надписью. Возможно, и даже наверное, в этой многолетней и трудоемкой работе были и остались немалые пробелы, тем более что спустя пять-шесть лет многое приходилось повторять (так как никакого специального учета не велось, да и посейчас не ведется). Но то немногое, что удалось сделать М. Т. Белявскому, было не только принципиально важным открытием нового пласта в современном краеведении, но и реальной простой работой краеведа-практика, которой он отдавал много времени, хотя для нее не надо было быть профессором или доктором наук или даже профессиональным историком.

От разысканий по увековечению героев Великой Отечественной войны закономерным уже был переход к общему историко-краеведческому изучению современного московского некрополя как комплексного культурно-исторического памятника. Но для более полного и точного уяснения особенностей этого изучения необходимо коснуться еще одной стороны историко-краеведческого наследия М. Т. Белявского.

В составе Центрального совета ВООПИК М. Т. Белявский руководил работой секции памятников советского периода. Он выступал на конференциях общества, научно-методических совещаниях с докладами. Многие из таких выступлений были посвящены также новой историко-культурной проблеме изуче-

ния памятников трудовой славы советского народа [7]. Проблема только на первый взгляд казалась несущественной или элементарной, поскольку жизнь и труд каждого протекают в когда-то и кем-то построенных зданиях и учреждениях, в окружении свидетельств прошедшего славного (хотя нередко и наоборот) труда. Но относиться к заводу или к электростанции, машинному агрегату или станции метрополитена как к историческому памятнику? Этот выход за пределы обыденного представления был далеко не очевиден, требовал хотя бы черновой теоретической разработки, а главное — обоснования важности учета и сбережения таких памятников, которые до той поры не фиксировало и не учитывало ни одно научное или культурно-просветительное учреждение.

«Мы привыкли считать,—писал М. Т. Белявский в одной из посвященных этой проблеме статей,— что памятники — это архитектурное сооружение, монумент, поле сражения, место революционного выступления, места, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся деятелей революционного движения, науки, литературы, искусства. А что такое памятник трудовой славы, каковы принципы отбора, изучения, классификации этого вида памятников? Что считать памятником: сам объект... или монумент, скульптуру, мемориальную доску?» [8] Эти вопросы были важны практически, для сохранения в целости выявленных памятников, учет которых был бы лишь первой ступенью к охране и последующему использованию в общекультурных целях таких мемориальных объектов. М. Т. Белявский показал в своих публикациях по этой теме необходимость комплексного учета при оценке памятника трудовой славы: не только с точки зрения его архитектурной ценности, но и в связи с научно-техническим прогрессом, трудовыми достижениями, творческими открытиями и т. д.

В старом российском краеведении изучение некрополей было нередким видом работы. Незадолго до первой мировой войны выходили еще продолжающиеся выпуски материалов о московском, петербургском, киевском некрополях, о русском некрополе за границей, где помещались краткие справки (по силе возможных историко-биографических разысканий) о похороненных там людях. Затем, после трудных лет революций и гражданской войны, традиция прервалась — и не только по случайным обстоятельствам: слишком сложно оказывалось совмещать диктуемые предметом историческую уравновешенность и отсутствие заданности с быстро меняющимися подчас политическими оценками памяти и прошлых судеб людей.

Кладбище — тоже памятник истории и культуры. Эту простую мысль пришлось практически возрождать, показывая ее реальное значение для исторического и краеведческого знания. «Каждое из кладбищ,— писал М. Т. Белявский в последней из опубликованных своих статей,— напоминает о жизни народа, об истории древних княжеств, губерний, областей, с

набегами и походами интервентов, о кровавых битвах и тысячах могил воинов»[9]. Едва ли не впервые за долгие годы московские кладбища (наиболее известные и крупные: Ваганьковское, Преображенское, Новодевичье и др.) предстали как сложный историко-культурный и краеведческий комплекс памятников, открывающий путь к знанию судеб людей прошлого, в нескольких кратких заметках-очерках, написанных о них М. Т. Белявским для энциклопедического справочника-словаря «Москва» (М., 1980).

Более десяти лет М. Т. Белявский посвятил сбору материалов о некрополе Новодевичьего кладбища в Москве. Выбор этого комплекса для изучения был обусловлен его особой исторической и культурной значимостью: здесь были захоронены видные государственные деятели, военачальники, ученые, писатели, художники, артисты, многие Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда. Конечно, «государственный ранг» этого некрополя таил и некоторые сложности, возникавшие при публикации материалов. Немало было захороненных там людей, чья деятельность могла вызвать отнюдь не только благодарное к себе отношение... По такого рода обстоятельствам осталась неизданной основная работа, посвященная Новодевичьему некрополю: двухтомный сборник материалов биографического и мемориального характера о Героях Советского Союза и Героях Социалистического Труда, написанная в 1983—1984 гг. (совместно с автором этого очерка). Уже по чисто временным основаниям осталась незавершенной и серия публикаций в альманахе «Памятники Отечества»[10], где в расширенном виде давались краткие сведения о захоронениях всего комплекса Новодевичьего некрополя, представляющих, конечно же, особую значимость для общеисторической и культурной памяти в сопровождении подробных, впервые составленных схем некрополя и выборочных фотоматериалов, которые знакомили с наиболее интересными в художественном отношении надгробиями.

М. Т. Белявский не посвящал свой научный труд исключительно краеведению. Но как историк, заботившийся о культурной значимости своего труда, как педагог, он не мог не заняться той работой, что безусловно обогатила современное краеведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Белявский М. Т.* Работа в музеях и с историческими памятниками при изучении истории СССР (с древнейших времен). М.: Высш. шк., 1978. С. 129.

[2] *Белявский М. Т.* Все испытал и все проник. К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1986; То же: 2-е изд., 1990.

[3] *Белявский М. Т., Сорокин В. В.* Наш первый, наш московский.

наш российский... // Отчизна. 1980. № 1. С. 40—42; *Белявский М. Т.* Из жизни старых университетских зданий // Природа. 1980. № 5. С. 8—21.

[4] *Белявский М. Т.* Навечно в памяти Москвы // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1974. № 5. С. 86—103; *Абрамов А. С., Белявский М. Т.* У Кремлевской стены // Там же. 1979. № 6. С. 19—28; *Белявский М. Т.* Их имена увековечены в Москве // Там же. № 1. С. 3—18; *Белявский М. Т.* Помнить всегда (увековечение в Москве памяти ученых и питомцев МГУ) // Там же. 1985. № 3. С. 24—34.

[5] *Белявский М. Т.* Слово о великой Победе // Там же. 1975. № 2. С. 3—18.

[6] *Белявский М. Т.* Память нужна живым // История СССР. 1972. № 3. С. 181.

[7] *Белявский М. Т.* Памятники трудовой славы советского народа // Памятники Отечества. М.: Современник, 1975. Кн. 2. С. 28—30.

[8] *Белявский М. Т.* Труд народа, слава народа // История СССР. 1974. № 1. С. 226.

[9] *Белявский М. Т.* Охрана памятников, краеведение и проблема некрополей // Памятники Отечества. 1989. Кн. 1 (19). С. 83.

[10] *Белявский М. Т., Омельченко О. А.* Ушедшие в бессмертие // Там же. 1984. Кн. 2 (10); 1985. Кн. 2 (12); 1987. Кн. 2 (16).

Список работ М. Т. Белявского

Наш первый, наш московский, наш российский: Памятные места старого здания Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1970. (Совместно с В. В. Сорокиным).

Некрополи героев и ветеранов Великой Отечественной войны (Из опыта работы организации Общества исторического факультета МГУ) // Науч.-метод. конф. «Памятники боевой славы советского народа»: Тез. сообщ. М., 1971. (Центр. совет ВООПИК). С. 5—8.

Памятники Великой Отечественной войны на Красной Пресне (К тридцатилетию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой) // Вестн. МГУ. Сер. История. 1971. № 6. С. 3—17. (Совместно с Г. В. Волковой).

Памяти героев: Путеводитель. М.: Реклама, 1972.

Память нужна живым // История СССР. 1972. № 3. С. 173—189.

О работе секций исторических памятников // Материалы совещ. руководителей секций ист. памятников обл., краев., респ. (АССР), Моск. и Ленинградского отд-ний о-ва. 1973, июль. Орехово-Зуево, 1973. (Центр. совет ВООПИК). С. 51—53.

Некрополи героев Великой Отечественной войны в Москве // Памятники боевой славы сов. народа; их роль в воспитании сов. патриотизма: Материалы науч.-метод. конф. М., 1973. (Центр. совет ВООПИК). С. 93—100.

Проблемы классификации, принципов отбора, выявления и изучения памятников трудовой славы советского народа // Охрана и пропаганда трудовой славы сов. народа. М.: Сов. Россия, 1973. С. 7—21. (Центр. совет ВООПИК). (Совместно с Т. И. Агаповой).

Навечно в памяти Москвы // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1974. № 5. С. 86—103.

Труд народа, слава народа // История СССР. 1974. № 1. С. 225—231.

Памятники трудовой славы советского народа // Памятники Отечества. М.: Современник, 1975. Кн. 2. С. 19—35.

Проблемы учета памятников трудовой славы // Современные проблемы учета и документирования памятников истории и культуры народов СССР // Экспресс-информ. Сер. «Музейное дело. Музееведение. Охрана памятников истории и культуры». М., 1975. Вып. 6. С. 5—7.

Памятники столицы [О книге Р. Кожевникова «Памятники и монументы Москвы»]. М., 1976 // Моск. правда. 1977. № 149. (Совместно с Л. Я. Ястржембским).

Предисловие // *О. Песков* и др. Память, высеченная в камне. Мемориальные доски Москвы. М.: Моск. рабочий, 1978. С. 3—11.

То же. 2-е изд. 1983. С. 3—13.

Их имена увековечены в Москве // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 1. С. 3—18.

Неизвестные страницы жизни соратников В. И. Ленина // Там же. 1979. № 6. С. 51—56. (Совместно с В. В. Сорокиным).

У Кремлевской стены // Там же. С. 19—28. (Совместно с А. С. Абрамовым).

Их имена увековечены в Москве (Ученые и питомцы Московского университета). М.: Изд-во МГУ, 1980. 120 с.: ил.

Наш первый, наш московский, наш российский // Отчизна. 1980. № 1. С. 40—42. (Совместно с В. В. Сорокиным).

По улицам «Главной крепости» // Памятники Отечества. 1920. Кн. 2. (2). С. 24—29.

Из жизни старых университетских зданий // Природа. 1980. № 5. С. 8—21.

В памяти поколений [О кн. О. Песков и др. «Память, высеченная в камне». 12-е изд. М., 1983] // Книжное обозрение. 1984. № 17.

Ушедшие в бессмертие [Герои Советского Союза, похороненные на Новодевичьем кладбище в Москве]. Ст. 1 // Памятники Отечества. 1984. № 2 (10). С. 17—27. (Совместно с О. А. Омельченко).

Помнить навечно! [Герои Советского Союза, похороненные на Новодевичьем кладбище в Москве]. Ст. 2 // Там же. 1985. № 2 (12). С. 118—128 (Совместно с О. А. Омельченко).

Помнить всегда (Увековечение в Москве памяти ученых и питомцев МГУ) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1985. № 3. С. 24—34.

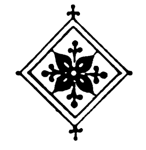
Повышение роли памятников истории и культуры в обучении и коммунистическом воспитании подрастающего поколения в свете основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы // Роль памятников истории и культуры в ком. воспитании подрастающего поколения: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 3—11.

Ушедшие в бессмертие [Деятели науки и техники, похороненные на Новодевичьем кладбище в Москве]. Ст. 3 // Памятники Отечества. 1987. № 2 (16). С. 73—82. (Совместно с О. А. Омельченко).

Охрана памятников краеведения и проблема некрополей // Там же. 1989. № 1 (19). С. 82—83.

Воспоминания

А. Б. Закс

ТРИ ПОРТРЕТА

Николай Александрович Гейнике, Николай Михайлович Дружинин, Арт Яковлевич Закс. Бескорыстные энтузиасты, русские интеллигенты, начавшие работу задолго до революции, безоговорочно признавшие Советскую власть, участники строительства нового общества. Я имела счастье учиться у них, работать с ними. Им я посвящаю эти воспоминания.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГЕЙНИКЕ. 1876—1955

1920-е годы. Кто из москвичей не знал Николая Александровича Гейнике? Кто не видел его в сопровождении стайки экскурсантов — будь то школьники или люди, уже убеленные сединами,— которые по мановению руки своего руководителя поворачивали головы и глазами впивались в экскурсионный объект, раскрывавший какую-то грань истории, культуры, жизни Москвы.

Он поражал своими размерами, необычайной толщиной и неожиданно легкой походкой. Крупная голова с рыжеватой бородкой возвышалась над мощным торсом. Громкий, чуть хрипловатый голос, прекрасная русская речь. Прохожие останавливались и нередко присоединялись к экскурсии, забыв о своих делах. Он напоминал рубенсовского Вакха не только внешностью, но и неуемным нравом. Жизнерадостность, насмешливость, не злая, а доброжелательная, светились в его небольших зеленых глазах. Они были острыми, проникавшими в самую суть собеседника. Данные им прозвища надолго прилипали к человеку. На капустниках — лучший остроумец, на вечеринках — непревзойденный танцор, несмотря на свои габариты.

Н. А. Гейнике посвятил свою жизнь изучению и пропаганде истории Москвы. Его по заслугам называют одним из основателей советского экскурсионного дела. Несколько поколений историков-педагогов, краеведов, внешкольных работников были его учениками и в свою очередь передавали эстафету Гейнике молодому поколению. Многие становились его друзьями на всю жизнь.

Уроженец Казани, свою научную и педагогическую деятельность еще в дореволюционные годы он связал с Москвой. Уже в 1918 г. под его редакцией вышел справочник-путеводитель «По Москве». Рассчитанный на специалистов и квалифицированных туристов, он освещал разные аспекты жизни горо-

да. С любовью и умением подобраны иллюстрации, карты и планы Москвы в ее развитии. Это был как бы итог предреволюционного экскурсионного изучения города.

Первые послереволюционные годы поставили перед историками-краеведами новые задачи. Перелом обозначился во всех сферах культурной жизни. Н. А. Гейнике как педагог считал своей важнейшей задачей участие в перестройке школы и утверждал, что этому может помочь всемерное развитие школьного краеведения и экскурсионного дела. Для этого надо было подготовить кадры энтузиастов-специалистов. И уже в 1918 г. он организует культурно-исторический семинар по экскурсионному изучению Москвы. Его целью было не только подготовить экскурсоводов, но на основе практики разработать теорию и методику экскурсионной работы, всегда связанной с краеведением.

В дальнейшем Н. А Гейнике использует все возможности для пропаганды и развития любимого дела. В 1920-х — начале 1930-х гг. он ведет эту работу помимо многочисленных семинаров и курсов, организуемых Наркомпросом, в Институте методов внешкольной работы (ИМВР), руководя его экскурсионным сектором; является доцентом 1-го и 2-го МГУ (ныне Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина), проводя курсы по истории Москвы, краеведению и экскурсионной методике.

Мое знакомство с Н. А. Гейнике началось на курсах инструкторов-организаторов народного просвещения, созданных в 1920 г. Наркомпросом РСФСР для того, чтобы подготовить кадры, осуществляющие подъем культуры на местах[1].

Программа курсов была разнообразной и обширной. Одно из центральных мест занимала экскурсионная работа. Цикл историко-культурных, обществоведческих экскурсий проводил с нами Н. А. Гейнике.

Мы оценили его не сразу. Порученный ему курс по истории средневекового города он начал без энтузиазма. Пришел с рюкзаком, наполненным драгоценным пайком, который выдавался всем преподавателям (в Москве был продовольственный кризис, и паек помогал обеспечить курсы квалифицированными кадрами). Н. А. вынимал пакет с сушеными фруктами, грыз их между фразами, выплевывая косточки. Одет он был в те годы неряшливо, скудно. Создавалось впечатление, что одежда для него мала. Совсем развалившиеся полуботинки, ноги в обмотках. Говорил отрывисто. Глаза затуманенные, сонные, вот-вот заснет.

Но вот первая лекция окончилась. Он оживился, глаза заблестели. «Завтра будет экскурсия «Вокруг стен Кремля»,— объявил он.— Сбор у Боровицких ворот». И далее совсем не сонным голосом, а твердо и громко сказал: «Начало ровно в десять. Опоздавшие на экскурсию не допускаются».

К этому заявлению мы отнеслись скептически. Расхлябан-

ный с виду человек, а требует точности! Но все же, боясь опоздать, 22 экскурсанта без десяти десять стояли у Боровицких ворот. Разные по возрасту, образованию и общей культуре. Многие не понимали, зачем ходить вокруг стен Кремля. За одну минуту до 10 часов в Александровском саду появилась фигура Н. А. Гейнике, приближавшегося быстрым, легким, можно сказать, даже изящным шагом.

Вместе с боем курантов экскурсия началась. Это было какое-то волшебное действо, чудо. Слепые становились зрячими. Заговорили не только зубчатые стены и островерхие башни, каждая из которых имела свою особую историю, особый смысл; свое слово сказал буквально каждый кирпич, каждый зубец Кремлевской стены.

Издали мы любовались изяществом произведения талантливых архитекторов и строителей; стоя непосредственно под башней и поднимая голову, ощущали ее тяжесть и мощь. Воссоздавались картины далеких исторических событий. Века проплывали перед нами, каждый в своей индивидуальности. Мы смотрели, слушали, передвигались, вертели головами, движениями рук обрисовывали контуры архитектурных деталей, отвечали на вопросы руководителя, задавали ему вопросы. Очень разные люди почувствовали себя единым коллективом. Экскурсионный метод как бы впитывали в себя. На последующих занятиях делились впечатлениями, а Н. А. ненавязчиво, нестандартным языком подводил нас к выводу о том, что такое экскурсионный метод, каковы его преимущества по сравнению с лекцией, беседой, даже в сопровождении иллюстраций.

Экскурсия вокруг стен Кремля была как бы вводной. В следующий раз мы встретились в Б. Гнездниковском переулке, у самого высокого тогда 11-этажного дома (№ 10, бывший дом Нирнзее). Поднялись на его плоскую крышу пешком (лифта на экскурсиях Н. А. не признавал). Мы увидели словно оживший план Москвы с кремлевским треугольником, Бульварным и Садовым кольцом. Далее виднелись силуэты монастырей — сторожей Москвы, в свое время защищавших столицу Московского государства. Как на ладони виднелась излучина Москвы-реки, золотые купола церквей, над которыми главенствовала тяжелая золотая шапка храма Христа Спасителя. Впервые было введено понятие «социальный пейзаж». Богатые особняки, высокие доходные дома, целая роща дымящихся фабричных труб, россыпи деревянных домишек. Как громко говорили они о жизненных, классовых противоречиях...

Как будто просто гуляя с нами по московским улицам, а на самом деле идя по строго продуманному маршруту, Н. А. уже не показывал сам, а лукаво посматривая на нас с затаившейся в глазах смешинкой, заставлял определять, когда, зачем, для чего построен данный дом. В Москве нередко деревянный дом «камуфлировался» под каменный, и нужно было разыскать

деталь (например, обломанный кусок штукатурки), которая разоблачила бы «подделку».

У Н. А. Гейнике были свои оценки архитектурных памятников. Он отдавал должное русской старине, уважал классицизм конца XVIII в. Но любимым у него был русский ампир. Отрицательно относился к «николаевской» архитектуре середины XIX в. Особенно резко критиковал обрусевшего немца архитектора К. А. Тона за его, как он говорил, «тяжелое безвкусие», которое воплотилось и в Большом Кремлевском дворце, и в громаде храма Христа Спасителя, по его словам, эпигона византийского стиля. Помню его сопоставление храма с заслоненной этой громадой легкой, очаровательной розоватой церквушкой XVIII в. (кажется, церковь Св. Духа), как будто тянущейся к небу и слитой с ним. С возмущением Н. А. рассказывал, как при постройке храма Христа Спасителя был безжалостно снесен чисто русский древний Алексеевский монастырь с прекрасным шатровым храмом XVII в. Н. А. Гейнике презирал также модерн и вообще городскую архитектуру XX в. и старался привить нам вкус к русской архитектуре XVI—XIX вв.

Несколько отвлекаясь от темы, укажу, что историко-краеведческие занятия Н. А. Гейнике напоминали занятия другого замечательного педагога, художника Анатолия Васильевича Бакушинского. Лекций он не читал. Водил нас по художественным музеям. Как и Н. А. Гейнике, учил «видеть». Подходя к картине, Бакушинский давал возможность неторопливо и внимательно рассмотреть ее. А потом начинал анализ ее компонентов — композиция, свет, цвет, фактура, технические приемы. Картина как бы распадалась на части, а потом вновь возникала, но уже на новом уровне. Учил он видеть и понимать произведения скульптуры. Не менее блестящим был показ памятников архитектуры. Если Гейнике делал упор на их историко-культурное значение, то Бакушинский раскрывал архитектурно-художественный замысел, его эстетическое воздействие на человека. Как и Гейнике, он включал в свои экскурсии и памятники современности, не только искусства, но и техники. Помню, как, выйдя из проема стены Новодевичьего монастыря, он повел нас к мосту Окружной железной дороги и, поставив внизу, у его опор, дал почувствовать эстетику рационально построенного технического сооружения. «Смотрите,— сказал он своим «окающим» говором с особым, только ему свойственным указующим жестом,— смотрите, этот мост живет своей собственной жизнью, которая подчиняется законам красоты». Сейчас, написав эти строки, я вспомнила стихи Давида Самойлова:

Стройный мост из железа ажурного,
Застекленный осколками неба лазурного:
Попробуй, вынь его из неба синего,
Станет голо и пусто.
Это и есть искусство!

Экскурсии А. В. Бакушинского дополняли экскурсии Н. А. Гейнике, в частности, учили оценивать своеобразную эстетику современной Москвы.

Более углубленную работу Н. А. Гейнике вел в 1922—1924 гг. на семинаре «Экскурсионное дело и краеведение» для студентов факультета общественных наук (ФОН) МГУ. Расширилась тематика экскурсий. Они проводились не только по центру Москвы, но и по Белому городу, по монастырям, по историко-бытовым комплексам. Были организованы и демографические наблюдения. В течение трех дней по нескольку часов мы занимали «смотровые пункты» (помню, я стояла у входа на Большой Каменный мост) и вели наблюдения — подсчитывали количество людей, проходивших за определенный период времени, отмечали их возраст и по возможности социальный состав, попутно давая характеристику их внешнего облика и даже настроения. Работа оказалась очень увлекательной, намечались какие-то выводы, связанные с жизнью москвичей.

Для итоговых дипломных работ Н. А. Гейнике дал каждому определенный участок, улицу или отдельный дом Москвы, историю которого следовало изучить на основе непосредственного наблюдения, опросов жителей. Помню, мне достался своеобразный, можно сказать, уникальный уголок Москвы — торгово-ремесленное Зарядье. Тут я поняла, что занятия с Н. А. Гейнике дали ключ к краеведческому изучению района.

Семинарская и экскурсионная работа, значительно обогатившая дореволюционный опыт, давала Гейнике материал для обобщений и выводов. Следовало подвести итоги многолетней работы. Можно было дать статью в какой-либо педагогический журнал. Но Николая Александровича это не могло удовлетворить. Он стремился найденные им приемы, «изюминки», выношенные итоги практической работы внедрить в практику, сделать достоянием педагогов, экскурсоводов, оказать помощь школе, внешкольным учреждениям. И пожалуй, в первую очередь довести их до каждого московского краеведа. Изданный в 1918 г. путеводитель «По Москве» был рассчитан на квалифицированного читателя. Кроме того, он очень быстро был распродан и стал библиографической редкостью. Возникла идея создания научно-популярного сборника «Культурно-исторические экскурсии»[2]. Составление и редакцию его взял на себя Н. А. Гейнике. Авторами стали его ученики — участники первых историко-культурных семинаров. Таким образом, в основе всех трех сборников лежала единая концепция и методика.

В вводной статье впервые в советской литературе даются основы теории и методики экскурсионной работы. Далее идут подробные описания экскурсий (28 — по городу, 5 — по Историческому музею). Перед нами встает предельно конкретный образ Москвы XVII — начала XX в. в разных аспектах. Ставшие уже классическими экскурсии по Кремлю и Крас-

ной площади пополняются новыми темами: «Москва — посад», «По слободам XVII века», «От вельможи к барину», «По дворянской Москве», «По купеческой Москвве», «По Остоженке (Москва XVIII—XX вв.)». Две экскурсии историко-бытовые: «Быт XVII века» (по кремлевским интерьерам) и «В дворянском доме 40-х годов» (бывший дом А. С. Хомякова на Собачьей площадке). Последний выпуск знакомит читателя с подмосковными дворцами-музеями.

Остановимся на двух экскурсиях по городу, автором которых был Н. А. Гейнике.

Он не только описывает экскурсионные объекты, но и делает ясно сформулированные выводы. В экскурсии «Культурный перелом конца XVII века» автор ставит задачу опровергнуть ошибочное, с его точки зрения, мнение о том, что до XVII в. Россия была далека от влияния западноевропейской культуры. Подробное рассмотрение ряда архитектурных памятников приводит к выводу, что уже в XVII в. культура Запада оказывала влияние на русскую архитектуру. Итак, заключает автор, культурная реформа Петра I отнюдь не новшество, а продолжение и расширение процесса, начавшегося еще в допетровской московской Руси. Одновременно автор отмечает влияние украинской архитектуры на московскую. Он подчеркивает, что наличие этих влияний не лишает московскую архитектуру ее самобытной красоты, а лишь обогащает ее.

Маленьким шедевром можно назвать экскурсию «Пейзаж Москвы». Во-первых, она полезна для историко-краеведческого изучения Москвы; во-вторых, дает методику подобной экскурсии в любом русском городе; наконец, она характеризует самого автора — его аналитический ум, эмоциональное восприятие разных элементов города, любовь к отечественным памятникам старины.

В любом городском пейзаже, утверждает автор, выделяются два элемента — город и природа, которые по-разному сочетаются друг с другом. Постоянные элементы природы — небо, растительность, вода (хотя и находящиеся в вечном движении), рельеф местности. Переменные — облака, состояние атмосферы.

Основной постоянный элемент города — это архитектура и планировка (которая, конечно, тоже меняется).

Объектом экскурсионного изучения Н. А. Гейнике берет как будто ничем не примечательные переулки, впадающие в Остоженку с левой стороны. Они довольно пустынны; почти нет транспорта, мало пешеходов. Внимание можно сосредоточить на «недвижимых элементах». Ряд высоких доходных домов конца XIX — начала XX в. как бы заслоняет небо. Оно мало видно и над дворами-колодцами. Даже одинокое дерево не разрушает «оковы города», его сухие горизонтали и вертикали. Исходя из наблюдений можно сказать, что дома удобны для жилья — электрическое освещение, центральное

отопление... Но они как бы давят человека своей массой. По мнению автора, именно эти черты характерны для Москвы капиталистической. Впечатление усиливается при взгляде вдоль переулка: небосклон как бы разрезают трубы промышленных предприятий, находящихся на другом берегу реки. Но в глубине переулка еще не исчезли небольшие дома с палисадниками, церквушка, окруженная купой деревьев. Автор называет их деревенскими элементами, как правило, входящими в пейзаж Москвы и смягчающими тягостное, по мнению автора, впечатление от серых каменных громад (что бы он сказал, увидев бездушные многоэтажки ряда новых районов Москвы!).

Дадим слово автору, чтобы оценить образность и доступность его языка. «Сделаем 20 шагов вперед и дойдем до угла Обыденского переулка. Взглянем налево. Впечатление исключительной силы. В рамке двух скучных доходных домов, благодаря рельефу местности, мы видим группу кремлевских соборов, башен и стен Кремля, храм Василия Блаженного — словом, средневековую Москву. И не знаешь, когда этот пейзаж лучше — в яркий солнечный день, когда так выразительна группировка архитектурных масс, так живописен блеск золота его глав; или в осенний день, когда все это — силуэт исключительно богатого рисунка, когда Кремль — средневековая сказка, столь далекая от прозы XX века»[3].

После подробных описаний панорамы, открывавшейся из сквера у храма Христа Спасителя, автор заканчивает статью выводом: «Москва — город контрастов, город-деревня и город городской жизни. Пейзаж ее дает два разнородных впечатления — пейзаж капиталистического города и города средневекового. И этот контраст делает Москву одним из самых своеобразных городов в мире»[4].

Во введении к сборникам автор формулирует основные задачи культурно-исторических экскурсий: выяснение закономерности исторического процесса, воспитание чувства живой связи настоящего с прошлым, чувства историзма. Автор впервые раскрывает сущность экскурсионного метода. «Первое место в экскурсии,— пишет он,— играет зрительное восприятие, умение видеть то, на что смотришь. Экскурсионные объекты — геологические отложения, флора или фауна, памятники монументального города, пейзажи, музейные предметы, картины и другие произведения искусства,— все они прежде всего воспринимаются нашим зрением. Это умение «видеть», зрительная грамота дается современному человеку с большим напряжением. Ведь вся наша современная образованность носит книжный характер... Мы все в сущности живем, как слепые. Этой нашей слепотой в значительной степени объясняется убожество нашей современной художественной культуры. И как ярок в этой области контраст современности с нашим далеким прошлым, оставившим нам ряд памятников первоклассного художественного достоинства, и в архитектуре, и в живо-

писи (иконы), и в прикладном искусстве»[5]. Н. А. Гейнике подчеркивает значение подлинности экскурсионных объектов, которая вызывает ничем не заменимые эмоции.

Не буду рассматривать все аспекты его рассуждений. Приведу лишь заключительную характеристику экскурсионного метода. «В его основе лежат зрительные впечатления, почти всегда сопровождаемые и осложненные восприятиями моторного характера. Работа экскурсанта носит активный и творческий характер. Особая углубленность этой работы является следствием ее коллективности. Образовательные цели экскурсии достигаются ее тематичностью»[6].

В статье дается классификация экскурсий, подробно говорится о методах и приемах их проведения.

Изданный в 1923 г. сборник «Культурно-исторические экскурсии» и сейчас с интересом и пользой для себя прочтет каждый интересующийся историей Москвы и вопросами экскурсионного дела.

Н. А. Гейнике плодотворно работал до глубокой старости. Ареал его деятельности в 30-х — начале 50-х гг. был широк. Он обучал истории Москвы и экскурсионному делу студентов МГУ, московских педагогических институтов, Московского института иностранных языков; вел курс в Институте переподготовки учителей, преподавал в Центральном доме пионеров, даже в балетной школе Большого театра; вел экскурсии с приезжающими в столицу школьниками, студентами, педагогами. Среди его учеников член-корреспондент АН СССР Е. И. Дружинина, бывший сотрудник Археографической комиссии АН СССР Д. И. Тверская, преподаватели вузов, музейные работники. Многие москвичи, люди самых разнообразных профессий с благодарностью вспоминают своего учителя, научившего их видеть и ценить свой родной город.

После смерти Н. А. Гейнике друзья и ученики дважды собирались, чтобы почтить его память. Научные конференции прошли в Музее истории Москвы и в Центральном доме пионеров. Специальные доклады были посвящены его деятельности, заслугам в области культурного строительства. Воспоминаниями делились люди четырех поколений — от 20-х до 50-х гг.— историки, музейные работники, экскурсоводы, его бывшие студенты разных выпусков, те, кто встречался с ним в пионерских кружках, в экскурсиях и походах.

К сожалению, не удалось найти материалы конференций, в которых даны подробности биографии Н. А. Гейнике. Сведения о Н. А. Гейнике автору любезно предоставил Г. Ф. Сакович.

Пусть же эта небольшая статья познакомит читателя с одним из замечательных деятелей советской культуры — знатоком истории и культуры Москвы, создателем теории и методики историко-культурных экскурсий и воспитателем нескольких поколений энтузиастов экскурсоводов-москвоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об этих курсах см.: ЦГА РСФСР. ф. 2806, д. 274, 282, 333 (1920—1921 гг.).

[2] Культурно-исторические экскурсии: Москва, московские музеи, Подмосковье: В 3 ч. / Под общ. ред. Н. А. Гейнике. М., 1923. Перу Н. А. Гейнике принадлежит: в ч. 1-й — Предисловие. Культурно-исторические экскурсии. Основные вопросы методологии и методики культурно-исторических экскурсии. С. 1—42; в ч. 2-й — Культурный перелом конца XVII в. С. 98—110; Общество XVII века по портретам Румянцевского музея. С. 111—123; в ч. 3-й — Пейзаж Москвы. С. 5—15.

[3] Указ. соч. Ч. 3. С. 12.

[4] Указ. соч. С. 14.

[5] Указ. соч. Ч. 1. С. 5—6.

[6] Указ. соч. С. 13.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ДРУЖИНИН. 1886—1986

Имя Николая Михайловича Дружинина, академика, лауреата Ленинской и Государственных премий, хорошо известно в мире ученых. Его труды могут служить эталоном исторических исследований. Однако далеко не все знают о его заслугах в области исторического краеведения, а именно в изучении и пропаганде истории Москвы как центра революционного движения в России.

Научная и общественная деятельность Н. М. Дружинина началась задолго до Октябрьской революции. Начав обучение на своей родине, в г. Курске, он получил среднее образование в Московской «классической» гимназии. Окончив ее, поступил в Московский университет на юридический, а затем на историко-филологический факультет. Московская культурная жизнь оказывала немалое влияние на его развитие. «Книжные и театральные впечатления,— писал он в своих воспоминаниях,— дополнялись непосредственным созерцанием Московского Кремля, его соборов, башен и теремов, архитектурных памятников XVII—XVIII веков, разбросанных по всему городу, и еще сохранившихся остатков старинного русского быта»[1].

Начатые в 1904 г. занятия на историко-филологическом факультете Московского университета прерывались два раза. В связи с революционными событиями 1905 г. университет был временно закрыт. За участие в работе библиотеки Московского комитета партии он был арестован, затем выслан в г. Саратов. Здесь он установил связь с комитетом РСДРП, его большевистским крылом, и принял активное участие в организации стачек; был агитатором и пропагандистом. Однако после революции он отошел от политической работы, решил

продолжить обучение в университете и посвятить себя научной деятельности. Но опять политические события отрывают его от основного призвания. В 1916 г. он был призван в армию. После Февральской революции Н. М. Дружинин — председатель Мариупольского полкового комитета, затем — командир военных отрядов, выступивших на борьбу с корниловцами. После Октябрьской революции — заместитель председателя революционной организации, возглавляемой большевиками[2]. В 1919 г. он ведет политико-просветительную работу в Красной Армии.

Лишь после окончания гражданской войны он снова мог вернуться к занятиям историей, однако не порвал связей с культурно-просветительной работой и даже читал цикл лекций «Методика лекционного дела» на Высших политико-просветительных курсах в Москве. С 1924 по 1935 г. Н. М. Дружинин работал в Музее Революции СССР в качестве ученого секретаря, а затем заведующим отделом XIX века, создал ряд экспозиций и научно-методических трудов.

История Москвы постоянно интересовала его. Увлекшись экскурсионной работой (начал он ее в 1924 г.), Дружинин занялся проблемой историко-революционных экскурсий, для решения которой Москва давала неисчерпаемый материал. Отметим, что эта работа шла в русле все расширявшегося краеведческого движения, в частности, особого интереса к документам и памятникам революции и к местам, связанным с революционными событиями [3].

В помощь московским краеведам, педагогам, экскурсоводам Н. М. Дружинин задумал необычное издание — «По революционной Москве»: «...составители поставили себе определенную задачу — дать не экскурсионный сборник, не монографию по истории революционного движения, а с п р а в о ч н и к - п у т е в о д и т е л ь[4], в котором собран и систематизирован топографический материал по истории московского революционного движения».

Идея составления справочника возникла не сразу. Первоначально была задумана лишь карта революционных событий в Москве. Для ее составления при Институте методов внешкольной работы (ИМВР) была создана специальная комиссия, возглавленная Н. М. Дружининым. Начавшийся сбор материалов оказался настолько интересным и многообещающим, что перерастал рамки карты. И Н. М. Дружинин предложил подготовить топографический справочник-путеводитель, а карту сделать приложением к нему. Справочник получил название «По революционной Москве». Для участия в собирании и обработке материалов кроме сотрудников ИМВРа и московских краеведов в комиссию влилась группа молодежи — участники семинара Н. А. Гейнике «Краеведение и экскурсионное дело». Они и оказались основными авторами сборника. Секретарем авторского коллектива по приглашению

Н. М. Дружинина стала Зинаида Петровна Базилева, историк, педагог, опытный экскурсовод. Именно она весной 1925 г. привела меня к Н. М. Дружинину. Эту встречу я описала в своих воспоминаниях:

«В один прекрасный день З. П. Базилева сказала мне: «Сейчас я познакомлю Вас с редактором сборника Н. М. Дружининым». И тут же с усмешкой прибавила: «Но раньше взгляните на его почерк. Когда я увидела это поистине каллиграфическое произведение», похожее на учебные прописи, меня охватил ужас: я подумала, что не сработаюсь с этим человеком, он, наверное, педант и сухарь». Взглянув на почерк, я тут же возразила: «Несмотря на каллиграфичность, в нем есть какая-то стремительность, полет пера, которого нет в сухих прописях». «Дайте мне закончить,— сказала З. П.— Когда я увидела Дружинина, все мои сомнения рассеялись. Это замечательный человек. В него нельзя не влюбиться с первого взгляда». Такое предупреждение, конечно, было интригующим, и, войдя в кабинет, я во все глаза «рассматривала» сидящего за письменным столом человека, с которым предстояло работать. Увидев нас, Н. М. сразу встал. Очень, очень высокий. В великолепно отглаженном черном костюме, сверкающей белизной рубашке, в начищенных до блеска ботинках. Мы давно уже отвыкли от вежливого вставания «при дамах» и от ухоженного вида мужчин, а особенно от вычищенной обуви.

В его лице тоже все было необычным. Поражали глубоко сидящие голубо-зеленые глаза, излучавшие бесконечную доброжелательность (впрочем, они бывали и строгими, и холодными!). Черные волосы зачесаны гладко, щеки с румянцем, и необычная для того времени бородка клинышком с чуть рыжеватым оттенком. «Трехцветный»,— отметила я (где-то вычитала о высоких качествах таких людей). Нельзя было не обратить внимания на его руки. Они были необычайно выразительны — с длинными, худыми, но изящными пальцами, выражали, можно сказать, каждое «движение души».

Уже тогда, при первом знакомстве, Н. М. показался мне сошедшим с вершин другого века, другого мира, каким-то «сверхчеловеком»... Ощутила великую радость, предвкушая работу под руководством такого замечательного человека.

И не ошиблась [5]».

Чем больше я узнавала Н. М., тем больше убеждалась в его непревзойденных и разносторонних качествах.

Какое же из них следует выдвинуть на первое место?

Его ясный ум и способность проникать в сущность явления?

Примечательно, что даже методические статьи по экспозиционным и фондовым проблемам музеев, написанные им пятьдесят лет назад, до сих пор не устарели, настолько точно удалось ему определить специфику этих работ [6]. А ведь обычно подобные труды называют «мотыльками».

Талантливость ученого-исследователя, умевшего сочетать строгую логичность, научность с образностью письменной речи, с умением простым и ясным языком излагать самые сложные проблемы? Мне известно, что люди других специальностей учились методике исследовательской работы по его труду о государственных крестьянах.

Верность друзьям?

Доброе внимание к людям, помощь начинающим ученым? Он всегда разговаривал с ними «на равных», без менторского тона, проявлял искренний интерес к их работе. На письма, даже на обычные праздничные поздравления, отвечал сам, и не просто отпиской, а содержательным письмом. А скольким людям помогал материально! Государственную премию передал в детский дом.

Нерушимой была его обязательность. Любое обещание выполнял беспрекословно.

И все-таки на первое место я поставила бы черту, особенно редкую, если учесть сложные перипетии идейной жизни 1920—1950-х гг. Это твердая принципиальность, отстаивание своих научных позиций, невзирая на лица, на конъюнктуру, на возможное крушение научной карьеры.

Помню защиту его кандидатской диссертации, посвященной декабристу Никите Муравьеву. Сама тема (посвященная одному человеку), метод исследования и изложения шли вразрез с трудами тогдашнего лидера и вершителя судеб исторической науки М. Н. Покровского. Сам Покровский на защиту не пришел. Но «нацелил» на непокорного соискателя своих учеников во главе с молодой, энергичной, подающей надежды М. В. Нечкиной. Оппоненты утверждали, что диссертация имеет антимарксистский характер, а это было равносильно ее провалу. Но Н. М. бескомпромиссно отстаивал свои позиции, защищался блестяще, разбивая доводы оппонентов.

В трудном положении оказался председатель — историк В. И. Невский. Как же идти против Покровского? Но как же не оценить по достоинству серьезный научный труд? И он дал весьма любопытную формулировку: хотя автора не без основания упрекают в антимарксизме, но диссертация представляет собою настолько фундаментальную научную работу, что она бесспорно должна быть признана защищенной. Защита продолжалась до глубокой ночи.

Насколько я помню со слов Н. М. Дружинина, в дальнейшем М. Н. Покровский приглашал нового кандидата наук сотрудничать с ним, но он отказался, так как резко осуждал вульгарный социологизм и понимание истории как политики, опрокинутой в прошлое.

Примеры можно было бы продолжить.

Но вернемся к истории топографического справочника-путеводителя, в котором Н. М. Дружинин был составителем, автором и редактором.

В первую очередь была намечена структура сборника, отразившая принятую в 1920-е гг. периодизацию революционного движения. Затем Н. М. Дружинин перечислил формы революционных выступлений и контрреволюционной деятельности правительства, которые следовало фиксировать в тексте и на историко-революционных картах-схемах (баррикадные бои, вооруженные столкновения, террористические акты, уличные демонстрации, политические и экономические стачки, революционные митинги и массовки, центры революционного подполья, тюремные побеги, места расстрелов, концентрация правительственных войск и т. д.). Всего 33 обозначения [7]. Территория Москвы была взята в границах 1925 г. Изложение должно было идти по тогдашним пяти районам Москвы. В отдельную главу были выделены ее окрестности.

Одновременно Н. М. Дружинин составил библиографию (около 170 названий — список книг, в которых могли иметься топографические историко-революционные сведения).

Теперь можно было приступить к коллективной работе. Это оказалось непростым делом. Состав авторов был довольно разношерстным. Большинство не имело опыта научной и литературной работы. А ведь нужно было добиться не только по возможности полного использования литературы, но и унифицировать оформление собранного материала, без чего нельзя было его обобщить.

Опишу весь процесс подготовительной работы, поскольку он освещает мало известную сторону деятельности ученого. Полагаю также, что это может быть полезно для любого подобного краеведческого исследования.

Н. М. Дружинин был прекрасным организатором коллективного научного труда. Он составил и вручил каждому участнику подробнейшую инструкцию. В ней намечались этапы коллективной работы (собирание материала, его обработка, написание порайонных очерков, составление историко-топографических схематических планов); указывалась методика изучения литературы, а также давалась единая обязательная форма топографической справочной картотеки.

Авторам предстояла довольно сложная и трудоемкая работа. Дело в том, что по многим пунктам имелись разрозненные, а иногда и противоречивые сведения — и воспоминания участников-очевидцев, и официальные правительственные материалы, и косвенные указания и т. п. Следовало установить точно проверенные историко-революционные факты, связанные с данным пунктом. Этого можно было достичь, указывал Н. М. Дружинин во вводной статье, «сопоставляя известия различных источников, учитывая их происхождение и внутреннюю достоверность, корректируя воспоминания документами, предпочитая современные записи последующим, проверяя указания литературы личными опросами и непосредственным осмотром места события. При этом, как общее правило, составители клали

в основу своей работы сырой материал первоисточников, привлекая монографические сводки в качестве вспомогательных и дополняющих пособий»[8].

В результате каждый пункт получал сводную топографическую карточку. На их основе и составлялись порайонные экскурсии-очерки по каждому периоду революционного движения, кроме первых трех (от XVII до конца XIX в.), которые по всем районам написал Дружинин. Он же редактировал текст. Трудно переоценить его редакторскую работу. Представленные ему статьи, несмотря на четко определенный идейный стержень, одинаковую структуру, все же различались и по научному уровню, и по характеру изложения. Именно строгий редакторский карандаш придал сборнику единство, сделал его легким для чтения. Вместе с тем был сохранен индивидуальный «почерк» каждого автора. К каждому очерку давался схематический план района, на котором помечались все события, связанные с революционным движением.

Помимо этого были составлены планы, посвященные Декабрьскому восстанию 1905 г. и вооруженной борьбе в октябре 1917 г. в городском центре. Все это легло в основу четырехкрасочной карты «Революционное движение в Москве», которую составил Н. М. Дружинин [9].

Одновременно Н. М. Дружинин закончил большую статью «Революционное движение в Москве»[10], которая должна была помочь читателю «установить внутреннюю связь между разрозненными частями топографического материала»[11].

Четкая, продуманная организация работы дала свои плоды: в кратчайший срок, к концу 1925 г., текст сборника с иллюстрациями, схематическими планами, библиографией, именным и топографическим указателями был сдан в издательство Московского коммунального хозяйства (МКХ). Под неусыпным надзором редактора печатанье шло быстро. К концу 1926 г. сборник вышел в свет и мог быть использован в кампании подготовки к празднованию десятилетия Октября.

Появление справочника «По революционной Москве» содействовало развитию движения за сохранение памятников революции. С учетом опубликованных сведений была разработана программа их выявления, учета и охраны. В январе 1927 г. Н. М. Дружинин доложил ее на IV Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами, а 16 мая того же года в циркуляре ВЦИК была отмечена актуальность этой задачи [12].

Тем временем авторский коллектив справочника продолжал свою деятельность. В связи с предстоящей юбилейной датой большим спросом пользовались экскурсии, рассказывавшие о памятных событиях Октября 1917 г. Нужно было дать экскурсоводам, педагогам и краеведам, всем интересующимся добротный, проверенный исторический материал в помощь проведению экскурсий не только по центру, но и по районам Москвы. Тогда и задумал Н. М. Дружинин сборник «Октябрь в

экскурсиях по Москве» и вновь возглавил тот же коллектив, теперь уже слаженный и умудренный опытом.

В основу нового сборника был положен материал справочника «По революционной Москве». Однако к нему необходимы были существенные дополнения. Экскурсия должна была включать не только справочные данные, но и живой рассказ о ходе борьбы, об участвовавших в ней людях, давать оценку событиям. Следовало продолжить сбор материала. Авторы будущей книги осматривали места событий, фиксировали сохранившиеся следы вооруженной борьбы, записывали рассказы непосредственных ее участников, внимательно следили за текущей прессой, много внимания уделявшей предстоящему юбилею, знакомились с фондами музеев, где концентрировались реликвии Октября.

Уже к концу 1926 г. на стол редактора Н. М. Дружинина легли тексты экскурсий — три по центру Москвы и пять по ее районам.

В каждой из них дается конкретное описание маршрутов, объектов наблюдений, содержание рассказа экскурсовода — словом, каждый, руководствуясь текстом, мог самостоятельно провести экскурсию [13].

Однако не только эту практическую помощь имел в виду составитель сборника. Была у него и сверхзадача — опираясь на содержание сборника, заложить основу методики историко-революционных экскурсий. Этому была посвящена вводная статья [14]. В ней обобщен опыт, заключенный в статьях сборника, дан критический обзор литературы вопроса, выявлены общие черты исторических и историко-революционных экскурсий и их особенности. Таким образом, была оказана помощь, в частности, местным краеведам в изучении революционной истории своего города.

Оба сборника пользовались большим успехом, несмотря на то, что авторы предупреждали о возможных неточностях и пропусках [15]. Тиражи (10 000 и 5000) разошлись молниеносно, и вскоре книги превратились в библиографическую редкость.

Хочется отметить, что экземпляр сборника «По революционной Москве» я увидела на ночном столике М. И. Ульяновой в кремлевской квартире В. И. Ленина. Впрочем, потом книгу убрали. Оба историко-революционных сборника были «репрессированы», изъяты из общего пользования и помещены в спецхран, вероятно, потому, что в тексте и в указателе упоминались имена Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других «врагов народа». И лишь в последние годы эти книги стали вновь доступны.

Оба сборника и связанная с ними деятельность Н. М. Дружинина и руководимого им коллектива являются вкладом в историко-краеведческое изучение Москвы.

В дальнейшем Н. М. Дружинин отошел от непосредственной экскурсионной и краеведческой работы. Однако она всегда

оставалась в сфере его внимания. Постоянным был интерес к истории Москвы. «Центральным пунктом нашего плана в продолжение многих лет,— писал он о своей работе зав. сектором истории СССР XIX — начала XX в. Института истории АН СССР,— была подготовка коллективного труда — III, IV, V томов «Истории Москвы» [16]. Она и до сих пор является настольной книгой московских краеведов.

Работы о Москве, относящиеся к 1920—1950-м гг., ставшие уже библиографической редкостью, но до сих пор не устаревшие, вновь изданы в третьей книге его избранных трудов [17]. Однако опущена авторская работа Н. М. Дружинина — краткие историко-топографические очерки к путеводителю «По революционной Москве», посвященные массовым народным протестам XVII — XVIII вв., «каменной летописи» революционных событий XIX в., в которых, в частности, были использованы неопубликованные материалы комиссии по «экскурсионному изучению декабристов» [18].

В дальнейшем особое внимание Н. М. Дружинина привлекала история права, подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г.

Статья «Москва в годы Крымской войны» [19] характеризует жизнь города в условиях все усиливающейся правительственной реакции, когда от Москвы ждали «потрясения основ действующего порядка». Подробно освещаются общественные настроения в начале войны, участие Москвы в ведении войны, влияние военных неудач на настроение общества. «В период Крымской войны,— заключает автор,— Москва приобрела значение всероссийского общественного центра, который отразил в своей жизни нарастающую борьбу против крепостнического строя» [20].

С этой статьей непосредственно связана работа Н. М. Дружинина «Москва и реформа 1861 года» [21]. Впервые на основе исчерпывающего круга источников (в статье дано свыше 100 ссылок, из которых более 70 на впервые использованные материалы Центрального государственного архива г. Москвы) последовательно излагается ход подготовки реформы Московским губернским комитетом, отношение к реформе разных общественных групп. Экономические проблемы Москвы автор не отрывал от хозяйственной жизни Московской губернии.

В заключение Н. М. Дружинин указывает на связанные с реформой положительные перемены во внутренней жизни Москвы. В частности, пишет: «В политической и культурной жизни Москвы приобрели большое значение демократические слои разночинной интеллигенции, выражавшие интересы и чаяния крестьянства. Вместе с успехами крупной промышленности вырастал и оформлялся московский пролетариат, ставший носителем новой социалистической идеологии. Началась крутая ломка дореформенного московского быта; в различных

слоях московского общества возникали новые потребности и вкусы, которые нашли отражение в культурной жизни Москвы — в области науки, литературы и искусства...»[22]

В последней своей крупной работе «Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг.»[23], удостоенной Ленинской премии, Н. М. Дружинин большое внимание уделяет Москве и Московской губернии.

Таково плодотворное участие Н. М. Дружинина в изучении и пропаганде истории Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 6.

[2]. Указ. соч. С. 27.

[3]. См.: *Закс А. Б.* Опыт изучения и пропаганды истории революционной Москвы // Из истории экономической и общественной жизни России в 20-е годы XX века. М., 1976. С. 273—286.

[4] По революционной Москве: Историко-топографический справочник-путеводитель. М., 1926. С. 9.

[5] *Закс А. Б.* Эта долгая, долгая жизнь: Воспоминания. Гл. 5. § 2. С. 254—257. (Рукопись. Личный архив А. Б. Закс).

[6] Впервые опубликованы в конце 20-х — начале 30-х гг. Переизданы в третьей книге «Избранных трудов» Н. М. Дружинина. М., 1988. С. 222—357.

[7] По революционной Москве. С. 10.

[8] Там же. С. 12.

[9] Карта вместе с картотеками хранится в Музее Революции СССР.

[10] По революционной Москве. С. 2—60. Переиздана в кн.: *Дружинин Н. М.* Избранные труды. М., 1988. Кн. 3. С. 111—142.

[11] По революционной Москве. С. 14.

[12] Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1927. № 28. П. 681; Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 283.

[13] Октябрь в экскурсиях по Москве. М.; Л. 1927.

[14] Указ. соч. С. 7—222. Методическое введение.

[15] В рецензии на справочник А. Аросев указывает на ряд неточностей и пробелов (см.: Печать и революция. М., 1926. С. 230—231). Однако в своем ответе Н. М. Дружинин убедительно опровергает общую отрицательную оценку сборника.

[16] *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 69.

[17] *Дружинин Н. М.* Избранные труды. М.: Наука, 1988. Кн. 3. С. 111—221.

[18] Комиссия работала при Институте методов внешкольной работы в 1920-е гг.

[19] *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Кн. 3. С. 143—185.

[20] Там же. С. 162.

[21] Там же. С. 186—221.

[22] Там же. С. 219.

[23] *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе. 1861—1880. М., 1978.

АРТ ЯКОВЛЕВИЧ ЗАКС. 1878—1938

Имя Арта Яковлевича Закса не должно быть забыто краеведами Москвы. Один из основателей и бессменный руководитель Института методов внешкольной работы (ИМВР, 1923—1931), директор Центральной опытно-показательной экскурсионной базы Наркомпроса (1923—1935), он немало сделал в области изучения и в особенности пропаганды истории Москвы и ее значения как экономического, политического и культурного центра страны, а также для развития краеведения.

Педагогическая деятельность А. Я. Закса началась в известном передовыми методами обучении Тенишевском училище, где он проводил опыты использования экскурсий как важнейшего элемента воспитания и обучения.

Октябрьская революция открыла перед ним новые возможности. Началась перестройка школы. Был выдвинут лозунг: советская школа должна быть связана с жизнью. Это требовало, в частности, развития школьного краеведения, познания своего города, края. Большую роль здесь могла сыграть экскурсионная работа. И А. Я. Закс решил в этих целях использовать экскурсионную базу, организованную в 1918 г. при бюро школьных экскурсий. Затем экскурсбаза перешла в ведение экскурсионного подотдела Главсоцвоса (Главное управление социального воспитания при Наркомпросе РСФСР). В 1922 г. не без участия А. Я. Закса экскурсбаза была переведена в Отдел опытно-показательных учреждений Наркомпроса. С 1 января 1923 г. он стал ее директором [1].

А. Я. Закс был человеком незаурядным. Даже внешность его не могла не привлечь внимания. Среднего роста, худощавый. Прозрачные голубые глаза, в которых постоянно отражалась быстрая смена настроения, движение мысли. Очень высокий лоб с глубокой морщиной между бровями. Лицо болезненно-бледное,— у него была тяжелая хроническая болезнь — периодически повторявшиеся микроинсульты, которые, по счастью, поддавались быстрой ликвидации.

Он поражал какой-то динамической энергией. Ни минуты спокойствия. Казалось, что длинная черная с проседью борода сделалась волнистой и растрепанной именно из-за этого постоянного движения, выразительной жестикуляции. И смех был у него неспокойный, заливчивый, прерывистый.

Закс был прекрасным организатором. При нем скромная экскурсбаза превратилась в теоретический и методический центр по экскурсионной работе со школьниками и педагогами.

Отмечу, что в своей деятельности А. Я. Закс был тесно связан с Н. А. Гейнике и Н. М. Дружининым. Не ошибусь, если скажу, что именно он способствовал популяризации и использованию их трудов не только в Москве, но и за ее пределами.

А. Я. Закс разработал концепцию деятельности Централь-

ной опытно-показательной экскурсионной базы Наркомпроса. Это было учреждение нового типа. Его основной задачей было способствовать деятельности в трех направлениях.

Во-первых, непосредственная работа со школьниками.

Во-вторых, теоретическое и методическое обобщение опыта, совершенствование экскурсионной методики и практики.

В-третьих, создание модели для организации подобных баз на местах.

Школьники с педагогами приезжали со всех концов Советского Союза. Поскольку заявки всех желающих экскурсбаза не могла удовлетворить, А. Я. Закс сам определял их выбор и очередность. Бесспорно удовлетворялись просьбы из «медвежьих углов», где не было никаких учреждений культуры, из школ, расположенных иногда за сотни верст от железной дороги.

Под руководством А. Я. Закса для приезжих был намечен цикл экскурсий различных профилей. Он варьировался в зависимости от образовательного уровня и интересов группы. Однако неизменными были экскурсии, знакомившие с Москвой — ее историей, революционными традициями, с современной жизнью. Программа не ограничивалась экскурсиями. Посещение школ, рабочих клубов, детских домов, домов крестьянина, театров и концертов знакомило с разными гранями жизни Москвы. Филиал экскурбазы в селе Братовщине намечал пути к изучению окружающей природы, сельской жизни.

Масштаб работы для того времени был довольно большой. За 1922/23 г. было принято на базу 58 304 человека. Посещаемость базы неуклонно росла.

Для выполнения поставленных задач А. Я. Закс сумел создать уникальный коллектив. Ни одного «серого» человека, каждый по-своему интересен, все знатоки своего дела.

Кадры А. Я. Закс пополнял молодежью, в частности, теми, кто прошел курс краеведческого и экскурсионного дела у Н. А. Гейнике, работал над проблемами историко-революционных экскурсий у Н. М. Дружинина. Коллектив состоял из двух групп: педагогов-организаторов и экскурсоводов.

Первые отвечали за организацию дела. В круг их обязанностей входила воспитательная работа, навыки и ритуалы коллективной жизни, даже личная гигиена приезжавших ребят.

Экскурсоводы обеспечивали выполнение образовательной работы. Укажу имена и дальнейшую работу тех, кто проводил обществоведческие экскурсии, связанные с историей и современной жизнью Москвы: С. А. Гарелина, преподаватель Института журналистики, сотрудник музея Художественного театра; О. А. Ротберг и М. М. Себенцова, доценты Государственного института имени В. И. Ленина; Э. С. Ульман — преподаватель на рабочих курсах по подготовке в вузы; Н. И. Шапиро, сотрудник Музея Революции СССР, преподаватель истории в школе; Э. К. Быковская, педагог-методист; А. Б. Закс, сотрудник Государственного Исторического музея.

Основное время уделялось методической работе и выполнению специальных заданий. Так решалась вторая задача, поставленная перед экскурсбазой. Направление этой работе давал А. Я. Закс. То задумывался сборник для городской и сельской школы, который должен был помочь повсеместно внедрить экскурсии в учебный процесс — экскурсии были приурочены к каждому пункту программы [2]. То под его руководством разрабатывался какой-либо нестандартный маршрут вне Москвы — по городам русского Нечерноземья (Центральная промышленная область), то организовывалась экспедиция в далекие сибирские края, куда везли выставку для пропаганды туризма и экскурсий. А специально для молодежи в помощь познанию Москвы была подготовлена популярная книжечка под броским названием «Даешь Москву» [3]. Для всех сборников А. Я. Закс писал вводные статьи, все статьи редактировал и, что немаловажно, добивался их быстрого издания.

Достижения имелись и на третьем направлении деятельности экскурсбазы. Приезжавшие на базу педагоги и культработники, ознакомившись на практике с ее организацией, создавали подобные учреждения на местах. В Воронеже, Царицыне (ныне Волгоград), в некоторых городах Сибири базы функционировали уже в 1924 г., в Харькове, Тифлисе (Тбилиси), Одессе, на Алтае шла подготовка к их открытию.

Организация специальной библиотеки, научного архива, кабинета наглядных пособий с художественной мастерской при нем — все это был результат энергичной деятельности директора. Он же сумел «выбить» для своего детища новое помещение — прекрасный особнячок на Садовом кольце, близ Кудринской площади (площадь Восстания).

1923—1928 гг.— время расцвета экскурсбазы. Популярность ее росла, выходили в свет труды. Но... Наступали сложные годы «великого перелома», обострения идеологической борьбы. Требовалась пролетаризация учреждений культуры, политизация, как тогда говорили, и стандартизация их программ. Экскурсбаза по всем параметрам не подходила к этим требованиям. В ее коллективе не было пролетарской прослойки, ничтожным было число членов партии и комсомольцев.

В большинстве своем это были потомственные русские интеллигенты, выходцы из дворян, купцов, в лучшем случае мещан. Программа работ имела научно-просветительный характер. Много времени уделялось знакомству с историческим прошлым Москвы, что тоже становилось «не модным».

На экскурсбазу началось наступление. Сверху было решено провести «чистку» ее коллектива. Это была страшноватая процедура. Помню, мы просто боялись войти в наш любимый особнячок и долго топтались у входа, чтобы не встретиться с явно враждебной комиссией. Больше всего, конечно, досталось директору. Главное обвинение — засорение кадров «представителями эксплуататорских классов». Второй, не менее важный

порок — культурно- (а не политически) просветительный профиль деятельности. В программе не было общеполитических занятий — по истории ВКП(б), по текущей политике. И... слишком много экскурсий! Даже великолепному Братовщинскому отделению ставилось в вину изучение каких-либо букашек, водоемов и лесных коллективов вместо пропаганды идущей тогда коллективизации.

Немало «щелчков» получили ведущие научные сотрудники. У одной отец был из фабрикантов, у другой (о, ужас!) — священник, у третьей — врач, что еще допустимо, но у него же был собственный дом, и т. д.

Впрочем, до разгромных оргвыводов дело не дошло. Почти весь коллектив был сохранен. Но для его «оздоровления» ввели «выдвиженцев». Один из них — добродушный малограмотный парень — был просто пустым местом и слонялся по комнатам без всякого дела. Зато другой молодой человек — неглупый, смазливый — стал заместителем директора и постепенно забирал власть в свои руки.

В это же время менялась ситуация на педагогическом фронте. Вводились новые программы, увеличилось число классных учебных часов, резко сократилось количество экскурсий. Работа краеведческого профиля не поощрялась. Уменьшились возможности выездов в Москву. Роль познавательных экскурсий снижалась. Приветствовались туристические походы с включением общественной работы в колхозах, пионерских организациях.

Научный коллектив экскурсбазы начал растекаться.

А. Я. Закс тяжело переживал кризис своего любимого учреждения. В дополнение к этому в 1931 г. был закрыт возглавляемый им ИМВР. Припадки болезни участились. Фактически он перестал руководить работой и вскоре ушел на пенсию. Судьба экскурсбазы была печальной. Ее лишили помещения, слили с Центральной детской экскурсионно-туристической станцией (в Сокольниках). А переданный туда с любовью собранный научный архив, запечатлевший работу экскурсбазы под руководством А. Я. Закса, бесследно исчез в годы войны.

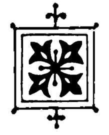
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Закс А. Я.* Опытно-показательная база Наркомпроса // На путях к новой школе. 1924. № 10. С. 107; материалы о работе базы в начале 1920-х гг. находятся в Центральном государственном архиве РСФСР (ф. 1575, оп. 4, д. 59, 162, 315, 543).

[2] На каждый день. Экскурсии в городской школе первой ступени / Под ред. А. Я. Закса. М., 1928; То же: 2-е изд. М., 1930; Экскурсии в сельской школе первой ступени / Под ред. А. Я. Закса. М., 1928. Вып. 1—3.

[3] Даешь Москву: Путеводитель по Москве в помощь подросткам — пионерам и школьникам /Под общ. ред. А. Я. Закса. М., 1929.

Автобиография

В. В. Сорокин

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СПАСТИ

Мой отец долгое время работал в Москве кассиром на заводе «Поставщик» (потом «Красный поставщик») в Кожевниках, а последнее время в военном ведомстве на Фрунзенской набережной. Мать была домашняя хозяйка. Они родились в крестьянских семьях, в деревнях около подмосковного города Клина. Предками отца были «государственные крестьяне», а прежде монастырские, принадлежавшие Тверскому архиерею, но в XVIII в. переселенные из Тверской губернии под город Клин двумя деревнями — Покров и Рубчиха. Их жители долго сохраняли в своем разговоре окание. Известно, что прадед Павел был охотник и птицелов. Его лысина была в шрамах от когтей напавших на него огромных, когда-то гнездовавших в подмосковных лесах птиц в то время, когда он забрался на высокое дерево за птенцами подорлика. Дедушка Карп — такой же заядлый охотник. Пойманные им соловьи пели в клинских торговых купеческих рядах и в трактирах. В 1884 г. от страшного пожара город Клин сгорел. Тогда дед зарекся ловить певчую птицу. Дед говорил мне, что он познакомился с часто гулявшим по дорогам и опушкам барином Чайковским. В своем дневнике композитор оставил запись о том, что у деревни Давыдково встретился с молодым охотником и разговаривал с ним. Дед очень любил знакомиться с «господами» и поговорить с ними.

У деда с каждым годом росла семья. Весною, летом и осенью он был на крестьянских работах, а на зимние месяцы подавался в Москву. Там поступил на работу к известному механику Вас. Ив. Ребикову, жившему на Пречистенке в собственном доме под № 39 по соседству с Поливановской гимназией. Ребиков работал главным механиком при физическом кабинете в Московском университете у проф. А. Г. Столетова, по изготовлению физических приборов. При доме на Пречистенке у Ребикова была мастерская, обслуживавшая устройство электрического освещения и проведения и установки телефонов. Другая мастерская была на Шаболовке — по изготовлению электромоторов. Дед исполнял различные должности — от дворника до верхолаза и установщика столбов и мачт для натяжки проводов. В

доме и мастерской Ребикова бывали ученые физики и механики, для которых он изготовлял физические приборы. Бывали и П. Н. Яблочков и В. Н. Чиколев. После неудачных попыток Яблочкова осветить площадь и храм Христа Спасителя работы были переданы Ребикову. Брат механика Владимир Ив. Ребиков был композитором, пианистом, педагогом, писателем и общественным деятелем. Писал музыку для детей. Известен оперой «Елка» и декадентским направлением в музыке. Другой брат, Леонид, увлекался фотографией. В 1912 г. писали о каком-то Ребикове, построившем аэроплан, но в полете потерпевшем аварию.

Моего деда следопыта-охотника, хорошо знавшего северное Подмосковье, по просьбе московских из знати охотников, Ребиковы отпускали с работы, и он их сопровождал в качестве егеря.

Дед любил послушать рассказы «господ» и при случае получить от них ответ на мучивший его какой-либо вопрос из «житейской» философии.

Дежуря у ворот дома, дед познакомился с Л. Н. Толстым, посещавшим соседний дом Поливановской гимназии, где учились его сыновья. Граф неоднократно укорял молодого деда за его пристрастие к курению. Послушавшись совета, он поборол эту привычку и считал ее грехом. Дед хорошо знал жизнь городского обывателя, знал топографию города, читал «Московский листок», знал множество всяких бытовых историй, но с уважением относился к «господам», особенно ценил ученых. Подрастающие дети деда помогали по «крестьянству», а после трехлетнего обучения в церковноприходской школе отдавались в «люди» и если они не выносили тягости жизни в услужении в трактирах или лавках, то возвращались обратно домой, в деревню. Иногда поступали в разносчики по продаже красочных лубочных плакатов — листов и копеечной литературы (песенники, гадательные книжки, сонники и пр.). По примеру отца и деда ребята скрашивали столовый крестьянский рацион, промышляя пропитание охотой: ловили рыбу, зимой ставили петли на зайцев, капканы на лис, летом собирали грибы, ягоды. Для продажи драли корье. Моего отца после окончания сельской трехгодичной школы отдали в услужение «мальчиком» в клинский известный трактир Суворова, за владельца которого была выдана его тетка. Пройдя «каторжную» жизнь на кухне трактира (мытье посуды, подготовка дров и топка печей, набивка ледника и т. п.) и наблюдая за жизнью трактирных посетителей окрестных крестьян в простые, базарные и праздничные дни, оригинальных завсегдатаев — «горожан», представителей «обнищавшего» мира, он пришел к выводу, что беда всему — вино, отвращение к которому у него было в течение всей жизни.

Как трезвенник, вежливый и честный представитель обслуживающего персонала, он обратил на себя внимание и был приглашен в железнодорожную «ресторацию» при станции

Клин. Стал подавать в вагоны первого класса кофе и закуски проезжающим знатным пассажирам — генералам, духовным лицам. Помнил Д. И. Менделеева... Сдав экзамены на какой-то чин и обладая способностью к каллиграфии, призванный на военную службу, он был зачислен в канцелярию начальника Вильненского военного округа составлять и красиво переписывать тексты в различные ведомства.

После отбытия службы клинский знакомый Замков, свекор будущего скульптора В. И. Мухиной, посоветовал ему вступить в «Усачевскую артель» * (как сделал и Замков) и, внеся денежный пай (залог), стать кассиром.

Этот совет поддержал и его двоюродный брат Николай Максимов — казначей Московского университета, помог занять денег для взноса, и отец стал кассиром.

Так в начале нашего века мой отец Василий Карпович стал москвичом, женившись перед этим на девушке из соседней деревни — моей матери Александре Михайловне, тоже учившейся в той же приходской земской школе.

Родители моей матери жили тоже недалеко от Клина, в деревне, крестьянствовали. Они были из крепостных крестьян, которые в начале XVIII в. принадлежали денщику Петра I, а потом генералу И. М. Орлову (виновнику гибели Марии Гамильтон **). Деревня с крестьянами переходила по наследству. Последней владелицей была княгиня В. Н. Долгорукова.

Рядом с деревней проводивший канал около реки Сестры (для соединения Москвы-реки с Волгой) инженер Н. Н. Загоскин (брат известного писателя) построил прядильную и ткацкую фабрику. На эту фабрику и поступили работать мои прадеды, одновременно ведя сельское хозяйство. На ткацкой фабрике рабочие задыхались от пыли. От этого мой прадед и прабабушка, проработав несколько лет, умерли, не дожив и до 30 лет, от чахотки. Дедушка и бабушка со стороны матери были крестьянами, но дедушка совмещал с работой в поле работу стрелочника на железной дороге. Сельское хозяйство не давало прибыли, и поэтому нужны были деньги. Дед умер в 1912 г. Лошадь продали, но корову и хозяйство держали. Пахать нанимали, а остальную работу делали бабушка и моя мать. Отец мой приезжал сюда в субботу на воскресенье. Помогал в работе, завел небольшой сад.

Родился я 22 августа (4 сентября) 1910 г., а вскоре у семьи началась жизнь на два дома: в деревне и в Москве. Зимой жили в Москве, а на лето приезжали в деревню. Но летом часто с матерью наведывались и в Москву. Ездили гулять в Со-

---

* Так называлась созданная купцами Усачевыми биржа труда.

** О ней см.: *Семевский М. И.* Фрейлина Гамильтон // Отеч. зап. 1860. № 7. С. 240—310; или в его же книге: Слово и дело. 2-е изд. Спб., 1884.

кольники (хорошо помню «Сокольнический круг» с концертами), ходили по Кремлю, любили бывать в праздничные (воскресные) дни на бульварах, где играли военные оркестры. Хорошо помню прогулки по саду «Эрмитаж», до сих пор помню эстрадные представления этого сада. Помню и кино того времени. Показывали «Похождения Глупышкина», идущий поезд, а от страшного быка, бегущего на зрителей, я закричал и стал плакать. Москва того времени — Кремль, бульвары, улицы в центре, некоторые дома с магазинами, особенно игрушечными,— мне запомнилась на всю жизнь.

Моя мать хорошо знала литературу, много читала, слушала радио: обладала исключительной памятью до самой своей кончины в девяностолетнем возрасте.

Помню, как началась война в августе 1914 г. В деревне плакали почти в каждом доме. Мама пришла из города Клина, куда ходила на базар, и принесла газету «Русское слово», и первое слово, которое я выучился читать, было «ВОЙНА». Произошла революция, и вместо московской школы пришлось три года учиться в селе Молчанове в приходской школе. Но часто ездили в Москву, т. к. там были прописаны и считали себя жителями столицы. Ездили с большим трудом. Поезда ходили нерегулярно, а сто километров до Москвы иногда делали за сутки. Сидели в набитом народом, нетопленом вагоне, в темноте, а потом надо было идти от вокзала с Каланчевской площади по Земляному валу до Таганки, а от нее к Крестьянской заставе нагруженными запасом продуктов с бабушкиного огорода.

Бабушка была безграмотной, но память у ней была замечательная, и она помнила все, что ей рассказывала ее бабушка и другие о прошедшем, со слов очевидцев знала о войне 1812 г., о помещиках, живших в разных селах, о жителях-оригиналах, имена которых вошли в обиходный местный разговор, хорошо знала многих известных жителей города Клина и окрестных деревень. Рассказывала о местных достопримечательностях, о проходивших праздниках, гуляньях, базарах. Под влиянием бабушкиных рассказов я с детских лет стал местным краеведом.

Революция положила отпечаток и на Клин и на его окрестные села и деревни. Имение Демьяново, где жили Танеевы, подверглось разворованию, сельские ребята тащили оттуда вещи, велосипеды, книги в красивых переплетах. Но скоро в Демьянове поселилась «коммуна имени Троцкого». Стали уничтожать плодовые сады, приспосабливая землю для посева ржи. Яблони взрывали. Пашня оказалась плохой для урожая. Хозяйство свернули, коммунары разъехались. В парке деревья повырубили, пруд спустили. В Шахматове около Подсолнечной разграбили имение. На соседней фабрике, уже не работавшей, убили семью сторожа и заведующего. В Клину вспыхнуло восстание. Ударили в колокол. Комиссар Вороши-

лин застрелился. Его похороны были при огромном сборе народа из окрестных сел и деревень. Похоронили на главной площади. Но могилу по ночам стали осквернять. Пришлось прах переносить на базарную площадь под торжественный фейерверк. Но спустя несколько лет могилу забросили, замусорили. Оказался Ворошилин эсером. Открыли новый бульвар, поставив между только что посаженными деревьями не бюсты, а огромные головы вождей революции из бетона, по проекту какого-то скульптора-футуриста. Но скоро их пришлось убрать из-за нетерпимого отношения к ним обывателей.

К 1917 г. в деревне, в бабушкиной горнице, наполнились три сундука с книгами и журналами. Выписывались, но на московский адрес, то «Родина», то «Нива», «Природа и люди», «Вокруг света». Книги — в основном приложения к журналам: А. П. Чехов, Л. Андреев, Тютчев, Фет, Вас. Ив. Немирович-Данченко, Р. Хаггард, 20 томов сытинского издания Льва Толстого. Были комплекты журналов «Современный мир», «Божий мир». Покупались детские иллюстрированные книги. Вечерами читались вслух душеполезные рассказы, слушать которые приходили соседи. Отец, приезжая из Москвы, всегда привозил, покупая на вокзале, свежие номера «Нового Сатирикона», «Огонька», а потом один из первых советских журналов «Пламя», интересные номера газет. Все это, кроме газет, бережно сохранялось.

В 1920 г. переехал в Москву учиться. Помню Москву тех дней: снег не убирали даже на площадях, трамваи не ходили, москвичи, особенно на окраинах, разбирали на дрова заборы и даже дома, из которых жители разъехались по деревням, и они пустовали.

Отец с работы привозил на саночках дрова, которые выдавали. Мама брала что-то шить на фабрике. Ей выдали «расчетную книжку» для отметки выполненной работы. Но деревня нас выручала. Бабушка еще держала корову. Летом мы помогали косить, жать, помогали в работах родственники по деревне.

Моя сестра и я учились сначала на Воронцовской улице, а потом нас перевели в школу на Больших Каменщиках. Жили во 2-м Сорокосвятском (Динамовском) переулке около Новоспасского монастыря. За учебу в школе стали брать плату. Это сказалось на семейном бюджете. Книги отец перестал покупать. Но я по воскресным дням зачастил к Китайгородской стене, где процветала букинистическая торговля в палатках и на развалах. Там я по дешевке, копеек за 5 или 10, стал покупать издания Саблина — Метерлинка, Гамсуна, Лоти и др.

В 1929 г. я окончил девятилетку с общественно-педагогическим уклоном и с библиотечной специальностью.

Большое влияние на меня оказал известный библиотечный

деятель А. В. Кленов. Я стажировался в 1928 г. в Центральной клинской библиотеке, куда в летнее время из бабушкиной деревни ходил работать. Директором клинской библиотеки был педагог Вл. Ив. Энский, человек, увлеченный историей местного края. Он и заразил меня изучением клинских памятных мест и его уезда. Предполагалось создать в Клину краеведческий музей. Началась работа по сбору исторического материала, но в середине 30-х гг. дело было свернуто, а потом в 1941 г. собранное погибло.

Осенью 1929 г. я устроился работать в университетскую, тогда Фундаментальную библиотеку. Вечером учился на библиотечных курсах, которые были филиалом только что открытого Библиотечного института. Среди преподавателей был и Б. С. Боднарский, с которым я познакомился. На работе учителями были: А. В. Шенрок (сын исследователя Гоголя) и Н. В. Скородумов (один из деятелей по устройству народного театра вместе с художником Поленовым). В первый год работы обнаружил в фонде библиотеки рисунки дома И. И. Дмитриева на Спиридоньевке. Занимался их изучением и определил, что они являются работой художника-архитектора А. Л. Витберга. Для этого мне пришлось бывать в Историческом музее и работать в его фондах. Меня там заметил москвовед П. Н. Миллер. Мы познакомились. Он меня пригласил на заседание общества «Старая Москва». Собирались за огромным столом в библиотеке Исторического музея, иногда в зале около административного отдела, куда приводила винтовая лестница. Была намечена календарная дата моего выступления о доме И. И. Дмитриева, но мое сообщение не состоялось, т. к. общество, как и другие в это время, было закрыто.

465-е заседание «Старой Москвы», назначенное на 5 февраля 1930 г., состоялось только через шестьдесят лет, 12 февраля 1990 г. На нем я выступил с докладом о юных годах Д. И. Фонвизина (по новым материалам).

Встречи с П. Н. Миллером не прекращались. Москву я продолжал изучать в связи с историей Московского университета, которой я занялся тогда и продолжал заниматься всю свою жизнь. Устраивая выставки, посвященные юбилеям университетских ученых, я познакомился с сотрудницей этого музея М. Ю. Барановской.

В связи с окончанием школы отец мне подарил фотоаппарат, и я стал фотографировать старинные здания. Но загремели в Москве взрывы — сносились древние храмы. Одним из первых снимков стал вид разрушенной наполовину колокольни Симонова монастыря.

В летнее время отпусков к нам в деревню приезжал молодой архитектор, сын моего дяди, ученик И. Э. Грабаря и работавший вместе с П. Д. Барановским Петр Николаевич Максимов. Он изучал архитектурные памятники Подмосковья, делал зарисовки церквей, старых усадебных построек. В таких походах

я всегда сопровождал его. А в Москве он в это тяжелое время под покровительством Грабаря, существуя на жалкой несколькочасовой ставке в институте, вел обмеры и исследования сносимых церквей. Впоследствии он много сделал для восстановления древних зданий в Новгороде после войны. По его исследованиям был реставрирован древний храм в Андрониеве монастыре. Был доктором архитектуры и заведовал отделом русской архитектуры в НИ музее архитектуры имени А. В. Щусева.

В 1930 г. я познакомился в университете с археологом О. Н. Бадером. Он заинтересовал меня археологией, и я принимал участие в работах археологов по исследованию близкой к Москве территории, а потом был на летнее время зачислен младшим научным сотрудником в историко-археологическую экспедицию для исследования прибрежных трасс, которые должны были быть разрушены при прокладке канала Волга — Москва или залиты водою.

Мой фотоаппарат здесь пригодился. Я сделал много снимков, и часть их попала в печать при отчетах и исторических публикациях руководителя экспедиции.

Летом 1932 г. в университетском дворе, в груде строительного мусора мне посчастливилось обнаружить рукописи, рисунки, фотографии Н. Н. Миклухо-Маклая. Так была спасена от гибели значительная часть его архива, находившаяся на географическом факультете и выброшенная во время ремонта.

Поступить в высшее учебное заведение мне не удавалось, так как туда принимали с учетом социального происхождения, а я был сыном служащего и сам служащий. На стройку родители мне не разрешали переходить по состоянию моего здоровья. Они не хотели, чтобы я всю жизнь работал в библиотеке на малой оплате и без высшего образования. Под их влиянием в вечерние часы я стал учиться в платном Техническом комбинате. А через три года принес домой диплом с отличием об окончании этого учебного заведения инженером-конструктором по тяжелым подъемным установкам. Работать по этой специальности не пошел. Изменились и правила приема в высшие учебные заведения. Теперь принимались по экзаменам.

В 1935 г. я пошел на специально организованные при университете подготовительные курсы. На следующий год я курсы окончил, чтобы поступить на исторический факультет, но факультетское начальство к этому времени в основном все было репрессировано. Это меня остановило.

Как-то, проходя по Тверскому бульвару, я увидел объявление о приеме в Литературный институт имени Горького, но с подачей при этом конкурсной работы. Немедля я перепечатал свою историко-литературную работу о доме поэта И. И. Дмитриева, которую я собирался читать в обществе «Старая Москва». Этот доклад был в 1 печатный лист и содержал около ста

библиографических ссылок. Работа эта получила высокую оценку, и я стал студентом литературно-критического отделения. Критические выступления на страницах газет и журналов меня не привлекали, и я занимался главным образом в области истории русской литературы. Я был знаком с М. А. и Т. Г. Цявловскими, Н. С. и М. Г. Ашукиными, Н. В. Бродским и другими литературоведами. Мои литературные заметки появились в некоторых газетах и журналах. Историю литературы я тесно связывал с историей Московского университета, над которой я работал в университете. Свои исследовательские темы я связывал с декабристами, Лермонтовым, Белинским. Занимался в различных архивах. В летнее время во время отпусков уезжал в свою деревню под Клином. Занимался краеведением. Зная хорошо окрестности, для О. Н. Бадера составлял археологическую карту Клинского уезда. Начали закрывать сельские церкви. Архив закрытой церкви села Молчанова отдали мне. Под влиянием статей «Евгенического журнала», издаваемого Н. К. Кольцовым, стал составлять семейные родословные своей деревни. Собранный фольклорный материал, который я записывал в течение ряда лет, я передал профессору Ю. М. Соколову, который вел курс в институте.

Документы межевания земель помещичьих владений, хранящиеся в архиве Московской губернии, давали интересные материалы по топонимике деревень, пустошей. Многое совпадало с воспоминаниями старожилов преклонного возраста. Богатые библиотечные фонды университетской библиотеки тоже во многом выручали: списки населенных мест, редкие топографические карты, медико-статистические исследования проф. Ф. Ф. Эрисмана и т. д. помогли мне в составлении картотеки памятных мест уезда. Посещение сельских кладбищ давало интересный материал о местных помещиках, владельцах деревень.

В то время в Москве я познакомился с А. Т. Лебедевым, который в 1920—1930-х гг. сделал много фотоснимков с надгробий выдающихся лиц, находящихся на московских кладбищах. Он приносил фотоотпечатки в университет и другие научные учреждения, музеи. Университетская библиотека приобрела у него такую коллекцию, относящуюся к ученым и замечательным воспитанникам университета.

Московские кладбища пришли в ужасное состояние. Там по указанию Моссовета снимали гранитные памятники и отправляли их на использование в строительстве, на ремонт тротуаров.

Историки-москвоведы Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский, А. А. Сиверс, М. Ю. Барановская настояли, чтобы была создана специальная комиссия, которая бы поставила охранные отметки на памятниках, не подлежащих сносу. Председатель созданной комиссии тов. Жаров на таких памятниках распорядился ставить букву Ж.

Запомнилось разрушаемое кладбище Симонова монастыря, на котором в школьные годы я часто бывал. На ликвидированном кладбище Покровского монастыря устроили футбольное поле. Было ликвидировано кладбище Алексеевского монастыря. Архитекторы работали над проектом превращения Ваганьковского кладбища в зону отдыха, парк. Объявили о ликвидации Дорогомиловского кладбища. Только на Введенских горах так называемое Немецкое кладбище, находившееся под надзором иностранных посольств и представительств, поражало и удивляло посетителей своим порядком, охраной, цветниками с розами.

На последнем курсе Литературного института я подготовил для издания книгу «Студенческие годы Михаила Лермонтова по архиву Московского университета». Ее взяли печатать в только что организованную небольшую университетскую типографию. В связи с приближающимся юбилеем Лермонтова я для Московского экскурсионного бюро занялся выявлением памятных мест, связанных с жизнью Лермонтова, и составил текст для проведения экскурсий. Проводил пробные экскурсии для экскурсоводов. Адреса выявлял по архивным первоисточникам.

1941 год, началась война. Немецкая бомба, попавшая в типографию, уничтожила и рукопись, и отпечатанные листы книги. Дежурил на крыше университетской библиотеки, ликвидировал бомбы-зажигалки во время налетов немецкой авиации. Переносили книги в подвалы, готовили редкие книги и рукописи к эвакуации и упаковывали их в ящики и мешки. Эшелон с книгами отправили в Ашхабад. За ним вслед стали перебираться и сотрудники. Перебрался и я. В Ашхабаде стал организовывать учебную библиотеку. В свободное время с университетским археологом М. В. Воеводским стал ходить в пустыню Каракумы искать древние восточные дороги и одновременно производить отлов черепах для использования в приготовлении коллективных обедов работников библиотеки.

Глубокой осенью 1942 г. переехали в морозный Свердловск, перевезя с собою ящики редких и учебных книг. Наряду с работой в библиотеке трудился подсобным рабочим на оборонном заводе по закалке деталей для «катюш». Умение обращаться с техническими справочниками и математическими формулами при термической закалке деталей вызывали у окружающих удивление. Закалка проходила на отлично. Техническое образование здесь помогло.

По возвращении в Москву летом 1943 г. стал заместителем директора по восстановлению библиотечного здания, пострадавшего после падения близ него фугасной бомбы. Весною 1944 г. библиотека была восстановлена. Стал заведовать музейным отделом библиотеки по истории университета, делать выставки по истории науки, к юбилейным датам ученых университета. Собирал архивы и мемориальные вещи ученых. Однажды ху-

дожником, приглашенным для оформления большой университетской выставки, оказался Борис Сергеевич Земенков.

Война окончилась.

В Академии наук СССР под председательством академика историка Б. Д. Грекова с участием его помощницы из Исторического музея М. Ю. Барановской была организована комиссия по составлению для издания «Московского некрополя». Были приглашены видные по тому времени представители истории наук, знающие историю Москвы, библиографические источники, архивы. В ней были: С. К. Богоявленский, М. А. Цявловский, А. А. Сиверс, медик Г. З. Рябов и другие. Секретарем был избран я. В комиссию был введен и представитель из Моссовета, зав. бытовым обслуживанием города и ведавший кладбищами И. И. Медведков, так как составляемая картотека по некрополю оплачивалась и Академией наук и Мосгорисполкомом. Стали составлять персональную картотеку замечательных людей, погребенных на московских кладбищах, с аннотациями. Я занимался составлением некрологов об ученых и как библиограф выявлял другие интересные персоналии, имевшие отношение к истории Москвы. Так был составлен текст к «Московскому некрополю» до 1955 г. После кончины Б. Д. Грекова комиссию должен был возглавить М. Н. Тихомиров, но он так и не приступил к этой обязанности. Почти одновременно с возникновением комиссии «Московский некрополь» в отделе культуры при Мосгорисполкоме возникла секция по выявлению и взятию на охрану исторических памятников Москвы, к которым относились и замечательные здания и надгробия выдающихся лиц. Здесь стал работать инспектором Л. А. Ястржембский, который пригласил помогать в выявлении таких памятников меня, М. Ю. Барановскую, Б. С. Земенкова. Если для комиссии «Московский некрополь» требовались печатные материалы и библиография, то для постановки на охрану необходимо было обследовать все кладбища, выявить памятники, сделать их обмеры и составить на них паспорта. Мне пришлось на такую работу потратить свой отпуск за два лета, но я зато хорошо обследовал и изучил обширные московские кладбища.

Во время войны 1941—1945 гг. Введенское (Немецкое) кладбище вышло из «посольского» надзора и со стороны Моссовета подверглось страшнейшему разгрому. Многие памятники были вывезены, несмотря на протесты со стороны комиссии «Московский некрополь». Мастерские Мосгорисполкома продолжали снимать надгробия с иностранными фамилиями. Для того чтобы спасти надгробия на могилах ученых и бывших воспитанников университета, я при поддержке ректора МГУ академика А. Н. Несмеянова пронумеровал около 500 памятников и нанес масляной краской при помощи сделанного трафарета «ОХРАН. МГУ № 8». Это мероприятие, проведенное по моей инициативе, спасло от уничтожения многие надгробные памятники.

Охрана памятников попала в надежные руки Л. А. Ястржембского. Целый ряд исчезнувших по вине Мосгорисполкома памятников был восстановлен. Скоро Ястржембский был назначен директором Музея истории Москвы, и здесь он поднял работу на высоту. Систематически собирались заседания ученого совета музея, на которых бывали П. В. Сытин, Б. С. Земенков, Н. Л. Рубинштейн, А. Ф. Родин», И. С. Романовский и много молодых начинающих москвоведов, работавших и в Историческом музее, и в экскурсионном бюро.

В заседаниях обсуждались выходившие книги и статьи по истории Москвы.

В 1957 г. мы вместе с Л. А. Ястржембским к проходившему летом фестивалю выпустили книжку «Памятники литературы Москвы» с гравюрами, резанными на плексигласе художником А. И. Мищенко. По поводу ее выхода в Музее истории Москвы было устроено заседание с докладом об этой книге И. Л. Андроникова, давшего ей хорошую оценку.

В новом здании университета на Ленинских горах мне пришлось при Музее землеведения возглавить устройство отдела и экспозиции по истории естественных и точных наук в университете. Была организована бригада из аспирантов, которую мне пришлось возглавлять и инструктировать, для поиска документального материала по истории университета не только в московских архивах, но и в Ленинграде, где мы работали целый месяц.

Тогда мною были собраны первоисточники по истории старых зданий Московского университета, и на их основе только что возникшая архитектурная мастерская под руководством В. Я. Либсона спроектировала и изготовила макеты этих зданий. Я был одним из первых заказчиков этой мастерской.

Еще до войны, собирая архивный и иллюстративный материал у родственников ученых университета для пополнения библиотечных фондов, мне пришлось заняться выявлением адресов и поиском родственников профессоров.

У меня составилась вроде бы картотека «По Москве университетской». Встречаясь с родственниками ученых, узнавал многие подробности из их жизни. Собранные материалы составили ценную коллекцию для фондов университетского музея, потом переданную в архив.

Еще не была окончена война, но университетская библиотека была восстановлена. Ее ценнейшие фонды возвратились из Свердловска и были приведены в порядок.

Я занялся устройством выставок редких книг по различным отделам науки, приурочивая их к датам, связанным с жизнью и деятельностью выдающихся людей. Развернутая книжная выставка на втором ярусе книгохранилища на тему «От Гиппократа до Пирогова» имела огромный успех. Ценные и редкие издания-инкунабулы, палеотипы, раскрашенные от руки анатомические и хирургические атласы привлекли на выставку мно-

гих известных медиков. Посетитель этой выставки известный хирург С. С. Юдин вдохновил меня заняться поиском памятных мест Москвы», связанных с жизнью Н. И. Пирогова, в результате чего на выявленном здании пансионата В. С. Кряжева, в котором учился Пирогов (теперь В. Сыромятническая улица, 7), была поставлена мемориальная доска.

Профессор истории медицины М. И. Барсуков, узнав о моих поисках и находках неизвестных медикам памятных мест, связанных с историей медицины, был в восторге и познакомил меня со своим шефом Н. А. Семашко, возглавлявшим кафедру истории медицины в 1-м Московском медицинском институте. Семашко изъявил желание, чтобы я держал связь с их историками и выступал с сообщениями о своих находках. Скоро я собрал интересные материалы по памятным местам медицины не только Москвы, но и Подмосковья.

Мною было установлено, что С. П. Боткин родился не в Петроверигском переулке, а в доме, принадлежавшем его отцу на Земляном валу, дом сохранился, но предполагался к сносу для расширения площади перед Курским вокзалом. Медики не только отстояли дом от сноса, но на нем поставили доску, отреставрировали. Ныне дом (№ 35) украшает улицу.

Удалось спасти на Введенском кладбище мраморный бюст профессора медицины А. И. Овера работы скульптора Н. А. Рамазанова. Извлеченный из мусора, он занял почетное место в музее.

Были сфотографированы многие памятные места, связанные с жизнью ученых-медиков. Многие здания были ветхими, и их скоро разрушили, но они были зафиксированы на фотоснимках.

К середине 1950-х гг. начал пробуждаться интерес к краеведению. При университете был задуман и стал создаваться Музей землеведения. В городе Клину мой бывший руководитель по библиотечной работе педагог В. И. Энский, мечтавший о создании краеведческого музея, теперь организовал деятельную группу из учителей и приступил к разработке плана музея и к собиранию материалов, уцелевших в семьях клинчан-старожилов.

Среди профессоров университета был геолог Д. И. Гордеев, мой земляк, который согласился тоже принять участие в создании клинского музея по разделу естественных наук.

Мы выступали с лекциями перед активистами-клинчанами. Об этом писалось в городской газете. Кроме того, мы стали досконально вести обследование района в его старых границах. Иногда этому отдавали сразу по нескольку дней, останавливаясь на ночлег в деревнях. Я делал фотографии. При выемке глины для кирпичного завода в двух котлованах были обнаружены останки мамонтов, и я имел счастье и радость заниматься их извлечением для музея, пригласив для этого и специалистов-палеонтологов из университета и из Академии наук. Все это

было зафиксировано мною на фотоснимках. Скоро музей был открыт. Он существует и в настоящее время, но не на общественных началах, как тогда, а по штатному расписанию.

Большим событием в моей жизни было то, что мой давний знакомый по университету, бывший студент физического факультета и руководитель студенческого литературного кружка В. Н. Болховитинов, сотрудник журнала «Техника молодежи», а теперь назначенный выпускать новый журнал для юношества — «Юный техник» — предложил мне на страницах журнала выступать с материалами по краеведению и по истории Москвы, связанной с развитием техники.

С Болховитиновым я был знаком с середины 1930-х гг. Он любил заходить в библиотеку и интересовался историей науки. Когда нам случалось идти по улицам, я любил рассказывать истории о памятных местах, зданиях, о людях, в них живших. Он сам тогда загорелся собрать материал о жизни физика А. Г. Столетова и написать о нем популярную книгу. И вот теперь он решил, что я ему могу помочь при издании нового журнала. Я согласился и сделал для него две работы. Первую — «Здесь жил и работал Яблочков (По памятным местам Москвы)». Второй работой была «Семейный альбом Любавиных», которая была написана на материалах, мною выявленных у дочери профессора химии Н. Н. Любавина. В семейном альбоме мною была обнаружена фотография группы молодых переводчиков произведений К. Маркса — Николая Любавина, братьев Даниельсон и других их товарищей. В результате публикации Институт Маркса и Энгельса сообщил, что это было первооткрытием, а владелица альбома, дочь Любавина — переводчика и корреспондента Маркса, жившая в нищете, получила персональную пенсию и была прикреплена к хорошей больнице, а потом ей была предоставлена сносная комната. Журнал «Юный техник» обратил на себя внимание.

Но вот В. Н. Болховитинова переводят главным редактором в захиревший и потерявший подписчиков журнал «Наука и жизнь». Он должен был сделать журнал интересным и ходовым. Так и случилось. С первых же номеров этого обновленного журнала к нему потянулись многочисленные читатели. Болховитинов привлек к работе в этом журнале и меня. Было решено создать раздел «По Москве исторической», в котором можно было давать как бы экскурсии по московским кварталам, которым были присущи своеобразные городские функции.

Напечатав историю университетского квартала с подробной схемой расположения зданий, журнал по просьбе читателей решил время от времени помещать на своих страницах этот раздел. Не без хлопот заместителя главного редактора Р. Н. Аджубей цензура впервые разрешила напечатать план района Москвы — университетского квартала, хотя и страшно искаженного в рисунке художника. План, выполненный в красках Д. М. Смирновым, понравился в Главлите, а за ним пошел в

печать и следующий план. Отрадно было видеть, как, держа в руках журнал со схемами и текстом раздела «По Москве исторической», ходили экскурсанты, школьники. В журнале были опубликованы почти что все кварталы, находящиеся в кольце Садовых улиц. Помимо этого в нескольких номерах было дано обозрение замечательных памятных мест ближнего Подмосковья, но теперь вошедших в современную территорию Москвы («Новое кольцо Большой Москвы. Памятные места по районам — Черемушки, Кузьминки и др.»). После вышеупомянутых публикаций в разделе «По Москве исторической» у меня, в результате работы в архивах и в библиотеках, накопился и сосредоточился большой дополнительный новый материал, который я хочу объединить в книгу, над которой сейчас работаю.

Собранный материал по памятным местам Москвы помогает сохранить ряд старых зданий Москвы при начавшейся реконструкции ее центра. Для своих работ мне пришлось сделать просмотр нескольких дореволюционных газет, как «Московские ведомости», «Русские ведомости», за целое столетие. Они дали интересный документальный материал по памятным местам и по «Московскому некрополю».

Двадцать лет тому назад было организовано ВООПИК, в числе основоположников которого был и я. С первых же дней его основания я стал работать по выявлению памятников Ленинского района, став членом президиума и совета районного отделения. Одновременно вошел в состав исторической секции и стал членом совета Московского отделения общества. Для спасения памятников «Московского некрополя» я сфотографировал свыше 1000 надгробий и снимки передал в Московское отделение ВООПИК. Составляю аннотированный «Московский некрополь», сделав уже около 20 печатных листов. Являясь председателем секции «Московский некрополь», веду работу по охране памятников.

За проделанную работу по сохранению памятников избран почетным членом ВООПИК.

Список работ В. В. Сорокина

От А. Пушкина. Заметки книжника // Известия. 1935. 26 февр.

Книги из библиотеки А. С. Пушкина // За пролетарские кадры. 1935. 19 марта.

Автографы великого поэта // Лит. газ. 1936. 15 окт.

История библиотеки Московского университета // Там же. 1937. 5 окт.

Книжная полка альпиниста: Библиография. М., 1937.

Библиотека И. И. Дмитриева // Книжные новости. 1937. № 23. С. 65—66.

Собрание «Ведомостей» С. Д. Полторацкого // Там же. № 24. С. 67.

Драгоценная находка. Пора собрать и изучить наследство Н. Н. Миклухо-Маклая // Комс. правда. 1938. 14 апр.

А. С. Грибоедов — студент Московского университета // Курортная газ. 1939. № 62.

А. С. Грибоедов и Московский университет // Моск. ун-т. 1940. № 8—9. 11 февр.

Книги, по которым обучались Белинский, Лермонтов, Герцен: (Из истории Московского университета) // Вечерняя Москва. 1945. 12 янв.

Белинский В. Г. [Письмо к П. Н. Кудрявцеву] // Лит. наследство. Т. 56. Кн. 1. М., 1948. [Публ. авт.].

Белинский в Московском университете // Пензенская правда. 1948. 20 мая.

Книги В. Г. Белинского // Там же. 5 июня.

Биографический словарь университетских товарищей Белинского // Лит. наследство. Т. 56. Кн. 2. С. 422—436. М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Инкунабулы // Сов. студенчество. 1948. № 2.

Лев Толстой в аудитории Московского университета // Там же.

Дмитрий Фурманов // Моск. ун-т. 1948. 5 марта.

Тематико-экспозиционный план раздела «История точных и естественных наук в Московском университете от основания до наших дней». М., 1952. [Изд. стеклограф.] (Совместно с М. С. Волиным, А. Е. Смык-Китаевым).

Л. Н. Толстой: Памятные места Москвы // Моск. комсомолец. 1953. 9 сент.

Н. И. Пирогов в Московском университете // Моск. ун-т. 1956. 11 дек.

Д. И. Менделеев в Московском университете // Там же. 1957. 3 февр.

Предшественники «Московского университета»: Из истории университетской печати // Там же. 7 мая.

Здесь родился С. П. Боткин // Мед. работник. 1957. 30 авг.

Свидетели Октябрьских боев // Моск. ун-т. 1957. 2 сент.

Памятники литературной Москвы. М.: Сов. Россия, 1957. (Совместно с Л. А. Ястржембским).

Двое из двадцати шести. Студенты — бакинские комиссары: (Документы рассказывают) // Моск. ун-т. 1958. 2 окт.

Подарки великого писателя Л. Н. Толстого московским студентам // Там же. 18 сент.

Новые материалы о Ф. Г. Политковском [основателе Музея натуральной истории в Московском университете] // За мед. кадры. 1958. 19 мая.

«Я люблю, я чту русский гений»: Ромен Роллан и Московский университет // Москва. 1958. № 6. С. 219—220. (Совместно с В. И. Безъязычным).

Здесь жил Т. Н. Грановский // Моск. ун-т. 1958. 6 ноября.

Здесь работал П. Н. Яблочков // Юный техник. 1959. № 10. С. 26—29.

Н. И. Пирогов — студентам: «Без труда ничего не дается» // Моск. ун-т. 1960. 29 ноября.

История развития естественных наук в Московском университете и выставка по истории Московского университета. Период 1755—1917 гг. // Музей землеведения МГУ: Путеводитель. М., 1957.

Семейный альбом Любавиных // Юный техник. 1960. № 11. С. 70—72.

Ленин и Московский университет // Моск. ун-т. 1961. 21 апр.

Иван Петрович Павлов и Московский университет: Новые материалы // Жизнь Земли: Сб. Музея землеведения МГУ. 1961. № 1. С. 185—192.

Временные выставки Музея землеведения // Там же. С. 255—257.

Великое наследие М. В. Ломоносова // Моск. ун-т. 1961. 17 ноября.

«Той же твердой рукой...» (Солдаты Великой Революции): [О профессоре-большевике П. К. Штернберге] // Наука и жизнь. 1962. № 11. С. 12—15.

«Наукам посвященное место»: (По Москве исторической) // Там же. 1963. № 1. С. 68—74.

Капище моего сердца: О книге поэта И. М. Долгорукова // Там же. № 3. С. 35.

Уникальное собрание книг // Там же. С. 71.

Для чего составлялся некрополь // Там же. С. 72.

Ленинские горы: (По Москве исторической) // Там же. № 4. С. 8—12.

Улица книжной мудрости: (По Москве исторической) // Там же. № 6. С. 72—77.

Проекты создания метеорологической и магнитной обсерватории в Москве в первой половине XIX века (М. Ф. Спасский и другие) // История и методол. естественных наук. Вып. 3. Физика. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 319—332.

Общество громкого смеха. К истории «Вольных обществ» «Союза благоденствия» // Декабристы в Москве. М.: Моск. рабочий, 1963. С. 143—149. (Тр. Музея истории и реконструкции г. Москвы. Вып. 8) (Совместно с А. Г. Грумм-Гржимайло).

Коньки замечательных людей // Наука и жизнь. 1963. № 10. С. 84—85.

Выставки, организованные Музеем землеведения МГУ // Жизнь Земли: Сб. Музея землеведения МГУ. 1964. № 2. С. 246—248.

Школа на Бутырской заставе // Моск. правда. 1965. 31 янв.

На древнем Кучкове поле: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1965. № 3. С. 91—96.

Значки-сувениры различных городов Советского Союза // Там же. 1966. № 6.

Здесь бывал Ильич // Моск. ун-т. 1966. 22 апр.

Имени вождя революции. // Там же. [Подп.: В. Васильев.]

Улицы кормчих науки: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1966. № 9. С. 34—38.

По старой и новой Москве. // Там же. 1967. № 1. С. 16—17; № 2. С. 22—23.

Хроника Московского университета (1917—1967 гг.) // Моск. ун-т. 1967. № 47 [и далее].

Издательская деятельность Московского университета с 1917 по 1967 г. // Моск. ун-т за пятьдесят лет Сов. власти. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 675—686.

В. И. Ленин и Московский университет // Очерки по истории сов. науки и культуры / Под ред. чл.-кор. АН СССР проф. А. В. Арциховского. М., 1968. С. 7—28.

Значки русских городов // Наука и жизнь. 1969. № 1.

Школы учености: (По Москве исторической) // Там же. № 2. С. 58—62.

Памятные места слободы «в Старых садех» // Там же. С. 62, 97.

Замечательная дружба [О А. Г. Столетове и В. И. и С. И. Танеевых] // Там же. № 4. С. 44—45.

Столетовская конференция // Там же. № 11. С. 91—94.

Памятные и достопримечательные места Ленинского района Москвы. М.: Прогресс, 1969.

За Чертольскими воротами Белого города: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1969. № 12. С. 97—98.

Пролог: Из истории первых лет партийной организации Московского университета // Моск. ун-т. 1969. 15 янв.

За кружкой сбитня (Старинные обычаи) // Наука и жизнь. 1970. № 1. С. 131.

Улица Кирова, 7. Дом с 250-летней историей: (По Москве исторической) // Там же. № 3. С. 24—25.

Наш первый, наш московский, наш российский...: Памятные места старого здания Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1970. (Совместно с М. Т. Белявским).

Памятные места Замоскворечья: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1970. № 6. С. 89—91.

Автор скульптуры [Н. И. Новикова] — студентка // Вечерняя Москва. 1970. 17 июля.

Памятные места старого Остожья: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1970. № 10. С. 33—36.

Путешествие по Остоженке // Там же. С. 36—37.

Памятные места Кислошной слободы: (По Москве исторической) // Там же. 1971. № 11. С. 33—37.

На месте слободы кислошников у Ржищ // Там же. С. 38—39.

Новое кольцо Большой Москвы. Памятные места: (По Москве исторической) // Там же. 1972. № 7.

Черемушки, Кузьминки и другие // Там же. С. 106—108; № 8. С. 144—145; № 9. С. 138—140.

Михаил Васильевич Ломоносов // Русские писатели в Москве. М.: Моск. рабочий, 1973. С. 37—48.

То же. 2-е изд. 1977.

То же. 3-е изд., доп. и перераб. 1987. С. 26—36.

Виссарион Григорьевич Белинский // Там же. 1973. С. 330—351.

То же. 2-е изд. 1977.

То же. 3-е изд., доп. и перераб. 1987. С. 311—330.

За Белым городом в Бронной слободе: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1973. № 9. С. 114—119.

Улица народного просвещения: (По Москве исторической) // Там же. 1974. № 11. С. 33—37.

На земле древнего Чертолья // Там же. 1974. № 11. С. 33—37.

Декабристы в Москве: (По Москве исторической) // Там же. 1975. № 12. С. 68—71 (Совместно с М. Ю. Барановской).

Музей Столетовых во Владимире // Там же. 1976. № 10. С. 90—93.

Проникновение марксистской литературы в университетскую библиотеку до 1917 года // Опыт работы Науч. б-ки Моск. гос. ун-та. Вып. 6. (Материалы конференции, посвященной 200-летию библиотеки). Москва, 1976 г. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 76—88.

Природоведческие альбомы декабриста П. И. Борисова // Из истории фондов Науч. б-ки Моск. ун-та. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 40—48.

Произведения изобразительного искусства в библиотеке Московского университета // Там же. С. 101—108.

Летопись Московского университета. 1755—1977. М.: Изд-во МГУ, 1977. (Сост. раздела «1800—1862 гг.»).

Неизвестные страницы жизни соратников В. И. Ленина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1979. № 6. С. 51—56.

Наш первый, наш московский, наш российский... Московскому университету — 225 лет. Хроника 1755—1917 гг. // Наука и жизнь. 1980. № 1. С. 2—11.

То же. Хроника 1918—1979 гг. // Там же. № 2. С. 38—43.

История библиотеки Московского университета. 1800—1917 гг. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Ленин и университет // Моск. ун-т. 1980. 22 апр.

225 лет издательской деятельности Московского университета. 1756—1981: Летопись / Отв. сост. Л. В. Кошман. М.: Изд-во МГУ, 1981. (Совместно с А. И. Вдовиным, В. А. Дорошенко).

Инесса (Елизавета) Федоровна Арманд // Воспитанники Моск. ун-та — большевики ленинского поколения: Биобиблиографический словарь / Под ред. В. И. Злобина. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 5—26.

Степан Георгиевич Шаумян // Там же. С. 208—220.

Молчаливые свидетели истории Арбата (Дискуссионная трибуна) // Стр-во и архитектура Москвы. 1982. № 3. С. 10—11. (Совместно с М. Т. Белявским).

Хранитель памяти (Люди нашей профессии). Из интервью со старейшим работником Научной библиотеки МГУ В. В. Сорокиным журналиста А. К. Комова // Библиотекарь. 1982. № 4. С. 28—31.

Книголюб XIX века: [О профессоре М. Я. Мудрове] // Там же. № 5. С. 37.

Университетская школа библиографов // Там же. № 5, С. 56—58.

Пушкинский зал университетской библиотеки // Там же. № 6. С. 42—44.

На берегах Успенского вражка: (По Москве исторической) // Наука и жизнь. 1984. № 10. С. 84—85.

Памятные места Занеглименья // Там же. С. 85—89.

Заповедный Арбат: (По Москве исторической) // Там же. 1985. № 7. С. 80—82.

Памятные места старого Арбата. Правая сторона улицы // Там же. С. 83—86.

Памятные места заповедного Арбата. Левая сторона улицы // Там же. № 8. С. 90—96.

«Роднее, милее Молчановки ничего нет»: (По Москве исторической) // Там же. 1986. № 10. С. 84—86.

В Земляном городе у Старой Новгородской дороги: (По Москве исторической) // Там же. С. 84—89; № 11. С. 80—85.

По Москве исторической: Схема-план Москвы. [С библиогр. публикаций по истории Москвы] // Там же. 1987. № 2. С. 97.

«Что ни песчинка, что ни камушек, то и исторический памятник»: Памятные места Малой Дмитровской слободы // Там же. № 7. С. 106—112; № 8. С. 100—106.

«Скоморошки... Столешники... Серебряники на старых полях — ржищах»: Памятные места Большой Дмитровской слободы // Там же. 1988. № 9. С. 140—148; № 11. С. 130—137.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ

Научно-популярное издание

КРАЕВЕДЫ МОСКВЫ

ВЫПУСК 1

Редактор *Л. Полиновская*

Художник *Н. Пашуро*

Художественный редактор *И. Лопатина*

Технический редактор *Н. Калиничева*

Корректоры *Е. Коротаева, Т. Семочкина*

ИБ № 4869

Сдано в набор 03.12.90. Подписано к печати 08.08.91. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 17,01. Уч.-изд. л. 19,15. Тираж 10 000 экз. Заказ 1386. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 20 к.